

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ПЛЮРАЛИЗМ:
ВИДИМОСТЬ
И СУЩНОСТЬ



КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ПЛЮРАЛИЗМ:
ВИДИМОСТЬ
И СУЩНОСТЬ



МОСКВА «МЫСЛЬ» 1987

ББК 87.3в03
И29

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

докт. филос. наук, профессор *Б. Т. Григорьян*,
докт. филос. наук, профессор *А. В. Шестопал*

Редакционная коллегия:

Б. Н. Бессонов, И. С. Нарский (ответственные редакторы),
А. В. Момджян, Г. М. Сергеев

И $\frac{0302030900-080}{004(01)-87}$ 2-87

© Издательство «Мысль». 1987

Введение

Современное буржуазное общество переживает глубокий духовный кризис. Этот духовный кризис является отражением и составной частью общего кризиса капитализма, начавшегося с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России.

В сущности исторический рубеж, который положил начало все более грубой апологетике капиталистического строя, определился еще раньше: с того момента, когда классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, вышедшим на широкую арену социально-политической жизни, приняла отчетливые, вполне ясно выраженные формы. «Отныне, — отмечал К. Маркс, — дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹.

Вообще говоря, процесс перехода от попыток объективного отображения действительности к предвзято-искаженному ее пониманию был давним и очень длительным. К. Маркс писал: «Чем больше форма общения данного общества (капиталистического. — *Авт.*), а следовательно и условия господствующего класса, развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом, — тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, т. е. оно перестает быть сознанием, соответствующим этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. и т. д. формулированы в виде всеобщих интересов, опускаются до уровня пустых идеализиро-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 17.

ванных фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью, чем больше они теряют свое значение для самого сознания, — тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества»².

Спустя треть века В. И. Ленин, используя яркое высказывание Дицгена о том, что буржуазные профессора в большинстве случаев представляют собой «дипломированных лакеев поповщины», пишет: «...общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех... кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»³.

Естественно, было бы неправильно утверждать, что в буржуазном обществе абсолютно все ученые — сознательные апологеты существующей общественной системы. Марксизм считает точку зрения, по которой буржуазная идеология представляет собой собрание заранее разработанных хитрых приемов демагогии имущих классов, односторонней и весьма упрощенной. В основе буржуазной идеологии лежит бессознательная объективная иллюзия идеологов, коренящаяся в противоречивости процессов самого существования и эволюции капиталистического общества. Антагонистически противоречивым, так сказать, «перевернутым» общественным отношениям соответствует и извращенное или хотя бы «сдвинутое» их отражение в общественном сознании. А отчужденный характер идеологии буржуазного общества периода упадка проявляется и в критике этого общества его же идеологами. Не случайно, например, политические плюралистические идеи в буржуазной общественной мысли стали распространяться как раз тогда, когда стал разрастаться военно-бюрократический аппарат, вызывающий фактом своего существования протест в умах мелкобуржуазных и наиболее дальновидных буржуазных идеологов. Ввиду того что конкуренция между монополиями имеет место и в условиях империализма, элементы экономического плюрализма сохраняет в себе и государственно-монополистический

² Там же. Т. 3. С. 283—284.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 364.

капитализм, и это тоже находит свое отражение в экономическом теоретическом сознании его апологетов.

В современную нам историческую эпоху освободительная борьба трудящихся, прогресс науки и техники, идеалы и ценности, вносимые в общественную жизнь марксизмом и социализмом, все больше подтачивают и разрушают объективные буржуазные иллюзии. Но к этим иллюзиям во всевозрастающей степени добавляется сознательная и подчас очень грубая апологетика существующего буржуазного строя. Англо-американские буржуазные идеологи в особенности, но не только они, прибегают ныне к самым изощренным средствам, к самым демагогическим концепциям и лозунгам, чтобы спасти столь удобные для дезориентации масс элементы распадающегося либерализма и обеспечить стабилизацию положения. Словесной борьбой за «совершенствование» капиталистического строя они стремятся дискредитировать идеи марксизма-ленинизма, противопоставить им в новом обличье старые идеи буржуазного реформизма, «разрыхлить» и подорвать мир социализма. «Чтобы ослабить позиции социализма, нарушить взаимные связи социалистических государств, и прежде всего связи с Советским Союзом,—отмечено в Программе Коммунистической партии Советского Союза,—империализм пускает в ход целую систему дифференцированных мер — политических, экономических, идеологических, пытается спекулировать на возникающих проблемах, прибегает к использованию в подрывных целях националистических настроений»⁴.

Одной из таких идеологических мер, которые в современных условиях особенно широко используются буржуазными апологетами, оппортунистами в борьбе с марксизмом-ленинизмом, с реальным социализмом, является концепция плюрализма⁵ в различных его ви-

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 63—64.

⁵ Термин «плюрализм» (от латинского *pluralis*, т. е. «многообразие») впервые появился у Х. Вольфа (1679—1754 гг.). Затем использовался прежде всего для обозначения онтологических учений антимонистического, а позднее — псевдоэмпирического и агностического характера в философских системах, признающих существование более или менее «равноправных» разных и даже индивидуальных сущностей (Г. В. Лейбниц, И. Ф. Гербарт, У. Джемс, Н. Гартман, К. Р. Поппер, Г. Ф. Шпиннер и др.). В ранних изданиях известного философского словаря Р. Эйслера «плюрализм» определялся как разновидность «социального индивидуализма».

дах: плюрализма мировоззренческого (онтологического), гносеологического, политического, социологического, экономического, этического и вообще аксиологического, «марксологического», общекультурного и т. д.

Итак, плюрализм в современной буржуазной идеологии представлен в различных основных видах, которые надлежит кратко охарактеризовать: (1) онтологический плюрализм, означающий признание существования множества не зависящих друг от друга субстанциальных начал; (2) гносеологический — признание равноправия многих истин относительно одного и того же явления⁶, а также отрицание существования объективной истины и утверждение «равноправия» всевозможных точек зрения на познание, так что «терпимы» любые гносеологии (прагматизм, ницшеанство, неопозитивистский и «постпозитивистский» конвенционализм и поздняя философская герменевтика в этом отношении, т. е. как носители гносеологической плюралистичности, особенно характерны); (3) близкий к нему методологический — отрицание единой, и прежде всего диалектико-материалистической, методологии, которая обеспечивала бы познание объективных законов развития природы, общества; этот вид плюрализма представляет собой ориентацию на любые, якобы абсолютно равноправные, ведущие методы; (4) социологический — отрицание существования критерия, который мог бы выделить ведущую, определяющую движущую силу развития среди большого числа разных факторов общественной жизни и человеческой истории; этот вид плюрализма означает равное принятие или хотя бы допущение самых различных философско-исторических и социологических концепций⁷.

К приведенному перечню целесообразно добавить следующие виды плюрализма: (5) аксиологический, который либо отрицает наличие единого критерия для оценки человеческих ценностей, либо вообще санкционирует будто бы равноправное существование самых

⁶ Иногда выводят гносеологический плюрализм еще из тезиса древнегреческого философа Протагора, что человек есть «мера всех вещей». Но это такая же ложная модернизация, как и выведение онтологического плюрализма из учений ранних древнеиндийских и древнегреческих материалистов о разных «стихиях», составляющих мир.

⁷ См.: Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980. С. 180—184.

различных, в том числе противоречащих друг другу, «вариантов» их набора; (6) праксеологически-волюнтаристский, согласно которому критерий практики совершенно произволен, ибо сам характер практики определяется якобы лишь волей субъекта; (7) логический, выраженный, например, в известном «принципе логической терпимости» Р. Карнапа и означающий признание произвольности в избрании той или иной системы логики как «привилегированной».

Плюрализм как понятие и термин буржуазные идеологи ныне чаще всего трактуют в положительном смысле и связывают его со «свободой выбора», «раскованностью субъекта», «равенством возможностей», «демократией в действии» и т. д. При этом плюрализм используется ими и как концепция, так сказать, метауровня, которая ориентируется на определенное отношение к тем теориям, учениям, идеям, которые имеют хождение на «предметном» уровне духовной жизни общества. Плюрализм в этом случае (метаконцепция) санкционирует — в конечном счете на словах — полное «равноправие» различных теорий, учений и идей и полную «оправданность» и «желательность» самого факта этой духовной пестроты.

При этом следует помнить, что в определенной степени плюрализм как реальный факт многообразия школ, течений и направлений в современной буржуазной идеологической жизни, и в том числе в философии, обусловлен объективными причинами. Налицо социальная неоднородность самой буржуазии как класса, различия в интересах ее слоев и групп, неоднозначность взаимодействий между буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, а также и многообразие проявлений последней.

Кроме того, современный плюрализм выполняет функцию определенного метода. В качестве философского метода плюрализм решает различные, но взаимосвязанные задачи: это и прием политической дезориентации, и оправдание беспринципности, и оружие борьбы идеалистической философии против материалистического монизма как учения о материальном единстве мира, это и метод «примирения» науки и религии с «учетом» новейших научных данных. Именно с помощью идей плюрализма в свое время была выработана, например, прагматистом У. Джемсом методология обоснования «равноправия» житейского опыта, опыта религиозного, научного и т. д. Варианты плюралистических методоло-

гий используются для обоснования «равноправия» истин, извлекаемых-де личностью из религии, науки, повседневной жизни. Как философский метод плюрализм ориентирует на «преодоление» противоположностей и собственно философского, и — косвенно — социального характера. Эта идеологическая иллюзия вполне реально используется в негативном плане. Плюрализм зачастую связывается с отрицанием единого предмета философии и с отрицанием философской партийности.

Гносеологическим корнем философского плюрализма как идеи, принципа и метода является объективно существующая возможность преувеличения роли реального разнообразия, множественности качественных различий и относительной самостоятельности конкретных проявлений действительности в материальной и духовной сферах жизни индивида, групп и классов людей. Зачастую замеченные при первоначальном, поверхностном анализе связи между явлениями, фактами не дают основания характеризовать их в качестве устойчивых, повторяющихся, включенных в процесс всеобщего развития. Эмпиризм, прямая метафизичность, а также неправильно применяемая, а тем самым метафизически извращенная диалектическая методология — все это разрушает возможность постичь в отдельном всеобщее, а во всеобщем, целостном — особенное, единичное. Тем более затрудняется этим осмысление сложного, противоречивого характера взаимодействия материального и идеального. Среди гносеологических корней плюрализма (в особенности в самой теории познания) следует указать и на многообразие частных способов познания, и на разнообразие типов и видов относительной истины. Тенденция к плюрализму очень часто питается исходными агностическими установками.

Социальные и гносеологические корни современного плюрализма разнообразны, и это проявляется уже в том факте, что существуют, как уже отмечено, различные его виды: мировоззренческий, гносеологический, общеполитический, политический, ревизионистский и др. Плюрализм существует по сути дела в сфере внешних проявлений буржуазного общественного сознания; сущность же последнего характеризуется эклектическим, но далеко не плюралистическим соединением в основном идеалистических и достаточно однозначных антикоммунистических установок, с одной стороны, и аморфного

практицизма обыденного сознания — с другой. Но со все большей интенсивностью именно обыденное, обывательское сознание вторгается ныне в буржуазную философию. Небывалые темпы политизации массового сознания пробудили в нем широкий интерес к философии, но удовлетворение этого интереса реакционные идеологи стараются взять в свои руки. Результатом их действий является конгломеративная смесь из обрывков разных псевдотеоретических концепций, но при этом адаптированных к уровню буржуазно-обывательских представлений.

Характерной особенностью самой современной буржуазной философии стало ныне полное размывание прежнего привычного образа четко очерченных философских систем: многие распространенные на Западе философские школы не имеют ни отчетливо выраженной онтологии, ни вполне определенной гносеологии и методологии. На смену философии пришло «философствование». Особенностью некоторых из теперешних философских конструкций является именно плюрализм как открытая и поднятая на метатурень широкая программа. Замысел метатеоретического плюрализма не сводится к попытке обосновать «третий путь» в философии, он гораздо шире и состоит в том, чтобы закрепить плюралистическую «терпимость» и к самому философскому плюрализму, и к связанной с ним хаотичной эклектике, и к более откровенному идеализму, смыкающемуся с религией.

В условиях неодолимости социального прогресса, все большего утверждения реального социализма и широкого распространения марксистско-ленинского научного мировоззрения, а также небывало возросшего и продолжающего возрастать авторитета науки буржуазным идеологам очень хотелось бы консолидировать силы, объединив свои ряды на основе совместной защиты общих коренных интересов класса буржуазии. Однако им далеко не просто создать и распространить всеобъемлющую и целостную теорию, базирующуюся на апологетических посылах, но в то же время выглядящую достаточно «объективно» и убедительно. Отсюда и многообразие вариантов попыток буржуазных теоретиков создать такую унифицированную конструкцию.

Обращаясь к методу «проб и ошибок», они вынуждены, при неудаче каждой предшествовавшей попытке, постоянно видоизменять, разнообразить свои субъекти-

вистские в конечном счете схемы. Подобная практика теоретической плюрализации ведет к калейдоскопическому хаосу всякого рода «модных течений», и это красноречивый показатель кризисного состояния современной буржуазной идеологии, неустойчивости и шаткости ее основных позиций, а вместе с тем свидетельство упорного стремления к мимикрии, к маскировке своего апологетизма, ее приспособления к ускоренно изменяющимся условиям общественного развития и идеологического противоборства.

Буржуазия нуждается в плюрализме, дабы замаскировать свою единую классовую антипролетарскую направленность, хотя, с другой стороны, плюрализм не устраним и по существу, ибо отражает борьбу разных групп и фракций в самом капиталистическом классе. Он отражает и отчужденную разочарованность его представителей в устоях своего бытия. Это свидетельство попыток буржуазных идеологов эффективно воздействовать на разные социальные слои и прослойки так называемого среднего класса, а значит, тех разнообразных групп мелкой буржуазии, которые примыкают к буржуазии, иногда прямо идут в фарватере ее политики, но нередко заметно от него отклоняются, а то и поднимают голос протеста. В этих условиях плюрализация буржуазной идеологии вырастает подчас из самих попыток ее унификации. Такой унификации желают и неоконсерваторы, которые, как, например, Р. Нисбет, заявляют, что именно плюрализм должен приучить людей к чувству «иерархии»: иерархия взглядов, ценностей, установок людей обеспечивает разнообразие, иерархия же есть оплот консерватизма в политике. В других случаях плюрализация оказывается как бы «противовесом» унификационным попыткам, поскольку с самого начала видно, что характер последних далеко не всеобъемлющий и не может стать таким.

Буржуазные философы нередко пытаются запутать вопрос о плюрализме, относя к числу плюралистов то представителей философии материалистического атомизма, то материалистов-физиков, исследующих проблемы теории элементарных частиц, превращая материалистический монизм этих ученых всего лишь в условную «унификационную» схему. В области общественных теорий они не прочь, наоборот, изобразить извращающую марксизм ревизионистскую эклектику в качестве наиболее глубокой «монистической унификации», пы-

таются даже представить письма Ф. Энгельса об историческом материализме как... манифест «плюралистического монизма».

Для придания идее плюрализма большей респектабельности буржуазные историки политической мысли выводят эту идею из работ буржуазного либерала Д. С. Милля, из сочинений реформиста Э. Бернштейна, «австро-марксиста» К. Реннера и т. д. Но чаще всего основателями политического плюрализма объявляют американцев Дж. Мадисона (впервые прокламировавшего плюрализм в 1787 г.) и Дж. Дьюи (1909 г.), а также английского теоретика Г. Ласки (1915 г.) и немецких теоретиков О. фон Гирке и Э. Френкеля.

Следует еще раз подчеркнуть, что в конечном счете разнообразие теорий и теориеподобных структур буржуазной идеологии по сути дела кажущееся: все они имеют общую философскую основу — идеализм, все они при внешних их различиях построены на одних и тех же методологических принципах — субъективистских и метафизических. Их внутренние общность и единство суть следствия их общего, хотя зачастую (но не всегда) и тщательно скрываемого, апологетического отношения к капиталистическому общественному строю: даже когда буржуазные идеологи критически и иногда даже чуть ли не с отвращением оценивают некоторые стороны жизни современного капитализма, они, как правило, озабочены тем, чтобы обеспечить стабильность, укрепление и «совершенствование» буржуазных порядков в смысле придания им «запаса прочности».

Большинство буржуазных теорий нацелено на реализацию антикоммунистических и антимарксистских целей, причем форма проведения этих целей колеблется между полным отрицанием учения К. Маркса по избитым шаблонам антикоммунизма и своего рода «заигрыванием» с марксизмом. Последнее проявилось, в частности, в современном тесном сближении ультралевых, а тем более правых ревизионистских вариаций с разновидностями буржуазной марксологии. Читатель настоящей книги, надеемся, убедится сам, насколько внешний характер носят столь афишируемые буржуазными теоретиками различия между их построениями, а также попытками псевдотеоретического обоснования плюрализма.

Используя субъективистскую методологию, буржуазные собственно философские, аксиологические, этические

ские и другие школы навязывают действительно формальные и сугубо абстрактные схемы, во многом игнорирующие конкретные факты и тенденции реальной жизни. Так, например, в глубоком разрыве с объективными закономерностями общественного развития находятся всякого рода концепции «деидеологизации» и «конца идеологий» «индустриального», «постиндустриального», «технотронного», «информационного» и прочих обществ и вообще различные концепции «конвергенции» капитализма и социализма и т. п., которые весьма ревностно пропагандируются то в порядке очередности, то параллельно и одновременно как буржуазными идеологами, так и ревизионистами марксизма. Читатель заметит, что, если даже в этих концепциях и отражаются иногда некоторые реальные проблемы, они коренным образом искажены, а предлагаемые ими решения неверны.

Все эти концепции (как оптимистического, так и пессимистического толка) в большей или меньшей степени питаются ныне субъективистскими спекуляциями на достижениях научно-технического прогресса вообще, новейшего этапа научно-технической революции в частности. Буржуазные идеологи пытаются представить научно-техническую революцию как фактор, который сам по себе означает социальную революцию (положительно или, наоборот, отрицательно оцениваемую), заменяет последнюю по значению, непосредственно решает социальные проблемы капиталистического общества и даже обеспечивает его переход в «послекапиталистическое» общество либо (при отрицательной трактовке НТР) оказывает фатальное, губительное воздействие на судьбы цивилизации вообще, а капиталистический строй — в этих негативных последствиях совершенно неповинен.

Характерно, что в самых разнообразных буржуазных концепциях техницизм ныне выдвигается в качестве одного из главных методологических принципов. И какие бы плюралистические построения при этом в социологии ни возникали, мы видим, что происходит их унификация под вполне определенным углом зрения: буржуазные идеологи, и прежде всего идеологи американского империализма, представляют США в качестве «модели» для социально-технической «модернизации» всего мира, обязательного «стандарта» для всех стран и народов. Пропаганда идеи универсальности «американского образа жизни» осуществляется путем мощного

нажима на умы и сердца людей всеми современными средствами массовой информации.

Подобного рода концепции, выдвигаемые буржуазными идеологами в качестве альтернативы марксистско-ленинской теории революционного перехода мира от капитализма к социализму, используют также и факт плюрализации характеристик будущего в современной буржуазной футурологии: в ней намечают теперь уже не однозначную линию будущего (читай: капиталистического) развития, но ряд «вариантов», за которыми, однако, на поверку скрывается все та же прежняя надежда на исключительно капиталистическое будущее Земли, какими бы ярлыками оно ни украшалось. Нередко рассуждают, что перед народами стоит якобы «выбор» между этими разными псевдовариантами. На этом усиленно спекулируют и представители так называемого западного марксизма. Но плюрализм этого «выбора» — еще одна иллюзия.

Субъективизм современной плюралистической буржуазной идеологии вообще и философии в частности тесно связан с другим существенным пороком ее методологии — с резкой односторонностью, которая является одним из выражений метафизики как метода. В. И. Ленин раскрыл в метафизической односторонности подхода к вещам, явлениям и процессам реальной действительности один из важнейших гносеологических и методологических источников идеализма. Именно односторонняя гипертрофия и абсолютизация отдельных реальных сторон объекта — коренной методологический порок всей современной буржуазной идеологии и философии, всех их основных школ и направлений, а также реформизма, правого и «левого» оппортунизма и ревизионизма. Абсолютизация тех или иных сторон и черточек объекта явилась одной из предпосылок плюрализации буржуазной мысли. Абсолютизация самой возможности подобных подходов стала предпосылкой тех концепций, которые оправдывают и обосновывают плюрализм в качестве определенного явления духовной жизни в буржуазном обществе. При этом оправдывающие метаконцепции могут выступать в составе тех самых построений, в которых реализуется видимость «разнообразия» духовной жизни, они могут как бы «встраиваться» в последние, вовсе не «возвышаясь» над ними. Так обстоит дело, например, с прагматизмом, неопозитивизмом, лингвистической философией и герменевтикой и некото-

рыми другими философскими учениями. В других случаях псевдотеоретические обоснования плюрализма выступают как особые, относительно самостоятельные учения, например в герменевтически ориентированной теории историко-философского процесса П. Рикёра.

Плюрализм в буржуазной идеологии на основе указанных методологических предпосылок может возникать первоначально в виде двух мнимоальтернативных течений, или же, наоборот, уже до этого возникшая плюралистическая «мозаика» затем объединяется, группируется в два или три более крупных течения, занимающие свои места на полюсах диапазона альтернативностей. Так, односторонне метафизическое истолкование роли науки в общественной жизни еще в середине XX в. привело к формированию в буржуазной философии двух якобы глубоко друг другу «альтернативных» направлений: сциентистского и антисциентистского (антропологического). Для представителей направления сциентистского толка характерно одностороннее преувеличение и раздувание роли «атомистически» трактуемого фактуального опыта, «точных» формальных методов, методологических конвенций, отрицание роли субъекта. На этой методологической почве произросли различные формы неопрагматизма, структурализма и неопозитивизма, в том числе такой его современной разновидности, как «критический рационализм» К. Поппера и Г. Альберта, а также социологические установки техницизма, технологического пандетерминизма, и т. д. и т. п.

Известная позитивистская формула «наука сама себе философия» очень характерна, в частности, тем, что она, с одной стороны, оправдывает безбрежный мировоззренческий плюрализм, поскольку толкает к выводу, что всякий ученый — сам себе философ, а с другой — выдвигает миф о некоей самодостаточной и абсолютно монолитной, завершенной полностью науке, которая сама может навязать философам некоторое, а именно позитивистское, мировоззрение. Позитивизм и неопозитивизм претендуют на унифицирующую мировоззренческую роль, однако логический эмпиризм Р. Карнапа, логический позитивизм Х. Рейхенбаха, логический атомизм Л. Витгенштейна и Б. Рассела, селективный субъективизм А. Эддингтона, операционализм П. Бридждмена, радикальный конвенционализм К. Айдукевича, «критический рационализм» К. Поппе-

ра, «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда и многие другие оттенки и разновидности на пестрой неопозитивистской палитре, выступая под знаменем «философии науки», отвергают подлинную основу науки — объективный материальный мир и принцип его познавательного отражения.

Метафизическая односторонность характерна для такого плюралистического по содержанию учения, как структурализм. Его специфическими методологическими приемами являются абсолютизация структур и структурных закономерностей и подмена философского метода частнонаучным структурным подходом. Атомизация фактов проходит здесь уже в виде атомизации отношений и структур. Структурализм усиленно распространяет сциентистский мираж всемогущества техники, управления, администрации и невозможности бороться против приносимого ими зла простому человеку на Западе. Во многом структурализм в своем отношении к плюралистическим идеям сомкнулся с неопозитивизмом (хотя в виде так называемого генетического структурализма и попытался отойти от него), решая собственно философские вопросы плюралистически.

В качестве альтернативы разного рода сциентистским концепциям, сближающимся друг с другом в некую, впрочем, очень аморфную целостность, выдвигаются «школы», также базирующиеся на методологической метафизической односторонности, как и сциентистские, но только, так сказать, с обратным знаком этой односторонности, — старые и новые разновидности так называемой философии жизни (персонализм, экзистенциализм, философский антропологизм, неопрецидизм, герменевтика и т. п.), отвергающие эмпирический опыт, научный рационализм и абсолютизирующие алогичные моменты в человеческом поведении. Они ориентируются на иррационалистическое «интуитивное переживание», «чувство жизни», «непосредственное постижение смысла» и т. д.

Налицо ориентация на крайне сомнительные вненаучные способы проникновения в глубины человеческой личности и ее индивидуальный духовный мир, претензия понять «индивидуальное существование» с помощью мистической интуиции и озарения. Здесь легко приходят к самому безбрежному плюрализму выводов и рекомендаций, а общая антропологически-«гуманистическая» ориентация этих школ ведет в конце концов либо

к поискам прибежища в лоне религии, либо к солипсистскому отчаянию индивидуумов, потерявших всякие ориентиры и погружающихся в трясину «нового», на этот раз глубоко индивидуального плюрализма.

Плюралистическая ориентация на поток «жизни», якобы лишенной каких-либо ценностных ориентиров и моральных норм, культивирование страха перед самой социальностью, трактовка свободы как неизбежного несчастья, гипертрофия биолого-психических подсознательных процессов в жизни и деятельности человека и подмена социальных противоречий противоречиями между человеком и всем его окружением, человеком и природой (экологический вариант «философии жизни») или же противоречиями в «ущербной духовной бездне» индивида (психоаналитический ее вариант) — таков комплекс идей и мотивов псевдогуманистического антропологизма. Отсюда вытекают и соответствующие квазимедицинские, неврологические, герменевтическо-лингвистические и т. п. «рецепты» лечения недугов капитализма. В этом же русле находятся и призывы уповать на «сексуальную революцию» как-де на главное, решающее средство освобождения людей от всех многообразных форм «отчуждения». Но объединение многообразных школок «философии жизни», как это хорошо показал западногерманский коммунист Р. Штайгервальд в своих исследованиях, оказалось непрочным, эфемерным: недаром то неофрейдистский ее вариант, то «экологический социализм», то фейерабендовский «гносеологический анархизм» берет в этом конгломерате верх.

«Плюрализм» школ и течений буржуазной философии и социологии, то объединяющихся в рыхлые конгломераты (наподобие вышеотмеченных), то вновь распадающихся, несмотря на их методологическую и теоретическую ущербность, может создавать иллюзию «богатства» и «содержательности» буржуазной общественной мысли, что также отчасти способствует тому, что буржуазные идеологи находят аудиторию среди различных общественных групп. Как будет показано в отдельных главах настоящей книги, дело не в том, что налицо всегда большое разнообразие школ и концепций, а в том, что среди них есть и такие, которые более чем терпимо относятся к существованию других и даже его оправдывают. Таковы, например, прагматизм, философская герменевтика, поздний логический и в особенности

лингвистический позитивизм. Из этих учений, в частности, черпают оправдание своих плюралистических позиций ревизионисты марксизма.

Особенно модной на Западе ныне стала идея политического плюрализма. Плюрализм рекламируют и как основание свободы конкуренции, и в то же время как защиту «групповых интересов», и как лекарство от всякого бюрократизма, и как гарантию невмешательства государства в общественную жизнь, и как знамя самутверждения индивидуума, и как рычаг деидеологизации и т. д. и т. п. А анархисты рассуждают даже о некоем «революционном плюрализме». Общий лейтмотив всех этих демагогических заявлений сводится к тому, что плюрализм есть синоним «западной демократии».

В буржуазной печати, особенно в США, появляется и такой мотив: политический плюрализм — это еще не реальность, а только ценностный идеал и даже утопия, ибо в наш век всеобщей конфронтации невозможны ни социальный прогресс, ни какое-либо идеальное политическое устройство. Однако какие бы пессимистические заявления ни делались в этом отношении (они — явное проявление общего кризиса буржуазной идеологии), несомненно, что империалистическая буржуазия в своей идеологической пропаганде широко использует плюралистическую демагогию. Это идеологическое оружие империалистов имеет свои гносеологические корни (спекуляция на категории многообразия), но главное состоит в его непосредственной дезориентирующей функции, поставленной на службу антикоммунизму и антисоветизму.

Спекулируя на том факте, что для духовной надстройки позднего капитализма в особенности характерна множественность философско-идеологических течений, которые порой весьма остро полемизируют друг с другом, ожесточенно конкурируя между собой на рынке идей, буржуазные идеологи пытаются доказать, что это якобы и есть свидетельство свободного, вполне демократического «искания истины», и обрушиваются с грубой бранью на «тоталитаризм» марксистско-ленинского учения. Их раздражает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Они всячески чернят идею пролетарского интернационализма, а также распространяют клевету о социалистическом плановом хозяйстве и стремятся опорочить идею социалистической экономической интеграции. Все эти формы использования политического

плюрализма раскрывают его глубочайшую реакционность.

Яростны нападки политических плюралистов на интернационалистскую сущность марксизма-ленинизма. Они требуют его плюрализации в узко определенном смысле региональной и национальной обособленности. Размахивая флагом плюрализма, они противопоставляют марксизму-ленинизму пресловутый «неомарксизм» или еще более расплывчатый «западный марксизм», которые в действительности не имеют ничего общего с революционной сущностью учения К. Маркса, а, напротив, являются вариациями псевдомарксизма (т. е. одного из буржуазных течений), многие представители которого используют псевдомарксистскую фразеологию, а другие просто запутались сами.

В данном случае еще и еще раз подтверждается глубокая мысль В. И. Ленина: «...диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами»⁸. Ныне происходит их «переодевание» в разнообразные «плюралистические» одежды.

Специфическая особенность «неомарксизма» (в сравнении, например, с откровенно антимарксистской линией, которая также продолжает существовать в буржуазной марксологии) заключается прежде всего в попытке «ввести» воззрения К. Маркса в рамки буржуазного мышления и идеологии. Для «неомарксизма» характерны также попытки противопоставить учение К. Маркса ленинизму. В связи с этим вновь и вновь рассуждают об «особом» «западном» варианте марксизма в противоположность «восточному», т. е. ленинизму, который в силу своего «догматизма», «сектантства» и т. д. якобы никак не подходит для Запада, для развитых капиталистических стран. Это фальшивое рассуждение используется в качестве «аргумента» в пользу разрушения единства революционной теории, с целью раздробления, плюрализации марксизма. «Марксизма нет, — заявляют снова и снова буржуазные идеологи. — Есть марксизм во множественном числе»⁹.

Разумеется, любые попытки плюрализации марксизма и любые аргументы в ее пользу несостоятельны. Во-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 3.

⁹ Zum 100. Todestag von Karl Marx. Aktualität und Wirkung seines Werkes. Fr.-a-M., 1982. S. 359.

преки измышлениям антимарксистов о «региональной узости» ленинизма история, социальная практика убедительно подтвердили всемирно-историческую значимость ленинского этапа в развитии марксизма в составе всех главных его частей — философии, политической и экономической теорий. Заслуга В. И. Ленина в развитии марксистской философии состоит прежде всего в углубленной разработке им материалистической диалектики как науки, логики и теории познания марксизма, в обогащении ее законов и категорий новым содержанием применительно к новым условиям общественной борьбы. В. И. Ленин развил и обосновал принцип партийности философии, показав, что революционная, пролетарская, коммунистическая партийность философии является продуктом совпадения объективной истины и классовых интересов пролетариата. Он нанес сокрушительный удар по лицемерной буржуазной идее «беспартийности» (в том числе и в виде тезиса о «плюрализме» идеологий), показав, что «беспартийность» — это своего рода ширма, прикрывающая классовый, насквозь партийный характер буржуазной идеологии. В. И. Ленин указал и доказал единственно возможный в условиях империализма путь к ниспровержению строя капиталистической эксплуатации человека человеком, к победе социалистической революции и к успешному построению социализма.

Подлинно научная и ориентированная на успешную реализацию в жизни форма марксизма сегодня — это марксизм-ленинизм. Марксизм-ленинизм противоположен всем и всяческим «плюралистическим» вариациям. Главный философский труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» всем своим содержанием направлен против идеологического плюрализма. Выступая против нападок буржуазных философов и ревизионистов на марксистско-ленинскую философию как якобы догматическую в своем монизме и оторванную от жизни систему, марксисты-ленинцы доказывают, что научные философские и политические принципы борьбы за будущее человечества могут развиваться и конкретизироваться только на основе единого учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Марксистско-ленинское учение абсолютно исключает и решительно отбрасывает любые необоснованные догмы, которые как раз и плодятся плюралистами, оно постоянно развивается и обогащается на основе достижений научной мысли и об-

ественно-исторической практики, будучи чуждо какому бы то ни было эклектизму и плюралистической мешанине.

Разумеется, марксизм-ленинизм, и в том числе марксистско-ленинская философия, развивается отнюдь не в изолированных — узконациональных или региональных — рамках, а в интернациональном, всемирном масштабе, как результат коллективной мысли мирового коммунистического движения, творческих достижений марксистов различных стран. Исторический опыт международного коммунистического движения убедительно вскрывает несостоятельность любых попыток придать научной теории коммунистов характер национальной или региональной замкнутости. Наука вообще не может быть разделена на «восточную» и «западную», ее нельзя «африканизировать», «американизировать», «европеизировать» и т. д. Никакая национальная специфика, никакие особенности конкретных условий революционной борьбы трудящихся и строительства социалистического общества не могут быть поняты и учтены без опоры на испытанные исторической практикой истины марксизма-ленинизма, хотя, с другой стороны, эта специфика и эти особенности должны, разумеется, браться во внимание и учитываться в ходе дальнейшего развития нашего учения.

Вопреки утверждениям «адвокатов» политического и экономического плюрализма социализму как реальной системе органично присущ ряд общих принципов, качественно отличающих его от всех предшествовавших общественно-экономических формаций. В условиях реального социализма нет больше места для эксплуататорских классов, устранена эксплуатация человека человеком, орудия и средства производства находятся в руках трудящихся. Произведенные при социализме ценности должны распределяться между трудящимися соответственно количеству и качеству их труда. Завоеванная в результате острой революционной, классовой борьбы диктатура пролетариата становится все более широкой демократией для трудящихся. Переход к социализму неизбежен для всех стран, и он связан со сломом — мирными или немирными средствами — государственного аппарата эксплуататорских классов и созданием нового, в корне демократического аппарата. Социализм строится сознательными усилиями рабочего класса, всех трудящихся, руководимых марксистско-ленинскими пар-

тиями. Социалистическое государство организует планирование и непосредственно руководит экономической, научно-технической, культурной жизнью страны. Марксизм-ленинизм является господствующей в социалистическом обществе идеологией, пронизывающей его культуру и общественную практику. Социализм интернационален по своему существу: его становление, утверждение и укрепление возможны благодаря последовательной интернационалистской политике марксистско-ленинских партий и социалистических государств.

Это главные черты и закономерности социализма, они составляют его сущность, и без них нет и не может быть подлинного и действительно служащего интересам трудящихся реального социализма. Отказ хотя бы лишь от одного из общих для социализма принципов неминуемо ведет к отказу от социализма вообще, и, напротив, правильное их понимание и точное соблюдение являются важнейшим условием развития социализма в каждой, отдельно взятой, социалистической стране, условием развития всей мировой социалистической системы и всего мирового революционного процесса. Лживая идея «плюрализма социализмов» с демагогической ссылкой на «решающую» роль специфики разных регионов в корне противоречит единственно верному пути перехода к социализму и строительства социалистической жизни.

Казалось бы, плюралисты — противники марксизма — должны были на деле следовать своим заявлениям о «демократизме» в выборе теории, о «равноправии» всех «национальных моделей» социализма. Отнюдь нет. Противники подлинного марксизма направляют свои усилия на то, чтобы «обосновать» именно антиленинский «вариант» — без руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии, без социальной революции как средства социалистического преобразования общества. Плюралисты выступают здесь весьма «монистично». Например, ярый антикоммунист Л. Колаковский изобразил историю марксизма как плюралистический хаос, живописуя идейный разброд во II Интернационале как... «золотой» период его истории, и при этом он, как и прочие «плюралисты» в марксизме (читай: псевдомарксисты), весьма однозначно навязывает антисоциализм для всех регионов Земли.

Методология «плюрализирующих» псевдомарксистов наряду с метафизическим игнорированием ими общих

закономерностей и главных, сущностных черт социализма заключается в лицемерной скрытой защите ими принципа буржуазной партийности, которого они придерживаются на деле. Это проявляется в подмене ими социально-классовых категорий при анализе современных общественных процессов разными иными, в том числе узкотехническими, демографическими и т. д. Вслед за буржуазными теоретиками ревизионисты рассматривают современную научно-техническую революцию в качестве явления, полностью «снимающего» будто бы необходимость политической классовой борьбы. По существу ревизионистские «поиски» внешне разнообразных «моделей социализма», единых, однако, в своей антисоциалистической сущности, ныне во многих случаях вылились в технократический вариант давнего, «традиционного» буржуазного реформизма. Не случайно идейки плюрализма были столь модны в польской контрреволюционной «Солидарности». Из ее среды распространялись в начале 80-х годов лозунги: «за политический плюрализм, но без марксизма»; «плюрализм — источник свободы и обогащения». Призывали к плюрализму в экономике, политике, идеологии, философии. Некий К. Козневский в 1984 г. заявил, что плюрализм — это «величайший шанс» польской культуры, всего (читай: буржуазного) будущего Польши.

Но за громкими фразами плюралистов о человеке, о свободе и т. п. скрывается попытка реставрировать в худших вариантах старый идеалистический антропологизм с его фальшивым культом абстрактного человека, чуждого будто бы политике и классовой борьбе, а на деле ангажированного на борьбу за реставрацию капитализма. В своей сущности эта псевдогуманистическая демагогия лишает трудящегося человека возможностей борьбы за свое счастье и свободу, она нацелена на то, чтобы его дезориентировать и обессилить. Это явный антигуманизм.

С одной стороны, плюрализация, а с другой — попытки унификации империалистической идеологии составляют своеобразное единство в буржуазной идеологии второй половины XX в., тогда как в сущности имеется единство коренных апологетических устремлений, на которое, однако, накладывают свой отпечаток противоречия между разными империалистическими государствами, группировками, монополиями и т. д. Монолитности классовой буржуазной идеологии не было и

нет. Но углубляющийся в условиях 80-х годов XX в. кризис буржуазного общества и рост агрессивности американского империализма обуславливают, несмотря на продолжающуюся дифференциацию и плюрализацию внутри империалистической идеологии, усиление акцента на унификацию в отношении главных целей и тенденций. В результате в современных условиях в области политической идеологии прежние традиционные границы между консерватизмом, либерализмом и реформизмом все более смешиваются и теряют прежнюю относительную определенность, затушевываются.

В программные документы буржуазных и реакционных мелкобуржуазных политических партий — от самых консервативных до мнимо «левых» — вводятся призывы к «свободе», «демократии», «торжеству индивидуальности», «справедливости» и т. п., которые в теоретической аргументации и в политико-идеологическом плане обосновываются в принципе одинаково, в общем для них, хотя и не всегда откровенном, идеологическом ключе антикоммунизма и антисоветизма. Эта унификация связана с усилением в целом в буржуазной идеологии неоконсервативных тенденций, проявляющихся уже в форме нередкой ныне критики в адрес плюрализма, либерализма и буржуазной демократии справа и включающих в себя, особенно в США, ФРГ, Италии, Франции и некоторых других странах, элементы явного или слегка прикрытого неофашизма.

Об этом свидетельствует, например, деятельность групп «новых философов», «новых правых», «новых консерваторов», различных движений за «моральное перевооружение» и т. п., обвиняющих сторонников идеологического «плюрализма» и либерализма в том, что именно эти последние будто бы привели к утрате «стабильности» традиционных авторитетов и институтов Запада, и призывающих к «ренессансу» консерватизма в идеологии, к установлению авторитарных режимов в политической практике. Антикоммунизм здесь в полной мере действует как системообразующий стержень буржуазной идеологии.

Сдвиг новейших буржуазных политических концепций вправо вызывает тревогу у наиболее дальновидных западных идеологов. Вот что пишет французский лево-католический деятель Ж. Урдэн: «Доктрина правых снова входит в моду... Казалось бы, после всех ужасов бессмысленной бойни, развязанной немецким и итальян-

ским фашизмом, она уже похоронена. Казалось бы, умные люди никогда не будут пытаться оправдать то, что не имеет оправдания. Но нет: мы вновь чувствуем за своей спиной дыхание чудовища. Оно пряталось в тени, дожидаясь своего часа»¹⁰.

Таким образом, характерной чертой современной буржуазной идеологии является то, что, несмотря на сохраняющийся ее плюрализм в концептуальной сфере, на продолжающее существовать в ней обилие различных течений, школ и направлений, а также на наличие концепций, оправдывающих само существование мировоззренческого, методологического, политического, аксиологического и тому подобного плюрализма, сейчас приходится уже констатировать сближение на «нео-консервативной», явно антикоммунистической волне самых различных буржуазных социально-политических и идеологических концепций — от наиболее правых до «самых левых», — на платформе общих интересов господствующего класса современного капиталистического Запада и борьбы против идей марксизма-ленинизма и реального социализма.

Особо надо сказать о позиции и месте, занимаемом в этой идеологической борьбе новейшими ультралевыми. Не имея в современных условиях фактической возможности игнорировать пример социализма и стремления широких масс капиталистических стран добиваться коренных социальных преобразований, господствующие круги в этих странах предпочитают направлять антикапиталистические настроения трудящихся по такому руслу, которое не представляет собой серьезной опасности для существования капиталистической системы, но в то же время раскалывает и дезориентирует антиимпериалистическую борьбу. Именно поэтому господствующие круги не только не мешают, но, наоборот, даже способствуют распространению всякого рода левоплюралистических вариантов мнимореволюционной идеологии, которые фактически совсем не опасны для государственно-монополистического капитализма, нападая на него на словах от имени «демократического» и «гуманного социализма», «еврокоммунизма», «общества тотальной свободы», «поливариантного марксизма» и т. п. Ряд ревизионистских теорий такого толка смыкается с теми

¹⁰ Hourding G. Réponse à la «nouvelle droite». P., 1979. P. 9.

вариантами извращения марксизма-ленинизма со стороны многочисленных марксологов и советологов, в которых высказываются «симпатии» наиболее «левым», неотроцкистским, неоанархистским, анархо-синдикалистским и другим подобным идеям. Среди сторонников последних встречаются и честные революционеры, пошедшие, увы, по ложному и гибельному для дела революции пути.

В этой ситуации обнаруживается, во-первых, определенная живучесть самой ультралевой идеологии и демагогии — она подобна хамелеону. Во-вторых, в условиях усиления консервативных настроений в господствующем классе буржуазного общества в эти настроения вплетается та часть идеологии ультралевых, которая непосредственно или косвенно может быть использована для подрыва единства стран социалистического содружества, для обливания грязью реального социализма и деятельности всех коммунистических партий. Новые правые одновременно ругают социальных плюралистов за то, что они выражают-де узкогрупповой эгоизм или даже сами суть «скрытые защитники» социализма, и в то же время используют — пусть и внешнее — многообразие антикоммунистических построений плюралистов. Но есть и третий момент «левизны», идущий вразрез с отмеченными двумя. Те элементы ультралевых течений конца 60-х — начала 70-х годов, которые отличались искренним демократизмом и сохранили его, влились затем в несравненно более широкие и по численности, и по характеру своей программы движения, охватившие значительную часть человечества, — борьбы за мир, против угрозы ядерной опасности, гонки ядерных вооружений и империалистической агрессии, за сохранение окружающей среды и т. д. В этих широких движениях не исчезли остатки ультралевой аргументации, иногда она даже оживляется, но общая направленность этих движений все-таки существенно иная.

Разумеется, все попытки буржуазных идеологов сконструировать какие-либо позитивные прокапиталистические концепции (плюралистические либо, наоборот, антиплюралистические) обречены на провал, поскольку исторически обречен сам этот общественный строй. И точно так же обречены на провал все попытки (плюралистические либо антиплюралистические) буржуазных апологетов дискредитировать, опровергнуть марксизм-ленинизм, очернить реальный социализм,

воплощающий закономерную историческую перспективу человечества.

Надеждам буржуазных идеологов с помощью плюрализма существенно модернизировать свой антикоммунизм и антисоциализм осуществиться не дано. Интернационалистское марксистско-ленинское учение, несмотря на возрастающую изощренность и ожесточенность буржуазных и ревизионистских атак, не только не ослабевает и не утрачивает свое влияние, но, напротив, после каждого «уничтожения» его, как писал В. И. Ленин, «становится все крепче, закаленное, жизненнее»¹¹. И это именно потому, что марксизм-ленинизм — интернациональное, научно-объективное и творческое учение — отвечает коренным интересам народов, великим и благородным целям революционного реального гуманизма. Как подчеркнул на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, общество реального социализма вступило на путь своего ускоренного развития и совершенствования. Целью развития нашего общества является обеспечение всестороннего расцвета личности, богатства и разнообразия общественной жизни, подъема и расцвета всех наций и слоев населения.

Все попытки противопоставить марксизму-ленинизму, доказавшему на практике социалистического создания научную значимость и жизненность коммунистических идеалов, «плюралистичный» набор реакционно-буржуазных концепций, веер всевозможных фальсификаций великой исторической правды марксизма-ленинизма, предпринимаемых антикоммунистами, обречены на провал. Так было в прошлом, так оно обстоит и в настоящее время, так будет и в дальнейшем. И это неизбежно, ибо в действительности, только идя по пути подлинной теории марксизма, по пути марксизма-ленинизма, «мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»¹². А истина неминуемо побеждает.

Чем больше во времени отдаляемся мы от эпохи, в которую жили и творили К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, тем яснее вырисовывается перед нами непреходящая историческая значимость и сила их цело-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 17.

¹² Там же. Т. 18. С. 146.

стного и монолитного учения. Марксизм-ленинизм «указывает путь к научному изучению общественного развития как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости процесса, учит правильно разбираться в характере и взаимодействии экономических и политических сил, избирать верные направления, формы и методы борьбы, уверенно чувствовать себя на крутых исторических поворотах»¹³.

Разделы настоящей книги написали: введение — Б. Н. Бессонов, И. С. Нарский; в разделе I гл. 1 — Г. М. Сергеев, гл. 2 — И. С. Нарский, гл. 3 — В. П. Огородников; в разделе II гл. 1 — П. С. Шкуринов, гл. 2 — А. В. Момджян, гл. 3 — Т. Д. Снегирева, гл. 4 — Г. И. Иконникова, гл. 5 — П. С. Гуревич, гл. 6 — В. С. Пазенок; в разделе III гл. 1 — А. К. Гливаковский, Г. М. Сергеев, гл. 2 — А. В. Момджян, гл. 3 — М. Т. Иовчук, Ю. И. Филиппов, гл. 4 — Б. Н. Бессонов; заключение — Р. Г. Яновский. Библиографию, предметный указатель, указатель имен составили А. В. Момджян и Г. М. Сергеев.

Это четвертая работа по критике современной буржуазной идеологии, подготовленная кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС с привлечением ученых из других учебных и научных заведений страны. Уже вышли в свет: «Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки)» (Изд. 2-е. М.; Прага, 1978); ««Критический рационализм». Философия и политика (Анализ концепций и тенденций)» (М., 1981); «Герменевтика: история и современность (Критические очерки)» (М., 1985). В отличие от первых трех в настоящей книге исследуется не одно, узкоопределенное течение буржуазной мысли, а широкое направление, представленное разными течениями, но объединенное общей методологической, в данном случае плюралистической, установкой. Некоторые разновидности современного идеологического плюрализма (например, в области права, эстетики, логики) специально рассмотрению в настоящем издании не подвергаются. Определенную помощь читателю в этом отношении окажет включенная в книгу библиография вопроса.

¹³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 84.

I. Методологические основы философского плюрализма

1. Онтологический плюрализм в буржуазной философии и его новейшие «противотечения»

В буржуазной философии империалистического периода уже давно пытаются проложить идеологический «третий путь». Французские и английские позитивисты, а потом англо-американские и немецкие неореалисты это начали, другие философы продолжили.

Настойчивые усилия новейшей буржуазной идеологии философски обосновать «третий путь», а также динамика «противоречий» внутри самой идеалистической философии могут быть рельефно выявлены в ходе анализа онтологического плюрализма, ныне нацеленного, в частности, на то, чтобы еще раз попытаться «преодолеть» дилемму основного вопроса философии. Этот анализ, разумеется, необходим и по многим другим соображениям, поскольку онтологический аспект и вид плюрализма в философии является наряду с гносеологическим одним из главных.

При анализе онтологического плюрализма в современной буржуазной философии мы будем исходить из следующего определения: «Плюрализм — концепция, согласно которой существует несколько или множество не зависимых друг от друга субстанциональных начал или видов бытия. Плюрализм противостоит монизму. По своей сущности плюрализм — идеалистическое направление, он исторически возникал либо как трансформация дуализма, либо как попытка эклектического разрешения противоречий идеалистического монизма»¹. Но в собственно онтологическом плане существовал плюрализм не только открыто идеалистический (Г. Лейбниц), но и позитивистский и полупозитивистский (И. Гербарт, Л. Витгенштейн), а также замаскированно позитивистский (Р. Карнап на стадии его «физикализма» и др.).

¹ Нарский И. С. Плюрализм // Философская энциклопедия, Т. 4. М., 1967. С. 278.

Принцип плюрализма как гетерогенности действительности был в прошлом специфическим выражением того этапа становления буржуазного общества, на котором осознание личности и ее индивидуальной обособленности и самодостаточности выражало задачу и сущность возникающего и утверждающего себя буржуазного индивидуализма. Иногда к числу первых плюралистов в истории философии относят древнеиндийских и древнегреческих мыслителей, которые учили о наличии в мире нескольких разнокачественных вещественных стихий. Но это были, как правило, материалисты. Определение их как плюралистов неточно и является к тому же явной модернизацией. В философском аспекте значение многообразия индивидуальных объектов в рамках целостной, полной порыва и кипения жизни было в XVII в. выражено в концепции Г. Лейбница, который стремился показать, «как плюрализм явлений вырастает из монизма сущностей»². Однако этот замысел был искажен его учением о «предустановленной гармонии» мира и в понятии бога, завершающем собой восходящий ряд субстанций и венчающем всю систему монистического плюрализма»³. В концепции великого немецкого ученого и просветителя диалектически, но также и идеалистически преодолевался дуализм Р. Декарта в пользу идеалистического монизма, но последний надо было как-то совместить с идеей динамической многокачественности мира и господством индивидуальностей в духовной жизни кануна Просвещения. Это совмещение и приняло у Лейбница вид идеалистического плюрализма. В определенном смысле его систему можно назвать моноплюралистичной, поскольку он стремился раскрыть диалектику единого и многого (термин «моноплюрализм» появился в 1907 г. в работах немецкого философа Г. Маркузе).

Уже в трактовке Х. Вольфа⁴ диалектический по своему характеру плюрализм Лейбница сменился его метафизической интерпретацией (впрочем, сам Вольф, как и Кант, использовал термин «плюрализм» в особом онтологическом значении, а именно как антитезу солипсизму, называя последний «эгоизмом»). Метафизический в

² Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. М., 1974. С. 272.

³ Там же. С. 274.

⁴ Breitling R. The Concept of Pluralism//Three Faces of Pluralism: L., 1980. P. 1, 16.

«смысле метода подход к плюрализму сохранился в идеалистической философии вплоть до XX в., где иногда вновь не раз обращались к лейбницевскому плюрализму (например, И. Гербарт, В. Вундт, Ш. Ренувье, Э. Бутру, Р. Лотце и американские персоналисты), но уже без всякой диалектики.

В течение XVIII и в начале XIX в. плюрализм, сохраняя свой сугубо идеалистический характер, значительно уступал в популярности дуализму и идеалистическому монизму. Рост его влияния в буржуазной философии связан в значительной степени с возникновением в середине XIX в. позитивизма, в котором идея плюрализма как миропонимание основывалась на формально-логическом по методу и узкоэмпирическом по содержанию мышлению⁵. В значительной степени именно позитивизм в XIX в. стал наиболее адекватным философским выражением «идеологических установок победившей буржуазии»⁶, своеобразным философским эквивалентом буржуазного либерализма⁷. Появился плюрализм разнородных «фактов», расположенных как бы в одной плоскости, без различения явлений и сущности «по вертикали».

Главный этап становления философского плюрализма XX в. вполне справедливо, на наш взгляд, связывается с деятельностью «вторых позитивистов» — Э. Маха и Р. Авенариуса, которые, обратившись к философской традиции монизма, создали условия для плюрализма как принципа, выражающего возможность реализовать «третий путь» в философии и социологии как путь между идеализмом и материализмом. А фактически это был процесс формирования средств обоснования буржуазного либерализма и эффективной борьбы против марксистской философии в новых условиях. Плюрализм пресловутых «нейтральных элементов», среди которых Э. Мах различал разнородные слои «вещей», «воспоминаний и фантазий» и «характеров» в виде «живых чувств» и «чувств фантазий»⁸, открывал немалые возможности для «нейтралистских» спекуляций.

⁵ См.: Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 38.

⁶ Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов, М., 1980. С. 26.

⁷ См. там же. С. 303.

⁸ См.: Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977. С. 134.

Дополненный на рубеже XIX и XX вв. различной аргументацией прагматизма⁹ и неореализма (Н. Гартман и А. Уайтхэд) о «материале» науки и «слоях» бытия, а впоследствии персонализма о личностной «раздробленности» бытия, феноменологии и экзистенциализма о полиморфизме потока сознания, а также идеями «философии жизни» и герменевтики, позитивистский философский плюрализм оказался еще более тесно связанным с буржуазным либерализмом и вошел в новое столетие в виде неопозитивистской антионтологии как главенствующей формы плюрализма. С появлением «теории многих факторов» в позитивистской социологии и оформлением «социологического плюрализма», с возникновением в первой половине XX в. политического плюрализма (в работах Г. Ласки), а впоследствии плюрализма идеологического, этического, религиозного, и т. д. плюрализм стал использоваться в буржуазных общественных науках как *общемировоззренческий и общенаучный принцип*, противостоящий принципу материального единства мира (т. е. прежде всего диалектико-материалистическому монизму).

В 70-х годах XX в. новые проявления философского плюрализма в онтологии связаны в основном с проблемами субстанциальности, гомогенности и гетерогенности бытия, понимаемого как в плане макро- и мегамира, т. е. в аспекте космических обобщений, так и в плане субмикроскопических пространственно-временных связей и зависимостей. Но в плане собственно философской онтологии возникли трудности в силу идеалистического характера построений, весьма далеких от науки.

Трудности для плюрализма, например, методологии гуссерлианства проявились в процессе онтологизации феноменологической философии. Уже усилия М. Хайдеггера показали невозможность создания фундаментальной онтологии в его стиле философствования¹⁰ и стали по существу обоснованием его концепции «бытийно-исторического нигилизма»¹¹. Характерно, что, как фи-

⁹ Характерна в этой связи книга У. Джемса «Вселенная с плюралистической точки зрения» (М., 1911).

¹⁰ См.: Киссель М. А. Судьба старой дилеммы: (Рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX в.). М., 1974. С. 210.

¹¹ См.: Силуянова И. В. «Метафизика» и «нигилизм». К критике философии М. Хайдеггера//История зарубежной философии и современность. М., 1980. С. 93—101.

лософская система, феноменология, стремившаяся выявить многослойность структурированного сознания, по своему генезису и функционированию была сугубо плюралистической, хотя еще не эклектичной. По словам М. Фарбера, внутри феноменологического движения «идеализм достиг своего последнего и наиболее усовершенствованного оплота»¹². И сам факт созидания при участии М. Фарбера «материалистической феноменологии» с парадоксальным признанием внутри нее «онтологического монизма», сосуществующего «с логическим плюрализмом», что позволяет, по словам М. Фарбера, избежать ошибки упрощения, которой обычно бывает подвержена «редукционистская онтология», весьма красноречив.

Требования буржуазных историков, идеологов к своей философии в последней трети XX в., связанные с необходимостью сладить с новыми научными данными, дать ответ на развитие марксистской философии и устранить идейный разброд среди антикоммунистов разных мастей, как-то обосновать процессы интеграции знания, без чего трудно осмыслить природу и общество и наметить какие-то определенные пути сохранения самого буржуазного общества, обусловили рост внимания во многих западных философских теориях к онтологической проблематике.

В этой ситуации прежний онтологический и социально-онтологический плюрализм (исследованный если не прямо, то косвенно в ряде работ философов-марксистов)¹³ был вынужден подвергнуться определенной трансформации. Если до 70-х годов в целом вся позитивистская и вообще сциентистская традиция философствования при обосновании плюралистического подхода исходила из декларативного стремления изгнать онтологию из сферы философии, то в последние годы ситуация изменилась. Наметилась тенденция к онтологизации закономерностей существования и развития научного знания (здесь обращает на себя внимание теория «третьего мира» К. Поппера), к онтологизации языка

¹² Farber M. The Foundation of Phenomenology. N. Y., 1968. P. IX.

¹³ См.: Кожаров А. Монизм и плюрализм в идеологии и политике. М., 1976. С. 3—39; Спасов Д. Единство и многообразие. София, 1977. С. 40—133; Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века. М., 1978. С. 285; Момджян А. В. Плюрализм: истоки и сущность. М., 1983. С. 56—66.

науки («научный материализм», который частично, например через Г. Фейгла, вышел из бывшего неопозитивистского физикализма), к отождествлению «ненаблюдаемых сущностей науки» с вещью в себе («научный реализм»)¹⁴, начала складываться онтологизация исходных понятий системного подхода (функция, структура, система в «системной теории» Н. Лумана)¹⁵. В итоге все это приводит к новой метафизике¹⁶, к новому дуализму К. Поппера¹⁷ или к реставрации картезианского дуализма в виде «дуалистического интеракционизма» Дж. Экклза. «Постпозитивизм» пресечь эту тенденцию не смог.

В концепции «дуалистического интеракционизма», исходящего из признания двух самостоятельных субстанций — духовной и материальной, отрицается «плюрализм субстанций», но признается «плюрализм» (качественное многообразие) в рамках действительности, пребывающей в развитии и поэтому «способной при переходе к более высоким системным организациям продуцировать качественные преобразования»¹⁸. Но наиболее наглядно такая ситуация выявляется в концепции К. Поппера о «трех мирах» (физическом, психическом и объективно-логическом), в которой плюрализм связан не столько с открытым утверждением трехсубстанциональности бытия на манер, скажем, «четырех царств» Сантаяны, а главным образом с отрицанием единого истолкования «трех миров» и возможности выявления генетических связей между ними. Это недалеко ушло все от того же неокартезианского «интеракционистского дуализма»¹⁹. Обосновывая концепцию «трех миров» в онтологическом аспекте, Поппер исходит из признания плюрализма в реальном мире (здесь у него и онто-

¹⁴ См.: Юлина Н. С. Указ. соч. С. 285.

¹⁵ См.: Варнке К. Теория систем общества в свете марксистской диалектики общества. Вклад в дело критики позитивистского образа мышления//Идеологическая борьба в современном мире. Прага, 1980. № 1. С. 63—69.

¹⁶ См.: Юлина Н. С. Указ. соч. С. 70—116, 229—279.

¹⁷ См.: Нарский И. С. Методология и эпистемология К. Поппера в их существе и следствиях//«Критический рационализм»: Философия и политика. М., 1981. С. 106—107.

¹⁸ Цит. по: Дубровский Д. И. Некоторые соображения по поводу статьи Марио Бунге «Несостоятельность психофизического дуализма»//Философские науки. 1979. № 2. С. 96.

¹⁹ Popper K., Eccles J. The Self and Its Brain. An Argument for Interactionism. 1978. Berlin (West), P. 539.

логизация языка, и постулирование связи языка, индивидуальных начал и биологических стимулов, все это в очень запутанном виде) и с помощью широко используемой эклектики вновь приходит к «критически-рациональному», «эмержентному», «эклектическому» дуализму²⁰. Таким образом, в современной буржуазной философии можно подметить движение от плюрализма к субстанциалистскому дуализму.

Для многих буржуазных философских течений недостаточность разработанности своей концепции и трудности ее дальнейшего развития на материале современного естествознания и общественных наук стали дополнительным фактором, способствующим их сближению с религиозной философией, особенно с неотомизмом. Это в конечном счете снижает значение «оригинального» онтологического плюрализма в современной буржуазной философии, так как онтология томизма, пусть и дополненная пантеистическими тенденциями современных модернистов и эволюционным монизмом Т. де Шардена, не способствует усилению плюралистического подхода к вещам и процессам.

Таким образом, в онтологии новейшего философского плюрализма после некоторого оживления наметилась тенденция к некоторому снижению ее доминантной роли, которая переходит к дуализму или к менее определенному идеалистическому холистически-системному подходу. В процессах попятного движения к «новому» дуализму и сближения с религией проявляется определенное противоборство плюрализма и монизма, так как внешний антипод плюрализма — идеалистический монизм — не смог найти своего абсолютно полного выражения в философии. Даже в наиболее завершенной классической системе идеализма у Гегеля, как нам представляется, дуализм так и не был преодолен полностью (например, в логике и в понимании гражданской истории): материализм фактов реальной жизни стучался в двери спекулятивной конструкции.

Необходимо в связи с этим подчеркнуть плодотворность определения онтологического плюрализма, приведенного нами в начале данной главы. Оно указывает на направление эволюции философского плюрализма в ситуации затруднений, связанных с онтологизацией бур-

²⁰ Ibid. P. 30, 121, 210.

жуазной философии, т. е. на направление, идущее к дуализму. Это тем более важно в том отношении, что такая эволюция плюрализма выявляет традицию определенной преемственности между новейшей буржуазной и классической философией.

Следует обратить особое внимание на те буржуазные философские теории, которые или стали более авторитетными в 70—80-х годах XX в., будучи известными и раньше, или возникли и приобрели некоторый вес именно в этот новейший исторический период: налицо их своеобразное противостояние в отношении плюрализма, но также и связь с ним. Мы имеем в виду новейший (не смэтсовский) холизм, западнонемецкий неоконсерватизм, так называемую системную философию, некоторые наброски социальной философии в рамках Римского клуба, философию «новых» философов во Франции, становящуюся философию французских «новых правых». Все эти антиплюралистические вариации сами то и дело грешат плюрализмом, но в их основе лежит в конечном счете идеалистический монизм.

Обратимся к некоторым статистическим данным. Изучение публикаций буржуазных философов различных стран (тематика диссертаций и выступлений на международных философских конгрессах, тематика и содержание монографий, сборников и статей в философских журналах), посвященных более или менее «классическому» плюрализму, показывает, что в период 70—80-х годов произошло определенное перераспределение внимания буржуазных философов. Основное внимание в вышедших за это время примерно 70 монографиях²¹ было уделено плюрализму в области политики, права, морали, культуры, образования, расовых отношений. И только в нескольких монографиях предпринято систематическое, достаточно глубокое и полное рассмотрение философского плюрализма. Особенностью этого рассмотрения является значительное внимание к вопросам связи философии с идеологией, политикой, моралью, правом, искусством, принципом партийности. А в ряде монографий, опубликованных в конце 60-х — начале 80-х годов и посвященных непосредственно природе философии, авторы уделяют немалое внимание не только проблеме взаимодействия плюрализма и мониз-

²¹ National Union Catalog: Library of Congress. Washington, 1970—1982.

ма, но и роли философского плюрализма в системе социальных наук.

За 1970—1980 гг. в университетах США было защищено 55 докторских диссертаций по философии, из них 5 диссертаций посвящены собственно философским проблемам плюрализма²².

Анализ публикаций в специализированных философских журналах различных стран по тематике: плюрализм, дуализм, холизм, монизм — выявил определенную тенденцию. Если за 1940—1978 гг. было опубликовано статей: по плюрализму — 113, по дуализму — 105, по холизму — 16 и собственно по монизму — 70, то за 1979—1981 гг. издано: по плюрализму — 57, по дуализму — 66, по холизму — 51, по монизму — 22²³. Таким образом, не везде явна тенденция относительного сокращения числа специальных публикаций по философскому плюрализму и возрастания внимания к проблемам дуализма, холизма и системного подхода в позитивистско-неореалистических его интерпретациях.

Большое внимание уделяется в публикациях анализу соотношения плюрализма с анархизмом, индетерминизмом, релятивизмом. Характерно, что значительное место отводится анализу роли философского плюрализма в подрыве единства мирового коммунистического движения, мировой социалистической системы, в извращении марксизма, особенно марксистско-ленинской философии.

Анализ выступлений по разным вопросам философии представителей самых различных, порой и противоположных (в рамках идеалистической философии) течений и школ на философских конгрессах 1973, 1978 и 1983 гг. показал широкую приверженность новейшей буржуазной философии плюрализму. Обнаруживается значительный рост внимания буржуазных обществоведов к развитию плюралистического подхода в политике, идеологии, культуре, религии, теории массовых средств пропаганды и т. д. Причем буржуазные газеты, специализированные научные и массовые журналы, многочисленные книги и брошюры в 70—80-х годах XX в. в гло-

²² Для сравнения приведем данные за 1904—1969 гг.: всего по плюрализму на степень доктора философии было защищено 24 диссертации, из них 13 — по философскому плюрализму.

²³ The Philosopher's Index. A Retrospective Index to U. S. Publications from 1940. Vol. I—III. Dordrecht (Holland), 1978; The Philosopher's Index. Dordrecht, 1979—1981.

бальном масштабе осуществляют поддержку своего рода *видимости* сущностного господства концепций плюрализма в капиталистическом мире²⁴.

Говоря о холизме (теориях целостности) как о псевдомонизме применительно к новейшей буржуазной философии, мы имеем в виду не столько увеличение внимания к собственно холизму как самостоятельному течению, основанному Я. Смэтсом в 20-х годах XX в., сколько возрастающий интерес к холизму как к универсальному принципу, методу и идеологии. Это связано с реальной значимостью принципа целостности в условиях НТР для дальнейшего развития науки. Холизм как идея целостности выдвигается на одно из заметных мест в новейшей буржуазной философии в качестве нового важного метода обоснования, защиты и развития идеализма, а также принципа, метода и средства современного антикоммунизма.

В новейшей буржуазной философии 80-х годов XX в. холизм как идея, принцип, метод, мировоззрение и философия претендует на построение универсальной системы развивающейся Вселенной, учитывающей соотношение человека и природы, личности и общества²⁵. В этом качестве холизм декларативно противопоставляют плюрализму, мировоззренческому анархизму, индивидуализму и дуализму и столь же декларативно дистанцируют его от идеалистического монизма. В работах последних лет буржуазные философы проводят определенное отграничение холизма от других течений, что позволяет видеть в нем серьезного соперника и в то же время даже своего рода преемника философского плюрализма²⁶. Преемника потому, что холизм ныне соединяется нередко с декларацией онтологического индифферентизма.

Наряду с ростом авторитета холизма в новейшей буржуазной философии сейчас вновь возникла популяр-

²⁴ *Steigerwald R.* Protestbewegung: Streitfragen und Gemeinsamkeiten. Fr.-a-M., 1982. S. 76.

²⁵ *Phillips D.* Holistic Thought in Social Science. L., 1976; *Peacocke C.* Holistic Explanation: Action, Space, Interpretation. Oxford, 1979; *Statford H.* Culture and Cosmology: Essays on The Birth of World View. Washington, 1981.

²⁶ *Perry G.* Holism and the Issue of Causality//*Dialogis*. 1979. N 14. P. 81—91; *Dreyfus H.* Holism and Hermeneutics//*The Review of Metaphysics*. Washington, 1980. Vol. 34. N 1 (133). IX. P. 3—23; *Wisdom J.* Schemata in Social Science. Part two//*Metatheoretical Inquiry*. 1981, 24. III. P. 3—20.

ность философского дуализма, о котором в марксистской литературе начала 70-х годов XX в. писали, что, хотя это по существу наиболее распространенная и упрощенная форма философского плюрализма, он теряет свои позиции²⁷. Ю. Е. Лифанов охарактеризовал дуализм как самостоятельное и неосновное направление в современной буржуазной философии, показав его сходство с философским плюрализмом. «Дуализм и плюрализм, — пишет он, — по своей философской сущности выступают явлениями однородными. Их объединяют имманентно присущие им обоим непоследовательность, эклектичность и т. д.»²⁸. Но дуализм менее устойчив.

Действительно, дуализм был значительно потеснен плюрализмом, однако ныне дуализм показал себя как способ довольно гибкой, именно благодаря своей «наивной простоте», защиты современного идеализма. И в этом кроется одна из причин быстрого роста популярности философского дуализма, или, как его называют, «нового дуализма».

Напомним, что, как бы ни называли А. Уайтхеда сегодня буржуазные философы, сам он, несмотря на свои плюралистические построения, заявил о приверженности в конце концов именно к дуализму. «Вселенная дуалистична, — пишет философ, — потому что она в полном смысле слова и преходяща, и вечна. Вселенная дуалистична, ибо каждая действительная сущность и физична, и духовна... Во вселенной царит союз противоположностей, который является основой дуализма»²⁹.

Большой интерес среди буржуазных ученых вызвала книга бихевиориста Р. Рорти «Философия и зеркало природы», посвященная специфике философии, связи дуализма и холизма, соотношению нигилизма, скептицизма и релятивизма с философским дуализмом³⁰. В рецензиях на эту книгу дается высокая оценка попыт-

²⁷ См.: Кожаров А. Указ. соч. С. 13.

²⁸ Лифанов Ю. Е. Философский дуализм, его гносеологические и классовые корни: Автореф. дис. канд. филос. наук. Алма-Ата, 1980. С. 25.

²⁹ Цит. по: Богомолов А. С. Неореализм и спекулятивная философия (А. Н. Уайтхед)//Современный объективный идеализм. М., 1963. С. 292.

³⁰ Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1980; Марксистский анализ этой книги см.: Мельвиль Ю. К. Пути буржуазной философии. М., 1983. С. 204—237.

ке автора осмыслить ход дискуссии М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Ж.-П. Сартра, Ю. Хабермаса, К.-О. Апелья и ряда других философов с Т. Куном и П. Фейрабендом о природе философии, о ее основных принципах и методах³¹, но высказываются и критические замечания в связи с упрощенным пониманием автором отражения в философии противоречия между духом и природой³². В этой связи в одной из рецензий Рорти назвали «веселым нигилистом»³³.

Обстоятельное обоснование «нового дуализма», принятое А. Сусманом (он его называет «научный дуализм»), более четко и строго, чем это сделал Р. Рорти, показывает следствия отличия дуализма от философского плюрализма и тщательно выявляет его роль как важнейшего метода защиты идеализма в таких сугубо специальных, но весьма важных научных течениях, как биопсихология³⁴.

Серьезным претендентом на роль основного метода новейшей буржуазной философии в 70—80-х годах XX в. выступил идеалистически трактуемый системный подход. Генезис системного подхода, его реальное общенаучное значение и вопросы идеологической борьбы в свете системного подхода довольно полно освещены в ряде работ философов-марксистов. Нас интересует в этой проблеме прежде всего то обстоятельство, что повышение роли материалистически трактуемого системного подхода оказалось ударом как по позициям неопозитивизма в буржуазной философии науки, так и по философскому дуализму и плюрализму. В плане методологии системный подход на фундаментальной основе новейших достижений кибернетики, теории игр, теории решений, теории информации, анализа систем, теории организации и т. д. поставил вопрос о замене аналитико-атомистических способов мышления холистически-

³¹ *Bernstein R. Philosophy in the Conversation of Mankind//The Review of Metaphysics. Washington, 1980. Vol. 33. N 4 (132). P. 745—775.*

³² *Levy I. Escape from Boredom: Edification According to Rorty//Canadian Journal of Philosophy. Edmonton, 1981. Vol. 11. N 4. P. 589—601.*

³³ *The Review of Metaphysics. Washington, 1980. Vol. 33. N 4 (132). P. 801.*

³⁴ *Sussman A. Chances for a Scientific Dualism//The Journal of Philosophy. Columbia, 1981. Vol. LXXVIII. 2. II. P. 95—118.*

интегративными³⁵. Заметим, что именно системный подход в виде специфической философии системности в работах многих буржуазных философов и социологов стал использоваться вместо плюрализма и дуализма для «доказательств незыблемости, чрезвычайной адаптивности, целостности и непротиворечивости системы капитализма»³⁶.

Как считает американский социолог Р. Лилиенфельд, в своем становлении системный подход вообрал в себя тему системы идей из философии Платона, механицистские мотивы из классической механики Ньютона, органицизм из философии прагматизма, а также подходы гештальтпсихологии. В итоге Лилиенфельд трактует системный подход как один из вариантов организмической философии, в которой общество исследуется как организм, подверженный рождению, росту и упадку, а государства рассматриваются в качестве факторов борьбы за выживание вида³⁷. Отметим, что такая интерпретация системного подхода крайне сближает его с холизмом. Однако сами буржуазные философы стараются эти течения различать. Так, М. Бунге в статье «Системная концепция общества: по ту сторону от индивидуализма и холизма» достаточно обстоятельно разграничивает эти философские течения³⁸.

Важно отметить, что и представители других идеологических течений, вновь приобретших авторитет или только что возникших в рассматриваемый нами период, положительно относятся к холизму и к философии системности (это неоконсерваторы, некоторые социальные философы из Римского клуба, представители становящейся философии французских «новых правых») и отрицательно к неопозитивизму, а также к философскому плюрализму³⁹. В меньшей степени это касается офор-

³⁵ Lilienfeld R. The Rise of System Theory. An Ideological Analysis. N. Y., 1978. P. 32.

³⁶ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 8.

³⁷ Lilienfeld R. Op. cit. P. 48—112.

³⁸ Bunge M. A. Systems Concept of Society: Beyond Individualism and Holism//Theory and Decision. 1979. N 10. P. 13—30.

³⁹ Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus Definitionen, Theorien, Porträts. Herford; Berlin (West), 1975; Геде А. Философия кризиса. М., 1978; Тосака Д. Японская идеология. М., 1982; Антимарксистские идейно-политические течения и проблемы общественного развития. М., 1986; Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982; Benoist (de) A. Orientations pour des années décisives. P., 1982.

мившегося в 70-х годах в самостоятельное течение буржуазной философии «неомарксизма»⁴⁰ и философии «новых» философов во Франции⁴¹.

Для всех названных направлений характерны неопределенность философских доктрин, эклектицизм, отсутствие в их конструкциях таких важных сторон философской теории, как онтология, гносеология. От социальной философии франкфуртской школы, в 70-х годах утратившей свое влияние параллельно с уменьшением роли левого радикализма, многие из этих теорий «переняли» слитность своих философских идей с социологией, политикой и идеологией: налицо бессистемность как система, по выражению Т. Адорно. Для него самого была характерна плюралистически расплывчатая позиция в «междумирьях»: между философией и социологией, музыкой и музыкальной критикой, аксиологией и эссеистикой⁴².

Определенное падение влияния позитивизма (особенно в его плюралистических параметрах) в общественных науках и в самой буржуазной философии было связано с падением роли либерализма во многих буржуазных странах, с определенным сдвигом буржуазной идеологии вправо. Это нашло отражение в ряде публикаций. Из них особый интерес вызывает монография Г. Кариела, автора выходившего дважды в 60-х годах исследования об упадке американского социально-политического плюрализма⁴³.

Но наиболее характерное выражение кризис либерализма и тенденция к падению роли философского плюрализма в новейшей буржуазной философии получили в философской доктрине неоконсерватизма и становящейся философии «новых правых» во Франции.

Философия неоконсерватизма имеет пока весьма неопределенный, «размытый» характер, причем ее сторонники и не стремятся к четкости своих философских по-

⁴⁰ См.: Бессонов Б. Н. Что скрывается под флагом «неомарксизма»? // Вопросы теории и методов идеологической работы. Вып. 10. Критика идеологии и пропаганды современного антикоммунизма. М., 1979. С. 125—142.

⁴¹ См.: Гобозов И. А. Критический анализ взглядов так называемых новых философов // Философские науки. 1979. № 2. С. 68—76.

⁴² См.: Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 195.

⁴³ Lowi T. The End of Liberalism. N. Y., 1969; Kariel H. The Decline of American Pluralism. Stanford, 1961.

ложений и догм. По словам одного из ее создателей, Г.-К. Кальтенбруннера, она имеет вполне определенное внефилософское предназначение. Прежде всего речь идет о философии «революционной заботы о сохранности»⁴⁴ буржуазных ценностей, их защите и развитии. Сам консерватизм является в зависимости от обстоятельств «аристократически-элитарным или демократически-плебейским, либеральным или авторитарным, республиканским или монархическим»⁴⁵. Однако суть новой доктрины в определении той социальной базы, на которую стали ориентироваться неоконсерваторы, оставаясь буржуазными идеологами. «Рабочие теперь в случае серьезного кризиса, — заявляет Кальтенбруннер, — рискуют потерять больше, чем только свои цепи, а потому они почти во всех высокоразвитых промышленных странах представляют главную силу консерватизма»⁴⁶.

Кальтенбруннер и другие теоретики нового консерватизма нередко упоминают о плюрализме как важном аспекте своей методологии, говорят при этом даже и о диалектике. Однако буржуазные критики, например В. Дойлинг, считают, что плюрализм присутствует в консерватизме только на словах⁴⁷. Такой же точки зрения придерживается и Г. Рормозер, который, будучи сам теоретиком неоконсерватизма, специально обосновывает путь преодоления плюрализма справа⁴⁸.

Становление и усиление этой реакционной группы философских, идеологических течений в условиях углубляющегося кризиса современной буржуазной философии и идеологии было отмечено А. С. Богомоловым, Ю. К. Мельвилем и И. С. Нарским. В качестве главной черты этого кризиса на новейшем этапе они назвали происходящее «резкое выделение в буржуазной философии ее *антикоммунистической* доминанты», которая представлена расистскими и человеконенавистническими концепциями, переплетенными с религиозно-мистиче-

⁴⁴ *Kaltenbrunner G.-K. Op. cit. S. 43.*

⁴⁵ *Ibid. S. 30.*

⁴⁶ *Ibid. S. 40.*

⁴⁷ *Deuling W. Elemente neokonservativer Ideologie und alltägliche CDU-CSU-Propaganda//Neue Gesellschaft. Bonn; Bad-Godesberg, 1976.23.VI.*

⁴⁸ *Rohrmohser G. Die Herausforderung der Radikalen. 12. Kolumnen zum Zeitgeschehen. Köln, 1973. S. 39 ff.*

ской мыслью⁴⁹. Напомним в этой связи предостережение К. Маркса, в котором он не исключал проявления со стороны капитализма «политического безумия»⁵⁰.

Отметим, что в современной ситуации конца XX в. крайне важно искать и находить даже в рядах буржуазных идеологов союзников против ввергнувших самих себя в «политическое безумие» наиболее реакционных слоев монополистической буржуазии. А необходимость такого поиска, его важность были точно и конкретно определены В. И. Лениным еще в начале нашего века: нужно осуществлять детальную и широкую разработку программы предотвращения войны, чтобы «глубже расколоть пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерем грубо-буржуазным, агрессив-но-буржуазным, реакционно-буржуазным»⁵¹. К сожалению, в имеющихся в настоящее время марксистских исследованиях современной буржуазной философии пока еще в недостаточной мере подвергнут критическому анализу весь спектр различий между концепциями, выражающими мировоззрение «агрессивно-буржуазного и реакционно-буржуазного» лагеря наших идеологических противников⁵².

В настоящее время консерватизм представляет собой по существу «официальную политическую идеологию крайне правых кругов монополистической буржуазии»⁵³ в США. Характерно, «что консерваторы во все возрастающей степени пытаются координировать свои реакционные установления в международном масштабе»⁵⁴ и что консерваторы «тесно связаны с наиболее реакционными силами антикоммунизма и антисоветизма, включая неонацистов, расистов, сионистов»⁵⁵.

По существу в философии, идеологии, политике, морали, праве неоконсерватизм выступает как противотечение либерализму с его плюралистической ориентацией. Значит ли это, что неоконсерватизм социально-философски тяготеет только к «чистому» монизму? Нет,

⁴⁹ См.: Богомолов А. С., Мельвиль Ю. К., Нарский И. С. Введение//Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 4.

⁵⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 287.

⁵² Ранее это делалось — и довольно успешно — в отношении псевдофилософских построений фашизма и неонацизма (см., напр.: Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. М., 1976).

⁵³ Буржуазная государственная идеология. М., 1982. С. 61.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 59.

это не так. Идеологи неоконсерватизма, особенно в США, стремятся в своей социальной философии в некоторой мере сохранить плюралистическую оболочку. Они изображают заботу о предназначении индивидуума, судьбах конкретного человека. Но мираж вскоре развеивается. «Взяв за исходный принцип индивидуализм, — разоблачает демагогию неоконсерваторов А. Ю. Мельвиль, — неоконсерватизм тут же ставит этот принцип под сомнение, утверждая, что предельной логикой индивидуализма оказывается его вырождение в социальный гедонизм, эгоистическое стяжательство, потребительство, иждивенчество»⁵⁶. Отсюда и ограничение политического и социально-мировоззренческого плюрализма в требовании «подчинения интересов отдельного человека дисциплинарным нормам современной государственно-монополистической организации»⁵⁷. В области права неоконсерваторы в США открыто выступают за ограничение буржуазной демократии и «выдвигают на передний план требования установления авторитарной власти», нападают на «односторонние», как они утверждают, требования социального равенства⁵⁸.

Еще более откровенны правые идеологи в ФРГ. Здесь консерваторы выступают широким фронтом против плюралистической модели буржуазной демократии, которая, по их мнению, «может таить в себе нежелательные помехи и опасности для сохранения и стабилизации господства монополистического капитала»⁵⁹. Демократические идеи называются при этом «плюралистической идеологией», и ее объявляют «фальшивым лозунгом, [утверждая], будто демократизация угрожает индивидуальной свободе...»⁶⁰.

Анализ социальной философии неоконсерватизма и примыкающих к нему попыток «философского» обоснования неорасистских, неофашистских концепций позволяет объединить их в группу «псевдоплюралистических» концепций. Дело в том, что некоторые из них прикрываются «плюралистической» ширмой, но откровенно борются против марксизма-ленинизма. Напомним, что ряд неофашистов примкнули к движению «зеленых» в ФРГ,

⁵⁶ Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. С. 134.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См. там же. С. 121.

⁵⁹ Буржуазная государственная идеология. С. 44.

⁶⁰ Там же. С. 109.

надеясь, вероятно, подчинить его себе или расколоть изнутри. Неоконсерваторы направляют свои усилия, в частности, на разрушение требований буржуазной демократии, зафиксированных в конституциях ряда буржуазных государств в результате многолетней борьбы рабочего класса и его политических партий и других демократических сил. В этом смысле «псевдоплюралистические» реакционные концепции выступают ныне против «классического» плюрализма как методологии обоснования «третьего», т. е. реформистского, пути. Есть ли в этих концепциях онтология? Да, есть своего рода социальная онтология: в этих концепциях дается картина «распыленных» индивидов и объединяющей их «благотворной» государственной силы.

На крайнем правом фланге современной буржуазной философии и социологии имеются и откровенно антиплюралистические идеологи. В качестве исключительно реакционной и потенциально особенно опасной необходимо, на наш взгляд, отметить во Франции становящуюся социальную «философию» «новых правых».

Свое происхождение эта «школа мысли», как ее называет ведущий ее идеолог А. де Бенуа, ведет от событий бурной весны 1968 г. в Париже, когда они были всего лишь «горсткой студентов». В настоящее время это пока еще не вполне оформленное течение в новейшей буржуазной социальной философии. В течение 1982 г. опубликованы три связанные между собой книги, в которых достаточно последовательно изложена их социально-философская доктрина⁶¹. Выражена она иногда туманно, отчасти демагогически-зашифровано. «Быть «грамшистами» для нас, — разъясняет М. Вэйоф, — означает признание важности теории «культурной власти»; дело касается здесь не подготовки к приходу к власти какой-либо политической партии, но трансформации мировоззрения, чтобы продвинуть вперед новую систему ценностей»⁶². «Культура», о которой любит порассуждать Вэйоф, — это те же самые германские мифы, которые использовались нацистами.

Существо философской теории «новых правых» изложено в книге А. де Бенуа: «Мы сторонники холизма.

⁶¹ La cause des peuples: Actes du XV colloque national du Grece. P., 1982; Pour un «gramscisme de droit»: Actes du XVI-ème colloque national du Grece. P., 1982; *Benoist (de)* A. Op. cit. P., 1982.

⁶² *Wagoff M.* Pourquoi in «gramscisme de droites»? // Pour un «gramscisme de droit». P. 7.

На наш взгляд, индивидуум существует только в связи с коллективом, в который он включен... Всякая индивидуальная деятельность представляет собой акт участия в жизни определенного народа. Интерес индивидуума не может оцениваться сам по себе»⁶³. Именно «холистический» подход к обществу, цивилизации «в способе рассмотрения истории и структуры реального»⁶⁴ выражает основную идею, принцип и метод этого социально-философского течения. Отсюда его понятия «органического государства», «органичной идеологии», «органичного общества». Отсюда и обоснование «непримиримой» вражды к либерализму, индивидуализму, ко всем философским теориям и идеологиям, опирающимся на плюрализм как основную идею. Либерализм объявляется в этой философской теории главным врагом⁶⁵. Связь идей «правых граммшианцев» с идеями неонацистов убедительно проанализирована в монографии А. С. Бланка⁶⁶.

Противополагаясь философскому плюрализму (в его основных видах и формах), идеалистический монизм как идея, принцип, метод выступает на деле лишь его собратом-конкурентом в борьбе против материализма⁶⁷. В этом контексте буржуазный философский плюрализм ныне нападает на монизм не только материалистического, но и идеалистического типа, хотя главный объект критики здесь всегда, пусть иногда и подспудно, — диалектико-материалистический монизм. Плюралисты пытаются представить монизм как нечто скучное, серое, статичное, тоталитарно-схематичное, противоположное богатству внутренней содержательности индивидуума. Так, К. Поппер, рекламируя привлекательность плюралистической теории открытой философии и открытого общества, инкриминирует марксизму, диалектико-материалистическому монизму в его философии истории «три преступления теоретического порядка»⁶⁸ — «эссенцианизм», «холизм», «профетизм», из

⁶³ Benoist (de) A. Op. cit. P. 36.

⁶⁴ Ibid. P. 36.

⁶⁵ Ibid. P. 70.

⁶⁶ См.: Бланк А. С. Старый и новый фашизм. Политико-социологический очерк. М., 1982.

⁶⁷ См.: Давыдов Ю. Н. Монизм. Философская энциклопедия. Т. 3. С. 489—492.

⁶⁸ Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. М., 1972. С. 176.

которых последнее связывает еще с двумя — историзмом и утопизмом. По мнению К. Поппера, эти «преступления» поощрили коммунистов к подавлению индивидуальности, подстрекательству к насилию и тирании, увековечению «закрытого общества»⁶⁹. Данную линию «продолжил» попперианец Г. Шпиннер. «В то время как монизм — прежде всего в его догматически дегенерированной форме, — утверждает он, имея в виду не только идеалистический, но также (и прежде всего) материалистический монизм, — поощряет авторитарные извращения, плюралистическая модель познания и действия содержит в себе зачаток как гуманитарной этики, так и философии демократии»⁷⁰. Здесь, рассуждает он, противоположность монизма и плюрализма переходит в мировоззренческое философское обоснование противоположности тоталитаризма и демократии.

Практически однозначное соотнесение философского плюрализма с антикоммунизмом наиболее четко сформулировал К. Росситер: главным конфликтом между коммунизмом и антикоммунизмом в теоретической области, считает он, является конфликт между марксистским монизмом и «западным плюрализмом»⁷¹. Здесь термин «плюрализм» был взят в собирательном значении: имелся в виду плюрализм и в онтологии вообще, и в понимании сущности общественной жизни и ее теории, и в политике, и в идеологии.

Отметим, что такое собирательное значение иногда кажется неискушенному читателю вполне естественным. Плюралистический подход к объяснению многих сторон природы, общества, истории, самого человека в первом приближении, при эмпирически-поверхностном осмыслении действительности представляется наиболее ей адекватным, простым и очевидным. «Единое, монистическое воззрение является результатом теоретико-познавательной деятельности, — отмечает Н. Т. Абрамова, — его нельзя полностью идентифицировать с реальными природными объектами; оно возникает в акте соотнесения, сравнения многого с исходным началом, а такой акт яв-

⁶⁹ См. там же. С. 179.

⁷⁰ *Spinner H. Pluralismus als Erkenntnismodell. Fr.-a-M., 1974. S. 104.*

⁷¹ *Rossiter K. Marxism. The View from America. N. Y., 1960. P. 239.*

ляется действием сознания, теоретическим действием»⁷². И это действие в процессе своей реализации сопровождают «неимоверные трудности»⁷³. Не только трудности, но и реальные идеологические «сражения», добавим мы. Эта напряженная борьба продолжается в онтологии, гносеологии, методологии и социально-политической сфере внутри самой современной буржуазной философии, где «соперниками» плюрализма выступают дуализм, холизм, идеалистически и позитивистски понятый системный подход и непосредственно идеалистический монизм. Несравненно более острой является борьба между философией марксизма и буржуазным миропониманием вообще.

Интересный анализ эволюции собственно монистических теорий в современной буржуазной философии, представленных теоретическими концепциями английских философов Д. Стирлинга, Ф. Брэдли, Д. Мак-Таггарта, Р. Коллингвуда, американца Д. Ройса, итальянских философов Б. Кроче и Д. Джентиле, французских философов А. Кожева, Ж. Валя, Ж. Ипполита, М. Мерло-Понти и немецких философов Г. Глокнера и Р. Кронера, был осуществлен в 60—80-х годах в работах Ю. Н. Давыдова, А. С. Богомолова, В. Н. Кузнецова и А. С. Эфирова⁷⁴. Они обратили внимание на попытки буржуазных идеологов усилить свою философию и идеологию с помощью монистических традиций буржуазной философии и особенно посредством монизма Гегеля «синтезировать многочисленные школы и школки, на которые была расколота буржуазная философия в эпоху господства неокантианства и позитивизма», создав для второй половины XX в. буржуазное «целостное и монистическое мировоззрение»⁷⁵.

Взаимоотношение плюрализма с идеалистическим монизмом в их противоборстве и взаимоопосредовании можно конкретно рассмотреть на примере эволюции

⁷² Абрамова Н. Т. Монистическая тенденция развития значения// Вопросы философии. 1982. № 9. С. 78.

⁷³ См.: Киссель М. А. Судьба старой дилеммы. С. 30.

⁷⁴ См.: Давыдов Ю. Н. Критика иррационалистических основ гносеологии неогегельянства//Современный объективный идеализм. М., 1968. С. 13—113; Эфирова А. С. Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968; Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1977; Кузнецов В. Н. Французское «неогегельянство». М., 1981.

⁷⁵ Давыдов Ю. Н. Критика иррационалистических основ гносеологии неогегельянства. С. 49, 46.

прагматизма, неореализма или некоторых других теорий. Но наиболее показательным, пожалуй, здесь был бы анализ развития неопозитивизма. Мы уже приводили критические высказывания поздних позитивистов К. Поппера и Г. Шпиннера в адрес монизма, отмечали и общую роль позитивизма в разрушении попыток монизма в буржуазном обществоведении. В то же время именно в этой буржуазной философской школе и в ее «окружении» на протяжении всей ее истории — от логического позитивизма до «критического рационализма» — наряду с плюрализмом важную роль играют дуализм и идеалистический монизм. Анализ трансформации плюрализма на рубеже XIX и XX вв. в методологию обоснования «третьего пути» («классический» социально-философский плюрализм) и его дальнейших преобразований в конце XX в. в ходе противоречивого взаимодействия с идеалистическим монизмом позволяет уточнить ряд форм его превращений, его общую эволюцию.

На всех различных этапах познания объективной действительности каждый раз проявлялась несостоятельность позитивистской и идеалистической точек зрения при объяснении явлений природы и общества, что заставляло, как писал Г. В. Плеханов, «мыслящих людей (т. е. не эклектиков, не дуалистов) вернуться к материалистическому взгляду на мир»⁷⁶. Но вернулись к этому взгляду не все. На рубеже XIX и XX вв. новые открытия в науке и острота классового противоборства между буржуазией и пролетариатом обусловили функционирование идеалистического монизма в двух главных формах в отношении к основному вопросу философии. Первой формой можно считать диалектико-идеалистический монизм английских гегельянцев, второй — эклектический монизм позитивистов махистского склада.

Суть второй формы (вида) идеалистического и эклектического монизма В. И. Ленин раскрывает, цитируя П. Каруса, который утверждает: ««Мы с Махом мыслим одинаково». Наш монизм... «не материалистический, не спиритуалистический, не агностический; он означает просто и исключительно последовательность... он берет опыт, как свою основу, и употребляет, как метод, си-

⁷⁶ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1949. С. 121.

стематизированные формы отношений опыта»⁷⁷. В. И. Ленин приводит девиз Каруса: «не агностицизм, а позитивная наука, не мистицизм, а ясная мысль; не супернатурализм, не материализм, а монистический взгляд на мир, не догма, а религия, не вера, как учение, а вера, как настроение»⁷⁸. Именно как «монистический идеализм» В. И. Ленин определяет позицию некоторых представителей «второго позитивизма», цитируя Ковеларта⁷⁹. Но более конкретно, уже в рамках «монистического идеализма», В. И. Ленин определяет позицию позитивизма, когда, исследуя роль материализма и идеализма в преодолении дуализма, четко выявляет именно «эклектический», тяготеющий к бесхребетному плюрализму в субъективно-идеалистическом ключе характер монизма у Авенариуса как «бестолкового перепутывания материализма и идеализма», что «показалось Богданову и К^о «истиной вне материализма и идеализма»⁸⁰.

На этом этапе развития буржуазной философии именно позитивизм внес важный вклад в будущую популярность плюрализма как методологии «третьего» пути в философии. Дело в том, что тенденция «к монизму в различных школах буржуазной философии указанного времени отражала глубокие противоречия, поскольку всем представителям этих школ (особенно позитивизму. — *Авт.*) была свойственна ограниченность, обусловленная особенностями монополистической фазы капитализма. Одна из таких ограниченностей, например, выражалась в декларациях представителей буржуазной философии следовать провозглашенным принципам монизма, тогда как реальная суть их воззрений оставалась в рамках плюрализма»⁸¹. При этом будем помнить, что сама эта «реальная суть» была лишь оболочкой более глубинного идеализма.

Именно в рамках позитивизма конца XIX в. было найдено звено, позволившее трансформировать сугубо

⁷⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 236.

⁷⁸ См. там же.

⁷⁹ См. там же. С. 42—43.

⁸⁰ См. там же. С. 88.

⁸¹ Шкуринов П. С. Гегель и современный философский монизм и плюрализм // Диалектико-материалистический анализ философии Гегеля. М., 1975. С. 24.

идеалистический характер философского плюрализма в обманчивую концепцию «третьего» пути⁸².

В дальнейшем, в первые десятилетия XX в., именно концепция «эклектического монизма» получила широкое распространение в неопозитивизме и у неореалистов в виде близкой и к махизму, и к неопозитивизму теории «нейтрального монизма», причем эта последняя представляет собой причудливые сочетания монизма, дуализма и плюрализма. Наиболее полное выражение концепция «нейтрального монизма» получила в работах Б. Рассела. ««Нейтральный монизм», — писал он, — в противоположность идеалистическому и материалистическому монизму, — представляет собой теорию, согласно которой вещи, обычно относимые к сознанию, и вещи, которые обычно рассматривались как физические, не отличаются в отношении какого-нибудь внутреннего свойства, которым обладает одна группа и не обладает другая, а отличается только в отношении порядка и контекста»⁸³. Но о самом этом «порядке» есть недвусмысленное разъяснение Б. Рассела: «Моя позиция во всех ее главных чертах по основным вопросам философии воспринята от м-ра Г. Е. Мура. Я воспринял от него... плюрализм, который рассматривает мир... как составленный из бесчисленного числа взаимонезависимых сущностей»⁸⁴.

В середине XX в. концепция «эклектического монизма» в позитивизме еще более ясно стала выступать как словесная надстройка над сугубо плюралистическим решением основных гносеологических и методологических вопросов, что нашло наиболее полное выражение в работах Л. Витгенштейна и его последователей. «Философские вопросы, по мнению витгенштейнцев, — от-

⁸² См.: Самсонова Н. Г. К вопросу о «монодуализме» // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 9. М., 1981. С. 59—64.

⁸³ Russell B. On the Nature of Acquaintance // Logic and Knowledge. Essays 1901—1950. L., 1956. P. 139.

⁸⁴ Russell B. The Principles of Mathematics. L., 1938. P. XVIII; см.: Нарский И. С. Современный позитивизм. М., 1961. С. 135; Он же. Неопозитивизм // Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 181—190; Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. С. 184—206; Он же. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 148—155; Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980; Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Платонов В. В. Мироззренческий «нейтрализм» логического позитивизма, Ташкент, 1981. С. 113—114.

метил И. С. Нарский, — это лишь плод неясности смысла и прямых бессмыслиц, в которых люди запутываются в силу своей «нездоровой» тяги к обобщениям и строгому научному мышлению... Этот взгляд сохранили «пост-позитивисты», Фейерабенд и даже Кун»⁸⁵, хотя впоследствии этот взгляд и стал по-разному модифицироваться.

В середине 70-х годов XX в. обозначился, как мы уже отмечали, процесс глобального ограничения плюрализма. Вместе с тем процесс развития науки и социальной практики более наглядно выявлял, как в науках, так и в философских исканиях и блужданиях, определенную взаимосвязь, сопряженность, соотносительность процессов дифференциации и интеграции, дивергенции и конвергенции, взаимополяризации и синтезов, монизма и полиморфизма⁸⁶. Это касается как диалектико-материалистического монизма, так и идеалистического монизма в его соотнесении с плюрализмом.

В этой ситуации в методологии позитивизма столкнулись две тенденции: с одной стороны, в середине 70-х годов интенсивно продолжался процесс слияния неопозитивизма с другими буржуазными доктринами как способ преодоления кризиса позитивизма, что сопровождалось возрастанием роли эклектизма во всех его структурах. Особенно явственно такая тенденция прослеживается в совместной работе К. Поппера и Дж. Эклза. Здесь столь причудливо «перепутаны» материализм и идеализм, дуализм и плюрализм, что наиболее определенной чертой их философской методологии становится эклектика. А трудность последовательного проведения плюралистического подхода в онтологии и гносеологии стала разрешаться посредством дуалистического подхода»⁸⁷. Конечно, лишь на весьма короткий срок и совсем неубедительно.

С другой стороны, в ходе усиленной деятельности в Англии и США по превращению Витгенштейна в «классика» современной мировой философии наметились хотя бы внешние отступления позитивизма от некоторых истинных его позиций. Одной из линий такой эволюции стала линия ограничения философского плюрализма в

⁸⁵ Нарский И. С. Современные метаморфозы неопозитивизма // Философия и современность. М., 1976. С. 162.

⁸⁶ См.: Абрамова Н. Т. Указ. соч. С. 83.

⁸⁷ См.: Ирибаджакон Н. Философска психология и материализм // Ново време, София, 1982. № 1. С. 28—29.

гносеологии и методологии и подчеркивания монистического аспекта в философии позитивизма⁸⁸. В чем находили этот псевдомонизм, видно по тематике некоторых диссертаций, защищенных в университетах США за 50—70-е годы: «эклектический монизм» П. Каруса и его модификация — давний «нейтральный монизм» Б. Рассела⁸⁹. Еще более определенно характер искусственной монистической интерпретации творчества Витгенштейна проявляется в монографии Д. Рабинстайна «Маркс и Витгенштейн: социальная практика и социальное объяснение». В этой работе буржуазный социолог из США усиленно подчеркивает, что Витгенштейн якобы преодолел дуализм души и тела, духовного и материального на основе «монистически понятой» практики. В таких же позитивистских терминах он стремится интерпретировать и подход К. Маркса к социальной практике. Мнимое «совпадение» подходов он рассматривает на материалах анализа К. Марксом роли классов в обществе и анализа Витгенштейном роли языка, в частности значений слов. Выстроив свою основную концепцию, Д. Рабинстайн рассматривает ее затем в терминах системного подхода, где значения, например, в области классовой борьбы выявляются в основном как свойство коллективной практики, а не характеристики ментального состояния индивида⁹⁰. Тем самым областью пресловутого синтеза марксизма и позитивизма становится идеалистический монизм в форме, однако, эклектического монизма. Мы знаем, разумеется, что за этим псевдомонизмом позитивизма кроется в действительности тоже монизм, но субъективно-идеалистический.

В монографии Д. Рабинстайна можно выделить две тенденции в эволюции роли монизма в позитивизме к началу 80-х годов XX в.

Во-первых, это стремление позитивистов повысить эффективность процессов интеграции и конвергенции

⁸⁸ *Glouberman M. Tractatus: Pluralismus or Monism?//Mind. 1980. N 353. P. 17—18.*

⁸⁹ *Soannides P. Neutral Monism in Mach (1955); Eastman W. A. Critical Discussion of Russell's Neutral Monism (1955); Muringi R. Bertrand Russell's Theory of Neutral Monism (1967); Shih K.-S. Paul Carus Positive Monism and Critique of Other Types of Monism (Mach, Haeckel, Peirce). (1973).*

⁹⁰ *Rubinstein D. Marx and Wittgenstein: Social Praxis and Social Explanation. L., 1981. P. 25—26, 89.*

внутри современной буржуазной философии, чтобы с помощью хотя бы эклектического монизма преодолеть раздражающую ее плюрализацию — разброд мнений — и обеспечить более высокий уровень ее единства, т. е. организовать синтез современного буржуазного философского знания перед лицом монолитности революционного марксизма. Отметим, что такая тенденция прослеживается и в подборке статей о современной аналитической философии, опубликованных в журнале «Монист» в 1982 г.⁹¹ Если мы раньше отметили тенденцию квазимонистической интерпретации работ Витгенштейна, то в этой подборке статей выделяется антиплюралистическая, холистская интерпретация работ У. Куайна, в которой особое внимание уделено, как пишут некоторые авторы, его «эпистемологическому» и «семантическому» холизму⁹².

Во-вторых, на примере позитивизма проявляется стремление буржуазных идеологов наряду с плюрализмом во всех его направлениях противопоставить диалектико-материалистическому монизму в конечном счете именно идеалистический монизм, хотя последний, за неимением лучшего, берется в его эклектической форме. Характерно, что в таком противостоянии эклектика борется с марксистской диалектикой в максимально возможном для идеалистической философии внешнем совпадении ее терминов с марксистскими. Это создает добавочные возможности для дезориентации читателей. Эклектика способна выразить своими средствами и некоторые тенденции к внешней диалективизации позитивизма и тех более широких «конгломератов», в которые он ныне входит (позитивизм — герменевтика — «философия жизни», как это имеет место, например, в работах К.-О. Апеля).

«Позитивизм идет по пути назад к идеалистической диалектике, — пишет М. Бур. — С точки зрения развития позитивизма до сих пор, следовало бы сказать, что это путь вперед. Антигегельянизм венского кружка Поппера, всего позитивизма, намечается зачеркнуть или хотя бы ограничить»⁹³. Особенно важно выделить повы-

⁹¹ Contemporary Continental Analytic Philosophy//Monist. La Salle, 1982. Vol. 65. N 1. P. 3—115.

⁹² Gochet P. Five Tenets of Quine: Our Statements//Monist. 1982. P. 13—23.

⁹³ Бур М. Новейшая метаморфоза позитивизма//Идеологическая борьба и современность. Прага, 1980. № 1. С. 28.

шение интеграционных, синтезирующих возможностей позитивизма в ходе осуществления этой тенденции. Стремление «к принятию диалектически мыслящих фигур со стороны нынешнего, прежде всего англо-американского позитивизма, — отмечает М. Бур, — является показателем того, что в борьбе с марксизмом-ленинизмом дальнейшее развитие буржуазной идеологии приводит к гибридам и симбиозам прежде резко враждебных между собой и рассматривающих друг друга с презрением буржуазных течений и направлений»⁹⁴.

Таким образом, можно отметить, что в ходе эволюции роли идеалистического монизма внутри современного позитивизма происходит некоторое дальнейшее ограничение роли философского плюрализма как в позитивизме, так и в буржуазной философии вообще. Возрастание роли идеалистического монизма сопровождается повышением возможности к синтезу различных буржуазных философских школ на более высокой стадии их интеграции и конвергенции. Но и программная «монизация» буржуазной философии и ее интеграция — это такие тенденции, которые только временно берут в ней верх; идейный же разброд — ее наиболее характерное состояние.

Таким образом, можно достаточно обоснованно констатировать наличие внутри буржуазной философии противотечений, и в том числе борьбы среди больших и малых философских школ по отношению к плюрализму и вокруг него. Главная линия такого противоборства (плюрализм и антиплюрализм как противотечения) обрисовывается в настоящее время следующим образом: группа плюралистически ориентированных буржуазных идеалистических философских течений (неопозитивизм — аналитическая философия — постпозитивизм, прагматизм, «философия жизни» в широком ее понимании, как, например, у Р. Штайгервальда, антропологическая философия, персонализм, феноменология, экзистенциализм, неореализм и герменевтика) временно противостоит группе внешне антиплюралистических течений и школ в философии и идеологии (неохоллизм, неоконсерватизм, «новые правые» во Франции, ФРГ и США, а также философствующий неофашизм). Это противоборство в начале 80-х годов имеет тенденцию к усилению связи с происходящей ныне интенсификацией и

⁹⁴ Там же. С. 31.

глобализацией процесса консолидации крайне правых сил мировой буржуазии в своих позициях в борьбе против теории и практики реального социализма.

Разумеется, надо учитывать, что многообразие школ и течений новейшей буржуазной философии ограничено, оно имеет свои специфические для конкретного исторического периода пределы. Динамика появления отдельных школ и течений, роста их влияния, а затем ее снижения и падения определяется логикой борьбы за осуществление классовых интересов буржуазии в мировом масштабе, накалом ее борьбы с марксизмом, реальными условиями для данного исторического периода проведения в буржуазной философии свойственного ей принципа реакционной партийности. В 80-х годах XX в. во многих буржуазных философских школах и течениях происходит усиление идеалистической аргументации, иррационализма и фидеизма, вообще их мировоззренческой направленности на апологетику капитализма.

Плюралистический разброд в буржуазной философии наших дней значителен, но не будем забывать и о том, что это способствует мифу о «богатстве» буржуазной мысли, а кроме того, — что важнее — псевдоноваторы ищут тем самым ключ к сознанию и сердцу различных групп и аудиторий читателей. Пестрота, аморфность и даже хаотичность этих учений до некоторой степени являются следствием не только обычной конкуренции между претендентами на «оригинальность» на рынке идей, но и внутренних противоречий между различными фракциями господствующего класса, между буржуазией и мелкобуржуазными слоями и т. д. Борьба между идеализмом и материализмом происходит даже внутри некоторых ответвлений идеалистических направлений; наиболее характерные проявления этого процесса мы видим в метафизическом «научном материализме» австралийского философа Д. Армстронга, а также Д. Смарта, М. Бунге и др.⁹⁵

Плюрализм буржуазной философии, создающий иллюзию духовной свободы, — «это инстинктивно найден-

⁹⁵ См.: Дубровский Д. И. «Научный материализм» и психофизическая проблема // Философские науки. 1975. № 6; 1977. № 2; Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977. С. 403—412.

ный ею способ самосохранения»⁹⁶. Одна из форм такого плюрализма состоит в образовании различных гибридов. Так, на XV Всемирном философском конгрессе обнаружились гибриды, «например, между экзистенциализмом и неогегельянством, неотомизмом и феноменологией, герменевтикой и лингвистическим анализом, неокантианством и неотомизмом, экологическим гуманизмом и структурализмом, лингвистической философией и метафизикой, феноменологией и структурализмом, бихевиоризмом и интуитивизмом, неопрагматизмом и антропологизмом и другими течениями»⁹⁷. Различные методы философствования, такие, как поведенческий, логический, герменевтический и др., претендуют на мировоззренческий авторитет, несмотря на то что сами переживают глубокий кризис. Эти методы тоже образуют различные сочетания, либо прямо выступающие против материалистической диалектики, либо подменяющие ее реформистскими концепциями «противостояния», «равновесия» и «примирения» противоположностей.

Вновь и вновь предпринимаются усилия по консолидации сил, перед лицом общего противника — диалектического и исторического материализма — делаются попытки объединения, интеграции нескольких разрозненных течений в более широкие потоки. Предпринимаются усилия по выдвиганию на первый план лишь небольшого числа, пусть и весьма отличающихся друг от друга, школ и учений.

Ведущих школ в современной буржуазной философии сравнительно немного. И это обстоятельство побуждало буржуазных философов к дальнейшим поискам ими «синтеза». Попытки такого рода делались и раньше, объединить разные течения и направления пытались на основе прагматизма, затем на почве то «философии анализа» (расплывчатого варианта неопозитивизма) и философской антропологии, то религиозных концепций, наконец, теперь — на базе герменевтики. Но единую буржуазную философию ее сторонникам создать не удалось, ее кризис продолжает углубляться, чем отнюдь не отрицается тот факт, что полемика между ее представителями во многом носит внешний характер

⁹⁶ Богомолов А. С., Мельвиль Ю. К. Основные течения современной буржуазной философии. Вып. 1. М., 1969. С. 25.

⁹⁷ Ангелов С., Павлов Д. Философия, наука, общество. София, 1975. С. 69.

(именно таким, не очень существенным, был спор между «франкфуртцами» и «критическими рационалистами» в 60-х годах в ФРГ, который окончился тем, что «франкфуртцы» второго поколения немало восприняли от позитивистов-попперианцев).

По существу буржуазные философы едины в своей вражде к материализму и его научной идеологии. Самое большое, чего смогли добиться в своих попытках теоретического объединения буржуазные философы, — временного преобладания двух-трех школ при сведении отношений между ними к схеме альтернатив, т. е. взаимоисключающих противоположностей. Эта схема сама по себе служит еще одним средством дезориентирующей софистики.

В современной идеологической борьбе между силами мира и социального прогресса, с одной стороны, войны и реакции — с другой, линия, разделяющая противников, пролегает между марксизмом и действительно тяготеющими к нему концепциями, с одной стороны, и буржуазными философско-социологическими и ревизионистскими построениями — с другой. В борьбе философов принципиальная граница проходит соответственно между материализмом и идеализмом, подлинной диалектикой и субъективистской метафизической лжедиалектикой, вообще между марксизмом и буржуазно-ревизионистскими теориями.

На деле буржуазные философы сами следуют этим принципиальным разграничениям и альтернативам, но на словах они, как и их ревизионистские сателлиты, в отношении ряда из этих альтернатив то отрицают само их существование (позитивизм якобы вообще «преододел» противоположность и даже само различие между материализмом и идеализмом), то стремятся затушевать их сеткой плюралистической путаницы, а также мнимыми альтернативами. Они очень часто рассуждают о том, что главный рубеж борьбы проходит будто бы между «гуманизмом» или интуитивно-эмоциональным «антропологизмом», с одной стороны, и «сциентизмом», т. е. наукой и сухим рационализмом, — с другой, а также между позитивизмом и идеализмом, между субъективистской диалектикой и метафизикой, между ревизионизмом марксизма и традиционными буржуазными философско-социологическими школами.

Современные буржуазные философы-плюралисты зачастую перечеркивают или скрывают непосредственные

теоретические источники своих концепций, однако довольно единодушно сохраняют верность тому социально-пессимистическому принципу, которому следовали и их духовные отцы — философы 60—70-х годов. Гибель капитализма для них означала бы гибель действительности, с капиталистическим строем связаны их самые глубокие помыслы и устремления, хотя они в этом не всегда признаются. Сознание кризиса капитализма и страх перед социализмом заставляли их искать «третий» путь, который бы помог этот кризис преодолеть. Указанной схеме соответствует и борьба против идеи социального прогресса. Во всех случаях формула «третьего» пути, осложненная плюралистической маскировкой, играет на руку врагам подлинного общественного и философского прогресса, до некоторой степени задерживая и осложняя процесс откола от реакции ее социальных резервов, вчера казавшихся столь прочными и надежными, что казалось, будто особых мер по их превентивной дезориентации незначительно и принимать.

2. Плюрализм как вид гносеологического обоснования идеализма и агностицизма

В числе важнейших пунктов противоборства между идеализмом и материализмом во второй половине XX в. в связи с общей борьбой между реакцией и прогрессом отчетливо обозначилась гносеологическая проблематика. Речь идет о стремлении реакционных идеологов «прежде всего ниспровергнуть понятие объективной истины»¹. Характерной особенностью усилий наших идеологических противников в осуществлении этой задачи еще раньше стали настойчивые поиски «третьего» пути в философии и социологии. Важнейшим способом, обосновывающим возможность движения по «третьему» пути, в том числе и в теории познания, стал «гносеологический» плюрализм. Отметим в этой связи прежде всего некоторые особенности новейшей буржуазной философии, обусловившие выдвижение «гносеологического» плюрализма на переднюю линию борьбы с диалектическим материализмом, а затем рассмотрим механизм его функционирования.

¹ См.: Идеология восходящего класса//Коммунист. 1984. № 13. С. 49.

Во «Введении» мы уже указывали на наличие большого многообразия видов плюрализма. Заметим, что примерно в таком же сочетании видов представлен плюрализм в сборнике работ канадских буржуазных философов «Философия и плюрализм», опубликованном в 1977 г.² Это весьма характерное издание, и на его содержании стоит остановиться подробнее.

В одной из центральных статей этой книги, написанной Л. Вальком³, дан анализ причин множественности философских течений, как его себе представляет автор: «Каждый философ стремится к истине, но в то же время он хочет изложить свою истину в своей собственной манере... Отсюда вытекает, что будет столько различных философий, сколько имеется различных интуиций»⁴. Признать множество различных философских теорий, считает Л. Вальк, — это значит лишь признать фактическое положение вещей в философии. Но это «не равноценно признанию философского плюрализма»⁵. По его мнению, «в философии нет позитивного плюрализма»⁶; он существует только декларативно, а «не юридически». Иными словами, возможно, что он иллюзорен, и только, но не исключено, что он реален.

Важным аспектом аргументации Валька является обоснование им некоторого ограничения числа позиций, которые может занимать философ перед лицом других философских систем. На его взгляд, только четыре позиции являются возможными, а именно догматизм, скептицизм, эклектизм и «интеграционизм»⁷. Как итог анализа он высказывает соображение, что ни одна из этих четырех позиций, строго говоря, не является плюралистической, так как рациональность едина и единственна. Но именно стремление философа к объективности, возникающее, по его мнению, в недрах субъективности, которой присуща своя собственная интуиция, порождает постоянную двусмысленность философской речи и амбивалентность аргументации. Это и является фактической причиной наличия плюрализма философских теорий⁸. Таким образом, в конце концов Вальк

² Philosophie et pluralisme. Bellarmin; Montreal, 1977.

³ Valcke L. Philosophie et pluralisme//Ibid. P. 141—168.

⁴ Ibid. P. 160.

⁵ Ibid. P. 161.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. P. 163.

⁸ Ibid. P. 167—168.

пришел к поверхностному семантическому объяснению.

Точке зрения Валька противостоит взгляд Ф. Бокé, который в статье «Плюралистическая идеология и задачи философии» определяет философию как поддержание заботы об истине, как «рациональность без берегов»⁹. Задачи философии он связывает с непременным участием ее в деятельности по освобождению людей от всякого отчуждения, в том числе в виде любых заблуждений. Поэтому он соединяет вопрос о свойствах плюрализма в философии с проблемой тотальной критики идеологии, считая, что всякая идеология отчуждена. «Три стремления философа — к рациональности, цельности, эффективности — присутствуют в идеологиях, как искаженное зеркальное отражение того, что нужно было сделать»¹⁰. Связывая предмет философии с борьбой против плюрализма идеологий, он считает, что поскольку всякая идеология нетерпима к другим, то критика в ее адрес со стороны философии предполагает, чтобы сам философ занял «плюралистическую», т. е. максимально свободную и терпимую, позицию: плюрализм для предмета философии является идеологией¹¹. Вот его кредо: «Нет возможности для реальной работы философии без последовательной плюралистической позиции, которую можно установить не только фактически, но и юридически. Это задача срочная, как задача освободительная»¹². Итак, в качестве принципа философии предлагается идеологическая и познавательная беспринципность. Как высказался П. Фейерабенд, «все сойдет», или «делай что хочешь».

Характер связи философии и плюрализма по-своему обозначил еще один автор этой же коллективной книги, Ж. Джахо, в статье «Плюрализм и Запад»¹³, отметивший, что научная рациональность стала в западной философии «эпицентром множества землетрясений». А так как центральное место в истории западной философии отводится, по его мнению, все же плюрализму, то реальностью, по его мнению, стала трансформация плюрализма, происходящая в основном через эпистемологию. И это происходит на фоне стремления к «восстановле-

⁹ *Bocquet F. Idéologie pluraliste et travail de la philosophie//Ibid. P. 170.*

¹⁰ *Ibidem.*

¹¹ *Ibidem.*

¹² *Ibid. P. 171.*

¹³ *Tehao J. Pluralisme et Occident//Ibid. P. 71—105.*

нию конкретного» и утверждению индивидуальной обособленности в мире, который, однако, «делается все более чуждым индивидууму и все более универалистским»¹⁴. «Человека, принадлежащего к иному культурному миру (нежели западный), — заявляет он далее, — поражает плюрализм (курсив наш. — Авт.) способов мышления и мыслительных систем»¹⁵. Итак, человеку Запада плюрализм истин привычен и близок, человека Востока он шокирует и отталкивает, значит, он и находится в ситуации противостояния.

Для обоснования правомерности плюрализма истин, а также ценностей западные философы ныне нередко используют идею, что плюрализм есть попытка преодолеть отчуждение в буржуазном обществе, ибо он поддерживает стремление закрепить полную свободу выбора человеком своих ценностных ориентаций при сохранении критического к ним отношения. В этом контексте философский плюрализм как идея и принцип оказался связанным с функционированием и развитием существа идеологии и политики буржуазного либерализма в рассматриваемый нами период, а также с ростом внимания во многих буржуазных философских течениях и школах к проблеме личности. Но внимание это носит специфический характер, оно так или иначе ориентировано на поддержку самых «жестких» антимарксистских построений. Плюрализм в философии и особенно в гносеологии не раз был связан с идеологическим либерализмом. Мы не будем подробно разбирать традицию гносеологического плюрализма в философских теориях XIX в., поскольку об этом уже немало написано.

Весьма полно и широко связь философского плюрализма и ценностных ориентаций личности в XX в. («выбор» как основная характеристика человека) очерчена в сборнике очерков Н. Аббаньяно «За и против человека»¹⁶. Этот итальянский «позитивный» экзистенциалист попытался решить задачу, как «защитить индивидуума от деспотизма институтов, руководителей общественной жизни»¹⁷, как помочь ему сохранить оптимизм в сложной и трудной жизни XX в. Задача, каза-

¹⁴ Ibid. P. 100—105.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Abbagnano N. Per o centre L'Uomo. Milano, 1968.

¹⁷ Ibid. P. 129.

лось бы, неплохая, но посмотрим, как Аббаньяно ее решает.

В его интерпретации философия утрачивает мировоззренческий характер, теряет она и гносеологический оптимизм. Она становится пробабилистской, инструменталистски-гипотетической. Аббаньяно отрицает возможность существования единого смысла жизни и некоторой одной «привилегированной» философской системы, наиболее близкой к истине и способной привести к пониманию жизни. Монизм отвергается им категорически: «Мир — это плюриверсум, а не универсум»¹⁸. Н. Аббаньяно уточняет свой тезис: «Если не существует единого и неизменного порядка вещей, мы не можем рассчитывать на естественный ход событий. Люди постоянно оказываются перед лицом множественности целей и средств, различия путей, которые могут привести их к выживанию и прогрессу. Таким образом, принципиальное различие между универсумом и плюриверсумом заключается в следующем: в универсуме человеческий выбор имеет мало смысла, в плюриверсуме он решает»¹⁹.

Как следствие этой позиции, отождествляющей монизм с фатализмом, а свободу — с плюрализмом, итальянский экзистенциалист вообще отрицает закономерный характер исторического развития, заменяет понятия необходимости, закона, рациональности понятиями предположительности, полной конвенциональности. Таким образом, его понимание философского плюрализма вбирает в себя скептицизм, субъективистский утилитаризм, релятивизм, индетерминизм, оно оказывается «антипознавательным». И в такой трактовке философский плюрализм рекламируется им как-де лучшее «генеральное направление политической и социальной мысли»²⁰.

На позиции утверждения полной равнозначности любых философских концепций стоит известный буржуазный философ Х. Перельман²¹. Хотя он использует, по его словам, новые аргументы в защиту плюрализма с учетом теперешнего глубокого кризиса буржуазной рациональности, тем не менее при обосновании религиозного, онтологического, аксиологического и гносеологически-

¹⁸ Ibid. P. 223.

¹⁹ Ibid. P. 224.

²⁰ Ibid. P. 254.

²¹ *Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities*. Dordrecht; Boston; L., 1979. P. 69.

методологического видов плюрализма²² он остается в плоскости тех же самых аргументов, что и Н. Аббаньяно, Ф. Бокé и многие другие сторонники плюрализма. Х. Перельман всячески порицает монизм, который он связывает с абсолютизмом, культом всеединства и всезнания, догматизмом²³.

У Ш. Кекеша, автора работы, посвященной природе философского знания и предмету философии, проблема выбора анализируется применительно к обоснованию ценностных установок индивидуалистической личности, ее идеалов, мировоззрения. Этот американский теоретик возлагает на философию решение важнейшей задачи: научить людей «оптимальному» выбору и формулированию идеалов. Но, по его мнению, основная трудность западного общества — это «не отсутствие идеалов, а неудовлетворительность их рационального объяснения»²⁴.

В чем же здесь дело?

По существу работа Кекеша имеет антипозитивистскую ориентацию, но в его обосновании выбора идеалов и в понимании им связи самого выбора с динамикой формирования мировоззрения, с предметом философии проявляется крайний релятивизм, тяготеющий к плюрализму как аксиологического, так и гносеологического свойства. Это определенно сближает подход автора с концепцией Н. Аббаньяно. Интересно, что в рецензиях на книгу Ш. Кекеша опасности его релятивизма отмечены²⁵. Мы видим, что ныне гносеологический плюрализм стал тесно срастаться с плюрализмом ценностным, один зачастую обосновывают через другой.

Подход к анализу роли философского плюрализма со стороны современных буржуазных «философов науки» связан с реальной проблемой механизмов получения нового знания, с вопросами того важного этапа в его выработке, когда существуют и выдвигаются альтернативные теории, которые в мышлении теоретика, эксперименте, практике сопоставляются, конкурируют, сталкиваются. В определенном смысле здесь идет речь о роли необходимого разнообразия в развитии научного

²² Ibid. P. 62.

²³ Ibid. P. 80, 129, 142.

²⁴ Kekes S. The Nature of Philosophy. L., 1980. P. XI.

²⁵ Philosophy. 1981. Vol. 56. P. 126—128; Philosophy and Phenomenological Research. 1981. Vol. 42. N 5. P. 139—140.

знания, особенно на его переломных этапах, на стадиях революционных преобразований в науках.

Видимо, кажущаяся адекватность именно философско-гносеологического плюрализма процессам получения нового знания в условиях бурного развития НТР обусловила выход его на первое место в 60-х годах среди других видов гносеологического подхода²⁶. Эстафета неопозитивистского конвенционализма в виде «принципа терпимости» Р. Карнапа 30-х годов XX в. была подхвачена в 70-х годах «принципом пролиферации теорий» П. Фейерабенда.

Конвенционализм ныне — это и есть гносеологический плюрализм. Вытекающая из такого подхода абсолютизация гносеологического плюрализма способствовала, заметим, и тому, что умножились «попытки обоснования гносеологического, теоретического равноправия, равноценности принципиально различных идеологических систем»²⁷.

Что же касается процесса дальнейшей перестройки буржуазных теорий философского знания, то он все время осуществляется при самом активном участии методологических рычагов плюрализма и сопутствующей ему эклектики. Дифференциация и интеграция течений в современной буржуазной философии происходят и в области «философий науки», причем плюралистический подход — неперенный ее соучастник. В известной «трилемме Мюнхаузена», которую сформулировал попперианец Г. Альберт в «Трактате о критическом разуме» (1968 г.), это выражено очень ярко.

В русле темы данного исследования важно обратить внимание на факты эволюции гносеологического плюрализма с учетом самой логики развития данной концепции. Эта внутренняя логика эволюции данного вида плюрализма отчетливо просматривается ныне в работах П. Фейерабенда и в особенности Г. Шпиннера. По существу в них доводится до абсурда позитивистская традиция философствования в теории познания, а конвенционалистские средства выхода из гносеологических трудностей, к которым прибегали Поппер, Кун

²⁶ См.: *Шапиро А. А.* Проблема множественности теорий в научном познании. М., 1981.

²⁷ *Москвичев Л. Н.* Ленинская критика релятивизма и ее методологическое значение // Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современность. М., 1980. С. 73—74.

и другие поздние постпозитивисты, привели теперь плюрализм в гносеологии к полному тупику.

«Я не материалист, не монист, не пантеист и не панентеист, не дуалист, — в свое время характеризовал себя Т. Масарик. — Я, плюралист, все (совокупность всего) представляет для меня гармоническую систему»²⁸. Ныне Фейерабенд заявляет, что он не плюралист, не материалист и не идеалист в теории познания, а «анархист». К этому его привело разочарование в возможностях разрешения проблем теоретической нагруженности эмпирических понятий и «взаимного перевода» самих теорий. В работах Фейерабенда и Шпиннера, опубликованных в 70-х годах, традиция позитивистского стиля мышления доводится до своего рода разнужданности и как бы даже до антипозитивизма: в концепции Шпиннера, которую он назвал «теоретическим или фаллибилистическим плюрализмом», и в концепции Фейерабенда, названной им в конце концов «эпистемологическим дадаизмом», гносеологический плюрализм оказался настолько абсолютизирован, что по существу перечеркивает исходный замысел: наиболее полно учитывать в познании необходимость существования различных теорий, факт их широкой конкуренции друг с другом и т. д. Теориями вообще пренебрегают, если есть такое желание.

В работе Фейерабенда «Против метода...», удостоенной в 1975 г. премии «За лучшую научную книгу года» и ставшей весьма популярной в кругах «новых левых» и «зеленых», гносеологический плюрализм приобрел черты такого крайнего релятивизма, что им разрушается сама постановка вопроса о разнообразии методов и результатов познания. Плюрализм методов и гипотез ввергает буржуазную науку в пучину методологического произвола и теоретического хаоса. Фейерабенд благословляет ученых «делать то, что они хотят», принимать любые методы и любые теории, отвергать любые методы и любые теории — «все сгодится!». Но такой хаос опасен для самой буржуазной философии, ибо в тотальном хаосе невозможно даже соблюдение принципа буржуазной партийности.

В работе Шпиннера «Плюрализм как модель познания» (1974 г.) отвергается известная конструкция «трех

²⁸ Цит. по: *Čapek K. Novory s T. G. Masarykem. Praha, 1969. S. 191.*

миров» Поппера как недостаточно последовательно плюралистическая и до крайнего предела доводится релятивизация истины, полностью растворенной Шпиннером в условных конвенциях, причем здесь перебрасывается прямой мостик к плюрализму в политике. Понятие истины обесцвечивается и парализуется Шпиннером в постоянных столкновениях взаимопротивоположных альтернатив. Альтернативы расшатывают и ущемляют содержание всех теорий, претендующих на содержательную истину²⁹.

Гносеологический плюрализм в финальных пунктах его эволюции в работах Фейерабенда и Шпиннера приводит к тому, что отрицает сам себя. Эта линия эволюции «классического плюрализма» в философии как «крайний гносеологический плюрализм» особенно примечательна, поскольку здесь плюрализм как метод ярко показывает роковые границы применения плюрализма вообще: «бездребный» плюрализм есть бессмыслица. На примере «крайнего» плюрализма Фейерабенда наглядно обнаруживается недопустимость в реально существующем разнообразии философских школ «неконтролируемости», «неограниченности». Справедлива оценка стремления к последней И. Т. Касавина, охарактеризовавшего ее как «плюралистическую утопию»³⁰. В осуществимость выдвигаемых ими программ вряд ли верят сами их авторы.

Своеобразие кризиса новейшей буржуазной философии проявляется, на наш взгляд, в частности, в осознании определенных пределов развития философского плюрализма, как в его сциентистской, так и в антисциентистской разновидности. Одним из выражений этого кризиса стала интенсивная переинтерпретация комментаторами основополагающих работ У. Джемса, Б. Рассела, А. Уайтхеда, Л. Витгенштейна, К. Поппера и некоторых других видных плюралистов прошлых десятилетий, оставивших большой след в гносеологии, в том числе в гносеологии науки. Дальнейшее развитие новейшего прагматизма как плюрализма столкнулось, например, с попытками трактовать учение У. Джемса

²⁹ Spinner H. F. Pluralismus als Erkenntnismodell. Fr.-a-M., 1974. S. 47, 100 ff.

³⁰ См.: Касавин И. Т. Наука и идеология в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1983. № 1. С. 59.

о плюралистической Вселенной в духе пантеизма³¹ и дуализма. Подобная же проблема возникла перед теми сторонниками философского плюрализма, которые исходят из работ А. Уайтхеда. Ч. Хартхорн пишет по поводу нового прочтения его философского наследия: «Уайтхед является как самым большим плюралистом, так и самым большим монистом среди английских философов»³². А логический плюрализм Рассела и Витгенштейна 20-х годов ныне истолковывают вкривь и вкось, используя при этом запутанный характер их последующей философской эволюции.

Остановимся теперь более подробно на плюралистических концепциях в гносеологии таких современных влиятельных течений в философии, как «критический рационализм» и герменевтика. Они, по нашему мнению, ныне наиболее характерны.

Определенную идеологически-плюралистическую нагрузку несет на себе уже название доктрины — «критический рационализм». Ныне, заявляет лидер этого течения К. Поппер, рационализм стал тотально-«критичным» и ставит под сомнение разум и все его собственные возможности, а заодно сами его сомнения в чем-либо, в том числе в устойчивости и оправданности существующих социальных порядков (однако, убежден Поппер, разум отнюдь не должен ставить под сомнение капиталистические порядки). Вместе с тем в статье «Разум или революция» (1970 г.) Поппер обозначил свой метод... как революционный. Замысел «критического рационализма» Поппера состоял в том, чтобы отмежеваться от материализма и диалектики, поскольку-де материализм и диалектика «несовместимы» с рационализмом, и в то же время затушевывать свой собственный иррационализм и агностицизм. Если введенный Поппером в гносеологию еще в начале 30-х годов принцип фальсифицируемости оправдывал негативный, агностический плюрализм (всякая философская концепция может быть принята, ибо все равно всякая из них будет затем в конце концов опровергнута), то теперь Поппер маскирует этот плюрализм основанным на «критическом рационализме» позитивным «умеренным» плюрализмом «трех миров». Но Поппер отнюдь не собирает

³¹ Ford M. Pluralistic Pantheism?//Southern Journal of Philosophy. 1979. N 17. P. 155—161.

³² Harsthorne C. Whiteheads Revolutionary Concept of Prehension//International Philosophical Quarterly. 1969. N 19. P. 253.

ся затушевывать и скрывать антиреволюционный характер «умеренного» плюрализма «трех миров», хотя и не прочь порассуждать о его «гуманистическом» значении, называя его не только «критическим рационализмом» или «сциентизмом», но и «критическим гуманизмом».

Один из современных постпозитивистов, С. Тулмин, отметив, что у Поппера от оптимистического рационализма, свойственного подлинным ученым, мало что остается, посоветовал надеяться хотя бы на то очень смутное «чувство» рациональности, которое не покидает почти всякого человека. В конечном счете к такому «чувству» стал апеллировать и Поппер. Но плюралистические установки от этого не исчезают, сохраняется плюрализм как идея фальсификационализма.

На стадии «критического рационализма» Поппер ведь вполне сохранил свою прежнюю фальсификационистскую теорию познания, по-прежнему оставив реальную историю развития знаний за пределами своей эпистемологии, хотя смену одних теорий другими Поппер попытался как-то присоединить к туманному признанию факта восходящего развития наук.

Фальсификационализм Поппера, т. е. учение о том, что научные теории и гипотезы не утверждаются проверкой в своей истинности, но всегда рано или поздно, но непременно опровергаются, открывал плюрализму и в гносеологии, и в онтологии самую широкую дорогу: все теории оказывались не лучше гипотез, и все они вместе становились только «временными предположениями», следовательно, в принципе равноценными. На стадии «критического рационализма» Поппер начал много рассуждать о таких критериях оценки научных теорий, как «степень подтверждаемости», «степень истинности» в смысле соответствия чувственно наблюдаемым фактам и «степень правдоподобности». Принятие этих критериев, которых прежде в эпистемологии Поппера не было, на первый взгляд выглядит как форма отказа от агностицизма и гносеологического плюрализма. Но в действительности то и другое осталось непоколебленным: «степень подтверждаемости» (*cogborability*) зависит у Поппера от «степени опровергаемости», «истинность» допущена только в рамках известного формального подхода (семантического определения истины), и притом только для узкоэмпирических высказываний. Степень «правдоподобия» (*verisimilitude*) означает не более чем «похожесть на истину», временную «приня-

тость» (acceptability) утверждения. На стадии «критического рационализма» Поппер не отказался от своего в корне ошибочного отождествления эффективной проверяемости с опровергаемостью, а затем с опровержимостью и, наконец (непременной в будущем), с опровергнутостью. По-прежнему для Поппера нет более истинных и менее истинных теорий. Более ценная и нужная теория — это лишь более «антитривиальная» гипотеза, плюрализм теорий соединен здесь с допущением того, что среди них могут быть и «привилегированные» теории, — это те, которые выделяются своей «необычностью». Но их «привилегированность» эфемерна, мимолетна.

На стадии «критического рационализма» Поппер все же признал, что объективная истина существует, хотя лишь где-то в «третьем мире», «вне субъекта», а субъект в своих познавательных усилиях может достигнуть ее частиц, но только случайно, и ни он, и никто другой твердо не знают, действительно ли субъекту познания удалось добиться именно этого. Этот «ослабленный» вариант неопозитивистского агностицизма в гносеологии нашел у позднего Поппера и воплощение, и псевдообоснование в его путаной онтологической концепции «трех миров». Обратное влияние теории познания Поппера на его мировоззрение очевидно: коль скоро сохраняется его приверженность методу «проб и ошибок» как якобы ключевому, плюралистические рекомендации явно остаются в силе и для онтологии.

Заметим, что, вообще говоря, взаимосвязь гносеологического и онтологического плюрализма не носит абсолютного характера. Так, в случае неореализма, например в варианте Н. Гартмана, эта связь не является тесной: если даже допустим, что для каждого особого «слоя» действительности предпочтительнее свой особый способ (метод) познания, то это в принципе еще не есть плюрализм гносеологических рекомендаций. Гартман сформулировал достаточно по-своему определенную (хотя ее не во всех частях можно назвать вполне монистической) теорию познания, в которой предложил свои способы разрешения гносеологических апорий, очертив четыре «устойчивых момента» учения о методах познания³³. Впрочем, это не помешало Гартману

³³ *Hartmann N. Der Aufbau der realen Welt. Berlin, 1940. S. 63—65.*

высказаться в пользу «частичного» иррационализма³⁴. Следует также заметить, что, в то время как онтологический плюрализм, если отбросить все его декларации, сводится к дуализму, а тот в наши дни (что хорошо видно на примере Дж. Экклза как соавтора одной из книг Поппера) есть лишь не до конца высказанный и обнародованный идеализм, плюрализм в гносеологии ведет к идеализму зачастую своим путем — через крайний релятивизм и агностицизм. Все сказанное В. И. Лениным о релятивизме имеет и в этом случае полное значение и силу.

Для выяснения переплетения гносеологических и онтологических методов плюрализма у Поппера важно учесть, что у него познание в «мире 2», под которым Поппер понимает содержание индивидуальных человеческих сознаний, т. е. поиски истины, и существование объективной истины (истин), а также и заблуждений в «мире 3» (содержание сознания общества) происходит как бы параллельно, хотя иногда между ними и возникает неожиданный контакт. Познание, таким образом, движется вне истины, истина же как-то существует и вне познания, и вне физического мира. В этом объективно-идеалистическом тезисе позднего Поппера искаженным образом отразился тот факт, что содержание объективной истины не зависит от познающих субъектов, а форма, в которой истина воплощается, и степень ее достижения зависят от деятельности субъектов и специфики этой деятельности. Этот факт был отмечен в свое время В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме»³⁵. Поппер же «развел» познание как форму познавательного процесса и истину как содержание результата в разные миры. Познание без истины открывает ворота гносеологическому плюрализму, истина без познания делает возможным разные вариации на тему онтологического плюрализма.

Отрицая действие объективных законов истории, в том числе объективную закономерность возникновения и развития социалистического общества, Поппер в своей философии истории опирается на утверждение, что якобы «не существует закона исторического развития,

³⁴ *Hartmann N. Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis. Berlin; Leipzig, 1921. S. 229.*

³⁵ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123—125.*

который обеспечивал бы дальнейший прогресс»³⁶. Правда, Поппер противоречит сам себе, когда пытается убедить читателей, что существует по крайней мере один (у него, впрочем, не один, а еще несколько) закон истории, а именно борьба между «открытыми» (т. е. либерально-демократическими) и возникшими-де через «порчу» первых «закрытыми» (т. е. тоталитарными) обществами. «Открытые» общества, по Попперу, исповедуют плюралистические установки в политике, и он их выискивает (совершенно антиисторическим образом!) и в Древней Греции времен Перикла, и... в современной Англии, где буржуазный либерализм давно уже стал просто фразой.

Обратим внимание на связи между эпистемологией Поппера, его философией истории и плюралистическими мотивами в ее содержании.

Казалось бы, философия истории Поппера имеет не плюралистские истоки: в значительной степени ее источником было полумистическое сочинение А. Бергсона «Два источника морали и религии» (1932 г.), в котором два типа морали — статический и динамический — уже связывались с двумя борющимися друг с другом типами общественного устройства — строго дисциплинирующим, жестким, «закрытым» и творчески свободным, лабильным, «открытым», выражающим силу «жизненного порыва». Однако к плюрализму ведет то, что Поппер перенес и на все общественные науки, а значит, и на свою философию истории свое главное эпистемологическое учение — учение о фальсифицируемости и фальсификации. Это учение подрывает значимость общих законов развития науки, в том числе и общественной. Здесь фальсификационизм, антииндуктивизм и вообще номинализм Поппера действуют совместно. Он прямо примыкает к неокантианцу Г. Риккерт, когда последний утверждает невозможность теоретических генерализаций в обществоведении. Правда, Риккерт писал об «индивидуальном методе», а Поппер рассуждает о «методическом индивидуализме», но разница невелика.

Если общих законов нет, то в принципе любые номологические построения могут выдаваться за теорию общественной жизни и ее истории, и вот на горизонте опять замаячил плюрализм. Есть и обратная линия за-

³⁶ *Popper K. R. Selbstbefreiung durch das Wissen//Der Sinn der Geschichte. München, 1967. S. 110.*

висимости: коль скоро в истории происходит, по Попперу, борьба между обществами двух типов, ведущаяся с переменным успехом, вне каких-либо стадий исторического процесса, со случайными зигзагами и поворотами, то открыт путь к плюрализму попыток уместить их в рамки любых теорий. И еще один характерный момент: Поппер прилагает к социологии в виде норматива при изучении разнообразных попыток выхода людей из различных ситуаций так называемую ситуационную логику. Это вариант все того же излюбленного Поппером метода «проб и ошибок». «Попытки» людей, к которым он желает применить этот метод, он трактует как сугубо индивидуальные и «атомарные» действия, и очевидно, что плюрализм «проб» может привести здесь только к плюрализму «ошибок»: ничем иным, согласно принципу фальсифицируемости, теории поступков, построенные на основе «ситуационной логики», быть не могут.

Поппер то и дело повторяет, что учение об исторической необходимости всего лишь суеверие³⁷, но сам в своей излюбленной спекулятивной схеме проводит, как мы уже знаем, бездоказательную идею о необходимой победе «открытых» (читай: капиталистических) обществ. Таким образом, Поппер не очень разборчив в аргументации, главное для него — остаться верным своей политической задаче. По своей сущности эта задача на деле не связана с его «верностью» плюрализму, за спиной Поппера стоит монополистический капитал с его апологетически-агрессивной идеологией, эту идеологию он и поддерживает.

Поппер нападает на конвенционализм, обвиняя его в стремлении «спасать» любые построения³⁸, а значит, и в пособничестве плюрализму. Но сам он для спасения своей доктрины использует массу конвенционалистских ухищрений, а значит, снова реабилитирует плюрализм гносеологического, онтологического и социологического свойства. Многие его методологические советы не более чем конвенции³⁹. Именно оружием конвенционализма пытается Поппер разоружить материализм как якобы сумму априорных постулатов. В книге «Открытое обще-

³⁷ *Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. N. Y., 1961. P. 438.*

³⁸ *Ibid. P. 81.*

³⁹ *Ibid. P. 37, 53, 254.*

ство и его враги» Поппер предложил модифицированный конвенционализм в качестве основы для своей социальной философии⁴⁰. В рамках ведущего к плюрализму конвенционализма оказываются и почти все учения Поппера: враждебно относясь к материализму, они не проводят принципиального различия между истинным объяснением фактов и их искусственной интерпретацией. Верный попперианец, Г. Альберт называет Поппера «теоретическим плюралистом», имея в виду и его эпистемологию, и его учение о «трех мирах», и его поиски реформистских альтернатив⁴¹. Поппер против такой характеристики не возразил.

Своеобразным конкурентом «критическому рационализму» на роль ведущей идеалистической плюралистической философской доктрины к началу 80-х годов XX в. выступила герменевтика как иррационалистская антитеза неопозитивистскому и постпозитивистскому псевдорационализму. Но в проблеме плюрализма (и не только в ней) это не антиподы, а союзники.

На рубеже 70-х и 80-х годов на Западе о герменевтике как о новой философской доктрине писали и говорили немало. Ее пропагандируют в ФРГ и Франции, Швейцарии и Голландии, Дании и Австрии, заинтересовались ею в США и Канаде, в основном благодаря деятельности французского герменевтика П. Рикера. Герменевтика претендует ныне на философскую универсальность и на преобразование по своей мерке и плану большинства других существующих школ. Дюссельдорфский философ А. Димер объясняет ее популярность следующим образом: это есть выражение «кризиса доверия» к теориям, концепциям, тезисам и лозунгам, следствие разочарования во всех прежних философских учениях на Западе⁴². В том же духе высказался и лидер герменевтики Г.-Г. Гадамер. В своем главном сочинении «Истина и метод. Основные черты философской герменевтики» (1960 г.) он заявил, что ныне утрачено то «наивное неведение», с помощью которого раньше укреплялась вера в «традиционные понятия». На смену наивной убежденности пришли неуверенность во всем,

⁴⁰ The Philosophy of Karl Popper. La Salle (Illinois), 1974. Vol. II. P. 693.

⁴¹ Albert H. Traktat über kritische Vernunft. Tübingen, 1968. S. 49.

⁴² Diemer A. Elementarkurs Philosophie. Hermeneutik. Düsseldorf; Wien, 1977. S. 11.

глубокий скептицизм, всеразъедающий критический анализ, плюралистические шатания и разброд.

Посмотрим, как своеобразная гносеология семантической интерпретации стала основанием плюралистических мотивов прежде всего в самой гносеологии герменевтиков. Но последняя пустила и мировоззренческие ростки. Подчеркнем, что особенность «плюралистической ситуации» в философской герменевтике состоит именно в том, что она не претендует ни на особую гносеологию, ни на особую онтологию, даже если речь идет в обоих случаях о плюралистических построениях. Однако герменевтическая теория понимания и истолкования привела к плюралистическим выводам и теоретико-познавательного, и мировоззренческого характера. Взаимодействие тех и других выводов в герменевтике оказывается уже вторичным процессом.

Уже в названии главного труда Гадамера был заложен плюралистический принцип: где есть метод, там не может быть познания истины, а где ищут истину, там бесполезны апелляции к методу. Истина плюралистична, ибо совпадает с мнением интерпретатора. Для Г.-Г. Гадамера и иже с ним тексты превращаются как бы в окончательную объективную реальность и в этом смысле становятся предметом философии. В новейшей философской герменевтике текст оказывается объективно самостоятельным в отношении как автора, так и его среды и эпохи, ибо задачу герменевтического исследования видят теперь не в выявлении мысливших в свое время подтекстов, а в нахождении различных возможных (а значит, ранее даже и не предполагавшихся) интерпретаций. Заметим, что к оправданию полного гносеологического плюрализма вело противопоставление герменевтиками «интерпретации» как «истолкования» и «понимания» объяснению, а затем новое противопоставление «интерпретации» как активного (читай: произвольного) «истолкования» самому начальному «пониманию».

В результате подобных трансформаций герменевтический смысл обрывает пуповину, связывавшую его прежде с тем смыслом, который вкладывал в текст первоисточника его автор. Дело герменевтики ныне — уже не репродукция прежних смыслов, а производство всевозможных новых⁴³. Подобно английским буржуазным

⁴³ *Gadamer H.-G. Truth and Method. N. Y., 1975. P. 264.*

юристам, стали считать, что понимание «есть всегда применение»⁴⁴ заново, это произвольная манипуляция с прецедентами. Но это значит, что «если в герменевтике Дильтея текст являлся источником сопереживания... то в герменевтике Гадамера текст саморефлективен: познавательная активность читателя обнаруживает посредством текста его же духовный мир»⁴⁵. Но это значит также, что «объективность» на проверку оказывается новым вариантом субъективности, а применение герменевтики к философским терминам ведет к безудержному плюрализму философских понятий — к плюрализму и в гносеологии, и в аксиологии, и в онтологии. Ссылаясь на этот герменевтический плюрализм, П. Рикер построил также и философию истории философии, в которой каждый философ по-своему прав, ибо по существу не прав никто и философия есть не более чем собрание разных мнений, из которого каждый выбирает то, которое больше ему нравится. Так повторилась плюралистская интерпретация истории философии, данная в книге У. Джемса «Прагматизм» еще в 1907 г.

Герменевтик Гадамер, как это до него сделал американский «инструменталист» (прагматист) Дж. Мид в отношении общей историографии, рассуждает об истолковании истории культуры так: каждый новый герменевтик создает совершенно новое содержание истолковываемого им историко-культурного текста, подобно тому как каждый новый историк якобы творит совершенно заново саму историю⁴⁶, так что объективной, и в этом смысле научной, истории вообще будто бы нет. Факты текстов, как и факты истории, полагаются при таком подходе бесконечно пластичным и податливым материалом, в котором скрывается неисчерпаемый кладезь самых разных интерпретационных возможностей. Чтобы черпать из него, нужна лишь инициатива. Этот «податливый» материал отличается от пресловутого «сырого материала» опыта прагматиста Дж. Дьюи разве лишь тем, что в данном случае перед нами уже не поток переживаний субъекта, но как бы сгусток «второй природы», сформированной человеком в прошлом, в котором переживания содержатся в закапсули-

⁴⁴ Ibid. P. 275.

⁴⁵ Грязин И. Н. К вопросу о герменевтическом подходе в современной англо-американской философии права // Философские науки. 1980. № 2. С. 138.

⁴⁶ Gadamer H.-G. Op. cit. P. 263.

рованном виде. Интерпретации же этого «сгустка» происходят под флагом плюралистического подхода.

Центральным методологическим принципом герменевтики, как известно, является так называемый герменевтический круг, в том числе как замкнутое взаимодействие между интерпретацией и прежним пониманием текста и т. п. «Круг не формален по природе, он не субъективен и не объективен, но он описывает понимание как игру между движением традиции и движением интерпретатора»⁴⁷. Таким образом, одну из задач «круга» Гадамер увидел в характеристике обращения интерпретатора с текстами в качестве субъективно-игрового. Текст лишается собственного лежащего на поверхности или в его глубине смысла. Но к этому результату значение «герменевтического круга» в герменевтике не сводится, тем более что он выступает в разных вариантах. Обратим в этой связи внимание именно на плюралистическое измерение смыслов «герменевтического круга»: «разрешение» «круга» указывается герменевтиками через поиски так называемого предпонимания (*Vor-Urteil*), а там-то, как в волшебной бутылке, и таится плюралистический джинн.

Герменевтики много пишут о «предпонимании» как об особой беспредпосылочной интуиции, о которой мечтал еще Шеллинг. Это иррациональная интуиция, она не имеет ничего «до» себя и играет роль «предпосылки» для всей последующей интерпретирующей деятельности. Но в рамках этой деятельности, по нормам новейшей герменевтики, должны совмещаться собственно «предпонимание», ориентированное на прошлые «традиции» в толковании данного текста, с одной стороны, и активная «игра», которая «играет сама себя», — с другой. Это «игра» как текста с субъектом-интерпретатором, так и субъекта с текстом, причем «игра» со стороны субъекта разворачивается в широчайшем диапазоне между творческой догадкой и фантазирующим воображением. Герменевтики усиленно подчеркивают данный весьма специфический «игровой» характер своей деятельности. Фантазирующее воображение берет верх и над творческой догадкой, и над извлеченным из глубин «предпонимания» воспоминанием о традициях истолкования данного текста в их интегральном виде. В таком случае разрешение проблемы «круга», т. е. его

⁴⁷ Ibid. P. 269.

разрыв, сводится к санкциям на плюрализм интерпретационных решений. Каждое из них может считаться истинным, и отсюда возникают в тенденции как плюралистическая гносеология смыслов, так и плюралистическая онтология предполагаемых десигнатов этих смыслов.

Поэтому немало оснований имел «критический рационалист» Г. Альберт для критики философской герменевтики как концепции, изменившей задачам точного толкования текстов посредством строго определенной техники интерпретации и уклонившейся в полупоэтическую мистику⁴⁸. Но герменевтики и их сторонники в своих ответах обратили внимание на то, что противоположность между мировоззренческими позициями позитивистов, «критических рационалистов» и других постпозитивистов, с одной стороны, и герменевтиков — с другой, невелика и что их легко сблизить и совместить.

Главное в новейшей эволюции Гадамера — его сближение с неоконсерватизмом. Такие «неоконсерваторы», как Г. Клаус, Г.-К. Кальтенбруннер, Г. Люббе и Э. Топич, усиленно ратуют за сохранение и поддержание капиталистического *status quo*. Гадамер в этом солидарен с ними: здесь было бы хорошо обойтись без всяких интерпретаций, достаточно одних только «традиций», и «традициям» разрешено взять верх над «интерпретациями».

Среди философских герменевтиков XX в. второго поколения выделяется К.-О. Апель. Он желал бы соединить герменевтику с психоанализом и позитивизмом, в том числе с витгенштейнианской концепцией языка как «игры». В его писаниях мы в изобилии встретим демагогические призывы сделать герменевтику более «объективной», но фактически она еще больше поворачивается лицом к плюрализму. Апель ратует за то, чтобы создать герменевтическую критику идеологий и, подобно врачу-психоаналитику, вскрывать в глубинах языка подспудные мотивы социального поведения людей⁴⁹. Не с живыми людьми, а с текстами должен построить, по мнению Апеля, свой диалог исследователь

⁴⁸ *Albert H. Hermeneutik und Realwissenschaft//Sozialtheorie und soziale Praxis. Meisenheim-am-Glan, 1974. S. 53.*

⁴⁹ *Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd 2. Fr.-a-M., 1976. S. 120—126.*

историк и социолог, и его целью должно быть нахождение в ходе этого диалога с «текстуальными партнерами» по «коммуникации» средств излечения современного общества. Итак, перед нами тезис о тождестве задач философии с критикой идеологий и с критикой языка. Все идеологии заранее предполагаются при этом ложными в ключе уже известного нам *негативного плюрализма*, но важны здесь не «все» идеологии, а именно марксистская. Отправляя ее в одну из рубрик многообразия будто бы равнозначных по своей ценности и истинности идеологий, К.-О. Апель принимает, таким образом, — пусть не явно — точку зрения ревизионистско-марксологического плюрализма.

Ревизионисты марксизма используют герменевтические идеи в русле своих усилий развернуть борьбу уже не против марксистской идеологии вообще, но против подлинного, революционного марксизма. Сначала они подходят к марксизму с плюралистической меркой, объявляя одинаковыми по истинности и по значению любые ревизионистские деформации, но затем выдвигают свои монопольные претензии на «самое правильное», отличное от того, что было у самого К. Маркса, понимание и истолкование его произведений. Вместе с тем они нередко предлагают «обогащать» марксизм в целом герменевтикой. Заодно сближают К. Маркса и с З. Фрейдом, поскольку психоанализ «герменевтичен», а оба мыслителя-де стремились вскрыть неосознаваемый людьми подтекст их мышления и установок. Опять, как и в случае оценки соотношения «интерпретаций» и «традиций», они обращаются к плюрализму, когда он им выгоден, и отставляют его в сторону, когда он им несколько мешает.

Одна из важных причин увлечения герменевтикой на Западе заключается в том, что буржуазное мышление «перестает видеть мир в его движении и понимать смысл исторического движения»⁵⁰. Буржуазный философ уходит от жизни, отстраняется от социальных объектов и удовлетворяется объектами неживыми — текстом. Получить ответы на жизненные вопросы все же надеются не от мертвых текстов, а от их истолкований, для чего и подменяют познание субъективной интерпретацией. Соответственно философия в своем живом раз-

⁵⁰ Черны И. Проблема анализа текста в марксистско-ленинской истории философии//Философские науки. 1977. № 2. С. 123.

витии вытесняется историей смены различных философских текстов и их разных толкований, которые, однако, все будто бы не имеют ничего общего с истиной. В конце концов философствующие герменевтики не надеются на то, что анализ текстов приведет или приблизит их к истине. На смену одним интерпретациям приходят другие, не более того. Крайний релятивизм и утративший ориентиры познавательный и мировоззренческий плюрализм — вот мнимое «достижение» философов-герменевтиков. Сам необозримый веер интерпретаций превращается в предстоящую субъекту плюралистическую реальность, реальность субъективно-идеалистического свойства.

Важным побудительным мотивом к занятиям герменевтикой среди современных буржуазных идеологов является и то, что в ее лице они, как мы уже видели, надеются обрести средство разрушения марксистской идеологии — разрушения именно в том принципиально важном пункте, где «традиция», т. е. аутентичные тексты классиков марксизма-ленинизма, диалектически переходит в творческое развитие содержащихся в этих текстах идей всемирно-исторического значения. Это развитие и квалифицируется новейшими герменевтиками весьма цинично, как всего лишь субъективистская «игра». Но на деле именно поучения герменевтиков о том, как именно надо интерпретировать тексты (за вычетом того, что герменевтики XX в. заимствовали из опыта собственно филологического истолкования текстов, семиотики и переводческой деятельности), представляют собой субъективистскую «игру»⁵¹, не имеющую в своей философской основе ни научного значения, ни участия в гносеологическом и семиотическом прогрессе. Что же касается прогресса социального, то философская герменевтика ему не только чужда, но и фактически враждебна.

⁵¹ Варианты субъективистской «игры» мы встретим и в логическом конвенционализме. В монографии болгарского логика Добриня Спасова отмечается этот вид плюрализма, кроме того, дается критический анализ собственно логических оснований философского плюрализма, а это — мало исследованный прежде аспект изучения плюрализма (см.: *Спасов Д.* Единство и многообразие. София, 1978. С. 20—45, 134—249). Добавим, что советскими исследователями выявлены смысл и логика биологизирующей плюрализации процессов и результатов познания, например у С. Тулмина.

Гносеологический плюрализм претерпевал в своей истории многие изменения. Один из основателей плюрализма в предымпериалистический период философского развития, У. Джемс, в своих выкладках абсолютизировал функциональные связи между фактами. Он считал, что эти связи, будучи «внешними», оставляют «логическую возможность для случайного, непредвиденного, для появления нового, для свободы, для существования взаимоисключающих качеств»⁵². Функциональные структуры и системные связи обещали стать удобной почвой для плюралистических комбинаций.

В 60-х годах XX в. и позднее масса накопленных научных данных, противоречивый характер хода мирового революционного процесса, громадный материал, накопленный в мировой культуре, все более ясно показывали ущербность плюрализма в прежнем его гносеологическом обличье, который благодаря конвенционализму Ж. А. Пуанкаре, П. Дюгема, Э. Леруа, а затем с помощью прагматизма, логического и лингвистического позитивизма стал важной чертой и составной частью идеалистической философии XX в.

В этой ситуации системный подход в разных его вариациях начал теснить традиционный плюрализм в гносеологии. Герменевтика ни в это, ни в более позднее время не смогла стать единственным монопольным направлением, определяющим судьбу плюрализма, в том числе в гносеологии и семиотике. Новая тенденция сначала проявилась в некотором «смягчении» и ограничении прежнего плюрализма. Она показала себя, например, в эволюции экзистенциализма: «изучение смысла и значения переживаний экзистенциального субъекта заменилось возвратом к позитивным разработкам самого объекта знания»⁵³. И здесь не обошлось без воздействия со стороны идей системности французских структуралистов: «не индивидуальное переживание, не *cogito* индивида, его проекции и выбор, а анализ широких целостных структур должен быть отправной точкой научного исследования»⁵⁴.

Значительный общенаучный потенциал системно-структурного и структурно-функционального подходов,

⁵² Юлина Н. С. Проблема науки и метафизики в американской философии XX века. М., 1977. С. 57.

⁵³ Сахарова Т. А. От философии существования к структурализму. М., 1974. С. 219.

⁵⁴ Там же.

а вместе с тем открывшиеся у него новые гносеологические возможности для протаскивания идеализма в науку, а также и его общие претензии на универсальность положения и роли в буржуазной философии обусловили его преимущество по отношению к прежнему гносеологическому плюрализму. Сторонники структурализма ссылались и на то, что в отличие от У. Джемса с его «внешними отношениями» структурализм, подобно Б. Расселу периода логического атомизма, основывается как будто на исследовании внутренней взаимозависимости явлений мира или «внутренних отношений», что, однако, позволяло в онтологии, как это было и в логическом атомизме, до поры до времени «удачно» избегать монизма. Но структурализм привел вновь к плюрализму.

Достигается это за счет «нейтральной», а значит, поддающейся вееру вариантов истолкования онтологизации структур языковой реальности, как в природном, так и в социальном или общекультурном ее виде, что вновь, как это было и в прагматизме, и в неопозитивистском конвенционализме, приводит к отождествлению относительной истины с временно принятым заблуждением или с субъективным мнением, и тем самым отрицается роль объективной и абсолютной истины. Происходит это уже не в самом французском структурализме, но у новейших постпозитивистов, более или менее открыто санкционирующих «свободный выбор» философского мировоззрения.

Отсутствие у многих плюралистически ориентированных буржуазных философских теорий определенной онтологии не позволяет в ходе анализа достаточно четко выявить имеющую во многих случаях (хотя и не всегда) место взаимообусловленность гносеологического и онтологического плюрализма. Это относится и к философскому структурализму, но его тяготение к объективному идеализму несомненно.

Возникает представление, что плюрализм как гносеологическая позиция и конвенционализм вообще совпадают. Так ли это? Действительно, конвенционалистский взгляд на истину как на взаимосогласованность предложений в их системе (логический позитивизм), ведущий к «успеху» выбор (неопрагматизм), результат волевого решения как «удобный» миф (ницшеанство), избранную методом «проб и ошибок» для временного использования ложную гипотезу («критический ра-

ционализм») или на субъективную интерпретацию (герменевтика) прямо ведет к тезису о плюрализме истин. Своего рода волюнтаристический агностицизм, присутствующий в той или иной степени в каждом из этих истолкований истины, берет под свою опеку и конвенционализм, и гносеологический плюрализм. Другие виды плюрализма идут рука об руку с конвенционализмом в той мере, в какой конвенционализм сам получает расширенное (за пределами учения об истине) толкование. Все это означает, что степень совпадения конвенционализма и плюрализма велика, хотя они и отличаются, так же как отличны метод и его цели.

Анализ вопроса, как оказывается возможным плюрализм в теории познания, показывает, что в качестве дилеммы выступает необходимость «либо отказа от фаллибилизма, т. е. реабилитация догматизма, либо отказа от плюрализма, т. е. теоретико-познавательного монизма»⁵⁵. А если не искать источника плюрализма в теории познания, «если принять его как данное, теоретико-познавательный плюрализм немедленно обнаруживает себя как эпистемологический анархизм»⁵⁶, т. е. как полную гносеологическую зыбкость и шаткость, иначе говоря, крайний релятивизм. А отсюда до плюрализма опять рукой подать.

Отметим теперь еще раз, что аксиологический плюрализм⁵⁷ в значительной степени связан именно с гносеологическим видом и аспектом философского плюрализма. Сам факт появления в современной философии аксиологического плюрализма явился следствием определенной трансформации философского плюрализма в его гносеологической форме, ведь модификация агностической и субъективно-идеалистической трактовки отношения между субъектом и объектом в баденской школе неокантианства как раз и привела к появлению в ней специального учения о ценностях. Современная буржуазная философия стремится использовать для себя новые возможности, связанные с тем, что марксизм

⁵⁵ Ионин Л. Г. Дилеммы «критического рационализма»//Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978. С. 207.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Говоря об аксиологическом плюрализме, мы имеем в виду две основные его разновидности: 1) утверждение, что любые ценностные концепции и системы равноправны, и 2) тезис о том, что ни одна из ценностей в рамках данной концепции не принадлежит к числу главных, ведущих.

доказал необходимость включения в структуру познания практической деятельности субъекта. В результате замены «двухчленной формулы (знание — объект) трехчленной (знание — деятельность — объект)»⁵⁸, где «деятельность» была истолкована по-позитивистски либо откровенно идеалистически, возникли праксеологический плюрализм (в первом случае) и связанные с ним различные варианты волюнтаристического идеализма (во втором случае).

Праксеологический плюрализм возникает вследствие того, что подмена материальной практики понятием онтологически «нейтральной» деятельности легко смещается в сторону самой неопределенной философской трактовки последней, а таковая позволяет уже принять самые разные интерпретации «практики».

Именно в трехчленной формуле познания весьма выпукло обрисовывается связь философского плюрализма с политической идеологией и с соответствующими интерпретациями культуры⁵⁹. Налицо и взаимодействия аксиологического и праксеологического плюрализма. Обратим в этой связи внимание читателей на работы И. Т. Фролова, Б. Г. Кузнецова, В. С. Пазенка, ракурсы исследования в которых важны для нашей темы⁶⁰.

Остановимся только на одном аспекте аксиологического плюрализма. В соответствующей главе этой книги будет показана внутренняя связь аксиологического плюрализма с релятивизмом. Отметим дополнительно, что крайний релятивизм оказывается по существу уже отрицанием плюрализма, так как исключает понятие любой относительно устойчивой ценности, а значит, и сам факт существования аксиологического плюрализма, который допускает разные системы ценностей, но вовсе не отрицает их все в принципе «без остатка». Ведь если «кислота» тотального плюрализма П. Фейерабенда в виде пресловутого «эпистемологического анархизма» растворяет любые аксиологические концепции (хотя, безусловно, не исключает симпатий автора к ли-

⁵⁸ См.: *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 177—178.

⁵⁹ См.: *Иванов В. Н.* Апории «плюрализма» в культурологии. Режи Дебре//Вопросы философии. 1981. № 9. С. 157—161.

⁶⁰ См.: *Кузнецов Б. Г.* Современная наука и философия. М., 1981; *Пазенок В. С.* Апология аморализма: критический очерк буржуазно-этического релятивизма. М., 1982. С. 64—71, 109, 173—190; *Фролов И. Т.* Человек — наука — гуманизм, М., 1982. С. 39—44.

берализму и не выводит его за рамки буржуазного общества), то и «кислота» тотального релятивизма растворяет любые аксиологически-плюралистические концепции. По мере того как эклектизм несколько ослабляет и сглаживает крайности «последовательного» плюрализма, несколько ослабляется и органично связанный с ним релятивизм. Но от этого плюрализм в разных его видах не утрачивает функций, предначертанных для него, так сказать, социальным заказом в рамках буржуазной идеологии и политики.

Современный плюрализм в философии нацелен на подрыв ценности самой философии, самое большое допускается им лишь ценность философствования... Однако дело далеко не только в этом. Плюрализм как общетеоретическая концепция, подчеркнем это еще раз, направлен на подрыв принципа партийности в философии, но тем самым на деле он сам есть завуалированное выражение (одно из выражений) буржуазного принципа партийности.

Современный плюрализм в философии вообще и в гносеологии в особенности выглядит зачастую несколько «смягченным», подобно позднему, уже «смягченному» (mitigated) скептицизму Д. Юма, но благодаря этой своей черте он делается еще более приспособляющимся, гибким, вездесущим, охотно протягивающим руку своей противоположности — универсализму. Недаром ряд буржуазных ученых на Западе, когда речь заходит о мировоззрении, пытаются сознательно остановиться именно на плюралистической философской позиции, хотя делают оговорки и в пользу противоположного взгляда⁶¹. Не прекращается и конструирование новых плюралистических концепций как в области онтологии, так и прежде всего в области гносеологии и методологии⁶². Необходимость плюрализма для новейшей буржуазной

⁶¹ Naess A. The Pluralist and Possibilist Aspect of the Scientific Enterprise. Oslo; L., 1972. P. 127—128; Полищук Н. П. Плюрализм и современная буржуазная философия (мировоззренческий аспект). Киев, 1985. С. 172.

⁶² Galtung J. Methodology and Ideology. Essays in Methodology. Vol. I. Copenhagen, 1977. Отметим, что во Введении И. Галтунг называет Арне Несса другом и учителем и особо подчеркивает роль плюрализма как важнейшей ценности, нераздельной с пониманием ценности демократии, личной свободы. Здесь сам «плюрализм» рассматривается как особая ценность и на том же (!) уровне, что и свобода. Это весьма характерно для буржуазной псевдолиберальной позиции.

философии защищается в работах Х. Перельмана, который особенно хвалит плюрализм аксиологический⁶³.

Думается, что не от хорошей жизни буржуазные идеологи так усиленно заигрывают с плюрализмом. Это своего рода маскирующее и дезориентирующее «противоядие» в отношении беззастенчивой агрессивной идеологии заправил империалистического мира. В условиях развития реального социализма и роста освободительных движений, расширения и углубления мирового революционного процесса буржуазия усиленно стимулирует появление и существование всевозможных, определенно немарксистских, а также антимарксистских философских теорий. И в этом плане методологический и гносеологический плюрализм, не очень «кричащий», несколько затушеванный, оказывается для них весьма удобным. Недаром откровенность П. Фейерабенда смутила многих «философов науки», и они стали на него нападать: в доме повешенного не принято говорить о веревке.

Важно отметить и другое. Ради сохранения своего существования для империалистической буржуазии стало, как никогда, важным использование новейших достижений совокупности науки. Следовательно, интуитивные, иррациональные методы должны были бы быть ограничены в той степени, в какой они позволяли бы науке предоставлять достоверную и полезную для господствующего класса информацию, но блокировали бы ее внутреннюю логику развития, которая ведет к материализму и атеизму, к обоснованию необходимости положить конец капитализму и перейти к социализму. Здесь удобен плюрализм, но в еще большей степени — эклектизм.

Поэтому в гносеологии и методологии в 70-х годах XX в. столь возросли самые разнообразные эклектические мотивы, которые нацелены на то, чтобы несколько «укротить» релятивистский характер плюрализма и обеспечить как сохранение принципа буржуазной партийности, так и проведение линии классовых интересов буржуазии в современной науке и технике. Это стало возможным в процессе превращения содержания «классического» плюрализма как методологии и принципа обоснования «третьего» пути в «смягченный», «ограни-

⁶³ *Perelman Ch. La Philosophie du Pluralistique et la Nouvelle Rhétorique//Revue Internationale de Philosophie. 1979, N 33. P. 5—17.*

ченный» плюрализм, который афишируется не сам по себе, а в соединении с некоей будто бы однозначной компилятивной программой, «уважающей» монизм научной истины, но не очень-то доверяющей ему теоретически.

Характерный факт. До 70-х годов XX в. буржуазные философы, идеологи, многие представители ревизионизма охотно причисляли себя к плюралистам. Мы приводили признание такого рода, которое было сделано Т. Масариком, скорее эклектиком, чем плюралистом. В наше время антикоммунист и плюралист-марксолог Л. Колаковский открыто называет себя эклектиком, поскольку он-де противник того, чтобы давать индульгенцию буквально всем течениям, и предпочитает быть эклектиком, нежели оправдывать «ортодоксальный» марксизм. Эклектицизм и беспринципность — альфа и омега новейшего гносеологического плюрализма.

3. Индетерминизм — характерная черта доктрины плюрализма в современной буржуазной философии и политологии

Монизм возможен там и тогда, где и когда используется теория, способная объединить знание, представленное в концепциях, взглядах, идеях и тому подобных элементах мировоззрения, в единую систему. В силу того что научное познание выявляет не только различные, но и прямо противоположные моменты бытия, объединяющей теорией может быть только материалистическая диалектика. Именно она является учением о «том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*...»¹. Поэтому любая метафизическая доктрина обречена в своем логическом завершении на дуализм или плюрализм, закономерно связанные с идеализмом.

В первую очередь данное соображение касается взглядов на проблему детерминизма. Невозможно последовательно монистическое мировоззрение, не опирающееся на диалектико-материалистическую концепцию детерминизма. Основной гносеологической предпосылкой антинаучного мировоззрения является метафизическая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 29. С. 98.

абсолютизация в процессе познания одной из сторон развивающейся действительности. ,

Эта абсолютизация имеет многообразные формы проявления, отражающие главным образом различные детерминистские взгляды: абсолютизацию одного детерминирующего фактора и сведение качественного многообразия субординированных типов детерминации к количественной множественности детерминаций одного типа («панкаузализм», «кондиционализм» и т. п.); попытку преодолеть подобную односторонность введением представления о различных типах детерминизма («номологическом», «каузальном», «пробабилистском», «физическом», «логическом» и др.)² — «плюрализм детерминизма»; логическое завершение последнего подхода — абсолютизацию случайности в развитии и уход на этой основе от детерминизма к индетерминизму; подмену материального начала в детерминации идеальным. Названная последовательность взглядов отнюдь не произвольна — в аспекте детерминистских представлений она отражает путь от метафизической абсолютизации к идеализму.

Доктрина плюрализма самым непосредственным образом связана с метафизической интерпретацией процесса детерминации. Плюрализм покоится на представлении о практически бесконечном количестве качественно однотипных, «равноправных» детерминаций всякого события, что выступает основанием для вывода о неопределенности всех процессов, невозможности познать «полную причину» того или иного события. Такого рода «детерминизм» фактически тождествен индетерминизму и весьма близок к субъективному идеализму.

Всякое расшатывание целостности, единства, диалектического начала в детерминизме объективно служит индетерминизму и плюрализму. В этом смысле представляется неправомерным разделение философского и естественнонаучного детерминизма (скрытая форма «плюрализма детерминизма»), так как это имплицитно ведет к упразднению методологической и мировоззренческой функции философского принципа по отношению к конкретным наукам. Возникает парадоксальная ситуация: что «детерминистично» в плане «философского «детерминизма» (например, вероятностные квантовомехани-

² Laland A. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. P., 1956. P. 224; Fisk M. Nature and Necessity. L., 1973.

ческие отношения), то «индетерминистично» в плане «физического» детерминизма.

Плюрализм детерминизма скрывает в себе индетерминизм и субъективный идеализм, поскольку предоставляет возможность произвольно выбрать позицию, с которой всякие конкретные отношения могут быть представлены недетерминированными. Известно, что подобный прием использовался позитивизмом в обосновании агностицизма. Опровергая доводы такого рода как субъективистские, В. И. Ленин писал: «Разве это не обскурантизм, когда чистая теория заботливо отгораживается от практики? Когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке? В моем кабинете, — говорит ученый педант, — я детерминист, а о том, чтобы философ заботился о целом, охватывающем и теорию и практику, мирозерцании, построенном на детерминизме, нет и речи»³. В. И. Ленин ясно указывает здесь на фундаментальное место детерминистских представлений в системе научного мировоззрения.

Мировоззренческим следствием идеи плюралистичности детерминизма является доктрина плюральности мировоззрения. Если нет единой, всеохватывающей концепции детерминизма, то не может быть и единой мировоззренческой концепции: каждый смотрит на мир в ракурсе своих детерминистских взглядов, среди которых неправомерно выделять ведущие и ведомые, поскольку здесь нет субординации, — все они равноценны.

В конце 40-х — начале 50-х годов нашего столетия доктрина плюрализма приобретает новое звучание и все более широкое использование в конкретных философских и социально-политических концепциях Запада в связи с наступлением очередного этапа кризиса капиталистической системы. В это время глашатаем данной доктрины становится крупнейший представитель религиозного экзистенциализма. К. Ясперс, в работах которого плюрализм получает общепринятое в дальнейшем философское обоснование и активно используется для развития мировоззренческого и политического плюрализма.

В монографии «Истоки истории и ее цель» (1949 г.) Ясперс уделяет большое внимание центральному для

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 199.

экзистенциализма вопросу — о сущности и основании человеческой свободы. Классическое экзистенциалистское понимание свободы как ситуации выбора Ясперс связывает с представлением о почти неограниченной множественности детерминаций мира, что определяет невозможность его познания: «Если мы постигнем в истории общие законы (каузальные связи, структурные законы, диалектическую необходимость), то собственно история останется вне нашего познания»⁴. Смешивая вопрос об абсолютной истине с проблемой объективности истины, Ясперс доказывает, что поскольку не может быть тотального знания, то не может быть и «тотального планирования»⁵. Вера в возможность последнего основана, по мнению философа, на «монокаузальном мышлении». Человеку открывается лишь часть «каузальных, мотивационных, ситуационных и смысловых связей», что не ведет «к убедительному знанию целого»⁶.

Упрек в «монокаузальном мышлении» и вере в «тотальное планирование» брошен Ясперсом социализму как учению и как строю. Для буржуазного философа существует лишь два варианта: «Либо мы сохраняем перед лицом всеобъемлющего рока право свободного выбора, верим в возможности, которые проявляются в свободном столкновении различных сил. ...Либо мы живем в созданном людьми тотально планируемом мире, в котором гибнет духовная жизнь и человек»⁷. Принимая эту явно апологетическую в отношении мира «свободной конкуренции» формулу, Ясперс не замечает, что признание «всеобъемлющего рока» уничтожает всякую альтернативность человеческих решений как в теории, так и на практике.

В концепции Ясперса ложна не сама по себе идея множественности, многообразия детерминаций, а убежденность, что это многообразие остается непостижимым для человека. В связи с этим философ полагает, что каждый владеет «своим миром», своим мировоззрением и пытается навязать свои взгляды другим⁸. Ясперс выдвигает требование отделить мировоззрение и почти совпадающую с ним идеологию от политики и тем самым

⁴ *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1952. S. 299.*

⁵ *Ibid. S. 229—230.*

⁶ *Ibid. S. 234.*

⁷ *Ibid. S. 226.*

⁸ *Ibid. S. 207.*

сохранить саму возможность плюрального мировоззрения. Плюральность мировоззрения, с точки зрения Ясперса, — это основа демократии. Ясно, что такое рассуждение основано на индивидуализации и субъективизации исторического процесса. Мировоззрение, как и идеология, отражает интересы и взгляды не отдельных «субъектов», а классов и социальных групп. Не может быть общества, разделенного на антагонистические классы, в котором бы не происходила вместе с борьбой политической и идеологической борьба — борьба мировоззрений.

Доктрина плюрализма выступает тем связующим элементом, который интегрирует многочисленные и разнородные буржуазные философские и социологические концепции. Тенденция к подобной интеграции является отражением кризиса современной буржуазной философии и политологии, обнажает их единую классовую сущность.

Остановимся вкратце на детерминистских взглядах К. Поппера. Поставив перед собой цель найти «изъяны» в учении детерминизма, Поппер рассматривает три вида детерминизма: «религиозный», «научный» и «метафизический»⁹. С его точки зрения, эта последовательность отражает генезис концепции детерминизма, поскольку идея детерминизма зародилась якобы в религии в форме веры в предопределенность будущего волей бога. Почти дословно воспроизводя высказывания на этот счет О. Конта, Поппер отбрасывает причинный анализ как «ненаучный», «метафизический»¹⁰.

Философ связывает формирование «научного детерминизма» с операцией перенесения теологической идеи предопределенности на природу. Приписывая в духе позитивизма детерминизму постулат предсказуемости, он трактует «научный детерминизм» совершенно в духе П. Лапласа: «...структура мира такова, что любое событие может быть реально предсказано с желаемой степенью точности, если у нас имеется достаточно точное описание прошлых событий и все законы природы»¹¹. Весь пафос критики детерминизма направлен у Поппера на выдвижение аргументов, опирающихся на данные

⁹ *Popper K. R. The Open Universe: An Argument for Indeterminism. N. Y., 1982. P. 1—2.*

¹⁰ *Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. L., 1972. P. 61.*

¹¹ *Popper K. R. The Open Universe. P. 2.*

современной физики, биологии и даже здравого смысла и демонстрирующих невозможность однозначного предсказания во всех этих сферах¹². Ставя объективную детерминированность в зависимость от субъективной возможности предсказания, Поппер обнаруживает свою тесную связь с неопозитивизмом, от которого сам старательно отмежевывается. Еще основатель «Венского кружка» М. Шлик писал: «...Термин «детерминировано» означает то же самое, что и «предсказуемо»¹³, и только.

Доводя субъективизм до логического завершения, Поппер встает на позиции конвенционализма, объявляет все научные теории «изобретениями человеческого разума». Отсюда и новый «аргумент» против объективной детерминированности — из детерминистского характера теорий нельзя выводить детерминизм мира¹⁴. Поппер не осознает, что этот аргумент в действительности направлен против его собственной субъективистской интерпретации теорий, а не против детерминизма.

Вполне в духе неопозитивизма Поппер абсолютизирует уникальность и неповторимость отдельных событий, видя несостоятельность детерминизма в том, что последний постулирует закономерность и универсальность¹⁵ мира в целом.

Отказ от детерминизма оборачивается в философии истории и социологии Поппера отказом признать детерминированность, закономерность исторического процесса, критикой марксизма как «историцизма», опирающегося на «ложное» учение об объективных противоречиях как движущих силах развития¹⁶. Еще больше обнажая субъективно-идеалистическую основу своей доктрины, Поппер утверждает, что противоречия существуют и приводят к смене различных теорий только в мире идей. Опираясь на это положение, философ растворяет историю в единичных, случайных и уникальных действиях отдельных личностей, рассматривает исторический процесс как сцепление случайных человеческих решений, психических побуждений, научных открытий и т. п. Автор заявляет: «Будущее зависит от нас самих, а мы

¹² Ibid. P. 28.

¹³ Schlick M. Die Kausalität in der gegenwärtigen Physik. Wien, 1938. S. 77.

¹⁴ Popper K. R. The Open Universe. P. 40—46.

¹⁵ Ibid. P. 46—47.

¹⁶ Popper K. R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. N. Y., 1963. P. 37—40.

не зависим ни от какой исторической необходимости»¹⁷. Крайний индивидуализм и антиисторизм смыкаются здесь с крайним плюрализмом — начал исторического процесса столько же, сколько живущих индивидов.

Повторяя в главном идеи К. Ясперса, Поппер отождествляет плюрализм со свободой, сознательно противопоставляет его историческому детерминизму как «основе тоталитаризма». Индетерминизм и плюрализм закономерно приводят философа к апологетической теории «открытого общества» (в котором достаточно прозрачно угадывается современное буржуазное общество) — общества «подлинной свободы и демократии».

К Попперу вполне можно отнести замечание В. И. Ленина, адресованное основоположнику ревизионизма Э. Бернштейну, который «смешал понятие «детерминистического» с понятием «механического», смешал свободу воли с свободой действия, отождествил без всяких оснований историческую необходимость с принудительным, безвыходным положением людей»¹⁸.

Весьма характерным примером связи индетерминизма, философского и политического плюрализма является концепция П. Фейерабенда. Приобретая известность как критик научного метода Поппера, Фейерабенд обнаруживает явное «родство» с ним в своих детерминистских воззрениях и мировоззренческих установках.

Любое мировоззрение, по мнению Фейерабенда, носит субъективный характер. Наука же пытается выдать один из таких взглядов за объективный и навязать его всем. Поэтому следует отказаться от абсолютизации каких-либо традиций и встать на точку зрения релятивизма, обоснованного еще Протагором. «Протагоровский релятивизм, — пишет Фейерабенд, — оправдан, ибо он принимает во внимание плюрализм традиций и ценностей. Это цивилизованный взгляд на мир, ибо собственная деревня со свойственными ее жителям странными привычками не объявляется здесь «пупом мира»»¹⁹.

В «релятивизме» Фейерабенда явно прослеживается идея равноправия детерминаций социальных процессов — идея плюрализма. На ней философ основывает и свою программу «релятивизации» общества, что должно привести к достижению «свободного общества», — об-

¹⁷ Ibid. P. 3.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 200.

¹⁹ Feysrabend P. Science in a Free Society. L., 1978. P. 28.

щества, «где все традиции имеют равные права»²⁰. Однако при решении вопроса о сути политического релятивизма Фейерабенд попадает в весьма затруднительное положение, поскольку выбирает в качестве основания новой общественной структуры не какие-то новые экономические отношения, а новые отношения между «традициями» — различными мировоззрениями. Главный путь к этим новым отношениям — «открытый обмен мнениями», выработка единой «традиции» в результате проникновения в образ мышления, идеи, мировоззрение собеседников²¹. В этом процессе наряду с научными взглядами на мир, по мнению Фейерабенда, следует широко использовать ненаучные и даже антинаучные представления²². Даже мифы и религиозные системы могут стать достойными соперниками-партнерами науки в выработке «новой традиции». Субъективный идеализм подкрепляется в этих рассуждениях методологическим и мировоззренческим плюрализмом. Не выдвигая никаких критериев вычленения и структурирования разнородных взглядов и представлений в целостное мировоззрение, концепция Фейерабенда объективно служит капиталистическому строю, оправдывает анархизм, «свободную» игру сил, господствующую в буржуазном мире.

Весьма характерны идеи крупного современного финского философа и логика Г. фон Вригга. В качестве главной цели ряда своих исследований он выдвигает разработку «детерминистической теории человека»²³. Противопоставляя детерминизм в науке о человеке детерминизму в науке о природе (здесь мы вновь встречаемся с формой «плюрализма детерминизма»), Вригг связывает первый с понятиями «цель», «мотивация», «интенциональность», которые якобы не отражают никакой объективной закономерности²⁴. В то же время, по его мнению, детерминизм в естествознании вполне сопоставим с представлением об универсальной закономерности, повторяемости, воспроизводимости явлений.

Постулируя принципиальную противоположность, несовместимость этих двух «детерминизмов», Вригг приходит к выводу о существовании «методологического раз-

²⁰ Ibid. P. 29—30.

²¹ Ibid. P. 29—30.

²² Ibid. P. 87, 103.

²³ Essays on Explanation and Understanding: Studies in the Foundations of Humanities and Social Sciences. Dordrecht, 1976. P. 415.

²⁴ Ibidem.

рыва» между гуманитарным и естественнонаучным знанием. Не замечая, что «разрыв» произведен им самим, философ делает следующий шаг к субъективизации и индивидуализации социального процесса. Каузальность относится Вригтом к естествознанию, в связи с чем историческое событие не может быть, с его точки зрения, объяснено, оно может быть только «понято» на основании понимания намерений отдельных людей, которых Вригт считает субъектами исторических процессов²⁵. Исторический процесс становится поэтому чем-то акаузальным, недетерминированным, подчиненным «чисто случайным», уникальным, непредвиденным намерениям индивидов. Нетрудно заметить почти полное совпадение взглядов Вригга с концепциями социальной детерминации К. Ясперса, К. Поппера и П. Фейерабенда.

Надо отметить, что само противопоставление каузальности естественных процессов и акаузальности общественных также не является открытием Вригга, оно свойственно всей герменевтике и постулировалось еще одним из «отцов» этой философии, В. Дильтеем. Субъективно-идеалистическая интерпретация истории строится в герменевтике по схеме: $I \rightarrow M \rightarrow I'$ (идеальное детерминирует материальное, которое в свою очередь детерминирует новое идеальное). Таким образом, материальное не отрицается вообще, ему отведена роль «посредника» в детерминации $I \rightarrow I'$. Материалистическая же схема взаимосвязи и взаимодействия материального и идеального в историческом процессе имеет вид: $M \rightarrow I \rightarrow M'$. Идеальное предстает здесь как процесс промежуточного опосредования в сознании человека материального, как «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»²⁶.

Плюрализм герменевтической концепции истории неразрывно связан с субъективно-идеалистической интерпретацией последней: элиминация детерминированности исторических событий подчиняет их действию множества отдельных индивидов.

Приобретая статус общемировоззренческой доктрины, плюрализм начал оказывать заметное влияние на теоретические разработки буржуазных политологов, нашел отражение в программах многих социал-демократических и буржуазных партий. Так, в программе Социал-

²⁵ Ibid. P. 416.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 21.

демократической партии Германии, принятой на съезде в Бад-Годесберге в 1959 г. и обозначившей превращение СДПГ из партии рабочего класса в «общенародную» партию, партию «демократического социализма», содержится отказ от пути, ведущего к обобществлению средств производства, и вместе с тем отказ от всякой определенной идеологии и мировоззрения. «СДПГ объявила себя партией идейной свободы: ее члены могут иметь различное мировоззрение, но их объединяют общие моральные ценности и одинаковые политические цели»²⁷. В этой связи уместно вспомнить противоречивую трактовку мировоззрения К. Ясперсом, не включающую в мировоззрение этические и политические взгляды. Идея «плюральности мира» отказывает в системном единстве как самой действительности, так и взглядам на эту действительность. Результатом такого подхода является нечеткость программно-уставных требований к членам партии, туманность в определении стратегических целей СДПГ.

В программных документах и теоретических выступлениях некоторых лидеров современной социал-демократии нередко развивается положение Ясперса о необходимости отказа от «монокаузальной теории». Тем самым создается полемика с теми критиками программы СДПГ, которые поддерживают основанную на марксистско-ленинской теории мысль об обобществлении средств производства как необходимом основании социалистических преобразований: «Современная социал-демократия отказалась от этой иллюзии. Положение общества определяется многими факторами и давно уже не одной только собственностью»²⁸. Опираясь на эту плюралистическую трактовку, лидеры СДПГ полагают главным путем улучшения «качества жизни» реформы, не затрагивающие коренных социальных основ, но охватывающие «повседневные проблемы». В этих положениях особенно четко прослеживается взаимосвязь взглядов на детерминизм с определенным мировоззрением и идеологией, выливающаяся в определенную стратегию и тактику действия.

Отказ от фундаментальных положений марксизма-ленинизма обосновывается сегодня теоретиками и прак-

²⁷Brandt W., Kreisky B., Palme O. Briefe und Gespräche 1972 bis 1975. Fr.-a-M.; Köln, 1975. S. 15.

²⁸ Ibid. S. 69.

тиками социал-демократии ссылками на необходимость плюралистического подхода. При помощи доктрины плюрализма они пытаются «исправить», «подновить» или упразднить марксизм.

«Социал-демократия, — достаточно откровенно заявляет австрийский философ и политолог Р. Вольгенант, — не присоединяется к материализму Маркса и признает, что наряду с материальными существуют другие *равноценные* (курсив наш. — Авт.) факторы, влияющие на формирование человека»²⁹. Не менее определенно высказывается видный представитель «Движения социалистических демократов Франции»³⁰ К.-М. Итт: «Мы не считаем, что развитие истории является исключительно следствием конфликта между производительными силами. Мы отвергаем диалектический материализм и постулат насильственной революции в качестве руководства нашего действия. Мы категорически отбрасываем теорию гегемонии пролетариата, осуществляемой единственной партией»³¹. В приведенных высказываниях отчетливо видна плюралистическая платформа авторов. Характерны и приемы аргументации — искажение марксизма, а затем критика этого искажения как действительного марксизма.

У Итта и Вольгенанта нет буквально ни одной верно переданной ими мысли марксистского учения. Прежде всего марксизм-ленинизм, как известно, полагает причиной (но не единственным детерминантом!) исторического процесса конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Далее, марксизм никогда не выдвигал «постулата насильственной революции» (многие буржуазные авторы путают понятия «насильственное» и «закономерно необходимое»), точно так же марксизмом никогда не постулировалась в качестве закона однопартийная система. Что же касается обвинения марксизма в признании воздействия на формирование человека лишь материальных факторов, то это просто списано Вольгенантом у искажителей марксизма, живших еще в прошлом столетии. Отвечая таким

²⁹ *Wohlgemant R. Der demokratische Sozialismus: Sein Selbstverständnis und sein Verhältnis zum Marxismus. Wien, 1978. S. 233.*

³⁰ ДСДФ — часть правого крыла французской социалистической партии, порвавшая с ФСП после заключения последней стратегического союза с ФКП.

³¹ *Hytte C.-M. Pour un socialisme démocratique//L'Europe en formation. Nice, 1979. N 234. P. 44.*

фальсификаторам, пытавшимся представить марксизм узким механистическим экономизмом, Ф. Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»³².

Однако внимательное чтение произведений марксизма не является, с точки зрения некоторых его противников, необходимым условием для критики. Поэтому современные упразднители марксизма смело идут дальше, заявляя, что не существует «экономических или каких-то других законов развития», в связи с чем «социал-демократия признает тенденции, временные направления развития, но никакой «железной необходимости»»³³. Убрав с дороги законы развития, Вольгенант приступает к обоснованию теории «демократического социализма» — главной политической доктрины современной социал-демократии.

Системообразующим принципом этой доктрины выступает плюрализм, находящий выражение в видимом непризнании какой бы то ни было философской, социологической, экономической, исторической теории, «претендующей на абсолютную достоверность», т. е. фактически какой бы то ни было теории вообще (кроме, разумеется, теории плюрализма!). В области практики, с точки зрения Вольгенанта, буржуазный мир Запада уже достиг такого плюрализма, ибо существующая там социальная система характеризуется, по его мнению, многообразием форм собственности и противоборствующих сил различного плана и потому является не капиталистической, не некапиталистической, не социалистической, не несоциалистической, а «смешанной системой»³⁴. Вольгенант не может сказать ничего определенного об экономической, политической или культурной жизни такой «системы» (это противоречило бы принятому «правилу» плюрализма) и потому ограничивается более чем туманными намеками типа: «...демократиче-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394.

³³ *Wohlgenannt R.* Op. cit. S. 235.

³⁴ *Ibid.* S. 236.

скому социализму должно быть присуще столько рыночных отношений, сколько возможно, столько планирования, сколько необходимо»³⁵.

Не большей ясностью отличается исследование теоретических и практических оснований плюралистической демократии, произведенное В. Штеффани (ФРГ). Стремясь к наукообразию, он вводит термины «репрезентативная» и «плебисцитная» для определения разных типов демократии. Термины говорят сами за себя: противопоставляются интересы «всех» и «плебса» — простого народа. Для буржуазного теоретика, каким является Штеффани, вполне естественна (вот где явно проявляется классовый интерес!) склонность к «репрезентативной» демократии как истинно «плюралистической». Последняя согласуется «с реальностью гетерогенно структурированного общества, связана в теоретическом отношении с историей конституционного государства и осуществляется путем его демократизации»³⁶. Идеалы Штеффани, вполне очевидно, согласуются с реальностью буржуазного государства, которое можно «усовершенствовать», но не следует уничтожать в угоду идеалу «гомогенно структурированного» (читай: «бесклассового». — Авт.) общества, в котором осуществляется «самоуничтожение реальной демократии в форме демократического централизма»³⁷.

Партийная принадлежность автора этих рассуждений не нуждается в комментариях. Штеффани прямо заявляет, что его призыв к сохранению «плюралистической» демократии означает поддержку западной демократии и направлен против демократии социалистической³⁸.

Однако одно дело провозглашать плюрализм в теории и совсем другое — пытаться провести его в жизнь. Практика, как известно, строгий судья теории, критерий ее истинности. Хотят или не хотят этого сторонники «плюралистической модели» общественного развития, а жизнь, капиталистическая действительность, вовсе не столь «плюралистична», как в их теориях. Безусловно, анархия, бесплановость, стихия рынка — все эти верные спутники капиталистического способа производства не

³⁵ Ibid. S. 112.

³⁶ Steffani W. Pluralistische Demokratie: Studien zur Theorie und Praxis. Opladen, 1980. S. 153.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid. S. 14.

покинули его и сегодня. Однако это отнюдь не те факторы, которые укрепляют общество или способствуют его «демократизации». Напротив, ныне это — приметы общего кризиса капитализма, проявляющегося в безработице, абсолютном и относительном обнищании трудящихся масс, усилении политической реакции, повышении сопротивления эксплуатируемого большинства населения, активности антибуржуазных выступлений.

В этих условиях буржуазное государство, в какую бы тогу его ни рядили, объективно выполняет требования не плюрализма, а монизма, распространяющегося и на экономику, и на политику. Как верно отметил французский политолог Ж. Френд, «анархия, к которой ведет политический плюрализм, несовместима с единством и иерархией, без которых не может существовать ни одно государство»³⁹. Не отражая реальной структуры социальной детерминации, идея плюрализма не может быть обращена на действительность в качестве метода ее изменения. В связи с этим плюрализм остается лишь пустой абстракцией, выполняющей апологетическую роль в отношении капиталистического строя.

Ощущая метафизическую абстрактность плюрализма, некоторые теоретики пытаются модернизировать его путем соединения с элементами марксизма. Б. Кракси считает, например, необходимым связать идею плюрализма с идеей классовой борьбы в представлении об «антагонистическом плюрализме»⁴⁰. Однако классовая борьба, классовый антагонизм на деле несовместимы с плюралистической установкой «равенства сил». Равновесие в борьбе — это лишь критическая точка скачка от доминирования одной силы к доминированию другой. Кракси же считает, что экономическая и политическая борьба не уничтожает плюрализм, а должна поддерживать его.

Идея социального плюрализма выражается как в теориях плюральности социальных групп, так и в теориях плюральности индивидов. Индивидуализм можно рассматривать в качестве «абсолютного» плюрализма, сводящего общественный процесс к совокупности результатов действий отдельных личностей. На таком материале никакой социальной закономерности конечно же не обнаружить. Здесь царствуют абсолютная случай-

³⁹ Freund J. L'essence du politique. P., 1965. P. 212.

⁴⁰ Craxi B. Construire il futuro. Milano, 1977. P. 125.

ность, индетерминизм и субъективный идеализм — атрибуты индивидуализма.

Австралийский философ Д. Такер в работе с красноречивым названием «Марксизм и индивидуализм» ополчается на марксизм как на «антигуманизм». С точки зрения автора, гуманизм в политике и этике должен базироваться на преследовании интересов личности, принципе «этического индивидуализма», предписывающего отбросить претензии коллектива ограничить автономию индивида. Однако чьи же интересы должны быть положены в основу политического и этического гуманизма? Если не ограничивать ничьей «автономии», то этого вопроса не решить. Понимая это, Такер мучительно пытается найти ответ, но плюралистическая методология приводит его лишь к утверждению, что «единственное основание, которое индивидуалисты считают оправданным для ограничения выбора других, — это стремление обеспечить каждому возможность пользоваться максимальной свободой, совместимой со свободой для всех»⁴¹.

Вместе с тем действия отдельных личностей, если они не координируются в соответствии с познанной исторической необходимостью, ведут к стихии «слепой» необходимости, означающей как для общества, так и для каждого его члена не «максимальную свободу», а, наоборот, максимальную несвободу, полную подчиненность этой стихийной силе. Но данный вывод основан на марксистской концепции детерминизма, плюрализм же прямо противостоит последнему как в социологии, так и в естествознании.

«Непонятно, — восклицает известный французский социолог Ж. Фурастье, — почему наука так упорно отказывается признать индетерминизм и допустить плюрализм и дуализм в теории того или иного явления?»⁴² Фурастье верно заметил связь индетерминизма и плюрализма, однако не осознал их несовместимость с наукой. Для тех же, кто избрал плюрализм оружием идеологической борьбы, совершенно ясна враждебная непримиримость плюрализма и детерминизма. Так, профессор Р. Макридис (США), используя уже знакомую нам аргументацию, противопоставляет «тоталитаризму»

⁴¹ Tucker D. F. B. *Marxism and Individualism*. Oxford, 1980. P. 59.

⁴² Fourastié J. *Les conditions de L'esprit scientifique*. P., 1966. P. 251.

плюрализм, делая последний синонимом демократии. В чем можно согласиться с Макридисом, так это в том, что «трудно поверить, что настоящие коммунисты когда-либо отступят от своей веры в превосходство собственной доктрины и допустят истинный плюрализм в идеях, политических партиях, публикациях и т. д.»⁴³. В такое действительно трудно поверить, но при этом настоящие коммунисты руководствуются не чистой верой, а убеждением, основанным на научном знании, на мировоззрении марксизма-ленинизма.

Теория социального плюрализма имеет две основные формы: метафизико-материалистическую, представленную прежде всего «экономическим плюрализмом», и субъективно-идеалистическую, связанную с социально-политическими доктринами плюрализма. Представители первой пытаются, как уже было показано, заимствовать у марксизма некоторые его элементы. Например, Б. Кракси высказывает мысль, что без плюрализма в экономике не может быть политического плюрализма⁴⁴.

Субъективно-идеалистическая версия плюрализма постулирует плюрализм в политике, идеологии, индивидуальной психологии в качестве источника, первоосновы экономического плюрализма. Однако, поскольку метафизика — дорога к идеализму, а последовательный идеализм не может не впасть в метафизику, основные теоретические постулаты обеих форм социального плюрализма одинаковы — индетерминизм и абсолютизация случайного в социальных процессах. В связи с этим если сам характер плюралистического общества трактуется по-разному, то детерминация достижения и развития такого общества (включая конституирование плюралистической экономики) всегда выдвигается идеальная. Например, В. Жискар д'Эстен в 1976 г. выдвинул тезис: «Наиболее современный путь — не тот, который исходит из анализа экономических механизмов, а тот, что вдохновляется нуждами человека. Это будет французский путь. Он ведет нас к плюралистическому обществу»⁴⁵.

Характерным проявлением плюралистической доктрины является идея «множественности моделей социализ-

⁴³ *Macridis R. C. Contemporary Political Ideologies: Movement and Regimes.* Wintrop, 1980. P. 167.

⁴⁴ *Craxi B. Op. cit.* P. 126.

⁴⁵ *Giscard d'Estaing V. Démocratie française.* P., 1976. P. 48.

ма» и примыкающая к ней концепция «еврокоммунизма». Обе концепции абсолютизируют специфические особенности исторического развития разных стран, отрицая общие закономерности, присущие построению социализма.

Идея «множественности социализма» не нова. Еще в 1928 г. один из видных представителей социал-реформизма, К. Реннер, писал: «Сколько существует стран, столько должно быть и социализмов»⁴⁶. Сегодня эта концепция широко используется на Западе для подрыва единства коммунистического движения под видом «демократической альтернативы ортодоксальному марксизму», «третьего пути» и т. п. Такого рода ревизия марксизма всегда является, как отмечал В. И. Ленин, «проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев»⁴⁷. Поэтому-то названные концепции так близки и по теоретическим основаниям, и по политическим выводам к идеям, исповедуемым правой социал-демократией.

Философско-методологической основой концепции «множественности социализмов» является неразличение причинных и не причинных типов детерминации (особенно причин и условий) общественного развития, типов и форм детерминации (абсолютизация субъективного фактора). С этих позиций становится возможным произвольное толкование самой сути социализма и путей его достижения. Социалистическими объявляются преобразования буржуазно-демократического характера, отрицаются реальные достижения стран мировой системы социализма.

С позиций «индивидуалистического плюрализма» разрабатывается множество субъективно-идеалистических интерпретаций социального детерминизма — от неофрейдистской психологической причинности до абсолютизации индивидуального в «критической философии истории». Например, виднейший современный неофрейдист Р. Файн (США) полагает основное заблуждение социологии в том, что социальные факты определяются как причина психологических. Это, с его точки зрения, замена причины следствием, ибо внутренние, индивидуальные психологические побуждения являются причиной

⁴⁶ *Renner K. Ist der Marxismus Ideologie oder Wissenschaft?//Der Kampf (Wien). 1928. VI. H. 6. S. 247.*

⁴⁷ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 180.*

социального, но не наоборот⁴⁸. Подобный «психологический детерминизм» основывается на панкаузализме: все определено лишь причинно, есть только «разные» причины — психологические и непсихологические, первые играют ведущую роль.

Соединенный с панкаузализмом, идеалистический детерминизм является фундаментом и буржуазной «философии истории». Базируясь на рассмотрении действий отдельных личностей и идее специфичности причин истории, крупнейший представитель этой школы Р. Д. Коллингвуд делает вывод, что исторические процессы представляют собой не последовательность простых событий, как в природе, «но последовательность действий, имеющих внутреннюю сторону, состоящую из процессов мысли. Историк ищет именно эти процессы мысли. Вся история — история мысли»⁴⁹. Эта откровенно идеалистическая интерпретация истории явилась следствием двух метафизических абсолютизаций: абсолютизации особого характера причинности в истории в отличие от причинности в природе (это свойственно, как было показано, и «критическому рационализму» К. Поппера, и герменевтике) и отрыва действий отдельных исторических личностей от процесса истории, в котором эти действия совершались. С точки зрения Коллингвуда, ответить на вопрос о причинах убийства Цезаря Брутом — значит выяснить, каковы были мысли Брута, заставившие его принять решение об этом убийстве, а что являлось основанием этих мыслей в социальных связях, объективной действительности, — этот вопрос не занимает Коллингвуда. Тут мы вновь сталкиваемся с типичным для идеализма метафизическим отрывом звена $I \rightarrow M'$ от цепи $M \rightarrow I \rightarrow M'$.

Все рассмотренные концепции общи не только по своей классовой сущности и детерминистским представлениям, но и по эвристической несостоятельности. Сознательно или бессознательно затушевывая действительные причины исторических процессов, они не могут предложить удовлетворительного решения актуальных социальных проблем.

⁴⁸ *Fine R.* The Psychoanalytic Vision: A Controversial Reappraisal of the Freudian Revolution. N. Y.; L., 1981. P. 214, 231.

⁴⁹ Коллингвуд Р. Д. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 204.

II. Концепции буржуазного плюрализма

1. Плюралистические концепции позитивистов России на рубеже XIX и XX вв.

Концепции буржуазного плюрализма разнообразны. Это касается и их развития в различных сферах общественного сознания и социальной деятельности, и их формирования в различных странах в разные периоды истории последних. В этом отношении поучительно будет проследить, как и какие складывались плюралистические идеи в русской буржуазной идеологии конца XIX — начала XX в.

История философской и общественно-политической мысли учит, что «плюралистическое видение мира» связано в основном с возникновением буржуазного способа производства, буржуазных общественных отношений. Эклектика, метафизический формализм, индивидуализм и философско-социологический субъективизм — спутники буржуазного образа мыслей, враждебного диалектике и подлинному историзму. Гносеологическая робинзонада — понятие, теперь получившее новое значение; оно символизирует плюралистическое миропонимание, являющееся формой выражения антиколлективистской психологии буржуа.

Позитивизм в широком значении этого понятия¹ в России конца XIX в. в значительной степени основывался на национальных, российских, философских традициях, возникших в условиях замедленного развития капитализма и очень сложных процессов становления буржуазных отношений в стране. Паразитируя на достижениях естествознания, позитивистские школы России того времени апеллировали к мировым стандартам развития буржуазной философии, находили в лице американских и английских, французских и немецких, швейцарских и австрийских субъективных идеалистов-плюралистов примеры подражания, черпали опыт аргументации, стремились опираться на те или иные идеи «признанных авторитетов». В сравнительно отсталых странах позитивизм

¹ В широком значении термин «позитивизм» употреблял иногда В. И. Ленин (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 18. С. 215 и др.).

в 60—80-х годах XIX в. использовался демократически мыслящей интеллигенцией против религиозного засилья. Это имело место и в России, но реакционно-буржуазное крыло российских идеологов применяло позитивизм совсем иначе.

Концептуализацией плюралистических идей, созданием формальных, глубоко эклектических построений позитивисты-плюралисты России конца XIX — начала XX в. (К. Д. Кавелин, Н. Я. Грот, Л. Е. Оболенский, Е. Де-Роберти, В. М. Хвостов, Б. В. Яковенко) стремились усилить позиции господствующих буржуазных течений в философии, социологии и идеологии. Функционально воздействуя на все элементы надстройки, активно формируя самые различные варианты философских, социологических, этических и политических концепций плюралистического толка, русские позитивисты развернули весьма широкий фронт борьбы против демократического миропонимания². По мере усиления веса пролетарских элементов в освободительном движении России усиливался консерватизм, а затем и реакционность либерально-позитивистских и неокантианских плюралистических идейных программ, становилась все более очевидной их враждебность марксистско-ленинской философии и идеологии. О сказанном убедительно свидетельствовали печально известные позитивистско-неокантианские сочинения, вышедшие в свет в начале XX в. Это книги Н. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (СПб., 1901), С. Булгакова «От марксизма к идеализму» (СПб., 1903), П. Струве «Об экономическом видении и предвидении» («Русская мысль». 1908. № 10), Е. Де-Роберти «Новая постановка основных вопросов социологии» (М., 1909) и особенно сборники статей — «Проблемы идеализма» (М., б. г.), «Очерки по философии марксизма...» (СПб., 1907), «Вехи» (1908), «Новые идеи в социологии» (СПб. Сб. 1—3, 1913—1914). На почве либерализма в этих сборниках объединялись позитивисты и неокантианцы, эмпириокритики и эмпириомонисты.

Однако указанным документам либерального содержания, проникнутым методологией плюрализма, предшествовали весьма различные философско-социологические построения и идеологические схемы, создатели которых нередко сознательно причисляли себя к позити-

² См.: Очерки истории русской этической мысли. М., 1976. С. 14.

вистам. Так, в ряду плюралистических концепций России 80—90-х годов значительным влиянием отличалась концепция «монодуализма», создателем и популяризатором которой был Н. Я. Грот — один из основателей Московского психологического общества, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии». Изложив весьма широко свои философские искания в работах «Джордано Бруно и пантеизм» (1885 г.) и «О душе в связи с современными учениями о силе» (1886 г.), московский психолог-позитивист открыто заявил о своей «неудовлетворенности» как идеалистическим, так и материалистическим монизмом, по его убеждению, одинаково «односторонними точками зрения», выражающими «крайности», являющиеся «плодом» весьма «поверхностных» философских систем³.

Доктрину спиритуализма (идеализма) Грот считал противоречащей достижениям науки, опытному естествознанию и даже здравому смыслу. Она в сущности своей, писал он, «до такой степени противоречит всем данным нашего опыта, всем показаниям здравого смысла и научного экспериментального знания», что «всегда представлялась большинству людей, философов нелепой». Идеалистические построения Грот называл «игрою мысли», недостойной серьезного философствования. Он указывал на связь последовательного идеализма с солипсизмом, имманентизмом и беспочвенной фантастикой⁴.

Но, аттестуя так идеалистов, Грот резко отрицательно судил и о материалистах. Материалистический монизм в его сознании ассоциировался с отрицанием «высших идеалов», с разрушением «нравственных ценностей». Материалистическое истолкование действительности, считал он, уничтожает смысл таких понятий, как соучастность, добродетель, совесть, долг, благопристойность и т. п. Отсюда его ложный вывод, будто материалистические основания этических норм способны доказывать недоказуемое, отстаивать несбыточное, лишать «нравственную борьбу» всякого смысла⁵. Всем содержанием своих представлений о материализме и материалистических идеях Грот как бы демонстрировал как раз те самые превратные представления о них, на которые указывал

³ См.: Грот Н. Я. Джордано Бруно и пантеизм. Одесса, 1885. С. 22.

⁴ См.: Грот Н. Я. О душе в связи с современными учениями о силе. Одесса, 1886. С. 30—31.

⁵ См.: Грот Н. Я. Джордано Бруно и пантеизм. С. 22—23.

в ту же пору Ф. Энгельс в своей книге о Людвиге Фейербахе (1886 г.).

Грот утверждал необходимость подниматься над дуализмом материального и духовного, достигая представления о подлинных «силах» мироздания, управляющих законами вещества и духа⁶. Единство, целое при сем означало некий механический синтез. Желание объявить этот «синтез» не иначе как «монистическим» созвучно было многим концепциям конца XIX — начала XX в. (А. Богданов выдвинул «эмпириомонизм», Д. Уорд — «спиритуалистический монизм»).

В соответствии со своей концепцией «монодуализма» Грот стремился доказать, что предметом философии может быть только выявление разнообразных «элементов опыта», постижение их «однообразия», достижение некоего «синтеза» явлений мира физического и духовного, экономической и нравственной сторон социальной жизни людей. Многозначности «элементов» материального и идеального, физиологического и психического, «несвязного» и «синтетического» рядов «опыта» в концепции русского позитивиста соответствуют плюралистически толкуемые «реалии», несводимые к общему знаменателю. Плюралистический аспект выводов Грота легко обнаруживался в признании им дифференцированной до мельчайших частей материи, в истолковании этих частиц как изолированных, не имеющих между собой объективных связей.

Указывая на реальность дуализма материального и духовного «начал», Грот стремился подчеркнуть «атомарную многозначность» (проявления) всех форм «психического опыта», несводимых к какому-либо «основанию» — логическому или понятийному. Делалась попытка узаконить разрыв в диалектической взаимосвязи случайного и необходимого, внешнего и внутреннего, субъективного и объективного. Плюрализировались физиологическое и психическое, абсолютизировалась их специфика, объявлялись особая роль и исключительное значение «духовной сущности» человека и Вселенной. Одновременно расчищалась почва для религиозного миропонимания, мистифицировался процесс познания. Грот полагал, что сознание — «высшая сила» и «одна из двух форм бытия» — распределяется малыми дозами,

⁶ См.: Грот Н. Я. Нравственные проблемы нашего времени. М., 1893. С. 25—26.

пантеистически разливается в формы мельчайших частиц вещества, придавая им своеобразный импульс силы. Эту последнюю, считал Грот, «можно понять и, возможно, даже измерить; зато нельзя понять, определить и измерить характер и направление действия активной общей силы»⁷.

Задача истинной философии, указывал русский философ-позитивист, состоит не в простом «устранении различий материализма и спиритуализма»⁸, а в «примирении внешнего и внутреннего, материального и духовного» с помощью «божественного духа», якобы проникающего в различные формы реального мира и в то же время возвышающегося над ним, управляющего движением мировоззрения⁹. Расширяя и абсолютизируя атрибутивную роль духовности, идеалистически толкуя спинозизм, Грот таким образом приходил к выводу о возможности с помощью «силы духа», с помощью «принципов монодуализма» достигать синтеза материального и психического.

В таком формализованном виде декларируемый Гротом онтолого-психический «монизм» выступал в качестве отрицания материалистического монизма (прежде всего его диалектико-материалистической формы), являлся разновидностью субъективно-идеалистического решения русскими позитивистами основного вопроса философии. Буржуазно-объективистское истолкование социальных процессов при этом сочеталось с ложными выводами о возможности «внепартийной», или «надпартийной», ориентации. Призыв к беспартийности являлся также следствием метафизической установки. Он предполагал игнорирование взаимосвязей всех сторон объекта исследования, маскировку сближения с идеализмом и фидеизмом всех и всяческих «новейших» направлений, подвергнутых впоследствии критике В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм»¹⁰.

Поиски «третьей точки опоры» для Грота означали не просто стыдливое отрицание обеих исторических «линий в философии», но и то самое плюралистическое понимание «начал» бытия природы и общества, которое в связи с игнорированием материалистической диалектики

⁷ Грот Н. Я. О душе в связи с современными учениями о силе. С. 41.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Грот Н. Я. Нравственные проблемы нашего времени, С. 25.

¹⁰ См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 360.

приводило к типично эклектическим выводам, связанным также с имманентными противоречиями эмпиризма.

На становление «монодуалистических» представлений Грота большое влияние оказали всеиндуктивизм и индивидуалистическая социология Г. Спенсера, а также широко распространенная позитивистская «теория факторов». Развитая Де-Роберти, Лилиенфельдом, Сорокиным, Яковенко и многими другими русскими позитивистами «теория факторов» в XX в. стала одной из популярнейших форм концептуализации плюралистических принципов, разнообразных идейных программ и методологических схем, обосновывающих субъективизм и волюнтаризм, примат индивидуального над общим, исключительность единичного «начала», главенство автономной личности¹¹.

В теориях «многофакторного» рассмотрения явлений природы и общества немало того, что в условиях России конца XIX — начала XX в. перекликалось с «монодуалистическими» представлениями — плюралистическими конструкциями, с помощью которых русские позитивисты искусственным путем стремились объединить «разнохарактерные начала» на «нейтральной основе», путем мнимого «преодоления» противоречий эмпиризма и номинализма. Именно в этих «теориях», ярко проявившихся не только в воззрениях Г. Спенсера и М. Вебера, В. Зомбарта и Д. Уорда, но и во взглядах П. Сорокина, В. Лесевича и Е. Де-Роберти, Б. В. Яковенко, мы с большой отчетливостью обнаруживаем трансформацию позитивистской «социальной динамики» в плюралистические концепции — теории различных уровней и слоев «бытия людей», социальной стратификации, конвергенции несовместимых «социальных начал», функционально-структурного динамизма «общественных сил» или этического автономизма.

Плюралистические понятия развивал в своей концепции «потока опыта» В. М. Хвостов. Эта концепция дополнялась разработкой широкого аспекта этических понятий, которым свойственна была механистическая расчлененность норм морали, явно эклектическое толкование исходных ее принципов. «Основные проблемы этики» (1907 г.), «Этика человеческого достоинства» (1912 г.), «Классификация наук и место социологии в системе на-

¹¹ См.: Шкуринов П. С. Современный философский плюрализм и антикоммунизм. М., 1974. С. 48—68.

учного знания» (1917 г.) — произведения Хвостова, привлекавшие внимание современников своей тенденциозной декларацией возможности объединения материалистических и идеалистических, реалистических и мистико-религиозных понятий.

Философские воззрения Хвостова базируются на идеалистическом отождествлении явлений действительности с ощущениями. Им вводилось понятие опыта как формы такого «единства», причем осуществлялось наделение опыта как некой реальности качествами «подвижности» и «непрерывности». В представлении Хвостова мышление, протекающее в понятиях, является «несовместимым» с «потоксом опыта», оно имеет, употребляя выражения Шопенгауэра, «мозаичный характер», не может воспринимать «все многообразие и сложность жизни»¹². Сознательный сторонник этического плюрализма, Хвостов рассматривал этические категории «сами по себе», в отрыве от жизни, как якобы совершенно автономно действующие в сфере сознания. Индивидуализированный человек для него — «основополагающий предмет этического порядка»¹³. Только концепция «субъективной значимости», полагал Хвостов, позволяет выяснить значение нравственного долга в жизни общества, способна привести к подъему его «нравственных начал»¹⁴.

Этический плюрализм Хвостова — одна из разновидностей «теории» буржуазного индивидуализма, форма фальсификации реальных социальных процессов, как якобы определяющихся «этическим фактором». Буржуазная тенденциозность этой теории выразилась в стремлении любого индивида в обществе объявить «моральной личностью», социально-политическую характеристику заменить абстрактно-социологической и крайне отвлеченной схемой.

При всех отличиях монодуалистической концепции Н. Грота, теории «потока опыта» В. Хвостова, «биосоциальной» теории Е. Де-Роберти от взглядов Б. Яковенко или П. Сорокина для них главной предпосылкой этических исканий выступает идеалистически истолкованный психофизический параллелизм, предполагающий удвоение мира на «серии явлений внешней природы» и

¹² Хвостов В. М. Этика человеческого достоинства. М., 1912. С. 147.

¹³ Там же. С. 174.

¹⁴ Там же. С. 139.

«серию явлений мира духовного»¹⁵, исходящий из невозможности причинного взаимодействия между психическими и физиологическими процессами.

Проповедь множественности подходов к оценке этических норм направлена была не просто против любой формы монизма, а в первую очередь — прямо или косвенно — против исторического материализма. Последний оценивался как «односторонняя, необоснованная теория, которая признает в основе истории фактор экономический»¹⁶ и в силу этого якобы «не содержит действительного философского камня социальной жизни»¹⁷. Основной погрешностью материалистического понимания истории является, согласно их воззрениям, «недооценка фактора психологического, тогда как нет оснований отрицать самостоятельное значение за этой потребностью в познании»¹⁸. Хотя ими и признается значение фактора экономического, однако анализ произведений русских плюралистов показывает, что при рассмотрении каких-либо конкретных проблем в силу ряда причин (социальной принадлежности, господства метафизики и эклектики и др.) у них был возможен только один выход из провозглашенного ими дуализма — выход на путь абсолютизации духовной сферы.

Теоретическая и методологическая несостоятельность плюралистических конструкций русских позитивистов и неокантианцев отчетливо проявилась в теории «чистого плюрализма» Б. В. Яковенко, изложенной в ряде статей: «Теоретическая философия Г. Когена» (1910 г.), «О логосе» (1911 г.), «Что такое философия? Введение в трансцендентализм» (1911—1912 гг.), «Об имманентном трансцендентализме...» (1912—1913 гг.), «Путь философского познания» (1914 г.) и др.

Центральной задачей философии, по мнению Б. В. Яковенко, является вопрос о соотношении между являющимся, непосредственно данным, преходящим и подлинно-сущим, в себе устойчивым¹⁹, т. е. вопрос о взаимосвязи единичного и общего, который им ставился в мистифицированной форме, в виде поисков некоего Ло-

¹⁵ Хвостов В. М. Этюды по современной этике. М., 1908. С. 150.

¹⁶ Там же. С. 152.

¹⁷ Там же. С. 157.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ См.: Яковенко Б. В. Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм//Логос. 1912—1913. Кн. 1 и 2. С. 99.

госа. Признание наличия идеального «общего» Логоса, предшествующего миру единичных вещей, позволяет сделать вывод о влиянии на формирование взглядов Яковенко баденской школы неокантианства, исходившей из «сущего» как находящегося «по ту сторону всех возможных объектов и субъектов». Эту мысль подтверждает и «обвинение» в антропоморфизме, выдвинутое им по отношению к современным философским течениям, исследующим проблему «субъект-объектных отношений».

Выдвинутое Яковенко требование отказаться от решения проблемы взаимоотношения объекта и субъекта, другими словами, основного вопроса философии, лишь вуалировало его идеализм. На это указывает и искажение русским эклектиком начала XX в. воззрений античных материалистов (подлинного смысла Логоса Гераклита и др.), а также сознательная борьба против диалектики как философского метода. Причем он не смог выдвинуть достаточно весомые аргументы и вынужден был ограничиться лишь общим отрицанием диалектики: он полностью отвергал диалектический метод только на том основании, что этот метод якобы не свободен от дуализма, так как «продвигает дуальность в самую сущность единства». Подобная «аргументация» основывалась на подмене противоречия (как единства противоположностей) дуализмом, т. е. сосуществованием двух начал, не сводимых друг к другу. Таков единственный, имеющий откровенно софистический характер «довод» Яковенко против диалектики.

Вместе с тем Яковенко осознавал недостаточность и ограниченность формально-логических методов для решения проблемы единства мира, или, выражаясь его словами, проблемы трансцендентности, на что указывает критический анализ им философских течений конца XIX — начала XX в. В качестве единственно правильной философской теории он выдвигал свою концепцию «чистого плюрализма». «Чистый плюрализм», утверждал он, предполагает критику «всего данного, предстоящего, непосредственного, феноменального». Следует заметить, во-первых, что автор вслед за Кантом и неокантианцами делил «предстоящее» на совокупность феноменов и ноуменов. Во-вторых, для него мир явлений — это «куски», «блики»²⁰, не более. В-третьих, такое понятие о фе-

²⁰ См.: Яковенко Б. В. Путь философского познания//Логос. 1914. Кн. 1. С. 39.

номенах означало неверие Яковенко в способность познавать и верно познать действительность.

Гносеологическим источником трактовки им познания являлось метафизическое решение вопроса о соотношении части и целого, объективного и субъективного, абстрактного и конкретного, постоянного и изменчивого, сущности и явления. В силу антидиалектической позиции относительность человеческого знания трансформировалась в сознании буржуазного идеолога в принцип релятивизма. Подлинный смысл действительности, утверждал он, может быть понят «как множественное... и как ничто больше, чем множественное: только тогда оно не будет нести на себе печати дуалистического трансцендентализма». Разумеется, продолжал он, схемы чистого сознания, чистого опыта, чистого переживания, чистой воли, чистого движения, чистого мышления, чистого познания в равной мере не подходящи для этого: в своей то более эмпирической, то более отвлеченной, то более сенсуалистической, то более волюнтаристической, то более импрессионистской, то более интеллектуалистической односторонности все они отражают в большей или меньшей степени роковой *transcensus* и тем произвольно полагают не менее роковой *hiatus* (пробел. — *Авт.*)²¹.

Особенно резким нападкам Яковенко подвергал принцип субстанциального подхода к анализу явлений: истинная философия должна включать антисубстанционализм как исходную теоретическую позицию. В этом утверждении отличие точки зрения Яковенко от других представителей концептуального плюрализма, в построениях которых антисубстанционализм присутствует, но в скрытой, завуалированной форме и не декларируется откровенно. «До конца сознательный и строго принципиальный плюралист, — писал Яковенко, — будет решительно отклонять социальную схему, как он отклоняет все остальные схемы, объявляя их все продуктом монистически-натуралистического предрассудка и извращения бытия. До конца последовательно мыслящий и принципиальный плюралист будет наименьшим образом склонен проповедовать метафизический социализм, как и

²¹ См.: Яковенко Б. В. Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм//Логос. 1912—1913. Кн. 1 и 2. С. 178.

представлять существующее в терминах материализма, биологизма, психологизма, математизма, историзма, экономизма, этизма, эстетизма или религиозной философии»²².

Созданный Яковенко интуитивистский вариант идеализма близок к западноевропейскому интуитивизму («философии жизни» Ф. Ницше и В. Дильтея, концепции «творческой эволюции» А. Бергсона). Их сближают: 1) представление об интеллектуальном познании как о чем-то внешнем и формальном; 2) враждебность к науке; 3) критика как эмпирической, так и рациональной ступени познания; 4) борьба против диалектико-материалистического монизма; 5) попытки дискредитировать логику в связи с обнаружением ограниченности формально-логических методов познания и ряд других моментов. Совпадает даже чисто негативное «обоснование» интуиции, которое в сущности лишено положительного содержания. Различия, существующие между указанными течениями, не имеют принципиального значения.

«Чистый плюрализм» Яковенко как разновидность концептуального плюрализма западноевропейских философов явился теоретическим отражением кризисных явлений капиталистической действительности. Подметив ограниченность метафизического метода мышления, русский буржуазный философ начала XX в. с плюралистических позиций отождествил с ним интеллект, мышление, научное познание в целом. Признание аналитической функции интеллекта, возможности познания им единичного, конкретного означает для Яковенко отказ от синтеза, анализа абстрактного и всеобщего. В его утверждении об односторонне-практической направленности науки проявилось влияние идей прагматизма, в первую очередь учения У. Джемса.

Критика Яковенко принципов научного познания была мимо цели, поскольку в ней отождествлялась теоретическая «изначальная» позиция с деятельностью интеллекта как такового. Единичное признавалось автономным, что крайне односторонне, поскольку интеллекту в равной степени доступны не только единичное, но и всеобщее, не только конкретное, но и абстрактное, не только анализ, но и синтез. Причем «снятие» этих противоположностей осуществляется на почве практики. Последовательно претворяет эту возможность в дейст-

²² *Jakovenko B. Vom Wesen des Pluralismus. Bonn, 1928. S. 36.*

вительность только диалектико-материалистический метод.

Яковенко плюралистически противопоставлял интеллект интуиции, критически иррационалистической интуиции как единственно существенному источнику настоящего и ценностного философствования²³. В мистическом иррационализме раскрывалась связь с западноевропейским течением иррационализма. Защищая иррационализм, в ходе борьбы с материализмом он для познания совершенно самостоятельных наличностей плюралистического сущего видел только один путь — погружение в «чистую», критическую мистику, т. е. в религию. Таким образом, под призывами Яковенко к переходу от «абстрактного монизма к конкретному плюрализму»²⁴ скрывается еще один вариант утверждения «подлинно свободной и разумной религиозности»²⁵.

Такова философская сущность теории «чистого плюрализма» Яковенко. И в этом проявлялось полное единство его взглядов с воззрениями Джемса, который социальное назначение своей философии видел в способности с помощью религии «обелить дьявола», т. е. буржуазию.

Возникновение такой крайней формы иррационализма, как концепция «чистого плюрализма» Яковенко, требующая «денатурализации, десубстанционализации и депсихологизации каждого существующего, которое имеет место в опыте»²⁶, является теоретическим свидетельством остроты классовой борьбы в России в начале XX в. Реакционная социальная направленность этого учения заключалась в открытом его противостоянии материалистическому миропониманию, в особенности марксизму. Сам Яковенко затушевывал эту реальную направленность своей философии тем положением, что он будто бы борется против разных «предубеждений». Плюрализм, утверждал Яковенко, может успешно противостоять критике и добиться успеха в том случае, если он, эффективно и основательно используя все новейшие достижения критико-гносеологического анализа, освободится от главных предубеждений и предрассудков дуализма и монизма, т. е. от натурализма, субстанциа-

²³ Ibid. S. 43.

²⁴ См.: Яковенко Б. В. Обзор американской философии // Логос. 1913. Кн. 3 и 4. С. 342.

²⁵ Там же. С. 279.

²⁶ Jakovenko B. Vom Wesen des Pluralismus. S. 43.

лизма и психологизма. А это значит, что он в своем критическом углублении в существующее должен действовать. Очевидно, что эту цель он может достичь, если навсегда останется живым методом и никогда не застынет в мертвой схеме²⁷.

Подводя итоги вышесказанному, подчеркнем полную теоретическую и методологическую несостоятельность концепции Яковенко. Его попытка решить проблему единства мира оказалась безуспешной. В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» указывал на обреченность таких попыток: «Материалистическое устранение «дуализма духа и тела» (т. е. материалистический монизм) состоит в том, что дух не существует независимо от тела, что дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира. Идеалистическое устранение «дуализма духа и тела» (т. е. идеалистический монизм) состоит в том, что дух *не есть* функция тела, что дух есть, следовательно, первичное, что «среда» и «Я» существуют лишь в неразрывной связи одних и тех же «комплексов элементов». Кроме этих двух, прямо противоположных способов устранения «дуализма духа и тела», не может быть никакого третьего способа, если не считать эклектицизма, т. е. бестолкового перепутывания материализма и идеализма»²⁸. Именно такой эклектической, софистической и антидиалектической разновидностью идеализма явились концепции русских позитивистов и неокантианцев конца XIX — начала XX в.

Современные буржуазные плюралистические концепции нередко открыто вещают о своих связях с «формами плюралистического понимания мира», известными в истории. Нередки случаи заимствования этих форм из арсенала старых плюралистических школ, в том числе российских. И это бывает даже тогда, когда разработчики плюралистических теорий наших дней свое идейное конструирование стремятся связать с явлениями научно-технической революции второй половины XX в.

Американский социолог А. Тофлер, автор книги «Грядущий шок» (1970), получившей широкую известность в буржуазном мире, увидел в процессе усиления социальной дифференциации существующей классовой структуры и расширяющейся классовой борьбы «новый этап» развития буржуазной цивилизации. Считая, как это де-

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 88.

ляли русские неокантианцы почти сто лет назад, «дифференциацию» признаком прогресса, популярный в США политолог делал вывод, что «сверхиндустриальная революция» встала на пороге «главных стран» Нового и Старого Света и что она есть «продвижение человеческого общества к последующей, более высокой стадии дифференциации, аналогично процессу роста в биологии». А. Тофлер делает вывод, что «приходят в негодность старые формы дифференциации и методы интеграции общества...»²⁹.

А. Тофлеру, как и махисту Ф. Блею, склонному к биологизации явлений общественной жизни, не дано понять классовую природу подмеченного им процесса. Он не смог увидеть отражения в нем глубочайших противоречий современного буржуазного общества, к которым «функциональная интеграция» может иметь отношение лишь как форма выражения этих противоречий. Стремясь создать себе представление о новых явлениях, он активно обращался к старым штампам историко-философского знания. В этой связи исключительное значение приобретает та характеристика, которую В. И. Ленин давал П. Струве в связи с универсализацией последним значения таких понятий, как «дифференциация», «разнородность», «интеграция» и т. п. «Абстрактное рассуждение о том, — писал В. И. Ленин, — в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»³⁰.

Категориально-понятийный аппарат буржуазных социологов и политологов-плюралистов в большой степени насыщен понятиями, имеющими недостаточно определенный смысл, или «трансплантированными» из «соседних» общественным наукам областей знаний (кибернетики, бионики, физики, математики). Отсюда возникает необходимость придавать этим понятиям функциональный, операционалистский смысл, приспособлять их к тому или иному случаю, к описанию того или ино-

²⁹ Toffler A. The Future Shock. N. Y., 1970. P. 265.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 431.

го ряда явлений. Именно поэтому возникает потребность создавать различные варианты функционалистских, «ролевых» теорий, «интеграционных систем», «структурных построений» и «динамических моделей». При этом используются и известные понятия традиционных школ плюрализма. Любопытно, что эклектизм в таких случаях получает инструменталистское значение. В более чем необходимых масштабах подключаются современные средства «машинной памяти» — средства массовых коммуникаций, электронно-вычислительная техника. Гигантски возрастают возможности манипулирования общественным сознанием в связи с использованием целенаправленно конструируемых «моделей» идейных стандартов и штампов, рассчитанных на «среднего» потребителя. Структура этой идейно-политической кухни с учетом в ней роли плюралистического компонента проанализирована в книге профессора Калифорнийского университета Г. Шиллера «Манипуляторы сознанием»³¹.

Если либерально настроенного социолога Г. Шиллера занимает вопрос, каким путем в условиях США «народ может знать правду», и в связи с этим интересуется структура «информационного плюрализма», то западно-германского политолога Г. Либера волнует проблема операционалистского значения весьма распространенной формы мировоззренческой (или теоретической) тенденциозности — концептуального плюрализма. Создание «интегральных теорий» — мировоззренческих концепций — одна из характерных черт плюралистов, отличающихся активным стремлением к идеолого-политическим построениям.

Все социальные явления, все области общественных отношений подвержены коррозионному воздействию и вместе с тем тенденциозно-мировоззренческому, идеологическому влиянию плюрализма. Так, идеи об атомарности «формообразующих сущностей» превращаются в «теорию» автономии личности, которая является методологической базой, например, индивидуалистической «теории» ценностей (этики) или плюралистической «теории» индивидуального художественного восприятия (эстетики), теории «мозаичности культуры»³². Эти плюралистические построения содействуют утверждению целого ряда антихудожественных направлений, чуждых подлинно-

³¹ Schiller H. The Mind Managers. Boston, 1973. P. 214.

³² См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 48—57.

му искусству; в них находит отражение процесс дегуманизации индивида, процесс отчуждения человека от человека и от природы в условиях антагонистических противоречий, порождаемых в буржуазном обществе научно-технической революцией и борьбой классов.

В попытках буржуазных политологов наших дней конструировать плюралистические схемы, опираясь на историю, как и сто лет назад, проявляются усилия создать эффективную альтернативу марксизму-ленинизму. Но современные буржуазные идеологи сегодня тщетно ищут альтернативу социалистической демократии, реальному социализму. Эти, как и другие известные нам из истории философии, попытки терпели и терпят крах. Сама жизнь идет вразрез с «новыми» разновидностями плюралистических воззрений. Только марксизм-ленинизм создал подлинно научную теорию общественного развития.

2. Плюрализм в современных социально-политических концепциях стран Запада

Плюрализм, выступающий сегодня одной из главных черт и лозунгов различных философских школ и идеологических концепций, в полной мере используется представителями западной политической мысли в странах Запада для обоснования «демократизма» и «гуманизма» буржуазной политической системы. Отвлекаясь от проблем реально существующего политического плюрализма, буржуазные идеологи Запада рассматривают его в качестве существенного признака демократии, необходимого условия для достижения таких демократических ценностей, как свобода, равенство и справедливость.

После второй мировой войны, разрушившей авторитарные фашистские режимы, плюрализм оказался приемлемой формой осуществления власти на Западе, отразившей рост влияния левых сил. Вместе с тем расширительные лозунги плюрализма, включающие в себя требования справедливости и гуманности, во многом были связаны с переориентацией пропаганды буржуазных и мелкобуржуазных партий. Остро ощущая наступившие политические перемены, чувствуя необходимость смены лозунгов, лидеры этих партий в своей обращенности к массам акцентировали внимание на проблемах общечеловеческого и социального звучания, ориентируясь на

уровень обыденного сознания. «Особо стал подчеркиваться народный, «плебейский» характер партий... Стержень этих установок по-прежнему составляла апологетика капиталистических отношений, трактуемых как право на предприимчивость и личную инициативу. Эта трактовка была рассчитана на мелких и средних собственников... Специально на рабочую аудиторию были рассчитаны лозунги гуманизации труда и свободы профессиональных перемещений. Для завоевания доверия масс был сделан особый упор на общечеловеческие ценности и моральные постулаты»¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что политический плюрализм современного государственно-монополистического капитализма — это не просто лозунг, умело используемый буржуазной пропагандой, но и явление, имеющее свою историю и основание в социальной структуре и экономике буржуазного общества.

Отражая экономическую и социальную разобщенность в классово-эксплуататорском обществе, идейно-политический плюрализм призван защитить интересы власть имущих, завуалировать сущность буржуазного государства и механизм осуществления в нем власти, не допустить, чтобы характер буржуазной политической системы дошел до сознания широких народных масс.

В политической жизни Запада плюрализм возник и развивался в русле реализации идеалов первых буржуазно-демократических революций, установивших парламентские, демократические формы осуществления государственной власти. На этот факт указывают и западные исследователи проблемы. Так, например, западно-германский ученый Г. Кремендаль связывает возникновение плюрализма с развитием «индустриального общества», подчеркивает его неразрывную связь с социалистическим рабочим движением, завоеванием парламентской демократии, всеобщего избирательного права, появлением профсоюзов².

Таким образом, конституционное утверждение демократических принципов в социально-политической жизни буржуазных государств Запада должно было бы означать для всех без исключения граждан появление самых широких возможностей участия в управлении общест-

¹ Рабочий класс в странах Западной Европы. М., 1982. С. 42.

² *Kremendahl H. Zum Verhältnis vom wissenschaftlichen SD-Pluralismus und politischen Pluralismus. Hamburg, 1980. S. 16.*

вом и принятии политических решений посредством различных союзов и партий, а также многообразных движений гражданских инициатив. Однако уже с самого начала провозглашенные первой буржуазной конституцией идеи равенства и справедливости оказались формальными и классово ограниченными рамками устанавливавшихся капиталистических общественных отношений.

Прославляя прогрессивные идеалы, породив демократические институты и гражданские права, буржуазно-демократические революции постепенно утрачивали свой революционный характер. Как отмечал в этой связи В. И. Ленин, «стремление буржуазии закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью... коренится в классовых интересах буржуазии»³. Достаточно вспомнить, что именно Великая французская революция, положившая начало развитию буржуазной демократии в Европе, одновременно вызвала к жизни реакционный закон Ле Шапелье, направленный против рабочих союзов и ассоциаций.

Капитализм, как известно, является такой общественно-экономической формацией, которая, с одной стороны, вызвала к жизни огромные потенциалы развития общественного производства и человеческого интеллекта, а с другой — ограничила их частнособственнической формой присвоения общественного богатства. В какой же степени совместимы капитализм и демократия?

В условиях современного монополистического капитализма идеологи буржуазии стремятся представить буржуазную политическую систему как образец реальной демократии, создающей равные возможности для всех участвовать в политической жизни общества. Они стараются также использовать все преимущества демократии для утверждения и оправдания власти капитала, которая в условиях буржуазного общества осуществляется не прямо, а косвенно, создавая возможность «свободной игры политических сил», «конкурентного поля равных возможностей». Как подчеркивал В. И. Ленин, всевластие богатства и потому вернее при демократической республике, что оно не зависит от отдельных недостатков политического механизма, от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая респуб-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 206.

лика есть наилучшая политическая оболочка капитализма, и потому капитал овладевает этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что никакая сила ни лиц, ни учреждений, ни партий не колеблет этой власти⁴.

Осуществление интересов буржуазии в идеологической и политической сферах происходит при помощи манипуляции общественным сознанием, фальсификации реальных процессов, происходящих в обществе и в науке, адекватно отражающей эти процессы. Выступая против научного единства мировоззрения марксизма-ленинизма, современная буржуазная идеология в полной мере использует особенности плюралистического воззрения на мир, который сводится к тезису о принципиальной независимости, конфликтности, разорванности фрагментов бытия и к отрицанию их законосообразной согласованности или субординации.

Плюралистическая аргументация была широко использована буржуазными идеологами в 50—60-х годах, когда в условиях так называемой деидеологизации в рамках буржуазной философской и политической мысли процветали различные школы, концепции и направления. Провозглашенный режим свободы в области идеологии был связан с изобретением «рынка идей» и «конкурентного поля» борьбы за их осуществление, где успех ассоциировался порой с сенсационными предвидениями и разоблачениями, не имеющими с истиной ничего общего.

Относительная стабильность экономического развития буржуазного Запада 50—60-х годов положила начало — в русле общей тенденции буржуазной идеологии к плюрализму — концепции технократического оптимизма, основывающего свои доктрины на «технократическом мышлении», которое абсолютизирует возможности научно-технической революции по разрешению кризисов и антагонизмов как в экономической, так и в социально-политической сфере общества.

В условиях новой рендеологизаторской волны, призванной «защитить мир от коммунизма», политическая реальность крупных империалистических держав, как никогда раньше, испытывает на себе влияние интересов крупной монополистической буржуазии, выражающей центростремительные тенденции капитала к достижению своих общих классовых целей. Этому соответствует ее

⁴ См. там же. Т. 33. С. 14.

политика во всех направлениях, идет ли речь о крупномасштабном сращивании монополий и банков, образовании огромных транснациональных империй или о стремлении к единству в рамках буржуазной идеологии.

Центробежные устремления в идеологическом обеспечении интересов буржуазии связаны как с ее социальной неоднородностью, так и с конкретными отношениями, пронизывающими все капиталистическое общество, делающими его развитие нестабильным и несбалансированным. В этом смысле плюрализм в определенных границах является удобным средством для обеспечения интересов буржуазии как класса, ибо его специфика заключается в том, что он в состоянии охватить мировоззренческую ориентацию различных групп людей при сохранении буржуазной партийности.

Конец 70-х — начало 80-х годов ознаменовались появлением официального антикоммунизма в лице неоконсерватизма, пришедшего к власти в целом ряде капиталистических государств, и прежде всего в США. В этой связи, говоря об эволюции плюрализма, а также о появлении его «критиков» в лоне буржуазной философии и идеологии, необходимо подчеркнуть, что плюрализм подготовил почву для интеграции, проявившуюся в неоконсерватизме.

Как известно, методологической основой различных плюралистических синтезов выступала эклектика, объявленная буржуазными идеологами важнейшим и эффективным средством универсализации идеологических и политических концепций. Идея философской толерантности уже во времена деидеологизации создала все предпосылки для более крупной и жесткой интеграции различных направлений антикоммунизма. Сейчас, как никогда раньше, политическая реальность крупнейших империалистических держав испытывает на себе влияние интересов крупной буржуазии, диктующей свою волю в принятии важных социальных и политических решений. Когда позиция левых сил представляет для нее существенную опасность, плюрализм вступает в противоречие с интересами буржуазии, которая играет в демократию лишь до тех пор, пока в этом есть необходимость. Таким образом, становится все более явным несоответствие плюралистических концепций политической реальности капиталистического общества, что снижает эффект плюрализма в политической и идеологической сферах капиталистического общества.

Так, в политических концепциях США, несмотря на то что плюрализм продолжает оставаться распространенной и влиятельной теорией, наметилось несколько критических направлений, считающих плюрализм не соответствующим реальным условиям американского общества, потерявшим для Америки свою значимость и как описание, и как предписание.

Давнюю традицию имеет дискуссия между плюрализмом и антиплюрализмом в политологии ФРГ. Уже в период конца Веймарской республики с консервативной критикой плюрализма выступил К. Шмидт, антиплюралистическая позиция которого была продолжена в середине 60-х годов западногерманскими политологами, на которых большое влияние оказали работы Г. Маркузе и К. Вольфа, определившие плюрализм как средство оправдания отчужденного общества. С начала 70-х годов в политической науке ФРГ наблюдается убывающее влияние плюрализма, появление корпоративистских концепций, более соответствующих сущности современного капиталистического производства буржуазных общественных отношений⁵.

Однако в политических программах и речах политических деятелей Запада плюрализм все же по-прежнему остается символом буржуазной демократии и цивилизации. При этом, как отмечалось выше, под плюрализмом понимается прежде всего определенный комплекс проблем, связанных с исследованием различных групп и союзов, политических партий, парламентских фракций и их права на оппозицию. Социальная гетерогенность бытия, противоположность интересов и групп и даже раздирающие буржуазное общество антагонизм и конфликты узакониваются буржуазными идеологами в качестве необходимых моментов развития демократии и политического мышления. При этом констатация наличия в плюралистическом обществе гетерогенных социальных, экономических, политических и мировоззренческих интересов, групп и организаций, культур и субкультур не поднимается до уровня научного обобщения, поскольку, по словам западногерманского ученого А. Шва-

⁵ Verbund und Staat. Vom Pluralismus zum Korporativismus: Analysen, Positionen, Dokumente. Aplađen, 1979; *Kremendahl H.* Pluralismus Theorie in Deutschland. Entstehung, Kritik, Perspektiven. Leverkusen, 1977. S. 2, 3.

на, «эти многообразные силы ускользают от упорядочения и единства»⁶.

Необходимо отметить, что фиксируемые буржуазными обществоведами различия, существующие в обществе, как правило, анализируются на уровне обыденного сознания, сориентированного на логику «здравого смысла». Своеобразным инструментом объяснения политических реалит в рассуждениях западных политологов выступает концепция «морального плюрализма», рассматривающая различные системы этических ценностей и моральных оппозиций в обществе в качестве определяющих факторов по отношению к политической деятельности.

Поверхностный подход сторонников плюрализма к политической сфере лежит в русле общей эклектической «многофакторной теории» общественного развития, согласно которой в обществе действуют совершенно равноценные и самостоятельные силы, исключающие возможность единого научного подхода и критерия в оценке исторической деятельности людей. При этом, как правило, экономика считается наименее интересной и наиболее отстающей сферой общественной жизни.

Отбрасывая общественную закономерность, сторонники плюрализма отказываются от анализа способа производства как определяющего структуру всего общества, пытаются уравнивать определяющие силы общественного развития с набором различных факторов, взятых преимущественно из духовной сферы. Отсутствие поиска глубинных истоков функционирования такой сложнейшей сферы общественной жизни, как политика, заменяется буржуазными исследователями поверхностным описанием, взглядом «извне», а сложнейшая диалектика общего и особенного — релятивизмом.

Эта проблема затрагивает очень важный вопрос о связи между эмпирически констатируемым плюрализмом интересов в буржуазном обществе и выяснением систематизирующей специфики разнящихся между собой общественных интересов. Конкретным образом представленные в сфере экономики, культуры, политики и образования, эти интересы в буржуазном обществе имеют не плюралистическую, а антагонистическую структуру и определенность полярных интересов буржуа и пролетария.

⁶ Pluralism in Ireland. Dublin, 1972. P. 42.

Различия в обществе бывают разного порядка и по разному основанию — возрастные, половые, профессиональные, расовые и т. д. Однако при всей их важности в анализе общественных явлений на первый план должны выступать социально-классовые различия, в конечном счете определяющие место человека в обществе, — от производства до распределения. «...Ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса... не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами...»⁷

Релятивистское восприятие действительности, непонимание классовой сущности буржуазного государства и антагонистической природы существующих в нем конфликтов не дают возможности буржуазным политологам правильно оценить суть пропагандируемого ими политического плюрализма. Не ограничиваясь стремлением завуалировать кричащие пороки капиталистической действительности, его сторонники одну из главных функций плюрализма видят в содействии развитию цивилизации, в содействии прогрессу.

Например, Г. Кремендаль понимает плюрализм как условие коммуникации, целью которой является прогресс, не исключающий «многообразие» и «конфликт» — как категории, осмысление которых действительно важно в дискуссиях о плюрализме. Рассматривая основные постулируемые теоремы современного плюрализма, Кремендаль в качестве первоочередной задачи называет «легитимизацию многообразия», направленную на утверждение свободы: плюральность понимается как «форма выражения свободы»⁸.

Однако сама постановка вопроса о свободе теоретиками плюрализма еще не решает вопроса о действительной свободе человека в условиях буржуазного общества, которое, даже по мнению западных исследователей, «как система, основанная на привилегиях, постоянно ставится под угрозу своими собственными обещаниями, касающимися обеспечения свободы, равенства и солидарности»⁹. Степень свободы, которой реально располагает человек в условиях того или иного общества, определяется прежде всего характером существующих в

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 547—548.

⁸ Kremen Dahl H. Zum Verhältnis von wissenschaftlichen SD-Pluralismus und politischen Pluralismus. S. 2—16.

⁹ Marx Heute. Pro und contra. Hamburg, 1983.

нем общественных отношений, структурой общественно-политической практики, системой функционирующих в обществе ценностей.

Поэтому идея свободы, полагаемая буржуазными обществоведами главным, системообразующим фактором и критерием общественных, в том числе и политических, отношений, в капиталистической действительности строго ограничена рамками буржуазного государства и буржуазной демократии, где индивидуальная свобода имеет весьма ограниченные возможности для развития. Как отмечал К. Маркс, «это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе — на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упразднение всякой... индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил...»¹⁰. В условиях буржуазного государства вещь господствует над человеком, а отчуждение, потребительство и фетишизм выступают антиподами свободы. Их устранение требует революционных изменений в экономической сфере, в самом капиталистическом производстве.

Таким образом, сама практика современного капиталистического общества, с ее антагонизмами и интенсификацией эксплуатации человека труда, подавлением его личности, ограничением гражданских и политических свобод, объективно выступает против попыток буржуазных теоретиков, в том числе и сторонников плюрализма, представить частную собственность и конкурентную борьбу в качестве основы возникновения «активной», «нестандартной» личности.

Отношения собственности являются одним из главных вопросов при выяснении механизмов осуществления государственной власти. Частная собственность, восхваляемая буржуазными идеологами как основа прогрессивного развития общества и человека, является по существу естественным мерилom и ограничителем действия плюралистической демократии в буржуазном обществе. Несмотря на то что для некоторых западных социологов «нелегко выяснить, когда свободное использование собственности переходит в проявление власти»¹¹, именно частная собственность выступает атрибу-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 156.

¹¹ Walzer M. Spheres of Justice. N. Y., 1983. P. 291.

том распределения власти в капиталистическом обществе.

Упрощенное отождествление демократии с широким диспутом, где властвует речь и ораторское искусство убеждать, приводит к упрощенному пониманию проблемы равенства в сфере управления общества, когда «единственным путем преодоления монополии политиков» предлагается «избрание людей посредством жребия»¹².

Капиталистические противоречия не могут существовать в виде равнозначных демократических альтернатив, ибо политический процесс не просто поле для дивергирующих политических волеизъявлений и мнений, а общественная сфера, где действуют свои закономерности. Границы демократии в условиях буржуазного общества предполагают только такие альтернативы, гарантия которых может быть достигнута основополагающими принципами общественного устройства. Как отмечает Г. Зандкюлер, «если под требованием плюрализма понимается не «свобода конкуренции» (свобода экономически господствующих оптимально конкурировать на рынке посредством эксплуатации рабочей силы), если требование плюрализма не выхолащивает конституционное ограничение милитаристских, фашистских и монополистических притязаний господства, если требование плюрализма предусматривает осуществление демократических прав, свобод в культуре и политике, тогда спор о содержании понятий «демократия» и «свобода» продуктивен и имеет смысл»¹³.

Использование плюрализма как мобилизующего средства для маскировки неравенства в буржуазном обществе сочетается с антикоммунистической критикой демократических основ социалистического государства. Особое место в концепциях социально-политического плюрализма занимает идея «социалистического плюрализма», впервые изложенная в работах Г. Ласки и развитая его современными последователями. Совершив отход от классического философского плюрализма в его онтологическом и гносеологическом аспектах, а также в связи с новыми политическими реальностями поднимавшегося в 30-х годах фашизма, Ласки провозгласил, что условия реализации плюрализ-

¹² Ibid. P. 305.

¹³ Dialog Statt. Dogmatismus. Köln; Fr.-a-M., 1978. S. 189.

ма могут быть предоставлены только в социалистическом обществе. Эволюция этой идеи привела к ярко выраженному в работах буржуазных советологов тезису о том, что «социализм и демократия несовместимы»¹⁴.

В прославлении буржуазного плюрализма как высшего типа демократии с мнимым равенством прав людей — защищать и пропагандировать различные социально-политические идеи, нравственные и эстетические ценности — многие сторонники плюральных концепций противопоставляют его социализму — «закрытому», «тоталитарному» обществу, где индивидуальность личности якобы подавляется «массой», «массовым движением» и «массовым сознанием». Буржуазные авторы утверждают, что марксисты, предлагая строить общество на началах коллективизма, в сущности будто бы уничтожают свободу индивида, добиваются обезличенности человека. Монистическому подходу к человеку буржуазная идеология противопоставляет культ индивидуализма, который предполагает представление о естественном характере свободы и самоценности отдельного индивида, рассматриваемого в качестве центрального и автономного элемента социального действия. Считая атрибутом свободы ее индивидуальное, а не социальное выражение, сторонники плюрализма наделяют человека абсолютной свободой в выборе поведения и действия, одновременно рассматривая личность как абсолютно самостоятельную, исторически и классово не обусловленную единицу общества. Фальсифицируя материалистическое понимание истории, наши идеологические противники упрекают марксизм в том, что он будто бы стремится стандартизировать личность, пересоздать людей по единому образцу, убить в них индивидуальность, сделать их одномерными существами, лишенными самобытных и личностных качеств.

Научное, марксистское понимание проблемы свободы и необходимости в обществе показало единственно реальный путь освобождения человека и человечества: по-

¹⁴ *Fraenkel E.* Der Pluralismus als Strukturelement der freiheitlich-rechtsstaatlichen Demokratie//Pluralismus: Konzeptionen und Kontroversen. München, 1972. S. 183—191; *Steffani W.* Einleitung//Ibid. S. 9—46. Von Pluralismus zum Neopluralismus. Pluralismus: Grundlegung und Diskussion. Opladen, 1980. S. 37—109; *Schwan G.* Grundwerte der Demokratie. Orientierungsversuche im Pluralismus. München, 1978; *Höherle P.* Die Verfassung des Pluralismus. Königstein, 1980.

знание законов материального мира и на этой основе — практическая, преобразующая деятельность людей.

Возвращаясь к проблеме многообразия как центральной в теории плюрализма, необходимо подчеркнуть методологическую несостоятельность плюралистического подхода в вопросах диалектики общего и особенного, единства и многообразия. Констатируя многообразие общественного бытия людей, теоретики плюрализма далеки от того, чтобы увидеть единство этого бытия в материальной сфере, в общественном производстве. Сохранение целостности общества они относят за счет абстрактно понимаемой идеи блага, регулирующей якобы синхронность всех сфер общественной жизни. Это проявляется в требованиях «добиться целостно-общественной связи, ограничить интенсивность представительства интересов и повысить способность к компромиссам»¹⁵.

При анализе современных плюралистических концепций особое внимание следует уделить вопросам теории и практики конфликта, по существу выступающего одним из главных понятий данных концепций. И это не случайно. Принимаемые в капиталистическом обществе политические и государственные решения подчас не только не разрешают, но и обостряют существующие в нем конфликты. Аккумуляция неразрешенных противоречий диктует два возможных «выхода»: либо они должны насильственно подавляться под лозунгом свободолюбивых целей общественной модели, либо должны разразиться кризисом, способным разрушить саму плюралистическую систему.

Неизбежность конфликтов в капиталистическом обществе, объяснимая с точки зрения логики исторического развития, диалектики производительных сил и производственных отношений, возводится буржуазными идеологами в ранг необходимой характеристики проявления свободы, а разрешение конфликтов, в том числе и классовыми методами регулирования, рассматривается как момент осуществления прогресса.

В этой связи буржуазные политологи часто ссылаются на работы западногерманского социолога Р. Дарендорфа, претендующего на создание альтернативной марксизму концепции классов и классового конфликта. Фальсифицируя понятие класса как основного в марксистской философии истории, Дарендорф в качестве

¹⁵ Pluralism in Ireland, P. 8.

главного классовобразующего признака постулирует отношения господства и подчинения, наделяя при этом противоположные классы «равными шансами» для осуществления своих классовых интересов.

Согласно марксистско-ленинской теории, все классы общества, преследуя достижение своих задач, вовлекаются в классовую борьбу, которая является действительной движущей силой исторического развития. «Маркс впервые открыл великий закон движения истории, — писал Ф. Энгельс, — закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»¹⁶.

Как показывает история, во всех основанных на эксплуатации общественно-экономических формациях антагонизмы между угнетателями и угнетенными заканчивались революционными преобразованиями общества, социальной революцией, которую стремится, поставив на место революции реформу, предотвратить буржуазная идеология, замещающая исторически обусловленную борьбу классов методами регулирования «сверху», включая метод политического плюрализма.

Узаконивание конфликтов в буржуазном обществе в концепциях политического плюрализма сочетается с нежеланием понять их подлинные причины, что приводит к рассмотрению классовой борьбы как случайного и чисто надстроечного явления, не имеющего отношения к экономическому базису. Так, один из крупнейших представителей буржуазной идеологии ФРГ, Ю. Хабермас, в своем объемном труде, посвященном анализу идеологической ситуации Запада, говорит о совпадении экономического и социального кризисов как о чисто случайном явлении. Основной лозунг книги Хабермаса — «социальное партнерство вместо политики», предполагающий «запрет» на конфликты¹⁷, продиктован стремлением

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 259.

¹⁷ Habermas G. Stichworte zur «Heutigen Situation der Zeit». Fr.-a-M., Bd I. 1980. S. 35.

скрыть глубокие противоречия, раздражающие экономику и политику капиталистического общества.

По вполне понятным причинам общественный конфликт объявляется чисто идеологическим явлением. Скажем, по мнению консерватора Т. Шельского, конфликт существует лишь в субъективно искаженном восприятии левых интеллигентов, которые «выталкивают свой собственный кризис сознания вовне и могут заражать население своими болезненными представлениями»¹⁸. Таким образом, подводят итог буржуазные авторы, если раньше идеологии нужны были «для того, чтобы скрыть конфликты, противоречия интересов», то сегодня «идеология сама стала собственным, если не единственным, источником общественных конфликтов»¹⁹.

Вместе с тем сторонники идейно-политического плюрализма стремятся представить себя сторонниками абсолютной толерантности к различным идеологическим концепциям и политическим программам. Такая постановка вопроса предполагает, что политический плюрализм должен обеспечить легитимизацию расходящихся взглядов и конфликтов, обеспечить свободой действий различные политические силы. Однако действительность современного буржуазного общества далека от провозглашаемого идеала. Она постоянно демонстрирует несоответствие «политических речей», произносимых на «конкурентном поле» предвыборных кампаний, официально проводимым социальным реформам. Это хорошо понимают и некоторые исследователи на Западе. Как отмечает французский политолог П. Ансар, «плюралистический режим раскрывает завесу, покрывающую классовые неравенства, и позволяет различным синдикатам и партиям заявить о своем призвании защищать один общественный класс против другого. Плюрализм делает также более явной классовую борьбу, в то же время он делает явными различия в овладении материальными, духовными благами и благами власти»²⁰.

Буржуазная идеология очень быстро реагирует на все изменения, происходящие в жизни капиталистического общества, в общественном сознании, стремится уловить тенденции его развития, стать активным факто-

¹⁸ Ibid. S. 18.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ansart P. *Idéologies, Conflicts et Pouvoir*. P., 1977. P. 171.

ром формирования политического сознания, привить массам недоверие к коммунизму и марксизму. Среди средств, активно используемых буржуазной пропагандой для достижения этой задачи, — фальсификации реально-го социализма и его политической системы, демократических процессов и свобод в социалистическом обществе.

В качестве высшего критерия демократии и прогресса буржуазные идеологи противопоставляют социализму плюрализм, согласно которому в обществе должны действовать гетерогенные социально-экономические интересы и силы, отношения между которыми изначально определяются отношениями конкуренции и конфликта. Однако анализ современных политических структур на Западе показывает, что лозунг плюрализма представляет собой маскировку господства и принятия политических решений в буржуазных политических институтах и не учитывает социальных условий и конкретных отношений господства власти и капитала.

Неспособность дать научный анализ происходящих в обществе процессов мешает буржуазным идеологам увидеть в марксизме огромную прогнозирующую силу, найти реальные пути решения возникающих в буржуазном обществе конфликтов и противоречий. Именно поэтому они считают плюрализм с его «рынком идей», конкурентной борьбой и частной собственностью эффективным средством поиска их разрешения.

Каким бы эффективным ни казался буржуазным политологам политический плюрализм, он не может коренным образом изменить объективно существующих общественных отношений, как не в состоянии отменить объективных закономерностей общественного развития.

Рассматривая методологические основы политического плюрализма, отметим, что в своих аналитических и нормативных ориентациях эти концепции развиваются в тесной связи политического и идеологического аспектов. Идеологический плюрализм, исходя из взаимного исключения общего и особенного, единства и различия, выступает философским обоснованием антагонизма монизма и плюрализма в социально-политической сфере. Тенденции изменений, происходящих в самой буржуазной идеологии, исторически и в сущности своей определялись объективными условиями существования буржуазии как класса, а следовательно, и ее социальной политикой и политической деятельностью.

Однако, апеллируя под видом духовного многообра-

зия к привлекательности мировоззренческого плюрализма, современные буржуазные идеологи отрицают классовую обусловленность и направленность своих идеологических конструкций, которые они рассматривают как доктрины, выражающие групповые интересы идеологов и не связанные с реальными закономерностями общественного развития. Для философского обоснования существующих в буржуазном обществе классовых, социально-политических, экономических и иных противоречий используется плюралистическая философия или философский плюрализм, который осознанно или неосознанно увековечивает эту картину, усматривая в принципе гетерогенности необходимое условие бытия, предполагает существование более чем одного вида субстанций, независимых друг от друга систем знания, множества истин.

Например, американская прагматистская философия, появившаяся на сцене историко-философского процесса как протест буржуазной мысли против монизма, против научно понятой истины, постепенно провозгласила истинным все, что полезно для сохранения буржуазного общества. Выступая за мир, в котором царствуют авантюра и риск, за мир конкурентного производства и непримиримых противоречий, американский прагматизм объявил критерием истины пользу и тем самым открыл простор для утверждения стольких истин, сколько существует интересов: личных и групповых, национальных и классовых.

Подобный философский подход к истине полностью согласуется с основными принципами современного политического плюрализма. Именно этой логике следуют западные исследователи, которые не видят никакой связи между философским и политическим плюрализмом. Скажем, по мнению председателя Международного исследовательского комитета по плюрализму С. Эрлиха, это есть совершенно разные плоскости рассуждений: «в то время как философский плюрализм занимает онтологическая природа мира, политический — рассматривает механизм осуществления власти в государстве»²¹.

Конечно, можно принять и теоретически рассмотреть механизм осуществления государственной власти, которая бы функционировала вне сознания людей, независимо от существования и направленности различных

²¹ Three Faces of Pluralism. L., 1980. P. 40.

идеологических доктрин и философских концепций, призванных формировать мировоззренческие позиции в обществе. И в этом случае политологи были бы единственной группой ученых, свободных от мировоззренческих условностей и, следовательно, не способных к управлению политическими процессами в обществе. «Для общества, — как отмечал А. Швейцер, — как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства — ориентирования»²².

Безусловно, в современном буржуазном плюралистическом обществе различные точки зрения, различные, а порой взаимоисключающие социально-политические идеалы формируются в условиях всевозрастающей социальной неоднородности и полярности. И в этом смысле постоянно возникающие во всех сферах буржуазного общества противоречия в первую очередь определяются все обостряющимися классовыми антагонизмами, точно так же как общественно-политические идеалы, насаждаемые буржуазной идеологией, несмотря на прославление ею индивидуализма, имеют ярко выраженную классовую окраску и направленность.

Поэтому правильное понимание всех изменений, происходящих как в сфере базиса, так и в сфере надстройки, выработка эффективных политических рецептов не могут быть основаны на абстрактном, иллюзорном представлении, а должны соответствовать реальному положению вещей, действительности такой, какая она есть, а не такой, какой хотелось бы ее видеть. Из всех существующих общественных классов лишь рабочий класс жизненно заинтересован в самом точном представлении о мире, в уничтожении капитализма, всех его кричащих пороков и антагонизмов, ибо это одновременно является его главной политической целью и объективной исторической закономерностью.

3. Доктрина анархо-капитализма и плюрализм

Характерным выражением идеологического плюрализма в современной буржуазной политической философии выступают различные концепции анархизма. Широко распространенные теоретические разновидности современного американского анархизма, выступающие как

²² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 82.

демонстрация принципа идеологического плюрализма, якобы имманентно присущего американскому обществу, на деле призваны найти идеологическое и социологическое оправдание социально-политической роли буржуазных кругов и правящей верхушки стран капитала, отвлечь от последовательно научного анализа социально-политических противоречий и направить поиск причин социальных конфликтов исключительно в социально-этическую сферу.

Теоретические обоснования анархизма исключают единый научный подход в анализе социальной структуры и жизнедеятельности общества. Вследствие этого представители различных направлений анархизма в социально-политической философии отрицают марксистское понимание истории, законов общественного развития, хотя в целях создания видимости объективного анализа социально-политической ситуации в капиталистическом мире в своих работах достаточно часто ссылаются на произведения классиков марксизма-ленинизма.

В качестве главной и определяющей проблемы они предлагают проблему человека, в зависимость от решения которой ставят и понимание исторического процесса.

Одной из разновидностей современного анархизма в США, развиваемой в русле доктрины идеологического плюрализма, является так называемый анархо-капитализм. Наиболее характерным примером этого направления, получившего свое оформление в ряде работ¹, служит концепция «минимального государства» Р. Нозика, изложенная им в книге «Анархия, государство, утопия»². Обращает на себя внимание тот факт, что эта книга бывшего участника студенческих демонстраций в конце 60-х годов, ныне ставшего ретивым представителем правого либертаризма в отличие от упомянутых работ других авторов, также явившихся базой для «новой» идеологии анархо-капитализма в США, стала предметом горячих и не прекращающихся по сей день дискуссий американской философской общественности. Известный теоретик либертаризма Р. Макбрайд, исходя из современной ситуации внутри англосаксонской фило-

¹ *Hospers I.* What Libertarianism Is?//The Libertarian Alternative. Chicago, 1974; *Tuccille J.* Radical Libertarianism. Indianapolis, 1970; *Friedman D.* The Machinery of Freedom. N. Y., 1973; *McBride R.* New Dawn for America. Ottawa, 1976.

² *Nozick R.* Anarchy, State, Utopia. Oxford, 1974.

софской традиции, выделяет работу Р. Нозика «Анархия, государство, утопия» в качестве вехи в современной американской общественной мысли наряду с работой Дж. Ролса «Теория справедливости» и работой Р. Дворкина «Серьезное отношение к правам».

В действительности интерес к работе Нозика объясняется достаточно оригинальной его попыткой осмыслить, с точки зрения средней и крупной буржуазии, все более ощущающей на себе давление государственно-монополистического капитала, современную социально-политическую ситуацию в США и предложить социальную доктрину, не только выражающую интересы буржуазии, но и намечающую особый, однако не выходящий за рамки традиционного буржуазного общества путь решения социальных проблем. Представляя собой синтез наиболее типичных для ряда буржуазных теоретиков либертаризма и анархо-капитализма позиций и аргументов, концепция Нозика, недостаточно исследованная в марксистской литературе, требует специального критического анализа.

В основе доктрины либертаризма лежит понятие «entitlement», означающее по существу право частной собственности, а в локковском понимании — право собственности на жизнь, свободу и владение. Из него исходит и Нозик, выдвигая тезис о наличии неравенства, обусловленного такими «естественными» причинами, как, например, обладание талантом и др. Доктрина анархо-капитализма, совмещающая принцип «равенства возможностей и неравенства способностей» с принципом «естественной свободы», является своеобразной формой апологетики буржуазных отношений, изначально способствующих «справедливому» выдвижению «естественной аристократии». Таким образом, логика теоретиков либертарного анархизма приводит их к утверждению, что права есть и должны быть неравными, а функции государства, ущемляющего неотъемлемые права индивида, необходимо свести до минимума. Единственной целью такого «минимального государства» должна быть, на их взгляд, защита этих прав³.

Отсюда в теории капиталистического анархизма особое значение придается проблеме свободы. Следуя общей логике либертаризма, Нозик приходит к выводу о том, что возможно решить проблему совмещения свобо-

³ *Hospers I. Op. cit. P. 12.*

ды и даже произвола личности с интересами общества свободных индивидов, проблему анархизма и проблему государственности.

На этой основе, а также на основе вульгарно-экономического понимания сущности человеческой природы, свойственного идеологии либертаризма в целом, Нозик строит свою программу общественного переустройства по типу «минимального» анархо-капиталистического государства. В его концепции человек рассматривается в духе Адама Смита — как независимый мелкий торговец, прирожденный эгоист, стремящийся удовлетворить свои частнособственнические потребности. Праву собственности теоретиками либертаризма придается самодовлеющее значение, а свобода понимается как отсутствие внешних ограничений для свободного рынка, когда «никто не вправе запрещать капиталистические акты между совершеннолетними и добровольно на них идущими людьми»⁴.

Понятие свободы в философии анархо-капитализма лишено конкретного социального содержания, носит формальный характер, определяется негативно как отсутствие насилия со стороны государства и других людей, как невмешательство государства в область рыночных отношений. Государственное вмешательство, согласно этой логике, неизбежно ведет к искажению и извращению естественных социальных форм, которые только и могут возникнуть на основе личной свободы, свободного предпринимательства и свободного рынка⁵.

Стремясь противостоять усугубляющейся тенденции государственного регулирования экономики, анархо-капитализм в условиях современной реальности буржуазных экономических отношений отвергает право на существование любого государства, за исключением предложенного им гипотетического «минимального государства». «Государство справедливо только в том случае, — объясняет Нозик такую позицию, — если оно строго ограничивается узкой функцией защиты индивидов от насилия, шантажа, воровства и нарушения контрактов»⁶. Любое другое более расширенное толкование функций государства, по мнению Нозика, неизбежно будет нарушать права индивида. Отсюда всякое государ-

⁴ *Nozick R. Op. cit. P. 221.*

⁵ *Friedman D. The Machinery of Freedom. N. Y., 1973.*

⁶ *Nozick R. Op. cit. P. 18.*

ство, за исключением «минимального», является инструментом насилия, поскольку оно экспроприирует часть индивидуальной собственности в виде налогов для своего существования и на другие цели, такие, например, как социальное обеспечение больных или физически неполноценных.

Эти рассуждения Нозика вытекают из одного из основополагающих принципов либертаризма, характерных для плюрализма в целом, — «равенства возможностей и неравенства способностей» — и приводят к выводу о том, что все налоговые деньги, используемые государством более чем для «минимальных» целей, могут считаться кражей со стороны государства.

Излагая свою «гуманистическую» концепцию преобразования государства, Нозик дает принципиальную трактовку общественного развития. Он отрицает прогресс общества и предлагает возврат к обществу первоначального накопления, которое представляется ему золотым веком человечества. Отвергая открытые К. Марксом законы общественного развития, Нозик считает возможным достижение «минимальной» ситуации свободного рынка на основе добровольной кооперации индивидов. При этом в его гипотетических построениях в одном случае индивид имеет одинаковые с другими исходные социальные блага, включая собственность, а в другом случае фигурирует изначальное неравенство в богатстве, поскольку, говоря словами Нозика, «справедливость владений имеет исторический характер, она обусловлена тем, что в действительности произошло»⁷. Характерно, что и в том и в другом случае Нозик говорит о людях «вообще», полностью игнорируя классовое деление общества, что делает абстрактными его рассуждения о справедливости «минимального государства».

Придерживаясь плюралистического взгляда на мир, Нозик, как и многие другие идеологи анархо-капитализма, представляет действительность в виде бесконечного разнообразия равнозначных и автономных сущностей. Исходя из такого понимания мира, сторонники анархо-капитализма пытаются предложить свой, отличный от марксистско-ленинского понимания, путь общественного развития, который, на их взгляд, якобы дает импульс для раскрытия многообразия социальной реальности. Так, по мнению Нозика, констатирующего индивидуаль-

⁷ Ibid. P. 152.

ные права личности и создаваемое ими достоинство, «минимальное государство» даст людям возможность «индивидуально или с теми, кого мы выбираем, избрать для себя образ жизни и реализовать наши цели и наше понимание самих себя, насколько это возможно, с помощью добровольной кооперации с другими индивидами, обладающими таким же достоинством»⁸.

В концепции Нозика исходным состоянием, могущим привести к формированию новых «справедливых» обществ, является такое положение, когда каждый индивид может сам, добровольно, в соответствии со своим желанием выбрать себе соответствующую социальную роль, например стать монархом или отдать себя в рабство. При этом Нозик не считает, что «минимальное государство» является утопией в обычном смысле слова, скорее это каркас для утопий, который, по его мнению, даст индивидам возможность свободы выбора, свободы устанавливать в нем сообщества любого рода, какого они только пожелают. Одним из оснований для предпочтения именно такого варианта утопии любому другому видению утопии является то, что он «наиболее адекватно принимает во внимание многообразие и различие человеческих существ»⁹. Но в свою очередь, поскольку морально оправданными и универсальными, исходя из понимания сущности человеческой природы Нозиком, являются усилия, направленные на удовлетворение частно-собственнических потребностей, то «оптимальной» ситуацией для объединения человеческих усилий, минуя этатистские формы принуждения, является ситуация «свободного рынка». Все индивиды, обладающие равными правами свободного выбора, будут вынуждены сдерживать свой эгоизм, чтобы достичь взаимодействия с другими. Отсюда права каждого будут добросовестно приниматься во внимание, с ними будут считаться.

Суть предложения Нозика заключается в том, что его «утопия», или «каркас для утопий», создает возможность для существования разнообразных типов человеческих сообществ, начиная со всевозможных религиозных и заканчивая социально-политическими, процветающими бок о бок под покровительством «минимального государства». Складывается впечатление, что «минимальное государство» предоставит людям величайшие свобо-

⁸ Ibid. p. 334.
⁹ Ibid. p. 333.

ды, которые явятся условием для бесконечного разнообразия человеческих ассоциаций, и будет оставаться нейтральным в том, что касается убеждений и стиля жизни его членов. Но поскольку исходными предпосылками «минимального государства» являются права индивидов свободно приобретать, владеть и распоряжаться собственностью, а обязанностью государства является защищать ее, то и оно неизбежно будет воспроизводить в своих рамках лишь капиталистические отношения и соответствующую им классовую структуру.

Таким образом, эти рассуждения Нозика, предлагающие якобы плюралистическое толкование практики человеческих отношений, на деле сводятся к узкому, вульгарно-экономическому пониманию модели «справедливого» общественного устройства, выражают по существу интересы буржуазии, которая не терпит не только государственного вмешательства в дела частного предпринимательства, но и любого контроля со стороны общества. Нозик обосновывает безграничность прав частного собственника в использовании принадлежащих ему капиталов, объявляя всякое ограничение употребления этих капиталов, даже во вред другим индивидам, нарушением свободы личности, необоснованным насилием над индивидом.

Критический анализ концепции Нозика выявляет внеисторическое истолкование проблемы справедливого общественного устройства, используемое для камуфляжа буржуазных социальных порядков. Формально-логические рассуждения Нозика, создавая видимость научного подхода к анализу проблемы, обнаруживают свою несостоятельность применительно к более сложным по своей природе социальным явлениям. Ошибка Нозика, говоря словами Ф. Энгельса, заключается в том, что «законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной степени развития человеческого мышления»¹⁰.

Плюрализм, который как будто бы приводит Нозика к признанию любого общественного порядка, в действительности жестко избирателен. Наделяя правом на су-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 384.

ществование любой общественный порядок, начиная с рабовладельческого, он полностью лишает такого права социально-экономический строй, идеологическое обоснование которого в корне отличается от обоснования эксплуататорских социальных порядков, а именно социалистический, что само по себе свидетельствует о противоречиях плюралистического подхода к социальной действительности.

Предлагая модель «минимального государства» как «каркас» для всевозможных человеческих ассоциаций и укладов, Нозик вместе с тем проявляет категорическое неприятие социализма, экономическим фундаментом которого является планирование и государственное регулирование, а политическим — общественная собственность на средства производства. Любые проявления коллективизма, основанные на общественной собственности на средства производства, по Нозику, нарушают «естественные права» индивидов. Он предлагает, исходя из своего понимания сущности человека и руководствуясь экономическими интересами индивидов, в данном случае рабочих, свою «особую», кооперативистскую разновидность рабочего контроля — контроль над производством рабочих-пайщиков, которая, помимо того что доказывает «рентабельность» частнособственнического предпринимательства, якобы еще демонстрирует несостоятельность марксистской теории эксплуатации.

«Марксистская теория объясняет феномен эксплуатации в связи с ситуацией рабочих, не имеющих доступа к средствам производства и вынужденных заниматься продажей своего труда капиталистам, чтобы получить к ним доступ»¹¹. В случае с рабочими-пайщиками, считает Нозик, нельзя говорить о наличии эксплуатации. По его мнению, из марксистской теории эксплуатации следует, что «эксплуатация будет существовать в любом обществе, в котором капиталовложения будут делаться в целях увеличения будущего продукта (обусловленные, например, возможным ростом населения), и в любом обществе, где будет наличествовать субсидирование неспособных к труду (или к производительному труду) за счет труда других»¹².

Такое решение Нозику проблемы справедливого общественного устройства противоречит марксистскому по-

¹¹ *Nozick R.* Op. cit. P. 253.

¹² *Ibidem.*

ниманию социального неравенства людей, но имеет прямое отношение к принципу «естественного отбора», который является в идеологии анархо-капитализма определяющим элементом. По Нозик, все люди, в силу каких-либо причин являющиеся «аутсайдерами», недостойны того, чтобы в их пользу в виде налогов на социальное обеспечение взимались деньги с более энергичных, талантливых или просто удачливых индивидов. «Никто не вправе обвинить благополучных людей в безнравственности за их нежелание кооперироваться с неизвестными менее благополучными людьми»¹³, поскольку, согласно идеологии анархо-капитализма, это тормозит «естественное» продвижение вперед талантливых индивидов и нарушает основное право человека — право собственности. Это означает, как отмечает Макбрайд, что жизнь рассматривается как «вызов»; «что касается индивидов или целых обществ, которые являются непривилегированными, похоже, она говорит им: «Глупый осел!»».

Тем самым не только в теории, но и на практике (достаточно вспомнить политику администрации Рейгана, направленную на сокращение расходов на социальное обеспечение) миллионы людей, лишенных частной собственности, подвергаются социальной дискриминации. Как справедливо отмечает А. В. Момджян, ««свободная конкуренция», полагаемая необходимым условием человеческой свободы, является одним из существенных признаков буржуазного понимания плюралистической демократии. Однако свободная конкуренция как показатель индивидуальной свободы и общественного производства имеет весьма ограниченные возможности для развития»¹⁴.

Выступая за свободу конкуренции и индивидуальной предпринимательской инициативы, против этатизма, проявляющегося в форме регулирования экономики и контроля над бизнесом, Нозик высказывается не только против социализма и коммунизма, но и против тех разновидностей анархизма, которые апеллируют к коллективизму: анархо-социализма, анархо-коммунизма, а также того направления анархо-синдикализма, которое

¹³ Ibid. P. 223.

¹⁴ Момджян А. В. Плюрализм: истоки и сущность. М., 1983. С. 210.

склоняется не к кооперативизму, а к коллективизму, и отрицает право частной собственности.

Основополагающий принцип истинной свободы, по Нозик, звучит следующим образом: «При анархии люди имеют право формировать добровольные ассоциации любой численности для практической реализации своих идей. Также невозможно представить, чтобы кто-то мог быть изгнан из дома, который он занимает, и с земли, которую он использует. Каждый серьезный человек должен определить для себя, стоит ли он за социализм и отвергает свободу или избирает анархизм, а с ним принимает свободу и отвергает насилие»¹⁵. Из этого высказывания Нозика ясно, что он защищает насыщенный буржуазным содержанием идеал свободы, сводящийся прежде всего к свободе частной собственности и конкуренции, которые он, говоря словами К. Маркса, «рассматривает как конечное развитие человеческой свободы», а отрицание свободной конкуренции отождествляет «с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производства»¹⁶. Маркс доказывает, что такое понимание идеала свободы есть прежде всего «полнейшее упразднение всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму внешних сил и даже сверхмощных вещей — вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу»¹⁷.

Отрицая в целом объективность закономерностей социально-экономического развития, Нозик предлагает свою концепцию происхождения государства посредством «невидимой руки» (*invisible hand*), согласно которой государство возникает без кем-либо поставленной цели создать его, под воздействием рыночной стихии, благодаря действию не всегда осознанных экономических интересов индивидов, что, по его мнению, логически, «естественным образом» приводит к модели «минимального государства». При этом Нозик не пытается объяснить ни механизм работы свободного рынка, ни феномен первоначального накопления. Он также полностью обходит стороной эксплуатационную нетрудовую сущность капиталистической частной собственности, ин-

¹⁵ *Nozick R.* Op. cit. P. 250.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 155—156.

¹⁷ Там же. С. 156.

терпретируемой им в вульгарно-трудовом духе. Социальная трансформация оказывается результатом произвольных усилий человека.

Искусственность построения «минимального государства» и возможных его форм достаточно очевидна. «Утопия» и на этот раз оказывается весьма далекой от науки и от реальной действительности. Следует особо отметить, что, рассуждая о свободном и справедливом плюралистическом обществе, буржуазные теоретики полностью игнорируют классовую принадлежность людей, а также всю совокупность общественных отношений, включая экономическую, социально-политическую, идеологическую и культурную сферы, которые и определяют по существу формационные отношения. Бесплодность анархо-капиталистических концепций еще раз доказывает правоту В. И. Ленина, который решительно требовал соотносить свои идеалы с объективными предпосылками, «не с «современной наукой и современными нравственными идеями», а с *существующими классовыми противоречиями*», и формулировать их поэтому «не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений»¹⁸.

«Минимальное государство» связывается с дальнейшим развитием НТР, которая даст возможность соответственно просветить, раскрепостить личность, развить ее воображение и посредством этого добиться расширения для каждого индивида круга возможностей, могущих выходить за пределы реальности. Такая позиция Нозика очень напоминает некоторые высказывания Ж.-П. Сартра и Г. Маркузе о формировании «новых» субъектов исторического процесса: «Воображение таких мужчин и женщин сформировало бы их разум и наметило бы путь превращения процесса производства в процесс творчества. Таково утопическое представление о социализме, которое ставит в поле зрения внедрение свободы в царство необходимости и союз между причинностью по необходимости и причинностью по свободе. Первое означает переход от Маркса к Фурье, второе — от реализма к сюрреализму»¹⁹.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, С. 436.

¹⁹ Marcuse G. An Essay on Liberation. Boston, 1969. P. 21—22.

Органической частью общей анархо-капиталистической концепции государства Нозика является теория «дистрибутивной справедливости», которую он разрабатывает с помощью элементарной математики, теории игр, теории решений. Суть абстрактно построенной теории «дистрибутивной справедливости» более чем проста. Если люди существуют изолированно друг от друга, то их доход (зарплата, пенсия, проценты и др.) составляет C . Если они кооперируются и трудятся сообща, то их доход составляет T . Теория «дистрибутивной справедливости» пытается решить, как справедливо распределить между всеми T . Известный американский философ Дж. Ролс в своей книге «Теория справедливости» пишет, что исходные социальные блага надо делить поровну, «каждый имеет одинаковые права, доход и богатство». Нозик не согласен с гипотетической установкой Ролса. Он предлагает свою альтернативу справедливого распределения, считая, что делить надо $T - C$, т. е. в зависимости от начальных паев²⁰.

Отвлеченность и бесплодность концепции Нозика очевидны. Как отмечает американский ученый М. Платтнер в статье «Новая политическая теория», «моральные и политические проблемы, стоящие перед человечеством сегодня, переходят за рамки экономического мышления и «новой» политической философии, представленной Нозиком. Нозик не упоминает нигде, что он пишет во время кризиса, когда поддерживаемые им либеральные ценности подвергаются всевозрастающей критике»²¹.

Анархо-капиталистический порядок, о котором мечтают либертариисты, на самом деле, по мнению некоторых исследователей, уже реализован в современном мире, а именно в системе суверенных государств как «коллективных личностей». Например, Р. Арон отмечал, что «в сущности сообщество современных государств является асоциальным, поскольку оно не запрещает «коллективным личностям», из которых состоит, прибегать к силе. Порядок сообщества государств, если он имеется, является анархистским, потому что отвергает авторитет права, морали или коллективной силы»²².

«Капиталистический вариант» анархизма подвергается обоснованной критике со стороны ряда буржуазных

²⁰ Nozick R. Op. cit. P. 184.

²¹ Plattner M. F. The New Political Theory//The Public Interest. N. Y., 1975. N 40. P. 127.

²² Aron R. Les desillusions du progrès. P., 1969. P. 197—198.

философов и социологов. По мнению большинства оппонентов Нозика²³, он абсолютизирует принцип «распределительной справедливости», согласно которому человек, производящий вещи большей ценности, обладает правом на большее вознаграждение. «Его право на владение является всеобъемлющим, не ослабленным никакими соображениями милосердия, братства, гражданского долга, благодарности, гуманности»²⁴.

Характерной для философии либертаризма в целом необъективности анализа происходящих в социальной структуре процессов сопутствуют осознанная или неосознанная односторонность, узость подхода к рассмотрению поставленных проблем. Ей присуще игнорирование социально-политических, философских идей, высказанных не только авторами, защищающими марксистско-ленинское понимание исторического процесса, но даже и буржуазными исследователями. Так, в работе Нозика, отмечает Макбрайд, читатель «не встретит отсылок к континентальной социально-политической философии», в ней «нет ссылок на Сартра или Мерло-Понти, Франкфуртскую школу и на различных восточноевропейских мыслителей последних двух десятилетий»²⁵.

Методологический подход философии капиталистического анархизма к проблеме бытия дуалистичен. С одной стороны, для него характерен принцип плюрализма, который рассматривается необходимым условием свободного общества и является той путеводной нитью, которой в большей или меньшей степени придерживаются все направления анархистской мысли. С другой стороны, для него типично восприятие мира, стремящееся сузить многообразие исторического процесса, найти монистическое обоснование для увековечения капиталистической структуры общества.

Либертаристская доктрина анархо-капитализма сегодня приобретает все большую популярность среди самых реакционных кругов Запада. Содержащаяся в них клевета на социалистический общественно-политический

²³ *Rodman I.* Analysis and History: Or How the Invisible Hand Works Through R. Nozick // *Western Political Quarterly*. Salt Lake City, 1976. Vol. 29. N 2; *Ryan Ch.* S. Yours, Mine and Ours. Property Rights and Individual Liberty // *Ethics*. Chicago, 1977. Vol. N 2. P. 126—141; *Singer R.* Why Nozick is not Easy to Refute // *Western Political Quarterly*. Salt Lake City, 1976. Vol. 29. N 2.

²⁴ *Plattner M. F.* Op. cit. P. 127.

²⁵ *Mc Bride R.* Op. cit. P. 31.

строй, стремление найти теоретическое решение проблемы преодоления кризиса, пронизывающего все сферы капиталистического общества, в рамках капиталистических отношений во многом используются правящими кругами США как руководство к действию в области внешней и внутренней политики. «Крестовый поход» против СССР и стран социалистического содружества, ставший одной из центральных тем буржуазной пропаганды во времена Рейгана, явился порождением союза реакционного правого крыла республиканской партии и либертаристской партии (последняя организационно оформилась в 1971 г.), идентичность идейно-политических платформ которых отмечают специалисты.

В области внутренней политики анархо-капиталистические идеалы до некоторой степени получили свое воплощение в проводимой администрацией Рейгана политике передачи государственных предприятий в частные руки, что, как предполагается, должно ограничить государственное регулирование экономики и послужить делу стабилизации капиталистической системы в США.

Доктрина анархо-капитализма представляет собой специфическую реакцию буржуазного сознания на сложность социально-политических и экономических проблем современного американского общества, воплотившего в себе ностальгическую надежду на возвращение к экономически и исторически изжитому раннекапиталистическому укладу — к свободе предпринимательства, свободе «эквивалентного добровольного обмена», свободе быть собственником и т. д.

С этой свободой эксплуатации труда капиталом В. И. Ленин призывал бороться беспощадно и беззаветно. «Свобода торговли, свобода обмена, — писал он, — была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплуатации, как другие «свободы», провозглашенные и осуществленные буржуазией, вроде «свободы труда» (читай: свободы умирать с голоду) и т. п.»²⁶. Именно такую «свободу», давно разоблаченную марксизмом-ленинизмом, вновь навязывает анархо-капитализм в наши дни.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, С. 108.

4. Плюрализм в социологии «технологического детерминизма»

В настоящее время «технологический детерминизм» превратился в одно из авторитетных направлений современной буржуазной социологии. Наиболее известные сторонники «технологического детерминизма» (Г. Кан, Д. Белл, Дж. Нейсбитт, З. Бжезинский, А. Тофлер и др.) пропагандируют его как будто бы весьма эффективную теоретическую альтернативу монистическому марксистско-ленинскому пониманию истории.

Изменение знаний и технологии, техники и технологическо-организационных и управленческих отношений — вот та основа, которая в первую очередь определяет общественное развитие, такова теоретическая установка «технологического детерминизма». А поскольку теоретический аспект этой установки довольно широк (имеется в виду «технологическая» проблематика), она оказывается в роли общей методологии формирования целого самостоятельного направления буржуазной социологии, построения многих разновидностей концепции «технологического детерминизма».

Исследование моментов плюрализма и интеграции в социологии «технологического детерминизма» позволяет уяснить наиболее глубинные процессы ее развития, начиная с вопросов формирования в качестве самостоятельного социологического направления, специфики и места среди других направлений буржуазной социологической мысли и кончая анализом современных процессов, происходящих в ней.

Становление «технологического детерминизма» как самостоятельного направления буржуазной социологической мысли завершилось к середине 70-х годов XX в. Первоначально «технологический детерминизм» проявился в социологии в виде разных отдельных, сменяющих друг друга теорий и концепций. В марксистской социально-философской литературе был дан обстоятельный анализ всех важнейших теорий «технологического детерминизма» по мере их возникновения и выхода на международную идеологическую арену, а также принципа «технологического детерминизма» как их интеграционной основы. Именно через этот принцип осуществляется преемственность в конструировании новых теорий и концепций данного их типа.

Поскольку социология «технологического детерми-

низма» не является целостной научной системой социологических знаний, между различными теориями, входящими в эту группу концепций, несмотря на их единое структурное основание — принцип «технологического детерминизма», — существуют противоречия, в том числе и такие, которые зачастую взаимоисключают друг друга, так что возникает плюралистский комплекс. Например, «исключают» друг друга оптимистические и пессимистические концепции, интерпретирующие главную тенденцию общественного прогресса, и т. д. Историческое становление структурных элементов социологии «технологического детерминизма» как бы обусловило их взаимосвязь и преемственность (разработка теорий «индустриального общества», «единого индустриального общества», «конвергенции», «постиндустриального общества» и др.). Однако связь эта не органичная: любая теория или концепция из этого плюралистического комплекса может быть понята вне другой, никаким образом не детерминируя ее.

Исследования общего плюрализма буржуазной социологии свидетельствуют о том, что границы между ее направлениями, школами, теориями «размыты», не всегда четки. Неопределенны границы и между теориями и концепциями внутри социологии «технологического детерминизма», ибо, как правило, различия между ними по общему содержанию не слишком существенны. Вместе с тем необходимо видеть все частные особенности, оттенки разных концепций, ибо они прежде всего обусловлены идейно-политической ориентацией авторов и имеют классовое назначение.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и разработка одной и той же теории осуществляется, как правило, в нескольких идейно-теоретических направлениях: консервативно-апологетическом, буржуазно-либеральном, буржуазно-реформистском и леворадикальном. При этом приходится учитывать, что диапазон каждой соответствующей идейно-политической платформы также весьма широк. Например, в современном реформизме заметны тенденции к усилению дифференциации между умеренным и радикальным течениями. Либерализм также неоднороден: в нем имеются как левое, так и правое крыло; последнее ведет в сторону консерватизма, превращаясь в так называемый неоконсерватизм, и т. д. Теория «постиндустриального общества» разрабатывалась Г. Каном — откровенным апологетом монополисти-

ческого капитала, Д. Беллом — буржуазным либералом, перешедшим в последние годы на позиции неоконсерватизма, Р. Тиболдом — реформистом и Г. Маркузе — леворадикальным идеологом. Изменения идейно-политических позиций авторов различных концепций и теорий находятся в прямой зависимости от остроты социальных противоречий капиталистического общества, от перипетий его социально-экономических и политических проблем.

Конец 70-х и начало 80-х годов на капиталистическом Западе были ознаменованы ростом безработицы, сопровождающейся изменением ее структуры, и усилиями капитала выйти из острейшего кризиса за счет технической и технологической качественной перестройки основных отраслей производства. Все эти процессы интерпретируются в социологии «технологического детерминизма» по-разному, но в рамках апологии монополистического капитала и буржуазного государства. Если взять такое идейно-политическое направление развития социологии «технологического материализма», как либерализм, для которого до последнего времени была характерна ставка на буржуазное государство, способное якобы обеспечить гармонию интересов труда и капитала, частной собственности и насущных человеческих потребностей, то многие его представители в 70—80-х годах «изменили» этому направлению. Буржуазное государство оказалось неспособным избавить общество от расточительных форм производства и всевозрастающей безработицы. Впрочем, некоторые буржуазные идеологи из либерального лагеря «потребовали» от государства более радикальных мер, направленных на устранение неустойчивости социальной системы.

Так, американский социолог и экономист Дж. К. Гэлбрейт в условиях дальнейшего углубления кризиса капитализма перешел с позиций буржуазного либерализма на позиции буржуазного реформизма, т. е. стал «левее». Это наглядно проявилось в его книге «Экономические теории и цели общества», в которой предлагается ввести контроль над заработной платой и ценами со стороны буржуазного государства, т. е. полагаются возможными выравнивание доходов в условиях частной собственности на средства производства, реформы по перераспределению доходов внутри общества и по совершенствованию «рыночной» системы, т. е. системы мелких фирм и индивидуальных предпринимателей, и «системы

планирующей», или рынка монополий, опосредованного государственно-монополистическим регулированием¹. Таким образом, буржуазный идеолог видит надежду на гармоничное развитие США в увеличении доходов бедной части населения и обращении к «новому социализму» как системе реформированного капитализма, в которой он предлагает национализировать лишь военные фирмы на основе выкупа их фондов собственниками по рыночным ценам; в остальном же предлагаемые им реформы не касаются изменений в сложившейся системе собственности на средства производства.

Подобные проекты иллюзорны, ибо буржуазное государство оказывается не в состоянии справиться со все растущей безработицей и нищетой. А тот факт, что современная массовая безработица — не преходящее явление краткоциклического характера, а нечто долговременное, заставляет, с одной стороны, вновь и вновь пересматривать в веере плюралистических прожектерств реформаторские проекты, а с другой — все настойчивее обращаться к государству с требованием изъять значительную часть дохода у предпринимателей.

Что касается предпринимателей, то они не желают увеличивать свой вклад в социальные фонды. Более того, во всех странах Запада крупный капитал усилил нажим на правительства с целью добиться налоговых льгот, мотивируя это тем, что в условиях кризиса снижение прибылей лишает частный бизнес стимула к новым капиталовложениям².

Следует оговориться, что в социологии «технологического детерминизма», как и вообще в буржуазной идеологии, находит отражение довольно широкий диапазон реформаторских прожектов. В данном случае мы не имеем в виду реакционно-апологетическую форму, проявляющуюся в качестве некоего «щита» для защиты крайне реакционных идей. Буржуазный реформизм, с позиций которого ведут разработку своих концепций Дж. К. Гэлбрейт, Р. Тиболд и др., включает в свои построения положения об известных уступках справедливым требованиям трудящихся, решаемых методами социального маневрирования, которые (методы) исключают

¹ См.: Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М., 1979.

² См.: Шишков Ю. Общество массовой безработицы: масштабы, причины, последствия // Коммунист. 1983. № 17. С. 92.

ют классовую борьбу, и опирается на призывы к «здоровому смыслу» буржуазии.

У буржуазного реформизма в развитых капиталистических странах сегодня все еще довольно массовая база — мелкобуржуазные слои, в известной мере крестьянство, часть интеллигенции, некоторые слои рабочего класса. Все эти слои поддерживают реформистские программы, надеясь на мирное и быстрое решение проблем в рамках существующей капиталистической системы.

Весьма своеобразны социологические концепции представителей левого радикализма, принявших за критический разбор реакционно-апологетического и буржуазно-либерального направлений концепций «технологического детерминизма».

Представителей первого они критикуют за оправдание и теоретическое обоснование реакционного политического курса правящих кругов капиталистических стран, их военных авантур и огромных затрат на гонку вооружений, которые тяжелым бременем ложатся на трудящиеся массы, усугубляют безработицу и т. п. Левым радикалам претит технократизм, заигрывание с корпоративным капиталом, правительственной администрацией. Выступая против так называемой технократической элиты, авторы леворадикальных «технологическо-детерминистских» концепций одновременно выражают свое недоверие к политическим лидерам правящих партий. Интеллигенция, студенчество, молодежь — вот те радикальные силы, по их мнению, которые осуществят революционное преобразование общества.

Как правило, левый радикализм не противопоставляет кризису рассматриваемого им общества ничего фактически реального. Для него будущее выглядит весьма абстрактно, а «отрицательные» лозунги, не связанные с положительным решением рассматриваемых в «технологическом» видении проблем, лишь вводят массы в заблуждение. Философия и социология левого радикализма есть не что иное, как теоретическое выражение отчаяния мелкого буржуа. А в своей критике концепций «технологического детерминизма» им не очень-то удастся вскрыть их плюралистическую эклектику: они не дают глубокого сопоставительного анализа критикуемых ими концепций.

Надо заметить, что плюрализм социологии «технологического детерминизма» обусловлен самим характером рассмотрения ею своей проблематики: именно по выдви-

гаемым проблемам одна теория «технологического детерминизма» отличается от другой. Так, теория «стадий экономического роста» У. Ростоу была выдвинута в качестве философско-исторической. В книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» он формулирует свою задачу следующим образом: «Стадии роста... представляют собой альтернативу теории Карла Маркса относительно современной истории»³.

В теории «индустриального общества» центральными являются проблемы развития индустриальных, технологическо-организационных основ современных обществ. Например, Р. Арон дает определение понятия «индустриальное общество», конкретизируя его посредством следующих пяти черт «индустриальной экономики»: 1) предприятие полностью отделено от семьи; 2) промышленное предприятие вводит своеобразный способ разделения труда — технологическое разделение труда, которое является одной из характерных черт современных индустриальных обществ; 3) промышленное предприятие предполагает накопление капитала; 4) всякое индустриальное общество включает строгий экономический расчет; 5) во всяком индустриальном обществе, каков бы ни был его статус собственности на средства производства, наличествует концентрация рабочих⁴. Все эти черты, по мнению Арона, представляют собой основы «сближения» капитализма и социализма.

Плюрализм теорий «технологического детерминизма» обусловлен, в частности, внутренней рыхлостью выдвинутой системы основных идей, с помощью которой делается попытка дать целостное представление об исследуемом предмете. Буржуазные социологи не в состоянии разработать целостную научную социологическую теорию, но их социологические изыскания постоянно претендуют на этот статус. Когда же та или иная теория пересматривается социальной практикой, самой жизнью, то буржуазные социологи начинают лихорадочно предлагать новые теории, новые и псевдоновые варианты прежних теорий и т. п.

Наряду с идейно-политическим и концептуально-теоретическим плюрализмом в «технологическом детер-

³ *Rostow W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifest. Cambridge, 1960. P. 2.*

⁴ *Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. P., 1958. P. 98—100, 110.*

минизме» содержится и плюрализм методологический. Обратившись к парадигме «технологического детерминизма» как своего рода общей модели решения теоретических и практических задач, буржуазные социологи возложили на нее и определенные, притом довольно широкие, методологические надежды.

Принципиальная ограниченность «технологического детерминизма» как социологической теории обнаруживается прежде всего в социальной практике. Это обстоятельство заставляет его сторонников искать дополнительные методологические средства для формирования новых теоретических интерпретаций. Это стремление выливается в плюрализм эклектических комбинаций. А. Турен во всех своих работах старается, например, сочетать «технологический детерминизм» с «акционализмом», т. е. пытается рассмотреть социальную жизнь не только в ее субординационных связях, но и в динамике. При этом он обращается к организационно-технологическим факторам человеческой деятельности, обосновывая «социальную динамику» факторами «технологического порядка»: социальным администрированием, «программируемыми» органами управления и т. п.⁵

Другой буржуазный социолог, А. Тофлер, в ходе разработки своей концепции, построенной на основе «технологического детерминизма», «обогащает» ее «прививкой» антропологизма и волюнтаризма. Однако, как и у Турена, эти методологические «прививки» отнюдь не достигают у Тофлера уровня последовательно методологических принципов развиваемой им социологической теории. Они необходимы ему при конструировании схемы движения человечества от «доиндустриального общества» к «индустриальному», а затем к «постиндустриальному», или «программируемому», обществу в качестве «добавления» к парадигме «технологического детерминизма». Последняя бессильна объяснить действительные причины общественного процесса, его подлинные движущие силы, и поэтому Тофлер волюнтаристски объявляет «индустриальную ось» лишь общим ориентиром, якобы определяющим направленность общественно-го прогресса⁶.

⁵ Touraine A. La société post-industrielle. P., 1969; Idem. Production de la société. P., 1973; Idem. Pour la sociologie. P., 1974; Idem. L'après socialisme. P., 1980.

⁶ Toffler A. Third Wave. N. Y., 1980. P. 11—17.

Разумеется, развитие техники и — шире — производительных сил (которые не сводятся только к собственно технике) — бесспорный критерий общественного прогресса. Однако общественный прогресс в целом не может быть сведен лишь к уровню развития производительных сил. Более того, рассмотрением развития только одной индустрии вообще невозможно объяснить исторические типы общества, как это пытаются делать Тофлер и другие «технологические детерминисты».

Анализируя плюрализм «технологического детерминизма», важно выявить диапазон эклектического соединения «технологического детерминизма» с самыми различными методологическими принципами и идеями буржуазной социологии. Сам по себе методологический плюрализм — это следствие теоретической и практической беспомощности «технологического детерминизма» научно объяснять актуальные проблемы общественного развития, развитие человеческой истории в целом.

Различия в идейно-политической ориентации авторов «технологическо-детерминистских» концепций не устраниют в конечном счете апологетической сущности последних. Все они сходятся, повторяем, в одном — защите (в той или иной форме) интересов монополистического капитала. Эта общность классовых интересов находит свое выражение и в общей теоретико-методологической основе интерпретации общественного процесса. Именно теоретико-методологическая платформа «технологического детерминизма» объединяет различные социологические (внутри его и близкие к нему) идейно-политические концепции. Как интеграционная основа, она «обеспечивает» взаимосвязи и преемственность между разновидностями теорий и возможность их модернизации применительно к изменяющейся действительности.

Напомним, что даже в такой самой по себе в общем суммативной системе, как социология «технологического детерминизма», существуют, так сказать, пространственно-временные, т. е. и одновременно и в разное время возникающие, отличия между различными ее структурными элементами, роль которых играют отдельные теории и концепции. Конечно, все эти связи носят механистический характер, в смысле как их координационного, так и субординационного взаимодействия. Однако возникновение каждой теории и концепции предопределялось все же объективными социально-классовыми и

гносеологическими причинами. Поэтому в социологии «технологического детерминизма» наблюдается вот уже третий десяток лет, с одной стороны, собственно плюралистическая тенденция, выражающаяся в появлении все новых и новых построений. Можно с уверенностью сказать, что, пока существует капитализм и развивается научно-техническая революция, эта тенденция не исчезнет. Сам по себе плюрализм учений есть свидетельство того, что буржуазная идеология не в состоянии создать последовательную социологическую теорию, но также и отражение попыток ее приспособления к изменяющимся условиям и возникающим проблемам.

В данном социологическом направлении одновременно сосуществует множество неодинаковых теорий и концепций, причем они подчас возникают как реанимация прежних, но в несколько модифицированном виде. Сегодня в новых, модернизированных вариантах существуют и теория «стадий роста», и теория «индустриального общества», и теория «постиндустриального общества», и теория «конвергенции» и др.

С другой стороны, в «технологическом детерминизме» ныне наблюдается и интегрирующая, т. е. антиплюралистическая, тенденция. Но эта тенденция действует еще и, так сказать, метаспособом. Дело здесь в следующем. Монополистическая буржуазия через множество своих теорий и концепций осуществляет общую стратегическую линию борьбы против марксизма-ленинизма и реального социализма, борьбы за сознание самых различных классов и социальных групп буржуазного общества. И получается так, что само содержание плюрализма в социологии как вид идеалистического понимания истории под маской псевдоматериализма выступает в качестве наиболее общей интеграционной основы довольно различных теорий и концепций. Идеалистический монизм, являясь внешней антитезой плюрализма, внутри самой социологии «технологического детерминизма», проявляется через принцип «технологического детерминизма», определяющий одновременно и теоретические, и методологические интерпретации новейших явлений, вызванных к жизни современной эпохой. Одновременно, как уже отмечалось, сам этот принцип выдвигается в качестве альтернативы марксистскому принципу социального детерминизма, лежащему в основе монистического материалистического понимания истории. К этому, впрочем, как увидим ниже, дело не сводится.

Принцип «технологического детерминизма» нашел ныне весьма широкое распространение в буржуазном общественном сознании, политике и идеологии. В частности, многие социологические концепции, близкие к «технологическому детерминизму», разрабатываются в рамках буржуазной политической экономии. Это характерно для работ американских экономистов и социологов Дж. К. Гэлбрейта, П. Дракера и французских Ф. Перру, Ж. Фурастье и др.

Например, Дж. К. Гэлбрейт в своих работах такие экономические проблемы, как формирование цен, издержки капиталистического производства, сырьевые поставки, рынки сбыта, инфляция и др., ставит в зависимость от природы социальной системы, понимаемой им «технологически», в смысле некоей «технотруктуры». На основе развития и совершенствования «технотруктуры» он исследует развитие общества в целом, природу «коллективного разума», власть и ее функции, экономический и общественный прогресс, межнациональные связи фирм, формирование конформистского сознания, государство и политику, семью и положение женщины в обществе и другие проблемы⁷.

В настоящее время глобальные проблемы человечества многими буржуазными исследователями, учеными и менеджерами решаются или интерпретируются с позиций принципа «технологического детерминизма». Достаточно назвать VI доклад Римского клуба, подготовленный специалистом по вопросам высшего образования Д. У. Боткином (США), сотрудником ЮНЕСКО и президентом Всемирной федерации футурологических исследований М. Эльманджара (Марокко) и академиком М. Малица (СРР), в котором фактически выдвигается проблема определяющей роли технологизации знания для решения всех острейших проблем современности⁸.

Многими буржуазными социологами «технологический детерминизм» ставится в один ряд с историческим материализмом. Это делается как для низведения исторического материализма до уровня ординарной буржуазной теории, так и для придания высокого «теоретического» статуса «технологическому детерминизму». При этом самому плюрализму пытаются придать вид мониз-

⁷ См.: Гэлбрейт Дж. К. Указ. соч.

⁸ Botkin W., Elmandjara M., Malitza M. No Limits to Learning. Bridging the Human Gap//A Report to the Club of Rome. N. Y., 1979.

ма. Так, американский социолог С. Липсет и другие буржуазные идеологи заявляют, что «большинство теорий постиндустриального общества можно рассматривать как конгруэнтные марксистскому направлению исторического материализма, строящемуся на методологическом предположении о том, что главным, определяющим фактором социального развития является изменение в технологической структуре и что культурная и политическая надстройка изменяется в соответствии с уровнем развития технологии»⁹.

С одной стороны, марксистское исследование плюрализма, а с другой — интеграционных процессов в социологии «технологического детерминизма» предполагает также исследование взаимосвязи реально протекающих процессов с соответствующими идеологическими и политическими общественными установками и ценностными нормами социального познания. Концепция «технологического детерминизма» активно формирует как раз такие ценностные нормы и «интегрирующие» установки социологии «технологического детерминизма», которые выполняют апологетические функции. Такого рода интеграционные процессы, связанные и с попыткой завуалировать плюрализм учений данного круга, есть следствие пренебрежения объективными законами общественного развития, продукт сугубо идеалистического понимания истории. Буржуазные социологи в силу своих идеалистических и апологетических установок не в состоянии понять подлинную природу общественных закономерностей, их объективный характер. В конечном счете они либо апеллируют к творцам «интеллектуальной технологии» — научно-технической элите, либо наделяют технику и науку некоей сверхъестественной силой.

Идеалистическое понимание истории в тех или иных плюралистических его вариантах с неизбежностью ведет к антимарксизму и антикоммунизму. Известно, что материалистическое понимание истории впервые было разработано К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые преодолели исторический идеализм, открыв подлинные объективные законы общественного развития. «Технологический детерминизм» — это своеобразная форма идеологической

⁹ *Lipset S. M. Whatever Happened to the Proletariat? A Historic Mission Unfulfilled//Encounter. 1981. VI; Ferkiss V. Daniel Bell's Concept of Post-Industrial Society: Theory, Myth and Ideology//Political Science Review. 1979. N. 9. P. 87—99; Cohen G. A. Karl Marx' Theory of History: A Defense. Oxford, 1980.*

атаки буржуазии на марксистско-ленинскую науку, и прежде всего на исторический материализм, рядящаяся в одежды «близкого» к историческому материализму учения. Какой бы идейно-политической ориентации ни придерживался представитель социологии «технологического детерминизма», получается так, что он обязательно в той или иной форме (завуалированной или откровенной) выступает против марксистско-ленинской теории общественного развития.

Антимарксистская направленность ведет теории и концепции «технологического детерминизма» к антикоммунизму. Исследования общественных явлений «технологическими детерминистами» сводятся в конечном счете к «доказательству» и «обоснованию» того, что социализм будто бы не детерминирован ходом исторического развития человечества и как реальность представляет собой лишь некую «аномалию» или исторически «вынужденную» для некоторых слаборазвитых в индустриальном отношении стран «особую форму индустриализации».

Концепции социологии «технологического детерминизма» выражают стремление правящих кругов Запада любыми средствами «доказать» невозможность коммунизма как будущего человечества. Усиление в 80-х годах антикоммунистической направленности «технологического детерминизма» у буржуазных идеологов связано с необходимостью во что бы то ни стало оправдать политический милитаристский, антидемократический курс правительства США и некоторых других развитых капиталистических стран. С обострением общего кризиса капитализма в середине 70-х годов и далее в 80-х годах, с усилением антикоммунизма и антимарксизма в буржуазной идеологии актуализируются соответственно и интегральные процессы в социологии «технологического детерминизма». Попытки в рамках идеализма с позиций «технологического детерминизма» объяснить общественное развитие и будущее человечества, науки и техники, человека и культуры, классовой борьбы и общественного прогресса выступают то в виде плюралистического набора разных вариантов «технологического» подхода, то в виде несколько более консолидированного, нацеленного на свою внутреннюю «интеграцию» учения.

Таким образом, плюрализация и интеграция представляют собой две основные тенденции буржуазной социологии, в том числе «технологического детерминиз-

ма», и они являются своего рода барометром сложных социально-экономических и идейно-политических процессов буржуазного общества.

5. Буржуазная аксиология и плюралистические ценностные ориентации

Проблемы ценностных ориентаций занимают видное место в современной буржуазной идеологии. Философы, социологи, этики и эстетики пытаются так или иначе осмыслить само понятие ценности, определить его место в функционировании и диагностике общественного сознания, выявить ценностные сдвиги нашего времени. Многие крупные буржуазные идеологи и исследователи, в том числе Д. Белл, А. Тофлер, Э. Фромм и др., стремятся раскрыть процесс крушения прежних ценностных ориентаций, показать последствие этого процесса для общественного сознания и культуры. Большое внимание уделяется выработке новых человеческих ценностей и их роли в будущем (Г. Парсонс, Р. Хиггинс, Э. Янч). Выдвигаются различные программы устранения ценностного унитаризма и обеспечения плюральности нравственных исканий. Немало внимания уделяют задаче обоснования самого факта плюрализма в буржуазной аксиологии и в практическом функционировании ценностей на Западе. Много пишут об «аксиологическом ренессансе» нашей эпохи, подразумевая под «возрождением» ценностей некий сплав буржуазных идеалов прошлого и современности. Эти концепции нуждаются в критическом разборе со стороны исследователей-марксистов.

Одна из наиболее распространенных концепций в буржуазной этике сводится к тому, что марксистско-ленинская философия якобы не восприимчива к аксиологической тематике. Многие западные авторы утверждают, что исследователи-марксисты будто бы вообще не пользуются этим понятием в позитивном смысле, абсолютизируют «внеценностное» научное познание и отвергают ценностные элементы общественного сознания.

По мнению некоторых буржуазных философов и теологов (М. Кальвез, Ж. Г. Меркиор, К. Ранер и др.), К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая концепцию исторического развития, раскрыли лишь общий план соци-

альной динамики и показали действие объективных социально-экономических механизмов. Поэтому они, как утверждают названные буржуазные авторы, проявили равнодушие к ценностно-нравственным проблемам и критиковали всякие попытки выявить ценностные измерения реальности как морализаторство, отвергали не только социальные утопии, но и идеалы. Все эти духовные образования, по мнению упомянутых исследователей, К. Маркс и Ф. Энгельс односторонне изобличали как «ложное сознание».

Такого рода суждения обнаруживаются, в частности, в книге преподавателя королевского колледжа в Лондоне Ж. Г. Меркиора «Вуаль и маска: очерки о культуре и идеологии»¹. Автор полагает, что ценностные ориентации образуют некую плюралистическую идеологическую символику, не соотносимую напрямую с интересами классов и социальных групп. Марксизм же, по его мнению, оценивает идеологию лишь как форму пассивного отражения действительности. Критикуя это воззрение, приписанное им К. Марксу и Ф. Энгельсу, Меркиор развивает свою концепцию идеологии, которую он трактует как символику власти, связывая с этим скрытое, всепроникающее воздействие ценностных представлений индивида на реальную жизнь общества.

Более развернуто о несовместимости марксизма и аксиологии рассуждали буржуазные участники международной конференции «Ответственность человека в современном мире». Она проходила в начале 1984 г. в Будапеште и представляла собой диалог марксистов и видных европейских теологов-христиан. Обсуждая проблемы ответственности личности, участники конференции затронули широкий спектр актуальных мировоззренческих вопросов — о сохранении мира на Земле, об обуздании гонки вооружений, о ценности человеческой жизни, о борьбе с различными видами насилия над человеком, об угрозе экологической катастрофы, о свободе и выборе ценностных ориентаций, о судьбах культуры в современном мире.

Этот круг тем, естественно, вызвал общий интерес к аксиологической тематике. По мнению, выраженному австрийским участником конференции К. Ранером,

¹ *Merquior J. G. The Veil and the Mask: Essays on Culture and Ideology. L., 1979.*

именно нравственность, ценностное восприятие мира есть основа диалога между приверженцами различных мировоззрений. Он призвал марксистов преодолеть якобы присущие им антиценностные установки и расширить горизонт понимания друг друга за счет осмысления общечеловеческих идеалов. Шотландский теолог К. Райт, упрекая марксистов в забвении аксиологических вопросов, говорил о ценности самой жизни, но трактовал ее в религиозном плане. Оценивая жизнь как подарок неведомой нам силы, Райт доказывал, что люди не вправе распоряжаться этим даром по собственной прихоти. Оратор был убежден в том, что марксисты будто бы вообще далеки от этико-нравственной проблематики. Другие буржуазные теоретики считали, что если марксизм ее и признает, то не видит, однако, преимуществ плюралистического подхода к ценностям, догматизируя свой «набор» ценностей.

Такие стереотипы пронизывают современную буржуазную литературу, посвященную ценностным ориентациям. Между тем марксизм, как известно, не только не обнаружил какое-то безразличие к аксиологической тематике, но, наоборот, в последние годы весьма интенсивно осваивает ее. Марксизм рассматривает аксиологию как философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и структуре ценностного мира, т. е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности.

Марксизм рассматривает исторические ценностно-нравственные и ценностно-художественные, логикопознавательные, социокультурные аспекты реальности в качестве органичных моментов единого целого. Очень важную группу ценностей составляют ценности общественно-политические. Объективное изучение законов истории наша философия сочетает с признанием действительной роли интересов, потребностей и ценностных ориентаций, определяющих мотивы поведения людей.

В современную эпоху социальная ответственность философии как средства жизненной ориентации возрастает чрезвычайно. Ценности и ожидания личности складываются под влиянием ее мировоззрения. Люди всегда пытаются соединить разрозненные представления, формируемые их социальным опытом. Каким бы разорванным ни казалось сознание масс и индивида, оно тем

не менее образует некую целостность, по-разному связанную, чаще всего ценностными понятиями.

Изучение специфики ценностного восприятия мира, соотношения истины и ценностей имеет большое значение для познания социальной действительности, потребности людей, их желаний, целей и т. д. Система идей улавливает общественные настроения, вырабатывает определенные идеалы, которые нередко трактуются как некие абсолюты и святыни, и они нужны людям, определенным социальным группам и классам.

Все это дает основание говорить о том, что общественное сознание в принципе имеет ценностный аспект. Интересы классов идеология отражает в виде понятий прогрессивного и реакционного, должного и нежелательного, доброго и злого, справедливого и несправедливого, праведного и неправедного, возвышенного и низменного, нравственного и безнравственного, прекрасного и безобразного. Эти понятия не только фиксируют действительные или воображаемые явления, но и содержат оценку определенных представлений, действий, фактов, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения.

Любая идеология представляет собой единство ценностной ориентации и элементов социального знания. Единства эти неодинаковы, и это создает иллюзию правоты общего принципа плюрализма ценностей. Буржуазные теоретики абсолютизируют ценностную природу идеологии, противопоставляя ее истине, научным воззрениям, утверждают вечность и трансцендентность ценностей. Этим объясняется столь упорное противопоставление истины и ценности, науки и идеологии в буржуазной социологии. Однако ценность предмета (или соответственно идеи) определяется отношением людей к объективным свойствам этих предметов. Поэтому правильная их оценка невозможна без научного познания. Ценности не вечны, но и не субъективны. Они являются продуктом исторического сознания, длительно развивающейся общественной психологии. При рассмотрении ценностных ориентаций необходим учет того же социального детерминизма, который обычно прослеживается в подходе к экономическим и политическим явлениям. «Разве это не обскурантизм... — отмечал В. И. Ленин, — когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кро-

ме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке?»²

Идеи могут быть истинными или ложными, научными или религиозными, материалистическими или идеалистическими. Это зависит от того, насколько правильно и глубоко они отражают объективную реальность. Что касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Но они соотносятся не с истиной, а с представлениями об идеале, о желаемом, о должном, о нормативном. Идеалы и ценности придают смысл и цель человеческой деятельности.

Согласно марксистской теории ценностей, какие-либо факты, явления, события, происходящие в природе, обществе, жизни индивида, осознаются не только посредством логической системы знания, но и через призму отношения человека к миру, его гуманистических или антигуманистических представлений о настоящем и будущем обществе, нравственных и эстетических нормах. Хотя ценности относительно более субъективны, а научные истины объективны, они далеко не всегда противостоят друг другу. Познание и оценка не одно и то же, но это не означает, будто они фатально разъединены. Здесь многое зависит от характера классовых установок: они различны, но не произвольно плюралистичны.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, идеалом, целью, которая выступает в качестве образца, эталона. Понятия «передовое» и «косное», «доброе» или «злое», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы ценностными, а связанные с ними взгляды, убеждения людей — ценностными идеями, которые могут быть прогрессивными или реакционными, оптимистическими или пессимистическими, активно-творческими или пассивно-созерцательными. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Классы и партии обосновывают и

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 199.

защищают свои ценностные представления, воспринимают идеи не только как «истинные» или «ложные», но и как «современные» и «отсталые», «хорошие» и «плохие», «моральные» и «безнравственные», «приемлемые» и «неприемлемые», «прекрасные» и «отвратительные».

Борьба идеологий во многом продиктована противоположным пониманием моральных и эстетических, а в особенности общественно-политических ценностей. Но ценностная ориентация может в определенных условиях складываться как бы вопреки научному знанию. Это происходит как раз тогда, когда носитель ценностей занимает реакционные позиции. Например, на фоне успехов современной науки в буржуазном сознании отчетливо прослеживается нарастание мистицизма. Люди далеко не всегда стремятся жить в соответствии с научными представлениями. Напротив, есть такие индивиды, которые с опаской относятся к рекомендациям науки, хотят погрузиться в теплый мир мечты. Они стремятся выстроить свою жизнь по иным критериям и меркам. Рядовой человек капиталистического общества не рассматривает науку как единственное и всесильное средство разрешения любых человеческих проблем. Обыватель даже отвергает науку как способ достижения гармонии на путях рационально спроектированного миропорядка.

Однако все это не означает, будто ценность абсолютно противоположна истине и всегда конфрontiрует с ней, как это утверждают буржуазные исследователи. Кризис ценностей, т. е. утрата прежних идеалов и утверждение новых, которые уже относятся к истине иначе, происходит в результате радикального сдвига общественного сознания. С позиции буржуазной аксиологии нет возможности воссоздать подлинную картину таких духовных процессов.

Духовные процессы современного буржуазного мира порождены объективными закономерностями развития капиталистической экономики и социальной организации. Общественное бытие и сознание неразрывно связаны между собой, взаимообусловлены. Качественный сдвиг в структуре бытия закономерно приводит к перевороту в структуре сознания, во всей системе духовных представлений и интеллектуально-мировоззренческих характеристик общества, вообще во всей сфере надстроечных явлений.

Мы живем в эпоху решительной ломки прежних ценностных ориентаций. Протестантская культура в прошлом веке рассматривала труд как смысл и содержание земной жизни. Сегодня во всех капиталистических странах говорят о «крушении этики труда». Возвеличивание буржуазных семейных добродетелей также ушло в прошлое. Оно сменилось «сексуальной революцией». Человек, который издавна трактовался как «венец творения», вершина лестницы живых существ, в наши дни нередко объявляется выродком, изначально злым и агрессивным существом. Человек — это зверь, и ценности ему не нужны, стали твердить на все лады. Представление о прогрессе как характеристике истории замещается апокалипсическими сюжетами. Происходит всеобщее обесценение, девальвация ценностей, плюрализация последних оказывается лишь ступенью на пути к их ликвидации.

Бурно происходящий отказ от традиционных ценностей, рождение ныне новых ориентаций (не все они откровенно перечеркивают ценности вообще) усиливают меру ответственности человека. Поляризация ценностей ставит его в положение выбора. Возродить ли достоинство человеческого труда или уповать на «компьютерный рай»? Восславить ли снова любовь или проповедовать и дальше сексуальную вседозволенность? Бороться ли за мир или полностью выпустить на простор разрушительные инстинкты? Последовать ли критериям разумности или уповать на стихию иррациональности по принципу «куда вывезет»? Все эти вопросы возникают в контексте жизни каждого человека. Они требуют от него персональной ответственности.

Нет сомнений в том, насколько важна для человека активная жизненная позиция, сознательный выбор своего поведения. Это нелегкая задача, особенно в условиях современного буржуазного общества, где ценности частной собственности навязываются человеку через всю систему социальных институтов. Индивид в современном западном мире, где с помощью «индустрии сознания» тиражируются и распространяются готовые мыслительные стандарты, образно-чувственные, броские трафареты, может как будто снять с себя бремя всякой ответственности, предпочитая целеустремленной, осмысленной деятельности «бегство от свободы» как бременю.

Именно поэтому крайне важен строго научный анализ происходящих в современном мире ценностных

сдвигов, выявление их истоков и причин. Западные социологи этики подчеркивают весьма туманный тезис, что в наши дни «традиционные» ценности уступают место «современным». В подтексте этого тезиса — идея, что любая, лишь бы не социалистическая, современная позиция ценностно-положительна. Таков метапринцип плюрализма. При анализе этого процесса буржуазные социологи «выходят» в мир культуры, анализируют конфронтацию различных идейно-политических течений внутри буржуазной идеологии. Однако при этом они, как правило, игнорируют глубинные кризисные процессы, происходящие в экономике и государстве стран Запада. Генезис «ложных» ценностей поэтому рассматривается как результат «искажения» идеологии, неверно понятых жизненных стандартов, навязанных обществу.

Нельзя отрицать того, что сама буржуазная идеология стала в наши дни ареной ожесточенных идейных конфликтов, плюралистической конфронтации ценностных ориентаций. И здесь произошло примечательное явление.

В прежние десятилетия существование в буржуазной идеологии различных идейно-политических течений — либерализма, консерватизма, мелкобуржуазного радикализма — рассматривалось как вполне допустимое и даже благодатное состояние «умеренного плюрализма». Буржуазные исследователи прежде кичились тем, что внутри идеологии империализма можно выделить весьма различные идейные направления. Этот факт трактовался ими как результат «свободы» и «богатства» духа, естественного сосуществования мировоззренческих оттенков и «плодотворных» расхождений. Либерализм как бы дополнял консерватизм в той же мере, в какой последний служил еще одним ответвлением буржуазной мысли. Защищая в целом коренные интересы капитализма, эти течения тем не менее создавали гибкую систему идейного балансирования, взаимной поддержки и сотрудничества.

Ныне ситуация стала иной. Либерализм, консерватизм и мелкобуржуазный радикализм по-прежнему отражают интересы различных отрядов господствующего класса. И эти интересы совпадают, как только речь заходит о задаче исторического оправдания и увековечения капитализма. Вместе с тем отношения внутри буржуазной идеологии стали куда более напряженны-

ми, даже враждебными. Это связано с общим обострением идеологической ситуации, с глубоким кризисом буржуазного сознания. Каждое направление в сфере идей стремится доказать, будто именно оно может спасти отживающую формацию, указать кардинальный рецепт для исправления дела. Поэтому все чаще среди идеологов Запада раздаются голоса, что те или иные направления буржуазной мысли выполняют злокозненную, негативную роль в определении судеб капитализма, ибо указывают, попросту говоря, не «те» пути. Возникла ситуация ссоры в плюралистическом лагере.

Разумеется, в этом отношении не следует впадать в упрощения. Либерализм, консерватизм и мелкобуржуазный радикализм и ныне не отгорожены друг от друга жесткими демаркационными линиями. Плюрализм ценностных идей — это во многом лишь видимость. По-прежнему многие идеологи буржуазии нередко меняют свои ориентации, переходят на другие позиции, отражающие лишь несколько иные стороны господствующей идеологии. В плюрализме частных ценностей одни из них заменяются другими, хотя самые главные, и прежде всего частная собственность как идеал, сохраняются. Например, недавние либералы вроде Д. Белла, И. Кристола, Д. Мойнихена оказались ныне в рядах неоконсерваторов. Бывшие «новые левые», в том числе Б.-А. Леви, А. Глюксман, усилили затем самое реакционное крыло неоконсерватизма и т. д.

Однако за всеми этими перемещениями нельзя не видеть главное: буржуазная идеология утратила свою относительную стабильность, она раздирается более резкими, чем прежде, внутренними противоречиями, вызванными общей растерянностью, нарушением традиционных, давно отработанных «ходов мысли», постоянно выявляемым несоответствием реальной практики капитализма и предлагаемых путей его модернизации. Отсюда усиление взаимных нападок: либералы клеймят позором «левых» экстремистов, к которым еще недавно относились с благопристойной терпимостью. Неоконсерваторы обрушивают кары на головы либералов, которые слишком уверовали в прогресс, презрев многие традиционные ценности капитализма. Радикалы призывают «чуму на оба этих дома», т. е. и на либеральную, и на консервативную идеологии.

Взаимные обвинения, попытки свалить ответственность друг на друга, нетерпимость к инакомыслящим,

отвержение «иных» ценностей, отличных от «своих», прямые призывы «покончить с ересью», наказать «предательство» тех, кто содействовал выработке «неправильного» социального курса, — таков реальный фон, на котором разворачивается современная плюралистическая конфронтация ценностных ориентаций на Западе.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. «Структуры общества — образ жизни, социальные отношения, нормы и ценности — не разрушаются за одну ночь»³. Можно указать также и на тот факт, что ценностные ориентации, идеалы могут возвращаться, они обретают свое возрождение, но вместе с тем и новый смысл. С этой точки зрения культура человечества обладает неким фондом норм, символов, абсолютов, из которого то и дело черпают.

Однако это вовсе не означает, будто в духовной истории человечества обнаруживается вечный круговорот одних и тех же идеалов. Между тем американский социолог Д. Белл исходит именно из такой посылки. Его концепция, весьма характерная как пример ложного объяснения плюрализма ценностного поведения в современном буржуазном обществе, рассматривает культуру в качестве сферы «экспрессивного символизма». Американский социолог приходит к выводу, что человеческое существование уясняется и выражается в символических формах. Развивая идеи Э. Кассирера о культуре, Д. Белл утверждает, будто в общественном сознании постоянно присутствуют одни и те же мотивы и сюжеты человеческого бытия.

Культура действительно в некоторой мере архетипична, ибо она постоянно воспроизводит определенные жизненные ситуации, с которыми люди встречаются во все времена. Речь идет о проблемах долга, любви, жертвы, трагизма, героизма, смерти. Однако культура вовсе не идет по «кругу», возвращаясь вновь и вновь абсолютно к одним и тем же заботам и мотивам, как это получается у Белла. Он сознательно отвлекается от того факта, что в каждую эпоху данные сюжеты приобретают новое содержание, диктуемое не только тем, что стали ныне называть «экзистенциальной природой» человека, но и социальной действительностью.

³ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976. P. 7—8.

Проблемы смерти, хотя и преследуют человечество исстари, все же получают разное истолкование в религиозной и светской традициях и далеко не всегда одинаковы даже и внутри каждой из них. Поэтому нельзя сводить культуру к навеки застывшим символическим формам.

Концепция Белла не позволяет ему провести исследовательского сопоставления «традиционных» и «современных» ценностей. Сдвиг в ориентациях массы людей он усматривает не в материально-экономических отношениях, а в противоречиях между экономикой и культурой вообще как изначально разными сферами общественной жизни. По его мнению, одни и те же установки дали в свое время в сфере предпринимательства определенные ориентиры, а в сфере культуры привели к разрастанию индивидуализма, что и породило, как подчеркивает Белл, смену ценностей.

Развитие индустриальной цивилизации, по мнению Белла, привело к тому, что в сфере экономики утвердился определенный социально-психологический тип — «буржуа-предприниматель». Одновременно в области культуры сложился иной персонаж — «независимый художник», свободный от стереотипов и условностей общества. Его установка в принципе плюралистична. Обе эти фигуры воплощали в себе идеалы индивидуализма, хотя и по-разному. Но, как полагает Белл, между ними со временем развился антагонизм.

Эти персонажи — «предприниматель» и «художник» — стремились преобразовать жизнь, благоустроить мир, насытить его определенными «святынями». Но производство требовало максимальной мобилизации энергии, и «предприниматель» поэтому стремился к самоограничению. Стихийные импульсы, вседозволенность, бурные порывы внушали ему страх, разъясняет Белл, радикальная в экономике буржуазия всегда была и осталась сегодня консервативной в области морали и культуры.

Иное дело — «художник». Культурный импульс работал у него ненависть к традиционным ценностям, к пуританской морали. От самоограничения он перешел к апологии свободы личности, к идее, что все дозволено, в крайнем случае в сфере воображения. Обожествление «я» стало, по убеждению Белла, источником «извращенных ценностей», объединяемых американским социологом в понятие «модернизм».

Концептуальная схема Белла не соответствует действительному положению вещей. Сдвиги в ценностных ориентациях, которые произошли в буржуазном обществе, вызваны вовсе не фатальным расхождением в «экзистенциальном бытии» «предпринимателя» и «художника» как социальных персонажей. Они порождены теми объективными особенностями общественной жизни, которые возникли в результате перехода капитализма в стадию государственно-монополистической организации.

Сами объективные тенденции развития капитализма привели к крушению традиционных норм и идеалов. Буржуазная экономика не могла развиваться в прежнем русле. Внедрение достижений научно-технического прогресса позволило выбросить на прилавки магазинов массу дешевых товаров. Однако покупатели не спешат воспользоваться ими, ибо у них мало денег и им поневоле надо быть бережливыми. Капитализм на своей государственно-монополистической стадии вынужден провоцировать покупателя, заставлять его делать новые и новые покупки, дабы экономический цикл не нарушился. Кейнсианская модель экономики как раз и была ориентирована на всемерное поощрение покупательских запросов, интенсивное инспирирование их. Отсюда произошло падение ценности бережливости, выступила на передний план ценность авантюризма.

Верно фиксируя общую направленность ценностных сдвигов, Белл усматривает истоки этого процесса не в объективных тенденциях функционирования государственно-монополистической организации, а в некоем имманентном распадении прежних смысловых и нравственных связей.

Равновесие между личными устремлениями и общественной ответственностью, как он отмечает, первоначально поддерживалось с помощью протестантской этики, которая требовала воздержания от роскоши и наслаждений во имя накопления. Это наблюдение не вызывает возражений. Но почему изобретение продажи в рассрочку разрушило стимул к бережливости? Отчего развитие массового производства подорвало протестантскую этику? В чем причина того, что капитализм обрел моральное оправдание в виде авантюристически-гедонистической этики, безудержного удовольствия и ничем не сдерживаемого плюралистического поведения как образа жизни? Белл пола-

гает, что все это произошло в результате гипертрофированного предпочтения «модернистских» ценностей, и только.

Резкое смещение ценностей отразило те противоречия, в которых запутался ныне государственно-монополистический капитализм. Он сам был вынужден провоцировать покупательские запросы. Проповедуя необходимость трудиться и пропагандируя этику труда, он одновременно беспредельно развивал индустрию досуга. Рекламируя новые потребности, вожделения, он вызвал «революцию растущих ожиданий», но не смог доставить массам людей даже минимального благосостояния, а многих не смог обеспечить и работой.

Причину кризиса буржуазного общества идеологи типа Белла предлагают искать не в экономике, а в духовной сфере. Прежние ценностные ориентации на Западе уже изжили себя, а новые, основанные на убеждении в неодолимости исторического прогресса, на вере в рациональность, науку, обнаружили свою утопичность. Духовный кризис усиливает тенденцию к нигилизму, дезорганизует индивидуальную мотивацию, насаждает культ вульгарного гедонизма, сиюминутного наслаждения, выветривает гражданские чувства, ослабляет волю.

Решающий переворот в системе ценностей в США произошел в 20-х годах нашего столетия. В 50-х годах и в последующее десятилетие «культ оргазма заменил культ Маммоны в качестве основной страсти американской жизни»⁴. Что же делать? Белл и иже с ним уповают на религию, которая будто бы может возродить утраченные ценности поведения буржуазного общества XIX в.

Многие неоконсерваторы ныне вновь заявляют, что некоторые ценности не устраняются в ходе социального развития, а постоянно возобновляются. Они выполняют роль неких широких ориентиров, определяющих собой все другие, менее значимые идеалы, и сужают сферу действия ценностного плюрализма. Такого рода ориентиры французский антрополог Л. Дюмон называет «идеологемами»⁵. Он утверждает, что историю человечества можно рассматривать как постоянную смену

⁴ Ibid. P. 70.

⁵ Dumont L. La Communauté: Anthropologie et Idéologie//Homme. 1978. Vol. 18. N 3/4. P. 87—100.

двух идейных комплексов, которые в значительной мере определяют все особенности социального устройства.

Дюмон пытается доказать, что в истории можно проследить наличие двух принципов человеческого общежития. Первый декларирует незыблемую ценность общества как готового, сложившегося и не подвергаемого сомнению организма. Никакой плюрализации взглядов здесь быть не может. Идеалом такого устройства может служить, например, древняя египетская цивилизация с ее приверженностью к однажды введенному порядку, узаконенному неравенству и т. д. Эта готовность человека остаться в своей «нише», не претендуя даже на минимальное улучшение своего социального положения, определяет избранный им план жизнестроения. Второй принцип возводит в ранг высшей ценности равенство. Индивид в этом случае стремится к осуществлению эгалитаризма. Иерархичность общества, его социальное расслоение уже не кажутся индивиду ни оправданными, ни благодатными, у него возникает импульс к социальным переменам. Однако здесь Дюмону изменяет чувство провозглашенной им беспристрастности. Ему явно не по душам такое беспокоеное устремление к равенству. Всем пафосом своего исследования он хотел бы доказать, что социальные перемены в сторону реализации равенства не приносят ничего хорошего, они лишь разрушают установленный порядок, к которому так «привыкли» господа и рабы, хозяева и слуги.

Неоконсерваторы убеждены в том, что такие ценности, как свобода и равенство, которые в течение столетий воспринимались взаимосвязанными, на самом деле несовместимы. Более того, они якобы противостоят друг другу. В реальной социально-исторической практике приходится выбирать: либо свобода — и тогда прощай равенство, либо равенство — и тогда прощай свобода. Равенство губит плюрализм, а свобода его утверждает.

Американский неоконсерватор Р. Нисбет пришел к пессимистическому убеждению, что современный капитализм, «несмотря на все свои преимущества и достижения», переживает сегодня «жесточайший в собственной истории кризис», который охватил не только Западную Европу, но и США⁶. Причину этого Нисбет

⁶ Nisbet R. Three Values and Their Modern Perversion//The St. Croix Review. Stillwater, 1978. N 5. P. 23.

видит в «эрозии» и «вырождении» фундаментальных и традиционных американских идеалов, обеспечивших подъем и расцвет капитализма в США, но в течение последнего полувека претерпевающих все более сильное искажение.

Нисбет полемизирует с либеральной концепцией другого известного политолога, Э. Лэдда. Последний ставит вопрос: не происходит ли в Америке коренная переоценка социальных идеалов? Отвечая на этот вопрос, Лэдд усматривает наиболее характерную черту американской идеологии в том, что она-де не меняется. Это означает, что традиционалистские ориентации выжили и будут-де таковы всегда. Лэдд пытается доказать, что Америка — страна традиционного либерализма, что фундаментальные ценности капитализма сохраняют свою силу и в современном буржуазном обществе⁷. Оспаривая эту точку зрения, Нисбет полагает, что эти ценности подверглись «эрозии и извращению». Но он все-таки не намерен сложить оружие.

Аксиологические концепции неоконсерваторов знаменуют собой отречение от социальных идеалов, которые издавна служили устоями буржуазного мировоззрения. Открыто признавая утопичность лозунгов «свободы и равенства», реализация которых в капиталистическом мире оказалась невозможной, идеологи неоконсерватизма одержимы стремлением усилить реакционную идеологию открытым антипрогрессизмом, узаконенным неравенством, разделением общества на «толпу» и «избранных», призывами к дисциплинарному единomyслию. Эту политическую мифологию неоконсерваторы стремятся представить в качестве «ценностной революции», кладущей конец «разнузданности» духовного плюрализма.

Между неоконсерваторами США и ФРГ есть существенные различия, но обнаруживается их единство в главном вопросе. Они убеждены, что современное западное общество, его политика, экономика, культура, искусство, увы, «свободны» от высших моральных, нравственных, духовных ценностей и ориентированы преимущественно на удовлетворение сиюминутных потребностей. Иными словами, неоконсерваторы ФРГ также оценивают цивилизацию Запада как прежде

⁷ См.: Лэдд Э. Американцы чтут традиционные ценности//Америка. 1979. № 267. С. 17.

всего гедонистически-потребительскую. Такое состояние общества квалифицируется ими как «ненормальное», «нездоровое» и т. д. Путь к выздоровлению неоконсерваторы ФРГ, как и США, видят в возвращении к некоторым духовным и моральным ценностям прошлого, к приспособлению этих ценностей к потребностям сегодняшнего дня⁸.

Однако предложенная неоконсерваторами «ценностная революция», открыто признающая неосуществимость передовых социальных идеалов, предполагает возрождение крайне реакционных, давно изживших себя лозунгов, питательной почвой которым служат мистицизм, средневековая теология, обветшалые политические представления. Несколько иная тенденция в буржуазном сознании связана с попыткой утвердить преемственность ценностей Запада. Это направление буржуазной мысли прокламирует и возрождение, и некоторую трансформацию «европейского духа», в смысле «динамичных идеалов», которые издавна были взяты на вооружение буржуазией. Наиболее последовательно эти воззрения развиты в ряде статей известного теоретика правого крыла СДПГ Р. Левенталья — «О неповторимости Запада», «Капиталистическая динамика и западные ценности»⁹.

Левенталь воспринял идеи М. Вебера насчет того, что ценности западного мира обладают огромным потенциалом выживаемости и имеют непреходящее значение. По его мнению, вся история развития Европы свидетельствует о том, что Запад демонстрирует способность к непрестанному «обновлению и динамике». Европейская культура базируется на фундаментальных ценностях, которые в ранние исторические эпохи находили свое выражение в мифах или в религии, а в более позднее время — в философии, политике и собственно аксиологии.

Левенталь рассматривает западную цивилизацию как синтез ценностей, восходящих к греко-римской античности и христианско-иудейской этике. Он предпринимает попытку систематизировать эти ценности. К ним, по его мнению, относятся: вера в независимость

⁸ Frankfurter Dialog. Neokonservatismus oder die neue Stimmung im Westen//Neue Gesellschaft. Bonn, 1982. N 11. S. 1062.

⁹ Löwenthal R. Gesellschaftswandel und Kulturkrise. Fr.-a-M., 1980. P. 9—20.

разума; убеждение в неповторимости каждой личности и ее право на это; потребность в законе как средстве регулирования индивидуальной воли и общественной необходимости; осознание достоинства труда¹⁰. Таковы, по мнению Левенталь, динамичные движущие силы западной цивилизации, которые подготовили формирование современного капитализма; они оказали также огромное влияние на весь остальной мир. «Несомненно, — подчеркивает автор, — что наша западная цивилизация переживает серьезный кризис, но также верно и то, что она обнаружила свою жизненность. Ее основополагающие ценности хотя и находятся под угрозой, но действуют все же достаточно эффективно: ее институциональные и нормативные формы еще способны к трансформации»¹¹.

Развитие общества, как полагает Левенталь, требует переосмысления основных его ценностей на каждом новом этапе. Трансформация сводится к «переосмыслению», а оно означает «умеренную» плюрализацию в смысле варьирования прежней темы.

Концепция Левенталь сводит истоки кризиса в буржуазном обществе к издержкам ценностной трансформации. Если неоконсерваторы предлагают возродить утраченные идеалы, то Левенталь, напротив, убежден в том, что прежние ценности никогда не исчезали из духовной и нравственной жизни буржуазного общества. Они лишь демонстрировали иногда неполную свою адекватность по отношению к потребностям времени, а потому изменились, но их надо трансформировать вновь, уже в плане приближения к исходному их состоянию. Отказ от сложившихся в капиталистическом мире ценностей, даже от части из них, он считает опасным, а частная собственность — это-де главное.

Проблемы утраты ценностей и возрождения их, появления новых ценностей как идеалов, их единство и плюрализм стали ключевыми для буржуазной аксиологии наших дней. Западные исследователи пытаются понять, почему те или иные ориентиры перестают выполнять свою функцию абсолютов, утрачивают значение. Вся история человечества, делает вывод из этого факта на свой манер американский государственный деятель Дж. Гарднер, показывает, что люди распола-

¹⁰ Ibid. S. 21—36.

¹¹ Ibid. S. 20.

гают действенным импульсом как создавать новые ценности, так и возрождать старые¹².

Разумеется, каждое поколение так или иначе, более или менее перестраивает системы ценностей, переосмысливает прежние идеалы. Однако этот процесс тесно связан с материально-экономическими закономерностями жизни общества. Рождение новых «абсолютов» не является продуктом субъективного выбора. Они служат откликом массы людей на сложившиеся запросы, на потребности самой жизни.

Давние фундаментальные ценности буржуазного мира находятся сегодня в стадии резкой переоценки. Это наглядно демонстрируют леворадикальные идеологи. Так, американский социолог Р. Инглхарт убежден в том, что в настоящее время на Западе возникли новые ценности, которые он определяет как «постматериальные» и которые тесно связаны с проблемами развития личности¹³. По его мнению, именно борьба между сторонниками этой новой «постматериальной» ориентации и приверженцами ориентации на ускоренный «материальный», т. е. промышленный, рост составляет наиболее характерную черту нынешнего политического раскола в странах Запада. Автор ссылается на данные социологических опросов населения, которые были проведены в США, Канаде, Австралии, Японии и 15 западноевропейских странах в течение последних десяти лет. Эти сведения, как он полагает, свидетельствуют об эволюции общественного мнения в области приоритета ценностей: люди все чаще отказываются от материальных ориентаций и обращаются к духовным.

Пытаясь обосновать различие между этими двумя типами ценностей, Гарднер забывает о том, что в условиях безработицы и обнищания так называемые «постматериальные» ценности вряд ли могут найти признание среди неимущих слоев населения. Но, по мнению американского социолога, «постматериализм» является широчайшим общественно-политическим феноменом, обладающим глубокими историческими корнями, причем противоречия между сторонниками прежних и «постматериалистических» идей приобрели в наши дни значение политического раскола¹⁴. Подобные выводы со-

¹² Gardner J. The Moral. N. Y., 1978.

¹³ Inglehart R. Le Postmatérialisme Face à la Crise //Futuribles. P., 1982. N 58. P. 55—81.

¹⁴ Ibid. P. 80.

держатся и в других работах буржуазных социологов леворадикальной ориентации.

Новые ценности, прокламируемые левыми радикалами, несомненно, пронизаны гуманистическим пафосом и содействуют критике буржуазного образа жизни. Однако они носят крайне абстрактный и утопический характер; они далеки от идеалов коммунизма, которые действительно направлены на раскрытие богатого потенциала личности и развитие всех ее высших духовных возможностей.

Широкие массы людей обнаруживают в наши дни интерес к интеллектуальной самостоятельности, к осмыслению существующих ценностных ориентаций. Все острее ощущается потребность масс в подлинно демократических и гуманистических идеалах. Однако многие философские и социологические течения Запада, а также соответствующие движения утратили высокий ценностный настрой, подлинную философскую глубину. Между тем в современном аксиологическом сознании налицо интенсивная потребность и в убеждающей силе логики, и в гуманистически ориентированных ценностных ориентациях. Разговоры о плюрализации ценностей, оценок и поведения разрушают само стремление к подлинно высоким идеалам. Без них, как это очевидно, невозможно сформировать передовое сознание человека, дать ему ясное, верное и до конца продуманное представление о мире.

Социальная динамика и развитие науки в наши дни обязывают к предельной мобилизации мысли, к серьезным мировоззренческим размышлениям. Человека ныне интересует все. Он хочет знать, одинок ли он во Вселенной? каковы границы космоса, и есть ли они? как возникла жизнь? какова ее ценность? куда движется история? в чем ее истоки и смысл? как спасти мир от угрозы ядерной катастрофы? При осмыслении этих вопросов, если воспользоваться словами Ф. Энгельса, возникают и «отходы» — разреженный воздух абстракций и мрачные облака спекуляций. Но есть и рациональные результаты.

Итак, рождается широкая потребность в развернутом, внутренне связанном и ценностно целеустремленном к прогрессу сознании. Оно должно, не разъедаемая язвой плюрализма, учитывать сложное многообразие мира наших дней. Только оно способно быть достаточным ориентиром индивидуальной и общественной жизни.

ни, обосновывать высокие социальные идеалы, рождать одухотворяющие истины. Огромную мобилизующую силу передового мировоззрения и его социальных и нравственных ценностей имел в виду К. Маркс, когда говорил об идеях, которые «овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹⁵.

Ценностные ориентации, завладевшие нашим разумом, заставляют нас сегодня тревожно думать о судьбах мира. Человек знает о своей бренности, о конечности своего существования. Но во второй половине XX в. в сознание людей вошла проблема, которой не было в европейской философии никогда. Речь идет об опасности гибели всего человечества, о возможном исчезновении мыслящей материи, об уничтожении «мыслящего тростника» вообще. Но занять вполне правильную позицию в условиях идейных размежеваний, столкновения различных, зачастую полярных установок и ориентаций, как показывает опыт, далеко не просто. И здесь особенно велика роль жизненной позиции личности, проникнутой ценностным подходом, избирающей чуждые плюралистическому хаосу передовые и вполне определенные идеалы. Ценность самой человеческой жизни при подходе к глобальной ситуации—ныне главный ориентир, что и подчеркнуто в «Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира», выдвинутой в 1986 г. СССР и Индией.

6. Плюрализм в современной буржуазной этике

За последнее время в буржуазной теории морали заметно оживилась идея этического плюрализма, превратившегося в один из ведущих принципов познания и интерпретации моральных явлений.

Очередная «смена вех», появление на авансцене буржуазной науки о нравственности этического плюрализма, заметно потеснившего школы этико-философского идеалистического монизма, происходят в контексте

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, С. 118.

общетеоретических процессов буржуазного обществоведения. Как уже отмечалось, для него весьма характерным является обновление теоретического (методологического) инструментария, осуществляемое именно на основе плюралистического миропонимания и мироотношения. Опираясь на исходные посылки такой интерпретации общественного бытия, сформулированные в свое время Х. Л. Вольфом и У. Джемсом, многие буржуазные исследователи морали, в первую очередь представители американских этических школ, предприняли начиная со второй половины 60-х годов нашего века энергичную попытку представить этический плюрализм в качестве системы идей, наиболее адекватно отражающих особенности жизни современного общества с присущей ему стремительной динамикой социальных процессов, противоречивостью духовной, в том числе нравственной, жизни.

Известный американский этик Ш. Мозер, проводя в своей работе «Абсолютизм и релятивизм в этике» мысль о наблюдаемом крахе традиционных устойчивых моральных систем, их замене совокупностью множества относительных, преходящих этических учений, полагает, что это — неизбежное следствие сущности общественной жизни в XX в. «Подобно пятому веку до нашей эры, наше столетие является периодом изменений, но в несравнимо более широких размерах, — пишет он. — Сейчас все общества вовлечены в гераклитовский бесконечный поток, и каждое из них в большей или меньшей степени ощущает изменения, происходящие в других»¹.

Особые усилия буржуазные авторы прилагают для того, чтобы наделить плюрализм качеством нравственной ценности, обеспечить «связку» его общественно-политического и морального аспектов. «Плюралистическое общество является типом политической системы, наиболее соответствующей человеческому достоинству», — декларирует Ф. Сенторе². Западные исследователи стремятся представить плюрализм именно как «человеческую ценность», придать ему статус духовно-нравственной категории. Выступая одним из мировоз-

¹ Moser Sh. Absolutism and Relativism in Ethics. Springfield, 1968. P. 3.

² Centore F. Persons. A Comparative Account of the Six Possible Theories. Westport, 1979. P. 191.

зренческих обобщений буржуазного сознания, этический плюрализм преподносится как принцип, наиболее адекватно выражающий индивидуальную свободу личности, право самостоятельного выбора ею стиля и образа жизни. Индивидуализм был и остается альфой и омегой буржуазной морали. Несмотря на претерпеваемые метаморфозы, в частности известную замену «классической» индивидуалистической морали «новой» (корпоративно-индивидуалистическими, псевдоколлективными формами), индивидуализм по-прежнему остается основной призмой, сквозь которую личность буржуазного общества воспринимает мир нравственных отношений. Отражая это доминирующее в буржуазной общественной теории мнение, Дж. Вильнер пишет о том, что «закон индивидуальности есть наиболее важный из действующих на нашей планете законов»³.

Понятие этического плюрализма употребляется в философской и социально-политической литературе, а также в специальных работах по теории морали в нескольких основных значениях: как определенный методологический принцип познания и интерпретации явлений моральной жизни; как характеристика философско-этической системы или учения, основанного на данном принципе; как определенный тип практического поведения людей, стихийно или сознательно руководствующихся данным принципом в своей повседневной жизни. В наиболее распространенном употреблении под этическим плюрализмом понимаются буржуазные учения о морали, основанные на признании равноправного существования множества различных, нередко противоречащих друг другу моральных истин, систем, воззрений. Этический плюрализм в этом смысле выступает в качестве оппонента и даже антагониста монистическим этическим концепциям. Характерной сущностной чертой этического плюрализма, его атрибутивным свойством является абсолютизация многофакторности морали как духовного и теоретического феномена и соответствующее стремление к обоснованию «многогранности» моральной истины. Представители этического плюрализма решительно отрицают общие моральные истины и закономерности, обладающие «всеобщей действительностью», полагают, что каждому отдельному познающему субъекту, «единичному этосу» доступна лишь грань ис-

³ *Vilner J. L'individualisme contre L'egalité. P., 1976. P. 73—74.*

тины, один из множества детерминантов моральной жизни.

В этом аспекте этический плюрализм тесно связан с этическим релятивизмом. Исходная идея этического плюрализма, как уже отмечено, заключается в попытке обосновать правомерность рассмотрения «моральной действительности» в виде совокупности множества автономных моральных истин, норм, взглядов, принципиально не объединяемых во что-то единое, цельное. Объективно существующая взаимосвязь закономерностей и тенденций моральной жизни человечества в плюралистической методологии искусственно расчленяется на отдельные, изолированные друг от друга, не связанные между собой процессы. Отсюда совершенно ясно, что гносеологические постулаты о наличии множества равноправных «моральных сущностей» (плюрализм) и их сугубой относительности, равноценности (релятивизм) теснейшим образом переплетаются. Плюралистические установки порождают релятивистские решения вопроса о соотношении абсолютного и относительного в морали, о единстве и многообразии в нравственной сфере.

Эта связь в методологическом плане может быть прослежена и в обратном порядке — от релятивизма к плюрализму. Так, болгарский автор А. Кожаров в работе «Монизм и плюрализм в идеологии и политике» (1976) рассматривает гносеологический плюрализм в качестве одной из антинаучных попыток релятивистского и субъективистского ответа на вопрос о познаваемости мира. Взаимосвязь плюрализма и релятивизма признают и буржуазные теоретики. Американский философ М. Фарбер еще в 1968 г. отметил, например, что агностицизм, скептицизм и прагматический релятивизм выступают плюралистическими формами понимания истины.

Выявление связи теоретического плюрализма и релятивизма весьма важно для анализа сущности новейшей буржуазной теоретической, в том числе этической, мысли. Отрицание монизма, в том числе исторического, социального, морального, противопоставление ему принципа плюральности, «многофакторности», множества «осевых принципов» (Д. Белл), как уже отмечалось, — существенная черта методологии современной буржуазной социальной философии (К. Маннгейм, К. Поппер, Д. Белл, У. Росту). Но если принцип плюрализма эти

теоретики декларируют открыто и даже с известной гордостью, то сопутствующий ему принцип релятивности чаще всего изображается «неизбежным», вынужденным, маскируется, протаскивается исподволь. Нередко буржуазные исследователи, оправдывая плюрализм, одновременно дезавуируют релятивизм. Однако, вынуженный в дверь, этот релятивизм возвращается снова через окно. «Разрушение» монизма, «опровержение» детерминизма и объективного характера общественных законов с неумолимой логикой требуют от буржуазных теоретиков сознательного использования релятивистской методологии. Попытка же создать цельную социально-философскую систему, основанную на плюралистических принципах, порождает глубокие внутренние противоречия этой системы, буквально разрывает ее на части. Плюрализм и релятивизм, таким образом, тесно взаимосвязаны.

Одной из причин, вынуждающих буржуазных приверженцев идеи плюрализма всячески отрешиваться от релятивизма, являются те откровенно скептические, нигилистические выводы, которые с неизбежностью вытекают из релятивистских постулатов. Что из себя представляет абсолютизированный принцип относительности моральных ценностей, «практический релятивизм», мировая общественность хорошо представляет на примере господства фашистских режимов в Германии и Италии.

Современного буржуазного либерально мыслящего интеллигента также всерьез беспокоит тот факт, что этический релятивизм используется в качестве теоретической санкции аморализма, «вседозволенности», «абсолютной свободы» в поведении индивида. Вот почему в современной буржуазной этической литературе все чаще предпринимаются попытки «преодолеть» крайности абсолютизированного этического релятивизма с помощью более «гибкой» доктрины этического плюрализма. Если для релятивизма характерна «двойственность» в понимании морали, резкое противопоставление моральных «универсалий» условным, относительным моральным нормам и взглядам, поляризация, ведущая к «расколу» нравственного сознания, то плюрализму его сторонники приписывают «пластичность», позволяющую обеспечить единство в понимании морали. Нужна не двойственная мораль, ведущая к релятивизму, а плюрализм в плюралистическом мире, счита-

ют западногерманские буржуазные теоретики Ф. Рау и Ш. Хергл. «Плюрализм, — утверждают они, — это многостороннее единство», единство «плюральности мнений»⁴.

Тем самым теоретики этического плюрализма пытаются приписать защищаемой ими концепции интегративную функцию, объединить в рамках плюрализма распадающуюся ткань буржуазной этики, выдать этический плюрализм за «открытую систему», не отказывающую в праве на существование любой иной моральной системе. Этой объединяющей функции плюралистической этики служат предлагаемые ее авторами — Дж. Файблмэном, К. Томасом, Дж. Лейном и др. — такие критерии «совместимости» моральной и этической множественности, как «толерантность» (терпимость), «подвижность в пограничных вопросах», «этические языковые игры» и т. д.

Трактовка морали, предложенная этическим плюрализмом, содержит и претензию широко представить и описать все многообразие моральных норм, обычаев, взглядов, суждений, образующих в своей совокупности социальный феномен морали (когнитивная функция). Опираясь на многочисленные свидетельства этого многообразия, предоставленные антропологией, этнографией, культурологией и другими науками, этический плюрализм «застревает» на поверхности зафиксированных им фактов, абсолютизирует наблюдаемую картину уникальных моральных культур, не совпадающих, а то и конфликтующих друг с другом суждений о добре и зле, должном и справедливом и т. д. Такова, например, точка зрения представителя этического плюрализма Ф. Снейра, полагающего, что среди разнообразных моральных ценностей невозможно выделить какие-либо «базовые ценности», разделяемые всеми сообществами людей. Представления людей о скромности, достоинстве, справедливости, понятии лжи и т. д., пишет он, настолько несовместимы по существу, что нас не должно вводить в заблуждение их «схематическое сходство»⁵.

Однако, как установлено научной теорией морали,

⁴ *Rauh F., Hörigl Ch.* Die Grenzen des menschlichen Ethos. Düsseldorf, 1975. S. 124, 129, 131.

⁵ *Snare F.* The Diversity of Morals//Mind. Vol. XXXIX. N 355. VII. 1980. P. 365.

вариативность моральных норм и этических систем вовсе не исключает наличия некоторых общих фундаментальных оснований, моральных инвариантов. Это видят и наиболее проникательные буржуазные исследователи морали, оппоненты концепции этического плюрализма. Специалисты в области изучения нравов, представители этического натурализма А. Эдель и М. Эдель писали еще в конце 50-х годов: «Мораль включает общие структурные формы, общий механизм, и там, где существуют аналогичные социальные институты, наблюдается определенное детальное сходство в содержании»⁶.

Наличие «исторических», «этических» инвариантов признают и иные буржуазные авторы, например М. Гинсберг, Р. Редфилд, Д. Ролс. Так, Гинсберг замечает, что сравнительное изучение моральных кодексов показывает их фундаментальное сходство, поскольку в своей основе они отражают человеческие потребности⁷. Тем самым авторы приближаются к правильному пониманию проблемы многообразия и единства морали, представляющейся неразрешимой для этического плюрализма. Однако до конца последовательно научную картину этого общественного явления буржуазные оппоненты этического плюрализма отразить не в состоянии. Например, А. Эдель и М. Эдель, признавая фундаментальные общие основания морали, усматривают их преимущественно в структурных формах морального сознания, ограничиваются констатацией наличия схожих социальных институтов регулирования взаимоотношения людей. Гинсбергу присуще крайне абстрактное понимание «базовых» «человеческих потребностей и импульсов».

По сути в стороне остается вопрос о социальном, тем более классовом содержании моральных норм и представлений, однако реально в моральном развитии человеческого общества выступают и взаимодействуют два основных типа морали — мораль эксплуатируемых и мораль эксплуататоров. Буржуазная этика оказалась не в состоянии выявить критерий повторяемости в моральной жизни, взаимосвязи индивидуального и общественного уровней нравственного сознания. Признавая «автономность» моральных систем, отдавая дань субъ-

⁶ *Edel M., Edel A. Anthropology and Ethics. Springfield, 1959. P. 51.*

⁷ *Ginsberg M. On the Diversity of Morals. L., 1956. P. X.*

ективизму, представители буржуазной этической науки не могут понять того, что моральные ценности, нормы и отражающие их оценочные суждения имеют объективное содержание, что они возникают в силу практических потребностей человеческого общества, обеспечивая специфическим образом его нормальное функционирование, поступательное развитие.

Специфика отражения общественного бытия в моральном сознании состоит в том, что моральные понятия, нормативные и оценочные суждения рефлектируют социальную действительность опосредованно, через интересы и потребности определенных социальных общностей. Связав моральные представления, идеалы, кодексы, моральную культуру в целом с определяющими их (в итоге, в конечном результате) причинами общественного, социально-экономического порядка, прежде всего потребностями общественного прогресса, марксизм-ленинизм принципиально решил основные проблемы морали, в том числе и вопрос о соотношении единичного и общего в моральной жизни. Проблема моральной истины, нравственного прогресса, сравнения различных этических систем и обоснование преимущества того или иного типа морали получили в научной этике разрешение по существу.

Однако вернемся к вопросу о функциях этического плюрализма в его интерпретации западными учеными. Подчеркивая «синтетическую» роль этического плюрализма, позволяющего осуществлять «диалог по поводу многогранности истины в человеческом самоосуществляющемся плюралистическом мире»⁸, представители рассматриваемого направления идеалистической этики своими работами демонстрируют эту «многогранность», предлагают различные варианты объяснения «морально-го множества», «множественной морали». Можно с известной долей условности выделить несколько основных типов буржуазных концепций этического плюрализма: морально-антропологический, социально-культурный, метаэтический. Критерием такой типологизации выступает способ отражения в предлагаемых этических теориях основных нравственных представлений и ориентаций индивида, конкретные приемы, подходы, особенности метода, используемого буржуазным исследователем явлений мира морального сознания и деятельнос-

⁸ *Rauh T., Hörgel Ch. Op. cit. S. 131.*

ти. Подробный анализ названных типов буржуазных теорий морали плюралистического типа — особая исследовательская задача, еще ожидающая своего решения. Работ советских и зарубежных этиков на эту тему очень мало. Среди них отметим статью М. А. Петрашевой, в которой автор различает плюралистический этический биовитализм, плюралистический этический прагма-реализм, плюралистический этический социологизм⁹.

Особенность морально-антропологического направления этического плюрализма (Р. Вессен, А. Гелен, Дж. Миджлей, Дж. Файблмэн и др.) состоит в попытке обосновать моральные взгляды и нормы исходя из «двойной», биантропологической природы человека, а также из многофакторности природного как такового. Например, согласно концепции А. Гелена, мораль основывается на взаимодействии биологической (виталистской) сущности индивида с плюральной множественностью социума, состоящего из различных общественных институтов¹⁰. По мысли Дж. Файблмэна, нормативные функции морали определяются разновекторной деятельностью множества общественных «лидеров»¹¹. Согласно Р. Вессену, плюрализм есть не что иное, как «естественное» выражение «двух базисных сторон человеческой природы — индивидуальной и коллективистской»¹².

Своеобразие социально-культурного этического плюрализма (Дж. Барнслей, Р. Брандт, Дж. Ф. Дорр, П. Рикер и др.) заключается в выведении нравственного множества из плюральности обуславливающих его культур, из поражающей воображение исследователя неповторимости обычаев, традиций, моральных культур различных народов. Подходя к проблеме моральных ценностей, их взаимосвязи с культурным социумом с позиций фактографии и этнопсихологии, представители социально-культурного этического плюрализма оказа-

⁹ См.: *Петрашева М. А.* К вопросу о сущности «этического плюрализма» в современной буржуазной этике // *Этика и эстетика*. Киев, 1982. № 25.

¹⁰ *Gehlen A.* Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik. Fr.-a-M.; Bonn, 1969.

¹¹ *Feibleman J.* Moral Strategy. An Introduction to the Ethics of Confrontation. The Hague, 1967.

¹² *Wessen R.* State Systems. International Pluralism. Politics and Culture. N. Y., 1978. P. 8.

лись неспособными выйти за рамки констатации факта существования разнообразных групповых (этнических) моральных стандартов и соответствующих суждений и оценок. Этический плюрализм этого типа не в состоянии разрешить вопрос о моральном прогрессе, «этическом разногласии», так как утверждает, что морально «правильное» и «неправильное» имеет значение лишь в контексте данной культуры и утрачивает всякий смысл за ее пределами. Теоретические слабости данной доктрины могут повлечь за собой серьезные практические последствия. Отрицание объективной значимости моральных стандартов и ценностей, возможности их сравнения вполне могут быть использованы в идейно-политических целях современными неокolonизаторами и расистами, стремящимися «законсервировать» отсталость отдельных народов под прикрытием необходимости сохранить их культурную и моральную уникальность.

В плане культурно-социологического истолкования природы морального используется и идея множества частных интересов человека, а также разнообразных «групп интересов», что якобы соответствует индивидуалистической сущности личности и выступает основой моральных и иных общественных отношений. Неубедительность этого отнюдь не нового тезиса показана марксизмом. «...Частный интерес уже сам есть общественно определенный интерес, — отмечал К. Маркс, — и может быть достигнут лишь при условиях, создаваемых обществом, и при помощи предоставляемых обществом средств, т. е. ...он связан с воспроизводством этих условий и средств»¹³.

Метаэтический моральный плюрализм (П. Тейлор, Ш. Мозер, Р. Хэер и др.) покоится на общих основаниях этического неопозитивизма с присущим ему «эпистемологическим анархизмом». Как признает П. Фейерабенд, «одним из последствий плюрализма является то, что стабильность знания больше не гарантируется»¹⁴. Этот вывод полностью применим к характеристике морального знания, объекта буржуазной этики. Отрицание объективной закономерности развития моральной жизни, резкий субъективизм в понимании основных нравственных ценностей, отсутствие прочной методоло-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 99.

¹⁴ Feysrabend P. Science in a Free Society. L., 1978. P. 103.

гической основы порождают на уровне буржуазной метатеории искаженную картину процесса моральной деятельности. Известный представитель метаэтики П. Тейлор, продолжая традиции Дж. Мура, утверждает, что метаэтика демонстрирует людям иллюзорность представлений об истинности или ложности их моральных суждений и тем самым «санкционирует» право личности не придерживаться каких-либо моральных принципов, жить в соответствии с собственным пониманием должного и справедливого. Несмотря на попытку доказать «гуманистичность» подобной этической ориентации, беспринципность плюрализма, разрушающего общественную и индивидуальную мораль, цинизм пропагандируемой нормативной «нейтральности» не остается незамеченным. «Принципы этики» (а именно так озаглавил свое сочинение Тейлор) не деле оборачиваются моральной беспринципностью. С полным основанием английский философ М. Лини замечает: «Требование, что философ может и должен рассматривать поведение людей с позиции, ему удобной, и что он должен строить свою «логику», ни во что не вмешиваясь, само по себе служит симптомом по меньшей мере моральной слепоты, но в еще большей степени — моральной деградации»¹⁵.

Рассмотренные типы буржуазной этической теории плюралистического толка, несмотря на внешние, зачастую весьма заметные различия, тем не менее едины в своей основе. Все они исходят из установок о «многофакторности» моральной жизни, решительно выступают против диалектико-материалистической этики, идей преемственности и единства в нравственности. Это сходство плюралистических концепций морали состоит и в том, что ни одна из них не подвергает сомнению свой общественно-социальный базис, все они выполняют функцию идеологического оправдания капитализма, его моральных устоев. Данная апологетика отчетливо выступает в той «интегрирующей» миссии, которую стремятся выполнить теоретики плюрализма. «В смутные времена, — пишет американский философ Р. Вессен, — плюралистическое общество должно стремиться к тому, чтобы забыть все блага разнообразия и вызывать к «новой объединяющей философии». Порядок и согла-

¹⁵ *Leany M. Neutrality//Metaphilosophy. 1976. Vol. 5. N 3. P. 185.*

сие... являются неотъемлемыми основаниями либерального плюралистического сообщества»¹⁶.

Несостоятельность этического плюрализма как теории морали очевидна. Всем его модификациям присуща метафизическая ограниченность в подходе к анализу нравственной жизни. Представляя то или иное «множество» факторов (культурных, социальных, природных, субъективных и т. д.) в качестве основания морального, плюралисты оказываются неспособными выяснить субординацию, выявить взаимоотношение определяющих и производных **детерминантов** моральных норм и оценок.

Слабости плюралистической методологии познания и интерпретации сферы нравственности состоят в ее неумении обеспечить единство гносеологического, социального, исторического аспектов анализа явлений морального сознания и практики.

Пороки плюралистической этики прослеживаются и в ограниченности ее практических рекомендаций. Проповедь «терпимости», «диалога», «взвешивания обстоятельств» и т. д. в качестве принципов жизненной ориентации человека без учета конкретных социальных возможностей индивида принимать моральные решения и осуществлять их в обществе с жесткой социальной и нравственной демаркацией «ролей» и «статусов» людей превращает плюралистические теории в лучшем случае в набор абстрактно-гуманистических пожеланий, в утопические схемы «улучшения морального порядка».

Очевиден и реакционен апологетический смысл буржуазного этического плюрализма, выступающего одним из идеологических средств приспособления «массового сознания» к духовной ситуации современного капиталистического общества. Учитывая особую значимость этой идейно-социальной, так сказать, «служебной» функции этического плюрализма, рассмотрим ее более подробно.

Уже отмечалось, что в актуализации проблемы этического плюрализма отчетливо просматриваются и социальные причины как глобального, так и «формационного» порядка. В широком — международном — плане идея «множественности истин», плюрализма различных вариантов решения общественных, в том числе моральных, проблем питается объективным фактом усложнения социальных процессов, их стремительной дина-

¹⁶ Wessen R. Op. cit. P. 8.

микой, неоднозначным следствием воздействия на моральный облик общества и личности разворачивающейся научно-технической революции. Сложный, противоречивый характер современной переломной эпохи, усиление идейного противоборства противоположных социально-экономических систем, наличие конфронтирующих систем общественно-политических, моральных ценностей дает мощный импульс проблеме обоснования и сравнения этических оценок и нравственных норм.

Правоммерно отметить несомненную связь между оживлением представлений о моральном плюрализме, относительности и условности этических систем, отсутствии в них внутреннего единства и конкретной духовной ситуацией, в которой пребывает современное капиталистическое общество. История показывает, что проблема этического плюрализма и релятивизма, которая становится особенно острой и настоятельной в период значительных социальных перемен, достигает своей кульминации в моменты кризиса, радикальной ломки представлений о «разумности» существующих общественных порядков.

Этический плюрализм — своеобразное отражение плюрализма социального, превращенная форма сложившегося типа взаимоотношения людей в структуре частнособственнических отношений, так сказать, «практического поведенческого», «морального» плюрализма. В его основе — социальная раздробленность общества, обособленность отдельных индивидов, вынужденных строить свою жизнь по законам жесткой конкуренции и соперничества, борьбы, в которой сплошь и рядом побеждает отнюдь не самый достойный. В силу действия основных законов капитализма отношения людей нередко приобретают здесь «товарный», «отчужденный» характер. Фиксируя эту особенность буржуазного общественного бытия, К. Маркс писал, что «отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависящий от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности»¹⁷.

Господствующий товарный фетишизм в решающей степени обуславливает как способ включения человека

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 102—103.

в систему моральных связей, так и само содержание личностной структуры буржуазного индивида. Нельзя не согласиться с суждением буржуазного социолога А. Зийдервельда, усмотревшего в факте обособленности личности истоки «плюралистического состояния» общества и самой личности. «Концепция плюралистического общества, — пишет он, — означает, что индустриальное общество состоит из множества различных институционально изолированных частей, которые требуют от индивида выработки способности выполнять изолированные роли, производя своего рода импринтинг изолированных идентичностей»¹⁸.

О том, что идея раздробленности самих основ бытия людей в условиях господства частнособственнических отношений стала центральной в современном буржуазном обществоведении, красноречиво свидетельствуют работы популярного на Западе теоретика Д. Белла. Сформулированный им в книге «Культурные противоречия капитализма» тезис о «разъединенности» экономической, социальной, культурной, моральной сфер буржуазного общества, о процессе, поставившем «западное общество на грань духовного и морального распада»¹⁹, рефреном проходит в сочинениях многих буржуазных идеологов. Но если у Белла состояние «разъединенности» сфер вызывает серьезную озабоченность именно из-за сопутствующего ему процесса разложения нравов, девальвации моральных ценностей, то у менее проницательных западных исследователей нравственная опасность, подстерегающая индивида в «разобщенном» обществе, остается в тени. Уже упоминавшийся нами американский социолог М. Новак пишет: «Социальная система должна быть разделена на три системы, каждая со своими собственными институтами и соответствующими типами людей: религиозные и интеллектуальные системы, отделенные от государства (свободная пресса, независимые университеты, свободные церкви), и экономические институты, также отделенные от государства. Короче говоря, должны существовать отдельно политическая система, социально-экономическая система и морально-культурная система, каждая полагаю-

¹⁸ Zijderveld A. The Abstract Society. A Cultural Analysis of Our Time. N. Y., 1972. P. 127.

¹⁹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976. P. 171.

шаяся на остальные две и в то же время независимая от них»²⁰.

Яркое описание моральной жизни современного буржуазного общества содержится в работах американского социолога А. Тофлера. Для нас особенно интересны замечания признанного на Западе буржуазного теоретика о неустойчивости социального бытия при капитализме, о происходящем здесь процессе «фрагментации» образа жизни людей. Характеризуя новую историческую ситуацию, переживаемую «индустриальным» (читай: капиталистическим) обществом, Тофлер особо отмечает факт ослабления общественных функций морали, разрушение традиционного механизма морального регулирования жизни людей. В условиях «краха общественного консенсуса» происходит распад «социальной ткани», пишет американский социолог, наступает «фрагментация» и «дифференциация» социального бытия, возникают «мозаичный стиль жизни», множество «субкультур», различные «модели поведения»²¹. Существенным моментом духовной жизни такого общества, подытоживает Тофлер, является решительная переоценка ценностей и наступившая в результате этого неразбериха в моральных ориентациях индивида. «Америку раздражает неопределенность отношения к деньгам, собственности, правопорядку, расовым проблемам, религии, богу, семье и личности, — утверждает исследователь. — Но от этой свистопляски страдают не одни Соединенные Штаты. Процесс массовой переоценки ценностей охватил все технически развитые страны»²².

Картина, нарисованная одним из наиболее наблюдательных современных западных социологов, казалось бы, должна привести его к выводу о глубоком кризисе социальных основ капиталистического строя. Но этого не происходит. Тофлер — типичный представитель так называемого критического апологетизма. Согласно этому направлению буржуазной идеологии, происходящие в капиталистическом мире существенные сдвиги в сознании миллионов людей, нарастающее несогласие с политикой монополий, многочисленные движения протеста и кампании в защиту прав трудящихся и т. д.

²⁰ Новак М. Свобода в американском понимании//Америка. 1983. № 317. С. 4.

²¹ Toffler A. Future Shock. L., 1972. P. 260, 277, 284—285, 290.

²² Ibid. P. 276.

есть не что иное, как свидетельство становления нового типа общества («суперцивилизация», по выражению Тофлера), несущего с собой новый образ жизни.

Иными словами, по мнению американского социолога, неразбериха в социальных, в том числе моральных, отношениях людей — явление скорее прогрессивное, нежели кризисное. Поэтому задача состоит в том, чтобы «приспособить» поведение людей к новым социально-экономическим и культурным реальностям, «согласовать» их сознание с происходящими переменами.

Эта мысль находит свое отражение в новой работе Тофлера «Третья волна. От индустриального общества к более гуманной цивилизации», опубликованной в 1980 г. Как считает буржуазный исследователь, надвигающаяся третья промышленная революция (массовое внедрение в промышленность и быт микрокомпьютерной техники) породит полноценную, рациональную и привлекательную жизнь людей в обозримом будущем. В «компьютерном обществе», полагает А. Тофлер, существенно изменится образ жизни людей, произойдут радикальные перемены в семейных и межличностных отношениях, преобразуется система общения и воспитания. В «цивилизации Третьей волны» молодежь уже не будет бесцельно слоняться по улицам, у нее будет меньше потребительских настроений, спросом будут пользоваться совсем иные моральные качества.

Абсолютизируя возможности и достижения научно-технического прогресса и отрывая их от конкретных общественных условий капитализма, Тофлер создает еще один, очередной, вариант социального утопизма. Кстати, многие буржуазные социологи настроены далеко не так оптимистически в отношении совершенствования «моральных качеств» людей в будущем капиталистическом обществе, «очищенном» от нынешних его пороков. Скажем, такие авторитетные на Западе буржуазные футурологи, как Г. Кан, У. Браун, Л. Мартель, в книге «Грядущие 200 лет. Сценарий для Америки и мира» пишут о «15 изменениях в стиле и строе жизни», которые, по их мнению, произойдут в следующем веке. Среди них — возрастание роли манипулятивной рациональности: подъем чувственной, гедонистической культуры; утрата религиозных и моральных связей; рост буржуазных, бюрократических, технократических и «меритократических» элит; растущая склонность — как индивидуальная, так и национальная — к

насилию и разрушению, растущая терпимость к терроризму и политически мотивированному насилию и к поддержке подобной деятельности. Даже из этих прогнозов видно, насколько разительно отличается видение перспектив общественного развития у различных буржуазных футурологов.

Но все это — «сценарии для будущего». А в настоящем перед взором буржуазных социологов предстает реальное капиталистическое общество, раздираемое многочисленными противоречиями, «мозаичное общество», лишенное идейного, политического и морального единства.

О том, насколько распространен в новейшей буржуазной социологической литературе этот тип объяснения происходящих перемен, свидетельствует и концепция «мозаичного общества», предложенная американским социологом И. Уилсоном. В статье «Новая американская тенденция: индивидуализм, плюрализм, децентрализация» он пишет о том, что к 1990 г. «Соединенные Штаты в значительной мере превратятся в мозаичное общество, общество чрезвычайно многообразное, сильно расслоенное, состоящее из 260 миллионов личностей с невероятным различием стилей жизни, со множеством новых общественных институтов, главным образом на местном уровне, основанных на новых и разнообразных формах взаимоотношений»²³.

Как и Тофлер, Уилсон полагает, что одной из движущих сил в «процессе становления мозаичного общества» выступает «переоценка ценностей», меняющееся представление о моральных ценностях. По мнению Уилсона, свидетельством такой переоценки является большая терпимость американцев ко вкусам и образу жизни других, усилившийся индивидуализм, растущая тенденция «социального плюрализма», чувство «здорового скептицизма» и т. д.

Стараясь представить эти «новые ценности» американского образа жизни в привлекательном виде, буржуазный теоретик уверяет, что следствием происходящих в обществе перемен явится «утверждение собственной личности», рост и расширение спектра вкусов и потребностей человека²⁴.

²³ Уилсон И. Новая американская тенденция: индивидуализм, плюрализм, децентрализация//Америка. 1982. № 306. С. 3.

²⁴ См. там же. С. 5.

Картина, изображаемая И. Уилсоном, весьма далека от действительности, она во многом носит рекламный характер. О нынешнем состоянии моральной жизни США красноречиво свидетельствуют официальные буржуазные издания, предназначенные, так сказать, для внутреннего пользования, в которых фиксируется разгул бандитизма, угрожающий рост наркомании и преступности среди молодежи и т. д.

Как мы видим, «переоценка ценностей», а попросту говоря, усиление аморализма в реальном современном американском обществе выглядит совершенно иначе, нежели в концепции «мозаичного общества» Уилсона. Да и сам американский социолог, кстати, вынужден признать «отрицательные аспекты» происходящих перемен в представлениях американцев о социальных, экономических, политических и моральных ценностях капитализма. «Существует твердое мнение, что старые экономические и политические схемы попросту не срабатывают или по меньшей мере работают не так, как следовало бы, что учреждения становятся слишком громоздкими, слишком безличными». Уилсон констатирует также, что «традиционные политические партии находятся в кризисном состоянии и зашли в тупик. Политика, устремленная на решение отдельных узких вопросов, приводит к расколам»²⁵.

«Кризисное состояние» — термин, используемый Уилсоном для характеристики правящих буржуазных политических партий, как нельзя лучше характеризует и сущность внутренней политики империализма, — политики, породившей глубокий моральный кризис общества.

Находясь в ситуации всеобщей неопределенности и социальной неустойчивости, сталкиваясь с «излишком альтернатив» и возможностей «моделировать» себя с необозримого множества типов поведения, человек в буржуазном обществе оказывается в состоянии глубокой растерянности. Какой тип поведения в данных условиях является «оптимальным», общественно ценным? На этот вопрос, особенно болезненный для молодых людей, не обладающих достаточным жизненным опытом, буржуазное обществоведение убедительно ответить не в состоянии. Деформация общественной мора-

²⁵ Там же.

ли в «плюралистическом обществе» ведет к разрушению личности, порождает серьезные изменения в системе ее жизненных ориентаций. Существенным компонентом сознания и психики индивида становятся пессимизм, неверие в общество. Ситуация нестабильного социального бытия, неустойчивости взаимоотношений, усиление тенденции «необеспеченности существования» личности усиливают чувство отчуждения, пробуждают желание «убежать» от общества или игнорировать его. Характерной чертой стиля жизни большого количества людей становится, по выражению Тофлера, бесконечная смена ими «масок» и «ролей».

Логическим следствием «терпимости», присущей «плюралистическому обществу», стала моральная «вседозволенность», трансформировавшаяся по существу в оправдание аморализма. «В течение минувших 20 лет Британия превратилась в общество «вседозволенности»... — пишет английский социолог К. Дейвис. — На всех уровнях общественной жизни произошли социальные изменения, свидетельствующие об эрозии традиционных ценностей и усилении влияния гедонистической и антиаскетической философии»²⁶. Отношение буржуазных идеологов к новой «социальной реальности», порожденной, как они признают, самим ходом эволюции их общества, как правило, двойственное. Весьма показательна в этом отношении позиция Дейвис. Да, мы стали более свободны, пишет автор. Мы отменили смертную казнь, разрешили аборт, смягчили, а то и упразднили цензуру. Отныне мы снисходительны к рекламе секса и порнопродукции, по существу не преследуем наркоманов. Но свидетельствует ли это о моральном совершенствовании нашего общества? Ответы, которые дает на эти вопросы буржуазный социолог, примечательны во многих отношениях. Мы воздерживаемся от наказания других и не преследуем их вовсе не потому, что стали более милосердны, а они — более нравственны, признает Дейвис, просто мы уже не предъявляем строгих моральных требований ни к себе, ни к окружающим, ни к обществу в целом. Всеобщее моральное отчуждение и безразличие — вот причина триумфа «вседозволенности».

²⁶ Davis Ch. *Permissive Britain: Social Change in the Sixties and Seventies*. L., 1975. P. 1.

С этой констатацией нельзя не согласиться. Апологетическая мысль буржуазного теоретика, однако, ищет оправдания фактам, стремится дать им такую интерпретацию, которая сняла бы ответственность с капитализма за моральную деградацию общества. Практика «вседозволенности» свидетельствует о безусловном крушении моральных стандартов, признает Дейвис. И тут же добавляет: «Возможно, что люди более счастливы, не обладая моральными стандартами»²⁷. Что можно сказать по этому поводу? Только одно: буржуазная апологетика вынуждена возводить этический нигилизм в ранг теоретического принципа, осуществлять на уровне общественной теории «представительство морали»; резкий контраст между тем, что буржуазные философы и социологи наблюдают и знают как специалисты, и тем, что они вынуждены утверждать как идеологи, требует от них софистических приемов, порождает утопизм предлагаемых «социальных рецептов».

Я отрицаю общий этос этого общества²⁸, заявляет Дейвис, явно демонстрируя желание теоретика сохранить личную добропорядочность в мире «пермиссивных отношений». И вместе с тем она отказывается признать глубинные социально-экономические корни морального кризиса, поразившего буржуазное общество. Подобно многим своим коллегам, Дейвис не скрывает тревоги по поводу практики «вседозволенности», губительных последствий морального «плюрализма». «Должны ли мы принимать полностью логику нашего открытого и плюралистического общества и позволить моральным изменениям происходить автономно, или мы должны предпринять некоторого рода коллективную регуляцию этих изменений?»²⁹ — эти вопросы Дейвис достаточно красноречивы. По ее мнению, необходимо гибко совместить «рациональные» элементы «старой», традиционной и «новой» морали, создав тем самым новый тип морального регулирования.

Следует отметить, что многие буржуазные философы, социологи и политические деятели решительно отбрасывают морализаторские рекомендации «либералов», настаивают на том, что не совершенствование

²⁷ Ibid. P. 201.

²⁸ Ibid. P. 202.

²⁹ Ibid. P. 217.

«пермиссивной морали», а возрождение строгих норм классической буржуазной морали или же введение моральных принципов, более адекватных сегодняшнему дню, — решающее средство преодоления морального кризиса капитализма, ликвидации нежелательных последствий «плюралистического общества». В связи с этим остановимся на концепциях «морального обязательства», представленных Дж. Викерсом и Д. Янкеловичем.

По мнению английского социолога Викерса, в современном западном обществе наблюдается «моральная инверсия», суть которой он усматривает в усилении критического отношения индивидов к общественным институтам, осуществляемого с моральных позиций, и неприятия ими «общественных ограничений»³⁰. В этом обществе моральные императивы утратили свою былую регулирующую силу, «вышли из моды», они уже не выполняют функцию «табу», в плане контроля за поведением людей. В обществе широкое распространение приобрел этический нигилизм, отрицающий возможность отличить «правильное» от «неправильного». С тревогой воспринимая эту новую реальность общественной жизни, Викерс признает, что «моральная инверсия» угрожает самим основам общества, «несовместима с общественным выживанием», называет этический нигилизм «абсурдом, с которым нужно покончить»³¹.

Каким же образом буржуазный автор предполагает «обуздать» происходящие деформации моральных отношений? Этой цели служит выдвинутая им «концепция обязательств» (commitment). По мнению автора, нравственной личности присуще чувство обязанности. «Чувство обязанности ассоциируется с моралью, и этические размышления, чувства и поведение выводятся из ожиданий индивида, рассматривающего их как необходимую часть своей идентичности»³². Будучи осознанным, это чувство перерастает в обязательство, превращается в свою очередь в «источник человеческой мотивации». Концепция обязательств включает в себя положение о степени «интенсивности» этого качества личности, о форме и границах его проявления и т. д. Абсо-

³⁰ *Vickers G. The Future of Morality//Futures. Vol. 11. N 5. 1979. P. 371.*

³¹ *Ibid. P. 381—382.*

³² *Ibid. P. 374.*

лютизируя обязательство как моральное качество, Викерс полагает, что главная социальная задача состоит в том, чтобы обеспечить переход к «этике обязательств» всех граждан. Тем самым якобы будет гарантировано, по его выражению, «сцепление» человеческого общества, обеспечена «взаимная уверенность»³³ индивидов, что сделает общественные связи человеческими.

Итак, «этика обязательств» — вот в чем буржуазный автор усматривает выход из создавшейся нравственной ситуации разобщенности людей, видит ключ к решению проблемы «моральной инверсии». Викерсу не откажешь в меткости отдельных наблюдений сложного механизма нравственной жизни современного общества, его основных регуляторов. Он, в частности, правильно констатирует наличие индивидуального, группового и социоэталного уровней функционирования морали, пишет об особой роли «политической морали» как главного инструмента управления общественным поведением индивидов. Особый интерес вызывают в общем-то не свойственные буржуазному обществоведению рассуждения теоретика о коллективизме как моральном принципе человеческого общежития. Чтобы преодолеть моральные коллизии и обеспечить индивидуальную нравственность, необходимо создать, пишет Викерс, «коллективное общество, справедливость которого стимулирует большую человечность. Это означает, что не только те, кто решает судьбы общества, но и все его граждане субстанционально должны быть вовлечены в процесс самореализации их коллективной сути...»³⁴. Эта суть рефлектируется в «общем» сознании того, что нужно предпринять для реализации нравственного идеала. «Обязательство — сущность морали, и коллективное общество — сущность коллективной морали», — заключает автор³⁵. «Качество» общих обязательств должно обеспечить «качество поступков» граждан, иными словами, более совершенную нравственность.

Предложенная Викерсом концепция «моральных обязательств» весьма примечательна именно в плане идеи «плюралистического общества», «плюралистической» морали, утверждающей независимость и автономность индивидов, стремящихся к полной свободе «своей

³³ Ibid. P. 377.

³⁴ Ibid. P. 380.

³⁵ Ibid. P. 381.

идентификации». Социальная практика современного буржуазного общества наглядно и убедительно продемонстрировала моральную ненадежность общественных отношений, основанных на принципе индивидуализма, имплицитно присущие ему тенденции конформизма, диперсонализации личности. Вот почему буржуазные теоретики не прекращают попыток сконструировать «новую мораль», способную обеспечить общественный консенсус. Идея Викерса о «коллективной морали», «этике обязательств» несомненно лежит в русле этих поисков. Высказав несколько справедливых суждений относительно общественной природы нравственности, специфики моральных регуляторов, призванных «сфокусировать» индивидуальные стремления и действия людей, подчинить их общей цели, Викерс в целом остался в плену ненаучных схем морали, выработанных буржуазным обществоведением. В его рассуждениях о морали, ее «коллективной» сущности полностью игнорируется социальный характер детерминирующих в классово антагонистическом обществе моральных представлений о «должном» и «справедливом».

Абсолютизируя «общечеловеческий элемент» морали, Викерс придал ему самодовлеющее значение, не поднялся до понимания того, что «общечеловеческая», т. е. общественная, функция морали в сообществе людей, преследующих разнонаправленные, не совпадающие принципиально интересы, прежде всего коренные интересы эксплуататоров и эксплуатируемых, не может себя проявить в полном виде, она всегда будет «частичной», обреченной на то, чтобы прорываться на поверхность общественной жизни в превращенной форме господствующего буржуазного интереса, санкционирующего со своих позиций «правильное» поведение индивида. Ненаучная, абстрактно-гуманистическая трактовка сущности морали не позволяет буржуазному теоретику предложить реальную программу морального совершенствования общества, разорвать порочный круг «разновекторного морального плюрализма». Вследствие этого его рассуждения о «взаимных моральных обязательствах» и основанной на них «коллективной морали» превращаются в бессодержательные сентенции.

Близок к концепции Викерса вариант «новой морали», этики обязательств, предложенный известным на Западе специалистом в области социального исследования и прогнозирования Д. Янкеловичем. По его мнению,

в нравственной сфере американского общества последовательно сменили друг друга три типа этики: «этика самоотречения», «этика самоудовлетворения» и «этика обязательств»³⁶.

Смысл господствовавшей долгие годы «этики самоотречения» можно выразить следующим образом: «Я работаю много и добросовестно, я предан делу. Я подавляю свое разочарование и желание делать то, что доставило бы мне удовольствие. Вместо этого я делаю то, что от меня требуется»³⁷.

В 70-х годах, отмечает Янкелович, мы бросились в другую крайность, а именно отказались от «этики самоотречения» и полностью приняли на веру «этику самоудовлетворения»: «У тебя есть обязанность по отношению к самому себе», «Ты должен утверждать себя в любом случае». Кредо новой этики «вседозволенности» — «удовлетвори все свои желания» — породило особый расточительный стиль жизни, приведший в конечном счете его сторонников к разочарованиям, безысходности, самоизоляции. Принцип «вседозволенности» предлагает моральное оправдание всех желаний, стирая различия между социально полезными и разрушительными. Руководствуясь этим принципом, личность нередко вступает в конфронтацию с обществом, игнорирует его требования, встает на путь антисоциального поведения. Но дело не только в этом. Быть рабом своих желаний — это губительная, саморазрушительная жизненная этика, не без оснований полагает Янкелович.

Наблюдательный социолог, таким образом, не скрывает своего отрицательного отношения к морали самоудовлетворения, фиксирует ее враждебность как к обществу, так и к самой личности.

Но Янкелович не отвечает на главный вопрос: что же лежит в основе этой морали, стремления миллионов американцев утвердить себя в любом случае и в любой форме? Нельзя же всерьез принимать мнение социолога, что большинство американцев просто «не желает подражать своим родителям и вступать на путь самоотречения». Очевидно, бунтующих американцев, прежде всего молодых, разочаровала сама система ценностей, определявших сущность «традиционной» морали, доминирующая среди них ориентация на вещественное

³⁶ Янкелович Д. Перемена//Америка. 1982. № 313. С. 2—3.

³⁷ Там же. С. 2.

богатство — символ жизненного успеха, благосостояния, счастья. Действительность буржуазного общества безжалостно развенчивает иллюзии наивных, полагающих, что преуспеть в обществе, основанном на жестокой конкуренции и соперничестве, можно честным и добросовестным трудом.

Но дело не только в этом. Для многих молодых людей на Западе все более очевидным становится то, что материальное богатство не может компенсировать бедность духовных отношений, отчужденность между людьми.

Так что «выход» из круга противоречий, о котором идет речь у Янкеловича, нужно искать не в перемене системы этики, а в революционных преобразованиях самих основ буржуазного общества.

Однако буржуазный апологет, естественно, предлагает иной путь решения острой моральной коллизии, порожденной практикой морали «вседозволенности», «этики самоутверждения» и глубоким разочарованием в ее последствиях. «Мы вступили в новое десятилетие, — утверждает буржуазный социолог. — Эгоистические 70-е годы канули в вечность, мы начинаем создавать новую этику, основанную не на самоотречении и не на самоудовлетворении. Я называю ее «этикой обязательств»³⁸. Эта новая этика, полагает автор, призвана «пробить железную оболочку» эгоцентризма. Она выражается в двух основных положениях: в стремлении к более глубоким личным привязанностям и в желании приносить пользу обществу, в котором людей объединяют разнообразные интересы. «Этика обязательств» подразумевает моральное чувство, смысл жизни заключается в посвящении себя чему-то, стоящему вне «я».

Итак, вместо прежних систем моральных ценностей — «этики самоотречения» и «этики самоудовлетворения» — предлагается «этика обязательств». Трудно сказать, чего больше в этом новом буржуазном рецепте «морального обновления» капитализма — напускной наивности или изощренной софистики. Как убедить миллионы людей, подвергающихся безжалостной эксплуатации, в необходимости «приносить пользу обществу», в котором правят миллиардеры и миллионеры? При помощи какой социальной магии можно объеди-

³⁸ Там же, С. 3.

нить «разнообразные интересы» эксплуататоров и эксплуатируемых, агрессивно настроенных «ястребов» — представителей военно-промышленного комплекса — и многочисленных участников движения за мир?

Марксизм-ленинизм убедительно доказал, что в обществе, основанном на антагонистических классовых отношениях, моральные представления о добре и зле, справедливом и несправедливом и тому подобные взгляды, оценки, суждения всегда будут принципиально противоположны. Как отмечал В. И. Ленин, «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»³⁹.

Марксистско-ленинская этика нашла единственно правильный путь к решению актуальных проблем морали, установив взаимосвязь представлений людей о нравственном и безнравственном с глубинными интересами классов, социальных групп и слоев, к которым они принадлежат. Здесь же, в области этих интересов, коренится и разгадка проблемы соотношения эгоизма и альтруизма, индивидуального и общественного интересов, над разрешением которой безуспешно бьется буржуазное обществоведение, пытающееся, как мы видим на примере концепции Янкеловича, «обуздать» эгоцентризм личности при помощи всеобщей «этики обязательств». «...Коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой»⁴⁰.

Критическое исследование этического плюрализма, представленного рассмотренными концепциями, позволяет уяснить особенности эволюции современной буржуазной теории морали и социальной философии. Выявление сущности данного феномена общественной мысли Запада, его основных разновидностей и функций убеждает в том, что актуализация этического плюрализма свидетельствует о продолжающемся кризисе иде-

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 236.

алистической теории морали, о новых попытках буржуазных исследователей найти выход из теоретического тупика, в который зашла «традиционная» буржуазная этическая мысль после длительного господства позитивистских традиций метаэтического, абстрактно-логического рассмотрения явлений морали.

Представляя собой более «гибкий» способ интерпретации основных проблем теории и практики морали, этический плюрализм тем не менее остается на позициях метафизики и субъективизма, предопределяющих многочисленные слабости и откровенные просчеты этого типа буржуазной этики, оказавшейся неспособной справиться с решением основных методологических проблем этической науки, в том числе центральной для нее — проблемой множественности и единства в нравственном сознании и жизни. Откровенная или же завуалированная апологетика капиталистического «статус-кво», осуществляемая на основе методологии этического плюрализма, объясняет то внимание, которое буржуазная идеология проявляет к этому направлению обществоведения, к предлагаемым им способам воздействия на сознание людей, защиты интересов господствующих классов. Поэтому наступательная критика этического плюрализма — важная идеологическая задача марксистов. Она тем более важна ныне, когда наиболее реакционные силы империалистической буржуазии готовы растоптать общечеловеческие ценности и интересы и перечеркнуть само право всех людей на жизнь, авантюристически толкая человечество к ядерной катастрофе.

III. Теоретическая несостоятельность антикоммунистической идеологии и ревизионистской плюрализации марксизма-ленинизма

1. Философский антикоммунизм и плюрализм

Характерной особенностью середины 80-х годов XX в. является активизация антикоммунизма, в том числе и в теоретической сфере. Антикоммунизм стремится выработать и внедрить свои подходы к общественным явлениям во всех формах классового противоборства: политического, экономического и идеологического. Меняются формы антикоммунизма и антисоветизма на фоне тенденции части империалистической буржуазии к фашизации¹.

Теоретические и практические проблемы борьбы за мир, за предотвращение сползания человеческого сообщества к термоядерной войне предполагают различного рода союзы коммунистов с некоммунистами. Для этого необходимо четко представлять себе нынешнее своеобразие разных позиций в буржуазном лагере и дать анализ наметившейся в ряде случаев тенденции к поляризации в различных сферах между некоммунистами и антикоммунистами. Особую важность поэтому приобретает ныне повышение конкретности философской борьбы против антикоммунизма с учетом его модификаций в конце XX в. Тщательного изучения требует сам факт становления и устойчивости существования философского антикоммунизма как относительно единой группы концепций в новейшей буржуазной философии. Важно прояснить также соотношение антикоммунизма и ревизионистского идеологического плюрализ-

¹ См.: Матоуш М. Антикоммунизм: особенности курса 80-х// Проблемы мира и социализма. 1983. № 3. С. 76—78; Виммер Э. Антикоммунизм на поприще теории// Проблемы мира и социализма. 1984. № 6. С. 23—28; Идеологическая агрессивность антикоммунизма// Проблемы мира и социализма. 1984. № 6. С. 50—55; Бур М. К. Маркс и его противники// Философские науки. 1984. № 4. С. 120—128; Идеология восходящего класса// Коммунист. 1984. № 13. С. 45—47.

ма. Сплочение различных буржуазных теорий на платформе антикоммунизма² препятствует философскому, а также и философско-ревизионистскому плюрализму выступать внутри буржуазного обществоведения в качестве всеопределяющей идеи, метода и принципа. Философский антикоммунизм все же широко использует плюрализм в буржуазной философии, причем главные усилия направлены на внедрение плюрализма в марксистско-ленинскую идеологию, дабы разложить ее изнутри. Анализ динамики становления и развития философского антикоммунизма, его взаимосвязей и взаимоотношений с философским и вообще идеологическим плюрализмом позволяет, на наш взгляд, приблизиться как к пониманию процессов возникновения новых теорий в буржуазной философии, так и к выявлению возможных тенденций в ее эволюции, что поможет конкретизировать активную борьбу против антикоммунизма.

В глобальном противоборстве двух систем — мира капитала и мира социализма — начало 80-х годов характеризуется небывалым накалом и масштабностью. Создание целостной системы «активного мировоззрения, которое могло бы осуществить консолидацию капиталистического мира в борьбе против социализма»³, объединить различные течения современной идеалистической философии, создать достаточно целостную, единую мировую буржуазную философию, стало генеральной задачей буржуазной идеологии.

До конца 60-х годов XX в. как в марксизме, так и в буржуазном обществоведении была достаточно распространенной точка зрения, согласно которой процессы дифференциации в буржуазной философии (дизинтеграция) в основном уравниваются отдельными и неустойчивыми синтезами (интеграция). В условиях имевшего место процесса деидеологизации вопрос о возможности, необходимости создания целостной буржуазной философии, а на ее основе единой устойчивой глобальной идеологии, казалось, потерял актуальность. Появлялись и соответствующие исследования как в

² См.: *Одоев С. Ф.* Марксистско-ленинская философия и современная идеологическая борьба. Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978. С. 194.

³ *Одоев С.* Марксистское философское наследие и его извращения // Коммунист. 1982. № 16. С. 86.

марксистской⁴, так и в буржуазной философской науке о принципиальной невозможности обеспечения унификации буржуазной идеологии и философии.

В начале 70-х годов на волне деидеологизации ряд ведущих буржуазных идеологов снова поставили вопрос о создании единой буржуазной философии. Наиболее обоснованно и убедительно это было выражено З. Бжезинским, который высказал уверенность в способности современного буржуазного общества представить миру новую глобальную философию — «создать общественный костяк для синтеза внутреннего и внешнего измерений человека»⁵. И действительно, в буржуазной философии стали заметны настойчивые попытки к синтезу, возросла роль эклектики как всеобщей методологии собирания и соединения вместе всего того, что может противостоять материалистической диалектике.

Процесс интеграции философских школ в буржуазном обществоведении и вообще интеграционные тенденции обуславливаются, в частности, общей классовой потребностью мировой буржуазии иметь единую, целостную философию, единое стройное мировоззрение. Эта классовая потребность подкреплена интенсивным процессом повышения уровня организованности мировой буржуазии, усиливающейся концентрацией средств коммуникации и массовой информации в ее руках.

Кроме того, в 70-х годах XX в. возникла тенденция к замене неолиберальной идеологической парадигмы на неоконсервативную, с тем чтобы можно было вести идеологическую борьбу против социализма под четкими лозунгами капитализма и перехватить идеологическую инициативу в свои руки. На рубеже 70-х и 80-х годов в буржуазной идеологии сложилась следующая тенденция. Наряду с идеологически-плюралистической методологией, зачастую отождествляемой с буржуазным либерализмом, многие сторонники которой в буржуазном обществоведении обосновывают концепцию трансформации капитализма в некапиталистическое общество (эта методология в своем основном, «классическом» выражении является философским, теоретическим обоснованием «среднего», или «третьего», пути социально-

⁴ См.: Соловьев Э. Ю., Келле В. Ж., Митрохин Л. Н. Эфемерность буржуазной идеологической интеграции // Борьба идей в современном мире. Т. II. М., 1976. С. 51—57.

⁵ Brzezinski Z. Between Two Ages. N. Y., 1970. P. 270.

го развития, «равно» исключаящего как капитализм, так и социалистический строй⁶), существует и развивается «непосредственно противоположная ей»⁷ форма апологии капитализма как преимущественная форма современного антикоммунизма⁸.

В таких условиях антикоммунизм в 70—80-х годах взял на себя задачу осуществления классовых интересов мировой буржуазии в новейшей буржуазной философии и философском ревизионизме.

Сопоставление определений понятия «антикоммунизм», имеющихсся в философской литературе, позволяет выделить некоторые разные его аспекты. Во-первых, будучи воинствующей идеологией империализма (хотя он возник впервые еще в первой половине XIX в.) и став его главным идейно-политическим оружием, антикоммунизм представляет собой междисциплинарное явление. Он способен к гибкой эволюции и беспринципному «собираанию» всего, что может быть использовано в борьбе против коммунизма. Антикоммунизм эволюционизирует ныне в направлении некоторой целостности, выражая тем самым возможность реализации империалистической классовой потребности в единой идеологии, политике, философии. Во-вторых, выражая самим фактом своего существования духовный кризис империализма, его бесперспективность, антикоммунизм тем не менее имеет определенный внутренний потенциал для своих многочисленных модификаций и имеет запас энергии для «собираания», «смыкания», «сплочения» как новых, так и неновых идеологических, философских, социологических и других элементов плюралистического буржуазного и небуржуазного обществоведения.

В связи с этим возникает важная для исследователей-марксистов задача: вскрыть соотношение кризисного состояния современной буржуазной идеологии и философии антикоммунизма, а вместе с тем и способности их к изменениям.

В 70—80-х годах советскими исследователями, марксистами многих стран осуществлена многоплановая работа по уточнению и раскрытию понятия «антикоммунизм». Это явление определяется как «совокуп-

⁶ См.: Ойзерман Т. И. Идеологическая функция новейшей идеалистической философии//Коммунист. 1982. № 11. С. 118.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ность социально-политических теорий, политических доктрин, социальных институтов, международных организаций и классовых союзов империализма, призванных сохранить господство буржуазии и позиции капитализма, сдерживать революционный процесс, а по возможности и разрушать социализм как общественный строй и как систему государств»⁹.

Отмечено и изменение характера антикоммунизма в эти годы: он приобрел и приобретает все более воинствующий характер, все активнее и квалифицированнее стремится паразитировать на недостатках нашего общественного устройства, причем в 80-х годах «центр» тяжести переносится в область хозяйственной деятельности. Все чаще в глобальном плане антикоммунисты начали петь дифирамбы рабочему классу; оживляются ныне различные лассальянские теории. Расширяя поле теоретической борьбы, антикоммунисты занялись извращением хода важнейших событий мировой истории, истории рабочего и коммунистического движения, а также истории отдельных стран, особенно СССР. Вместе с тем все более нарастает тенденция переноса борьбы с коммунизмом в сферу психологической войны, а значит, в сферу обыденного сознания, что представляет особенно большую опасность, учитывая участие многомиллионных народных масс в борьбе за мир и в то же время оторванность многих миллионов трудящихся, особенно молодежи, вследствие небывалой безработицы от сферы систематической идеологической деятельности рабочих и марксистских организаций.

В 70—80-х годах в ходе исследований марксистами всего мира значительно точнее была выявлена структура антикоммунизма как относительно целостного явления с учетом его «многоликости». Были проанализированы элементы этой структуры, их трансформация, их характер, проявившийся в кризисные моменты без привычной или постепенно приобретенной в другие периоды маскировки.

Исследования советских философов показали, что важную методологическую основу фальсификации объективной действительности современным антикоммунизмом составляет философский плюрализм. Усиление плюралистической тенденции в западной философии

⁹ Иголкин М. В. Марксистско-ленинские методологические основы критики современного антикоммунизма. М., 1982. С. 3—4.

обосновывается и анализируется во многих публикациях советских философов 1981—1984 гг.¹⁰, а в ряде публикаций констатируется факт особого внимания именно современных антикоммунистов к методологии плюрализма¹¹, подчеркивается, что в 70-х годах XX в. плюрализм стал «ведущей антикоммунистической доктриной»¹². Отмечаются претензии плюрализма на статус универсальной, общемировоззренческой доктрины, но вместе с тем выдвижение в последней на первый план проблем методологии и гносеологии. И это все происходит вместе с нарастанием в содержании идеологического плюрализма антимарксистской и антисоциалистической направленности¹³.

В этих публикациях современный философский антикоммунизм совершенно справедливо охарактеризован как наиболее опасный противник мира, социального прогресса, марксизма-ленинизма, а также враг буржуазной демократии при всех недостатках последней, враг развития в прогрессивном направлении недавно освободившихся от колониального ига народов Азии, Африки и Латинской Америки. Антикоммунизм — это глобальное явление как ядро, центр современной буржуазной идеологии и философии. Однако, на наш взгляд, философский антикоммунизм, как и антикоммунизм в целом, не представляет собой чего-то целостного, единого. Создать единую буржуазную философию современным антикоммунистам не удалось¹⁴, как не удались попытки добиться создания и функционирования единого буржуазного политического сознания, «ибо за основу консолидации всякий раз принимается негативно-деструктивная идея — антикоммунизм»¹⁵, а деструктивная

¹⁰ *Minkevicius J.* XX Amžiaus filosofinė panorama. Vilnius, 1981. С. 23, 19, 7; *Кезин А. В.* Плюралистические концепции науки и их несостоятельность//Философские науки. 1983. № 1. С. 61—70.

¹¹ См.: *Карпов Г. Д.* Антикоммунизм — главное идейно-политическое оружие империализма//Актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1982. С. 283.

¹² См.: *Богина Е. М., Щербань Н. В.* Критика антикоммунизма в преподавании общественных наук. М., 1981. С. 165.

¹³ См.: *Федосеев П. Н.* Философия и мировоззренческие проблемы современной науки//Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981. С. 13—16.

¹⁴ См.: *Богомолов А. С., Мельвиль Ю. К., Нарский И. С.* Введение//Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 15.

¹⁵ *Шахназаров Г.* Актуальная область философских исследований//Коммунист. 1982. № 13, С. 125.

идея не может создать ничего положительно целостного.

Но надо иметь в виду, что в середине 70-х годов XX в. стал оформляться своеобразный центр совокупности сплавившихся на основе антикоммунизма реакционных буржуазных философских течений (мы имеем в виду философию неоконсерватизма). Особенность его в том, что он одновременно выступает и как философия, и как идеология и политика и этим своим качеством создает большие возможности для официального антикоммунизма, осуществляемого правящими и буржуазными партиями и опирающегося на финансовую, политическую и иную поддержку буржуазного государства.

Результатом функционирования философского плюрализма как идеи, метода и принципа явилась, в частности, активизация способности теоретического антикоммунизма «втягивать» в себя отдельные фрагменты из других философских теорий, даже если они стараются дистанцироваться от откровенного антикоммунизма. Вокруг антикоммунизма стал собираться своеобразный «конгломерат» реакционных буржуазных философско-социологических теорий, состоящий из уже упомянутого неоконсерватизма, «новых» философов во Франции, псевдофилософии неофашизма, «критического рационализма», герменевтики, а также ревизионизма «неомарксистского» типа. Здесь плюрализм, эклектика и просто конгломеративность идут рука об руку.

Казалось бы, идеологический плюрализм и неоконсерватизм несовместимы, но в действительности их реальные соотношения очень сложны и многообразны: говоря коротко, плюрализм в идеологии зачастую подготавливает почву для антикоммунистического неоконсерватизма.

Отметим еще одно явление, характерное для философского антикоммунизма 70--80-х годов XX в. Мы имеем в виду фактор административной организованности, который принесли с собой не только мощная поддержка и направление со стороны рейгановской администрации США, но и неоконсерватизм и некоторые другие ультраправые образования, которые подчас имеют глобальную организацию. Эти административные возможности способствуют консолидации ряда философских течений в «философию» антикоммунизма, что в принципе противостоит идее плюрализма и отрицает ее. С другой стороны, о таком крайне правом течении

в антикоммунизме, как неоконсерватизм, можно сказать, что ему присущ своего рода «псевдоплюрализм», состоящий во «всеядности» консервативной аргументации.

Наиболее откровенно и ясно сформулировал антиплюралистическую и неоконсервативную позицию В. Вебер в своей работе «Напряжения и силы в западногерманской конституционной системе». «То, что господствуют немногие, не противоречит сущности демократии, — вещал он. — Для каждого государства, особенно для современной массовой демократии, это в природе вещей»¹⁶. Именно господство немногих способно исправить, по мнению Вебера, имеющуюся практику осуществления конституционных форм буржуазной демократии, которая ведет, как он пишет, к политическому бессилию и хаотическому распаду¹⁷. По Веберу, необходимо также «заменить плюрализм олигархий высшим единством»¹⁸, которое превратится в структуру, обладающую «тотальной интеграционной силой»¹⁹. За этими туманными формулировками скрывается мечта об установлении жестокой диктатуры.

Свой вклад в унификацию буржуазного обществоведения в плане обеспечения путей к достижению «высшего единства» с позиций, внешне близких плюрализму, а по существу чуждых, именно в контексте призыва Вебера, все активнее вносит антикоммунистический неокосмополитизм. Он возрождается прежде всего как рецидив антикоммунистического варианта космополитизма периода «холодной войны» конца 40-х годов XX в.²⁰

Неокосмополитизм выступает как социальная философия, идеология и политика, претендуя на статус общей методологии. Поэтому он обладает немалым интеграционным потенциалом, большим, чем, например, у таких реакционных собственно философских школ, как позитивизм или прагматизм. Фактически он усиливает действие плюрализма по разложению социалистической идеологии и марксистской философии. Идеология нео-

¹⁶ Weber W. Spannungen und Kräfte im westdeutschen Verfassungssystem. Berlin, 1970. S. 15.

¹⁷ Ibid. S. 137.

¹⁸ Ibid. S. 51.

¹⁹ Ibid. S. 56.

²⁰ См.: Епископосов Г. Л. Современная эпоха и «переоценка ценностей» в буржуазной идеологии. М., 1983. С. 78—99.

космополитизма получила более или менее явное выражение в социальной философии Римского клуба, в политике Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба, в футурологических моделях «единомирия» и т. д.²¹ Характерно, что Г. Хиршфельд, основавший в 1952 г. в США Комитет по изучению человечества (в настоящее время — это Совет по изучению человечества), заявляет, что уже существуют в реальности течения и движения, которые способствуют «появлению всемирного закона, всемирного порядка, всемирного мира и всемирного сотрудничества»²² (читай: на антикоммунистических началах). Впрочем, в такого рода констатациях и выводах нет ничего нового. Сходная аргументация выдвигалась идеологами капитала и в 20—30-х годах нашего столетия, и в XIX в. Она подверглась убедительной критике в марксистской философской литературе²³.

Наиболее динамичным (и потому наиболее опасным) идейно-теоретическим выражением антикоммунистического космополитизма являются ныне программы общественного развития, выдвигаемые идеологами транснациональных монополистических корпораций (ТНК). В этих программах синтезируются самые различные направления идеалистической философии, социологических и политэкономических школ. Их отличает «волевое» соединение компонентов самых различных общественных наук. В этих теориях транснациональные монополии выступают главным, если не единственным, субъектом социально-экономической и политической трансформации мира, носителями некоей прогрессивной исторической миссии. Они якобы несут с собой разгадку человеческого будущего, они-де вездесущи, их поступательное движение неодолимо. Превознося динамику преобразовательной роли ТНК, американский философ Р. Нисбет сравнивает их с военно-феодалной властью средневековья, которая «к VI веку превратила в хаос когда-то суверенную Римскую империю»²⁴, а на ее развалинах установила новые порядки. Английский экономист Дж. Ливингстоун ставит

²¹ Hirschfeld G. The People: Growth and Survival. Chicago, 1973. P. 182—197.

²² Ibid. P. 198.

²³ См.: Модржинская Е. Космополитизм — империалистическая идеология поражения наций. М., 1958.

²⁴ Nisbet R. Twilight of Authority. N. Y.; Oxford, 1975. P. 287.

нынешнюю роль ТНК в мире ни больше ни меньше как рядом с... исторической миссией марксизма²⁵, но как роль, марксизму идеологически противоположную.

Теоретическая несостоятельность этих идеологических притязаний убедительно раскрыта в целом ряде работ советских и зарубежных марксистов. Сами эти притязания не могут быть укреплены насковзь фальшивыми рассуждениями об «исторической миссии» ТНК. Капитализм давно исчерпал свою прогрессивную историческую миссию. С тех пор как к концу прошлого столетия развитие промышленности и торговли создало материальные условия для возникновения нового, коммунистического мира, существование капитализма, в том числе и в транснациональных формах, превратилось в анахронизм. Эту же судьбу разделяет и неокосмополитизм.

Не следует забывать, что в подавляющем числе ТНК ныне господствуют монополии США: в их руках не только контрольные пакеты акций ТНК, но и основной капитал. Во многих ТНК они распоряжаются как в своих вотчинах.

Некоторые проекты ТНК навеяны средневековой корпоративистской моделью общественной организации, модернизированной и рационализированной в конце XIX в. представителями интегралистского течения в католицизме и затем «усовершенствованной» и апробированной режимами Гитлера, Муссолини и Франко. В отличие от корпораций фашистских режимов корпоративные структуры ТНК, по мысли их авторов, действуют, во-первых, в масштабе всего мира, во-вторых, в условиях господства плюрализма. Плюралистическая упаковка не в состоянии, однако, скрыть подлинной основы «планетарного корпоративизма» — империалистической интерпретации исторического процесса. И если фашистский корпоративизм непосредственно опирался на социал-дарвинизм, то «планетарный корпоративизм» использует социологические построения Т. Парсонса и М. Леви. Теории «планетарного корпоративизма» носят глубоко антикоммунистический характер и представляют собой разновидность самого реакционного утопизма. Характерно, что большинство буржуазных идеоло-

²⁵ *Levingstone J. The International Enterprise.* N. Y.; Toronto, 1975. P. 192.

гов считают, что они противоречат традиционной буржуазной и технократической рациональности ²⁶.

Неокосмополитизм спекулирует на современных тенденциях к интеграции и интернационализации общественной, духовной и культурной жизни современного общества, на вековой мечте человечества об объединении всех народов. Проблема унификации мира — одна из самых модных в пропаганде неокосмополитизма. (Один из докладов в Колумбийском университете на конференции 1952 г., посвященной «основам всеобщей организации», так и назывался: «Унифицированная философия как одна из основ мировой организации»²⁷.) Неокосмополитизм фактически является проводником экспансионизма США, но он изощрен и способен к мимикрии, к маскировке под плюралистические, националистические, гуманистические и какие угодно лозунги. Борьба с ним все время остается актуальной задачей всех прогрессивных сил.

Таким образом, говоря о попытках унификации антикоммунистических групп, идей и построений, следует отметить существование своеобразных «конгломератов» разных философско-социологических гибридов антикоммунистической идеологии. В один из таких якобы гуманистически ориентированных «конгломератов» американский философ П. Курц включает даже такие противоборствующие между собой философские течения, как аналитическая философия, феноменология, экзистенциализм и т. д.

В условиях наступления антикоммунизма, что означает фактически разрушение либерализма и отрицание былых буржуазных ценностей, перед буржуазной интеллигенцией в странах Запада встала проблема защиты плюрализма, в котором она видит символ буржуазной демократии. Для нашего исследования это обстоятельство интересно тем, что помогает более дифференцированно подойти к анализу соотношения политическо-идеологического плюрализма с антикоммунизмом. Хотя речь идет о расхождениях в рамках единой в своей сущности (идеалистической, антиматериалистической, буржуазной) философии и идеологии, учитывать такие расхождения крайне важно. Важен дифференцированный подход к критике плюрализма с учетом

²⁶ Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 343.

²⁷ См.: Модржинская Е. Указ. соч. С. 129—130.

реального факта существования его превращенных форм, которые по-разному используются буржуазной философией, в особенности философским антикоммунизмом и представителями ревизионизма.

Для повышения эффективности критики философского антикоммунизма необходимо выявлять эклектический характер его методологии. Философский антикоммунизм поддерживает внутри буржуазного общества многие (но не все!) формы плюрализма для внедрения в марксистскую философию и идеологию в целом с целью расщепить диалектико-материалистический монизм и обеспечить его трансформацию в направлении дуализма и плюрализма, подорвать привлекательность социалистического пути развития, извратить теорию и практику реального социализма. Особую поддержку оказывает антикоммунизм «классическому» политическому плюрализму как методологии обоснования «третьего пути» для внедрения его в общественные науки развивающихся стран, выбравших социалистическую ориентацию. Для стран Азии, Африки и Латинской Америки, осуществляющих развитие на капиталистической основе, особо рекламируют так называемый неоплюрализм.

Наиболее опасной для социалистических стран является концепция «социалистического» плюрализма, активно пропагандируемая и антикоммунистами, и современными ревизионистами²⁸. Цель ее — лишить социалистическое общество научно обоснованного мировоззрения, подменить марксистскую диалектику эклектикой, подорвать руководящую роль коммунистических партий в осуществлении идеалов коммунизма.

Процесс становления различных идеологических «конгломератов» по-разному влияет на плюрализм в философии Запада. Если в механизме образования философского антикоммунизма как «конгломерата» сопутствующих идей основная роль принадлежит тенденции к унификации, то в «конгломератах», образующихся с большим участием неопозитивизма, заметны и более умеренные тенденции в отношении к сохранению и поддержанию плюрализма в идеологии.

²⁸ См.: Беньковский В. В., Береза С. Контрреволюционная сущность оппозиционных группировок в Польше // Философия и научный коммунизм. Вып. 9. Минск, 1982. С. 134—143; Ролинский Б. Куда вели «Солидарность» ее лидеры? // Проблемы мира и социализма. 1982. № 4. С. 90—93.

Еще более важно то, что факт глобального распространения философии марксизма-ленинизма и диалектико-материалистического монизма служит катализатором объединения гуманистически, пацифистски ориентированных буржуазных философских течений и школ в их если не борьбе с антикоммунизмом, то хотя бы в отходе от него²⁹. Однако ограниченность и непоследовательность такой консолидации очевидны, ибо они обуславливаются в конечном счете опять же мотивами сохранения и выживания капитализма.

Консолидация различных реакционных буржуазных теорий в синкретическую целостность — это реальный процесс, хотя он протекает далеко не однозначно, противоречиво. Налицо и противоположные тенденции в среде самих буржуазных и мелкобуржуазных идеологов. А в борьбе народов за мир, против глобальной термоядерной катастрофы буржуазный антикоммунистический фронт далек от целостности и монолитности, его пронизывают глубокие трещины. Но они не углубляются далее «сами по себе», необходима активная борьба народов против антикоммунистической опасности. Мир и антикоммунизм несовместимы.

2. Плюрализм как один из приемов ревизии марксизма-ленинизма

В условиях современной идеологической борьбы одной из главных задач буржуазной идеологии и ревизионизма является обоснование правомерности существования различных «марксизмов», противопоставляемых друг другу либо по территориальным («европейский», «азиатский», «африканский» и прочие «марксизмы»), национальным («советский», «китайский», «французский» и др.), либо по социально-политическим характеристикам («монистический», «тоталитарный», «этатистский» «марксизмы»). Это стремление наших идейных противников, продиктованное страхом перед всевозрастающим влиянием марксизма и единством прогрессивных сил, генетически связано со старыми попытками узаконить различные «формы» и «типы» марксизма и марксистской философии.

²⁹ См.: *Мшвениерадзе В. В.* Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981. С. 349—361.

Уже Э. Бернштейн и его единомышленники, ссылаясь на изменение социально-политических отношений, выдвинули представление о таком «марксизме», который не требует социализма как цели революционного пролетариата. Бернштейн, отрицая идею исторической неизбежности социалистического общества, пытался заменить учение К. Маркса «критическим социализмом», основанным на методологических посылках философии И. Канта.

Как известно, внесение Бернштейном идеи «творческой» ревизии марксизма объявлено сегодня буржуазными теоретиками единственной возможностью существования марксистской теории. С этой целью современные идеологические противники марксизма в полной мере используют имя и «авторитет» Бернштейна, подчеркивая «актуальность» и «непреходящее значение» выдвинутых им идей.

Вслед за бернштейнианской ревизией марксизма последовало выступление против марксизма К. Каутского и других оппортунистов из II Интернационала, которые пытались выдать за социализм реформированный капитализм, освобожденный от наиболее очевидных его пороков. «Каутский, — отмечал В. И. Ленин, — наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм»... Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме революционных средств борьбы...*»¹

В дальнейшем, по мере обострения идейной борьбы, буржуазные идеологи, теоретики социал-демократии, а вслед за ними и ревизионисты изобретали все новые и новые «марксизмы». По их логике, должно быть столько «марксизмов», сколько стран и регионов мира. Более умеренные сторонники многовариантных марксизма и марксистской философии, например Д. Лукач (в 20-е годы) и К. Корш, соглашались ограничиться признанием таких вариантов, которые соответствовали бы важным вехам исторического развития.

Так, К. Корш связывал осуществление ряда вариантов с «кризисом марксизма XX века», с якобы проявившейся неспособностью «старого марксизма» ответить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 323—324.

на новые вопросы, поставленные очередной фазой общественного развития. Он писал, что после первой мировой войны и победы Октябрьской революции «в марксистском лагере вообще не существовало единства взглядов на важные проблемы, связанные с переходным периодом или его конечной целью, как проблемы «захвата государственной власти пролетариатом», «диктатуры пролетариата» и окончательного «отмирания государства» в коммунистическом обществе. Наоборот, относительно всех этих проблем, как только они самой жизнью были поставлены конкретно и неотвратимо, сразу оказались налицо по крайней мере три различные теории, каждая из которых одинаково претендовала быть марксистской теорией и виднейшие представители которых (Реннер, Каутский, Ленин) в довоенное время считались не только марксистами, но и ортодоксами марксизма»².

«Западный марксизм», за который ратовал Корш, на проверку оказался своеобразной смесью идей Бернштейна, Каутского и «австро-марксистов» и был заострен против революционного марксизма-ленинизма, перечеркивал идеи социалистической революции, диктатуры пролетариата и научно понятого социализма. Его представление о ленинизме как об учении, выросшем на специфической почве восточной цивилизации, было одной из первых попыток противопоставления ленинизма марксизму.

К первым попыткам плюрализации марксизма принадлежит и ранняя работа Д. Лукача «История и классовое сознание». Лукач разграничивал диалектику природы и диалектику общественного развития. Именно эту идею впоследствии подхватил ревизионизм как возрождение «подлинного» марксизма, отбрасывающего объективную диалектику природы вообще. В этой работе Лукач отрицает историческую необходимость и закономерность, абстрактно толкует «классовое сознание» пролетариата.

Позднее, оценивая работу «История и классовое сознание» как дуалистическую, Лукач напишет: ««История и классовое сознание», никак не соответствуя субъективным устремлениям автора, объективно отражает такую тенденцию в истории марксизма, которая означает весьма значительное отклонение в своих фи-

² Корш К. Марксизм и философия. М., 1924. С. 34.

лософских, политических выводах и направлена — вольно или невольно — против основ марксистской онтологии»³.

Итак, уже с момента зарождения ленинизма представители правого оппортунизма и «левого» ревизионизма, отвергая те или иные его основоположения, приступили к созданию новых «моделей марксизма», его «оригинальных» интерпретаций. Эти интерпретации уже несли в себе основные идеи современного плюрализма, они же были заимствованы современными сторонниками плюрализации марксизма.

В России В. И. Ленину и ленинцам пришлось вести борьбу также против правого оппортунизма в рабочем движении России, который в более осторожной и замаскированной форме, чем бернштейнианство на Западе, пытался подменить борьбу против буржуазии примирением с нею и уповал на мирное вращение капитализма в социализм.

Ширящееся влияние марксизма в Западной Европе вынуждало многие мелкобуржуазные течения прикрываться марксистской фразеологией. Это было характерно для таких стран, как Франция, Германия, Австрия. Австрийский вариант марксизма пропагандировался в трудах Ф. Адлера, К. Реннера и О. Бауэра. Подобные попытки «конкретизации» предпринимались и в Италии. В действительности в них, кроме отдельных марксистских фраз, не было ничего марксистского. Известна их реакционная роль в борьбе против революционного марксизма и пролетарского интернационализма, в подтачивании и разложении II Интернационала, во втягивании различных отрядов международного рабочего движения в империалистическую войну 1914—1918 гг. В начале 30-х годов появился «неомарксизм».

В 50-х годах идея многовариантного марксизма и социализма была вновь подхвачена и «поднята» на «новый уровень» ревизионистами внутри международного коммунистического движения. Ревизионизм и ренегатство М. Джиласа, А. Лефевра, Э. Блоха, П. Вранницкого, Л. Колаковского, несколько позже Р. Гароди, Э. Фишера, Ф. Марека, югославских сторонников «гуманистического марксизма» были связаны с измышлением новых «гуманизированных», «демократизирован-

³ *Lukacs G. Utam Marxhoz: Valogatott filozofiai tanulmányok.* Budapest, 1971. О. 3.

ных», «открытых» «марксизмов», которые противопоставлялись подлинному марксизму-ленинизму, отождествляемому ими с догматизмом.

Особое место в реализации идеи «плюрализации марксизма» сыграла деятельность югославского журнала «Праксис», окончательно оформившегося в 1963 г. Само появление этого печатного органа было расценено буржуазными идеологами и ревизионистами как «трибуна для нового варианта марксистской философии»⁴.

Под видом «осовременивания» и «развития» марксизма ренегаты марксистско-ленинской теории пытались изнутри разложить марксизм-ленинизм на дивергентные концепции и направления, лишить марксизм научной сущности и революционного духа. Как правило, правомерность подобных манипуляций с марксизмом пытаются обосновать рассуждениями о плюралистическом характере самой марксистско-ленинской теории. Так, председатель Международного исследовательского комитета по плюрализму. С. Эрлих пытается доказать, что плюралистический подход к анализу социальных и политических явлений присутствует не только у современных «марксистов», но и в теоретических работах К. Маркса (периода 1850—1870 гг.), в программных работах К. Маркса и Ф. Энгельса и в некоторых трудах В. И. Ленина («Государство и революция» и др.)⁵.

Одним из главных направлений создания нового варианта «марксизма» является попытка противопоставления К. Маркса Ф. Энгельсу, «молодого» Маркса Марксу периода «Капитала» и, наконец, К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленину. С этой целью, например, используется выделение в качестве самостоятельной антропологической проблематики ранних работ К. Маркса для противопоставления их «позднему» К. Марксу — основателю-де «жесткого детерминизма» и «фатализма» в истории.

Этой точки зрения придерживаются многие буржуазные марксологи на Западе. В 60-х годах с попыткой «гуманистического возрождения» марксизма выступил австрийский ревизионист Э. Фишер, антропологические идеи которого были поддержаны П. Враницким и другими основателями ревизионистского журнала «Прак-

⁴ Petrovic C. Cemre Praxis//Praxis. 1972. N 2/3. S. 240.

⁵ Three Faces of Pluralism. L., 1980.

сис». В 70-х годах с «новым» прочтением философского наследия марксизма выступил ревизионист Л. Колаковский⁶. Отвергая основополагающие принципы марксистско-ленинской теории, Колаковский с субъективно-идеалистических позиций перечеркивает универсальность материалистического подхода к пониманию истории, утверждает, что к условиям настоящего и будущего применим принцип «сознание определяет общественное бытие»⁷. Тенденциозно трактуя как периоды творчества, так и отдельные работы великих мыслителей, Л. Колаковский стремится доказать ограниченность применения выводов В. И. Ленина рамками дореволюционной России, по-новому осмыслить проблему «молодого» Маркса. Фальсифицируя историю марксизма, он перечеркивает международное значение ленинской мысли, связывает дальнейшее развитие марксистской теории с именами Г. Маркузе, Э. Блоха, представителей франкфуртской школы, особо подчеркивает влияние теоретиков II Интернационала. Современные ревизионисты, например О. К. Флехтейм, в своих измышлениях договариваются до того, что начало вульгаризации марксистской теории связывают с именем одного из ее основоположников — Ф. Энгельса.

Особое место в попытках создания своеобразной «мозаики» марксизма занимают концепции «еврокоммунизма», сложность оценки которого подчас связана с многозначностью употребления самого термина. Некоторые немарксистские исследователи оценивают «еврокоммунизм» как результат кризисной ситуации, возникшей в международном рабочем движении, особенно в идеологической и политической ситуации Западной Европы. Подменяя классовые проблемы национальными, теоретики «еврокоммунизма» утверждают, что стратегия и тактика каждой коммунистической партии должна характеризоваться абсолютной неповторимостью⁸. Некоторые теоретики и сторонники «еврокоммунизма» стремятся связать коммунизм с исключительными особенностями европейской цивилизации и культуры, ограничить его национальными рамками. При этом

⁶ *Kolakowski L. Główny nurt marksizmu: Powstanie — Rozwój — Rozkład*. P., 1976—1978. T. 1, 2, 3.

⁷ *Ibid.* T. 1. S. 352.

⁸ *Marx Heute. Pro und Contra*. Hamburg, 1983. S. 15.

такой европоцентризм приписывается самим основоположникам марксизма.

Однако сторонники «еврокоммунизма» не столько подчеркивают национальную специфику, сколько отрицают всеобщие закономерности построения социализма. Апеллируя к национальным особенностям, к национальному самосознанию, они не понимают диалектику общего и особенного, интернационального и национального, считая идею диктатуры пролетариата в принципе ложной и совершенно нереальной. Многие из них предлагают встать на путь реформы как принципа профсоюзной и социалистической политики. Для выработки теоретических принципов социалистического реформизма сторонники плюрализации марксизма организовали, в частности, кружок «Инициатива демократического социализма в высшей школе», в состав которого вошло более 300 западных публицистов и политологов различных ориентаций. Деятельность кружка выразилась в нескольких аналитических публикациях, выпущенных во Франкфурте⁹. В них прежде всего подчеркивается ориентация «еврокоммунизма» и «евросоциализма» на демократию, при этом предлагается преодоление догматизма в теории и практике марксизма с помощью теоретического понятия плюрализма.

С попыткой отрицания социалистического характера реально существующего социалистического общества выступил исключенный из партии польский ревизионист А. Шафф. Воспроизводя тезисы «еврокоммунизма» о реформистском пути к социализму, исключающем вопрос о руководящей роли рабочего класса, Шафф предлагает различать два понимания «социализма» — в узком и широком смысле слова. С этой целью он употребляет два понятия: «экономико-общественная формация» (социализм в узком смысле слова), которую он соотносит с экономическим базисом общества, и «общественно-экономическая формация», имеющая отношение ко всей общественной системе социализма, включая надстройку. Вводя такое разделение, Шафф пытается доказать, что закон соответствия базиса и надстройки не является общесоциологическим и что над социалистическим базисом может находиться над-

⁹ См., например: *Zur Einführung in die Theorie des Demokratischen Sozialismus*. Fr.-a-M., 1979; *Heimann H. Menschliche Emanzipation*. Rudolf Bahro und der Demokratische Sozialismus. Fr.-a-M., 1981.

стройка, имеющая характер различных политических систем, в том числе и несоциалистических.

«В подлинно марксистском смысле слова, — пишет Шафф, — мы имеем дело с социализмом в узком смысле этого понятия, а следовательно, ошибаются критики социализма, отрицающие его, ссылаясь на различные негативные явления надстройки»¹⁰. Устранение же этих негативных надстроечных явлений должно осуществляться, по Шаффу, при помощи «новой модели государственной власти» при социализме, которая предполагает необходимость политического плюрализма и, как следствие, — плюрализм партий, придерживающихся различных концепций относительно путей построения социалистического общества. Предложение Шаффа использовать политический плюрализм для решения демократических проблем социалистического общества находится в русле идей современной буржуазной идеологии и ревизионизма, отрицающих саму возможность существования демократии в условиях социалистического строя.

Развитие и совершенствование социалистической демократии — одна из главных задач социалистического общества. Однако, считая демократические ценности универсальными и абсолютными, теоретики «еврокоммунизма» отказываются от классового подхода к демократии, от требования диктатуры пролетариата, рассматривают демократическое государство как политическое основание «открытого» плюралистического общества. В таком обществе партии рабочего класса не принадлежит более авангардная роль, а на место классового интереса революционного класса выдвигаются интересы различных социальных групп.

Свое стремление обосновать поливариантность марксизма современный ревизионизм объясняет кризисной ситуацией марксистско-ленинской теории и международного рабочего движения. Стремление распространить на марксизм кризис буржуазной идеологии, суть которого заключается в отходе от объективных фактов истории, от объективной истины, вынуждает наших идейных противников ревизовать марксизм под флагом его разделения на различные варианты и концепции. Именно дивергентность направлений, плюра-

¹⁰ Schaff A. Die Kommunistische Bewegung am Scheideweg. München; Zürich; Wien, 1982. S. 42.

лизм марксистской теории, по их мнению, является единственной возможностью выхода из провозглашенного ревизионистами «кризиса марксизма». Они обвиняют теорию К. Маркса в догматизме, в неспособности осмыслить современную историческую практику. Противники марксизма договариваются до того, что даже эффективность, жизненность марксизма объявляют признаком его слабости, как это делает М. Дюверже, заявивший, что «относительная жизненность марксизма является не знаком его силы, а признаком его слабости»¹¹. «Новое звучание» теме «кризиса марксизма» придает неопозитивист У. Черрони, объясняющий «кризис» теории К. Маркса «кризисом» общества реального социализма. Апеллируя к «новым философам», он отмечает, что они «нащупали слабое место, которое заключается в произвольном отождествлении марксизма с обществом, созданным под знаком марксизма»¹².

Выступая против социализма, абсолютизируя трудности становления коммунистической формации, наши идейные противники не ограничиваются признанием «кризиса социализма». Они, как это делает Р. Арон, объявляют социализм мифом, не более чем определенным видом индустриального общества, не решившим стоявших перед ним задач. А по мнению М. Дюверже, социализм и вообще не существует, он есть-де лишь «некая воображаемая линия, которая, как линия горизонта, удаляется по мере приближения к ней»¹³.

Однако широкое признание марксизма, правильность его научных выводов вынуждают буржуазных идеологов разговаривать на языке марксистской теории, употребляя ее понятия и термины. Сегодня, даже по признанию буржуазных исследователей, речь «идет не о том, что никто не имеет права думать после К. Маркса и вне его системы, но о том, что это больше невозможно. Отсюда вытекает, что всякое философское отбрасывание марксизма невозможно. Не существует философии, которая могла бы мыслиться вне рамок марксизма»¹⁴. Эту же мысль неоднократно высказывали такие признанные

¹¹ *Duverger M.* Les Orangers du lac Balaton. P., 1980. P. 33.

¹² *Cerroni U.* Crisi del marxismo? Intervista di Roberto Romani: La teoria della prova della Società di massa. Roma, 1978. P. 72.

¹³ *Duverger M.* Op. cit. P. 69.

¹⁴ *Clavel M.* Uni est aliène? Critique et Metaphysique sociale de L'occident. P., 1970. P. 216.

авторитеты западной мысли, как Б.-А. Леви, К. Поппер и др.

Повышенный интерес к К. Марксу и его учению со стороны представителей различных философских направлений и идеологических концепций вызывает жаркие споры и дискуссии, сконцентрированные главным образом вокруг принципиально важных понятий марксистской теории, таких, как «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «общественно-экономическая формация» и др. Это еще раз ярко проявилось, в частности, на XVII Всемирном философском конгрессе (Монреаль, август 1983 г.), особенно на проведенном в рамках конгресса коллоквиуме, посвященном 165-летию со дня рождения К. Маркса и 100-летию со дня его смерти.

С неопозитивистских позиций проводит линию на ревизию марксизма Черрони, который, утверждая, будто существует «созвездие марксизмов», множество его различных толкований, стремится лишить марксизм мировоззренческого монизма, обосновать необходимость внеклассового подхода к явлениям общественной жизни.

В своем стремлении плюрализировать марксизм, рассеять по «национальным квартирам» международное коммунистическое движение, теоретики плюрализма используют идеалистическую гносеологию. Методологическим основанием плюрализации марксизма является неверное, извращенное понимание диалектики общего и особенного как в познании, так и в реальном историческом процессе. Принципиальный подход философского плюрализма к миру как к сумме нескольких равнозначных сущностей, мысль о множественности истины, индетерминизм и релятивизм современного ревизионизма обуславливают его антинаучность и антидиалектичность при решении многих теоретических и практических проблем.

Современный ревизионизм вместе с основным вопросом философии снимает с обсуждения всю онтологическую проблематику. Во введении к сборнику «Маркс сегодня. За и против» постулируется: «все то, что марксисты различных направлений десятилетиями считали сущностью и сердцевиной марксизма — экономический детерминизм, диалектический и исторический материализм... все это в лучшем случае грубые упрощения, едва ли имеющие какое-либо отношение к Марксу...»¹⁵.

¹⁵ Marx Heute. Pro und Contra. S. 3.

Отрицание материалистического решения основного вопроса философии оборачивается полным отрицанием единой материальной субстанции, материальности бытия. Исключая из диалектики детерминизм и принцип отражения, представители немарксистских субъективно-идеалистических интерпретаций диалектики отрицают ее всеобщий и объективный характер, признавая лишь «диалектику мышления».

Например, один из сторонников «аутентичного марксизма» — М. Маркович пишет о том, что даже если мы уверены в существовании материального мира, то его все равно нельзя доказать, поскольку доказывание является мыслительной операцией. Вместе с отрицанием материализма Марковичем отрицаются и научно понятые диалектические законы развития. Между тем, как известно, именно диалектику называл В. И. Ленин «революционной душой марксизма». Не только философская концепция развития мира, подчеркивающая взаимосвязь и взаимозависимость всех сторон и явлений общества и природы, но и вытекающее из сущности ее научных законов деятельное, революционно-преобразующее отношение к миру делают марксистскую диалектику ключевым звеном в теории марксизма.

Субъективистская интерпретация диалектики в духе фихтеанской философии является отличительной чертой современных фальсификаций марксизма и марксистской философии. В лучшем случае область диалектики ограничивается признанием ее лишь в границах человеческого общества. Ограничение всеобщих диалектических законов и принципов областью социальной жизни общества ведет к отрицанию материального единства мира. Другой формой отрицания диалектики является стремление сторонников этой тенденции к ее «гуманизации».

В качестве отправной точки для подобных рассуждений используется теория отражения, понимаемая ревизионизмом исключительно как деятельность субъекта. При этом объективную диалектику природы и общества представители многовариантных искажений марксизма заменяют субъективными принципами и методами конструирования действительности.

Некоторые направления в буржуазной и ревизионистской гносеологии создают специальные теоретические конструкции для подтверждения своих теоретико-познавательных моделей. Так, говоря о «критическом рацио-

нализме», Г. Шпиннер называет две теоретико-познавательные модели — «теоретический монизм» и «теоретический плюрализм», которые не только не согласуются друг с другом в постановке проблем, но и имеют специфические этические и политические следствия. «В то время как монизм выступает в пользу авторитарной точки зрения, плюралистическая модель познания и деятельности — зародыш гуманистической этики и философии демократии»¹⁶.

Выступая за концепцию «открытого марксизма» и «открытого социализма», современный ревизионизм необходимость такого подхода пытается обосновать с помощью «открытой диалектики», которая, по словам Св. Стояновича, «должна быть совершенно открытой не только для прогресса, но и для регресса»¹⁷. Считая противоречия между «открытой» и «закрытой» диалектикой общим «знаменателем» самых важных несоответствий и противоречий в марксизме, сторонники ревизионизма стремятся обосновать поливариантность теорий марксизма и социализма, из которых изгоняется необходимость законов общественного развития. Рассматривая диалектику Маркса как «диалектику открытого синтеза», они пытаются переосмыслить марксистскую концепцию исторического развития, навязать такую схему, согласно которой революции, классовая борьба и диктатура пролетариата и сам коммунизм — это лишь возможные, с различной степенью вероятности осуществляемые прогнозы. «В свете предпринятой попытки интерпретировать диалектику Маркса как диалектику *возможного* (курсив наш. — Авт.) то, что для Маркса могло бы означать «необходимый» переход к коммунизму, предстает как многообразие возможностей», — пишет, например, А. Аполтон¹⁸.

Интерпретация диалектики представителями ревизионизма, отрицающая необходимость и закономерность в общественном развитии, выбрасывает из него необходимые причинные связи и внутреннюю логику, что дает основание для утверждения невозможности обобщения и предвидения социальных явлений. Так, К. Поппер, отрицая наличие объективных общественных законов и

¹⁶ *Spinner H.* Pluralismus als Erkenntnismodell. Fr.-a-M., 1974. S. 105.

¹⁷ *Marx Heute.* Pro und Contra. S. 242.

¹⁸ *Ibid.* S. 108.

их познание, выступает против «учения об исторической необходимости». Он пишет: «Учение об исторической необходимости является чистейшим суеверием и таким останется, несмотря на то что оно пытается быть «научным», поскольку течение истории нельзя рационально предвидеть»¹⁹.

Современная волюнтаристская социология и ревизионизм снимают вопрос о познании исторической необходимости, пытаются заменить категорию необходимости категорией возможности. В действительности возможность выступает необходимым моментом для понимания сложнейшей диалектики сущности и явления. Возможность имманентно содержится в каждом явлении определенной сущности, но, по глубокой мысли В. И. Ленина, становится реальной только с учетом цельности, совокупности моментов действительности, «которая в своем *развертывании* оказывается необходимостью»²⁰. А это означает, что сфера действия возможности в историко-политическом процессе, связанная с сознательной исторической деятельностью людей, в конечном счете ограничена необходимыми законами общественного развития, общественными отношениями, имеющими твердую основу в экономических структурах общества.

Нетрудно догадаться, что различные варианты диалектики, предлагаемые современным ревизионизмом, преследуют единственную задачу — перечеркнуть научную диалектику марксизма, и прежде всего диалектику развития производительных сил и производственных отношений, по существу составляющую основу человеческой истории.

Ревизионистские искажения и ограничения диалектики марксизма самым тесным образом связаны с моментами его плюрализации. Как отмечал чешский марксист Я. Нетопилик, «национализация марксизма, как ее проводят правые ревизионисты, связана с обходом материализма, с идеалистическим пониманием диалектики, с ее сужением до диалектики «субъекта — объекта», диалектики отчуждения и т. д.»²¹.

Плюралистические искажения марксизма извращают

¹⁹ Popper K. R. Das Elend des Historizismus. Tübingen, 1965. S. VII.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 141.

²¹ Netopilík J. Internationalismus — světový názor deluickétrdy//Filosofický časopis. 1975. N 3. S. 466.

диалектику относительной и абсолютной истины, превращают все истины в относительные, лишенные чего-либо стабильного, настоящего, не содержащие в себе какой-либо частицы абсолютной истины. Так, Р. Гароди утверждает, что поскольку действительность неисчерпаема и шире всяких наших знаний о ней, то «всякая научная концепция всегда является временным построением, существующим до появления более богатых, более эффективных, более верных построений»²². Подобных взглядов на истину придерживается и М. Дюверже, обвиняющий марксизм в негативном отношении к релятивизму. «Марксизм не использовал свой релятивизм, — пишет он, — и в этом его главная ошибка, из которой проистекают все остальные»²³.

Известно, что еще русские махисты, пытавшиеся примирить марксизм с учением Маха, ярко продемонстрировали, что незнание диалектики, абсолютизация релятивизма во взглядах на истину ведут к антинаучному положению о невозможности объективной истины вообще, а в конечном счете — к идеализму. В. И. Ленин писал, что принцип релятивизма, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий, при незнании диалектики неминуемо ведет к идеализму²⁴.

Превратив все истины в субъективные, временные констатации, в частные гипотезы, нетрудно примирить и согласовать всевозможные взаимоисключающие теоретические утверждения. Выступая как бы за творческий подход к действительности, «плюральный марксизм» на деле отстаивает релятивистский подход к миру и познанию, идею плюральности истины, одновременно отрицая ее объективность и конкретность.

Искажение диалектики общего и особенного, абсолютизация особенного выступают формой утверждения плюрализма. В свою очередь такое плюральное, монадохологическое восприятие мира, в котором все качественно неповторимо и все изолировано от всего, в сущности и есть та философская основа, на которой базируется современный «плюральный марксизм», конструирующий различные «марксизмы» для различных стран и регионов мира.

²² Garaudy R. *Marxisme du 20-eme siecle*. P., 1966. P. 45—46.

²³ Duvergen M. *Op. cit.* P. 31.

²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 327.

Важнейший прием сочинения этих «марксизмов» — соединение тех или иных положений марксистской теории с явно антимарксистскими, антинаучными концепциями, эклектически дополняющими марксизм различными буржуазными и мелкобуржуазными идеями, религиозными догмами. Эта операция совершается со всеми составными частями марксизма — экономической, социально-политической и философской основами марксистско-ленинской теории. Не ограничиваясь классиками идеализма, «синтезируют» диалектический материализм с экзистенциализмом Ж.-П. Сартра, персонализмом Мунье, гуманистическим натурализмом Дж. Дьюи, неопрейдистской философией Э. Фромма, философией Л. Витгенштейна. Считая марксизм изжившей себя «иррациональной мифологией... которая использовалась... для подавления всякой критической мысли»²⁵, антимарксисты делают ставку на раскол марксизма и всеобщую ревизию философского мышления. При этом одни авторы утверждают, что позитивное обновление марксизма возможно лишь при условии «синтеза марксизма, экзистенциализма, феноменализма...»²⁶, другие считают, что необходимо современному марксизму учитывать вклад таких «неомарксистских социалистов», как Каутский, Мартов, Бернштейн, Троцкий²⁷.

Наиболее грубым выражением поливариантной концепции «открытого марксизма», желающего избежать «самоизоляции и догматизма», является попытка соединить марксистский материализм с религией, с откровенным фидеизмом и поповщиной. Подобная тенденция в современном ревизионизме тесно связана с наметившейся в современной буржуазной философии ориентацией на религию, что обусловлено неспособностью различных школ и направлений современной буржуазной общественной мысли ответить на актуальные проблемы общественного развития.

Со своеобразным прочтением марксизма и христианства выступил еще в 60-х годах Б. Рассел, сравнивший истины диалектического материализма с заветами Библии, пролетариат — с «избранным народом», К. Маркса — с Иисусом, ленинскую партию — с церковью Христовой, революцию — с пришествием Мессии²⁸. Подоб-

²⁵ Marx Heute. Pro und Contra. S. 31.

²⁶ Swingewood A. Marx and Modern Social Theory. L., 1975. P. 2.

²⁷ Ibid. P. 9.

²⁸ Russel B. A History of Western Philosophy. L., 1961. P. 364.

ным же образом соединяет марксизм и христианство О. Гоулднер, который видит их общность в одинаковости социальных функций. «То обстоятельство, что научный марксизм делает пролетариат центром человеческих страданий, — подчеркивает американский социолог, — представляет собой избирательное сродство с теми аспектами христианства, которые служат религией бедных и угнетенных, религией страдающего бога и которые содержат обещания прекращения страданий»²⁹.

Не ограничиваясь аналогией с религиозными постулатами, прямо называет марксизм теологией антикоммунист Дюверже. Он отрицает научную значимость марксизма и объясняет это естественным процессом его перехода в религию³⁰.

Из всего изложенного ясно, что «многовариантный марксизм» антинаучен по своей сущности, ибо отвергает правомерность существования объективных, всеобщих принципов марксизма. Всякая наука является наукой постольку, поскольку выступает как система проверенных практикой общезначимых законов и категорий. «Многовариантный марксизм» отрицает эти бесспорные критерии научности, когда речь идет о марксизме. Мы видели, что он стремится превратить марксистско-ленинскую науку в смесь взаимоисключающих вульгарно-идеологических, субъективистских построений.

Многовариантный псевдомарксизм мог возникнуть и возник на антидиалектической и идеалистической методологической основе, на субъективистской абсолютизации отдельного, противопоставленного общему. Этот «марксизм» взял на вооружение давно сформировавшийся в лоне буржуазной философии плюрализм. Искаженное плюралистическое видение мира, которое провозглашает свою нейтральность по отношению к материализму и идеализму, в действительности является разновидностью философского идеализма. В духе плюралистической всеядности ревизионизм начал примирять, согласовывать, сваливать в одну кучу марксистские и антимарксистские идеи, идеализм и материализм, религию и атеизм. Однако цель подобных манипуляций едина — растворить марксизм в антимарксизме, в спиритуализме и религии.

²⁹ Gouldner A. The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. N. Y., 1980. P. 117.

³⁰ Duverger M. Op. cit. P. 19.

Одним из главных вопросов, всегда стоявших в центре марксистско-ленинской теории, является вопрос творческого развития и применения марксизма с учетом особенностей эпохи, страны, ее национальной и культурной специфики. Как никогда раньше, исключительное значение сохраняет определение, согласно которому марксизм не догма, а руководство к действию. Эту решающую свою функцию марксизм-ленинизм осуществляет на основе творческого изучения всех сторон реальной действительности, конкретного применения своих обобщений с учетом реальных условий и ситуаций.

В современных условиях нашего сложного динамичного времени, когда неравномерно развивающееся человечество должно решать не только классовые и национальные проблемы, но и вопросы общечеловеческого, интернационального порядка — сохранения жизни на Земле, человека и цивилизации, — исключительное значение приобретает вопрос единства человечества в достижении этих целей, в формировании нового политического мышления. Отстаивая ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, Коммунистическая партия Советского Союза выступает «за создание и использование интернациональных механизмов и институтов, которые позволяли бы находить оптимальные соотношения интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими»³¹.

3. Преемственность в развитии марксизма-ленинизма и борьба с мировоззренческим плюрализмом

Коммунистическая партия Советского Союза, продолжая и приумножая традиции марксизма-ленинизма, последовательно и творчески осуществляет завещанный Лениным курс революционной преемственности в развитии теории, идеологии, внутренней и внешней политики, в духовной жизни социалистического общества.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме Центрального Комитета КПСС 15 октября 1985 г. было обращено внимание

³¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 68.

прежде всего на «преемственность основополагающих теоретических и политических установок КПСС. Мы придаем этому принципиальное значение», — подчеркнул М. С. Горбачев.

Вопрос о преемственности в развитии теории и программных установок партии — это вопрос о ее теоретической принципиальности и последовательности, ее верности марксизму-ленинизму. КПСС не имела бы столь высокого авторитета в мировом коммунистическом движении и такого доверия советского народа, если бы она без должной ответственности относилась к собственным теоретическим выводам и политическим оценкам.

Вместе с тем последовательность и преемственность в теории непременно предполагают ее творческое развитие, обогащение принципиальными положениями в соответствии с историческим опытом. «Любая попытка превратить теорию, которой мы руководствуемся, в набор застывших схем и рецептов, годных везде и на все случаи жизни, — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, — решительнейшим образом противоречит сущности, духу марксизма-ленинизма»¹.

Преемственность — это сложный социальный и духовный феномен, выражающийся в противоречивом процессе восприятия, освоения и переработки того, что достигнуто обществом в предшествующие эпохи, т. е. превращение «наследства» в «наследие», развиваемое далее на новой социальной основе и в новых общественных условиях, приходящих на смену старым.

Если в наиболее значительных и плодотворных своих формах, присущих истории философской и общественной мысли и культуры, эта преемственность носила поступательный и прогрессивный характер, то вместе с тем в истории философии, как и в других сферах общественной жизни, существовали и становились помехой развитию общества и прогрессу культуры консервативные, а порой и ретроградные, реакционные формы преемственности. Основоположники марксизма, В. И. Ленин в своих трудах (в частности, в книге «Материализм и эмпириокритицизм» и др.) не раз критиковали подобные формы «преемственности», например обращение в новейших течениях буржуазной философии (неокантианстве, махизме, «имманентной школе» и т. п.) вновь

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 5.

к худшим сторонам построений Канта, к субъективно-идеалистической концепции Беркли, к прежнему релятивизму и старому агностицизму.

Подлинная преемственность в своих основных и главных направлениях, носящих поступательный и прогрессивный характер, базируется на дальнейшем развитии общественной жизни — материального производства, борьбы классов, на новых завоеваниях науки и техники, на достижениях культуры и мировой цивилизации; в теоретико-познавательном плане она представляет собой, как известно, движение человеческой мысли к объективной истине, в ходе которого из истин относительных складывается объективная, абсолютная истина, подтверждаемая практикой.

На всех этапах истории марксизма преемственность в его развитии характеризуется тем, что последовательно монистическое, научно-материалистическое мировоззрение зиждется и развивается на основе материалистической диалектики — всеобщего метода научного познания и революционного действия — и находится в органичном единстве с ним. Марксизм-ленинизм на каждой ступени своей истории не останавливается на уже достигнутом ранее уровне развития философии и общественной мысли, творчески применяет в новых условиях материалистическую диалектику, теоретически обобщает и осмысливает новый опыт всемирной истории, классовой борьбы, достижения науки и культуры, обогащает свое идейное содержание, видоизменяя исторические формы своего развития, концепции, положения, теоретические выводы. В этом своем качестве марксистско-ленинская философия была и ныне является антиподом всех присущих буржуазному и мелкобуржуазному мышлению прошлых веков и современной эпохи эклектических и релятивистских концепций в философии, в том числе нередко исходящих из установок мировоззренческого плюрализма.

Учение марксизма в противоположность буржуазному плюрализму представляет собой целостное и нераздельное единство его составных частей — философии диалектического и исторического материализма, политической экономии и теории научного коммунизма. Опираясь на выдающиеся завоевания мировой цивилизации, исследуя и критически перерабатывая духовное наследство, оставленное предыдущими эпохами, марксизм рассматривает превращение этого наследства в

развиваемое и действующее ныне наследие культуры как процесс, несводимый к однолинейности и замкнутости; марксизм чужд догматическому подходу к социальным и философским учениям прошлого и рассматривает процесс познания и наследования культуры прошлого, в том числе и философии, как единство в многообразии.

Преемственная нить творческого развития марксизма В. И. Лениным, его соратниками, марксистско-ленинской наукой в СССР и зарубежных странах не обрывалась никогда.

В современную эпоху при всем многообразии процессов экономической, социально-политической и духовной жизни на земном шаре, при возрастании активности множества идейных течений, политических сил и группировок в различных регионах и странах существующие между ними различия и специфические особенности в характере общественно-политической жизни, традициях и мировоззрении, т. е. то, что во многом питает различные плюралистические воззрения в современной буржуазной и мелкобуржуазной социально-философской мысли, отнюдь не отменяют действия единых объективных законов развития общества, открытых марксизмом.

В. И. Ленин и верные ленинизму деятели международного коммунистического движения решительно выступили против идеологов «левого коммунизма» (например, против Корша, Брандлера, Тальгеймера в Германии и др.), которые с позиций мелкобуржуазного экстремизма принижали ленинизм, объявляли его неприемлемым для индустриально развитых стран Запада и практически противопоставляли ему идею идеологического ультралевого плюрализма. Марксистско-ленинские партии одержали идейно-политическую победу в борьбе против троцкистов и зиновьевцев, искажавших ленинизм и пытавшихся ограничить его интернациональную сущность своими ложными теориями о связи генезиса ленинизма с «национально ограниченными» условиями «крестьянски-отсталых стран». Верные марксизму-ленинизму, компартии выступили против национал-оппортунистических элементов, которые проповедовали и насаждали плюралистический, так называемый национальный марксизм (браудериянство в США накануне второй мировой войны и т. п.).

Партия В. И. Ленина воспитывала трудящихся многонациональной России после победы Октябрьской революции в духе единого монистического мировоззрения,

непримиримого к плюралистическим концепциям различного толка и уровня. Были, в частности, подвергнуты критике и преодолены вредные идеологические влияния буржуазно-националистических элементов, стремившихся под видом учета бесконечно многообразной «специфики» культуры и мировоззрения различных наций подменить пролетарский интернационализм принципами разжигания межнациональной розни, религиозно-националистическими и сепаратистскими взглядами. Эти взгляды, бесспорно, лили воду на мельницу идеологии плюрализма.

В сложной социально-политической и идеологической обстановке переходного периода, чреватой опасностью распространения антимарксистских, буржуазно-идеалистических мировоззрений и различных националистических взглядов, направленных против пролетарского интернационализма, В. И. Ленин со всей силой логики и творческого предвидения в своих трудах и выступлениях, особенно в статье «О значении воинствующего материализма» (1922), обосновал рассчитанную на перспективу развернутую программу идейного наступления целостного и монистического по своей сути революционного марксизма на реакционную буржуазную идеологию, идеалистическую философию во всех крупных и мелких разновидностях и во всей плюралистической пестроте последней.

Обозревая путь, пройденный под знаменем марксизма-ленинизма в историческую эпоху после победы Великого Октября, марксисты в наше время с полным основанием видят в поступательных процессах этой эпохи убедительное подтверждение преемственности развития, научной глубины и провидческой, действенной силы марксизма-ленинизма, его монолитной философии.

Марксисты-ленинцы учитывают, что общий кризис капитализма и историческое соревнование и противоборство мировых систем побуждают современных идеологов реакционной империалистической буржуазии все чаще и упорнее использовать в целях отравления сознания масс те сложности и трудности, которые проявляются в области теории, в том числе и в философии, в связи с опрощенным многообразием социальных антагонизмов на земном шаре, которые рассматриваются ими как «естественные» и якобы неустранимые. Деление на антагонистические классы и социальные слои, иерархическая политическая структура капиталистического общества трактуются буржуазной идеологией как закономерные и

всеобщие черты современной истории. К этому добавляются переплетения различных противоречий в развивающихся странах. Все эти явления получают свое «оправдание» во многих буржуазных и ревизионистских социально-философских концепциях, порой выступающих под модным флагом плюрализма — политического, идеологического, мировоззренческого и т. д.

Мировоззренческий плюрализм нередко объявляется неизбежным следствием пресловутой «расщепленности» человеческого сознания, которая изображается некоторыми философами, чуждыми марксизму или отступающими от него, вечным и непреодолимым явлением общественной жизни, вносящим диссонанс в мировоззренческое содержание сознания людей.

При объяснении природных и социальных процессов марксизм-ленинизм исходит из принципа материальности природного и социального бытия, т. е. из принципа диалектико-материалистического монизма. Последовательно проведенный, материалистический монизм марксистской философии противостоит, с одной стороны, «многофакторным», эклектическим теориям общественного развития, а с другой — философии идеалистического, а значит, ложного монизма. Принцип диалектико-материалистического монизма, выражающий целостность, взаимосвязь и взаимозависимость всех процессов общественной жизни и приоритет в ней материальных факторов, позволяет провести четкую грань между последовательно научным материализмом марксизма-ленинизма и идеализмом, включая его плюралистические варианты, между революционной теорией научного социализма как идеологией рабочего класса и буржуазными социал-реформистскими и ревизионистскими теориями общественного развития, зачастую маскирующимися одеяниями плюралистического покроя.

Мировоззренческий плюрализм, направленный своим острием против марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, реального социализма, далеко не всегда выступает с позиций открытого антикоммунизма. Нередко он рядится в тогу «объективности» и «беспристрастности», претендуя на репутацию интеллектуального течения, свободного от «односторонностей» и «предвзятости», якобы присущих «закрытым» доктринам, к которым плюралисты вслед за К. Поппером неправомерно относят марксизм. «Взгляды новых американских философов, — пишет, например, историк американской фи-

лософии А. Рек, — столь же разнообразны, как силы и факторы американской культуры. Плюрализм американской философии является весьма ценным достоянием не только потому, что позволяет американскому мыслителю развивать и излагать свои идеи, но еще и потому, что вооружает его интеллектуальной гибкостью»².

Так называемая свобода интеллектуального выбора выступает в действительности проявлением анархии в духовной жизни и неспособности буржуазной общественной мысли к познанию объективной истины. Исходным пунктом и наивысшим критерием «рациональности» для нее служит буржуазный индивидуализм с присущими ему прагматизмом и релятивизмом. Идеи плюрализма из сферы официальной идеологии проникают и в сферу массового сознания, но также в свою очередь питаются духом буржуазного обывающего сознания.

Кризисное развитие капиталистического общества на современной империалистической стадии его истории создает острые, конфликтные ситуации для буржуазной общественной мысли. В ней возникают глубокие трещины и линии раскола, происходят лихорадочные поиски все новых и новых вариантов ответа на современную грозную ситуацию в мире, усугубленную к тому же гонкой вооружений. В ситуации общего кризиса современного капитализма буржуазное мышление пытается найти выход из него, но попытки эти тщетны. Буржуазные идеологи жалуются на то, что слишком «многоплановой» и «неясной» остается картина, которую составляет в капиталистических странах общественное сознание и представляет современная философия. «Публичная критика того, чем занимаются профессиональные философы, выражает разочарование в том, что философия не выполняет своей традиционной функции, а именно она более не помогает ориентироваться в фундаментальных жизненных вопросах»³.

Возможность научного, целостного, последовательно монистического мировоззрения давно уже отвергается большинством идеологов буржуазии, ставшей консервативной, реакционной силой современной истории. Буржуазное мышление уже не чувствует себя суверенным

² Reck A. J. The New American Philosophers. N. Y., 1968. P. 348—349.

³ Patzig G. Der Philosoph ist kein Prophet. Was eine oft überforderte Disziplin heute noch leisten kann//Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1980. 26.IV.

и заявляет об этом совершенно открыто. В этой несурверенности и неуверенности — один из параметров современного идеологического плюрализма. Внутренняя неуверенность буржуазного сознания довольно ясно отражена в известном высказывании К. Поппера: «Я открыто признаю, что не в состоянии рационально обосновать свой рационализм... мой рационализм не автономен, а основывается на иррациональной вере в разумную позицию»⁴. По утверждению западногерманского попперианца Г. Шпиннера, «плюралистическая философия», которую создал Поппер, доказывает, что философское мышление вообще не может прийти до «последних оснований» мировоззрения. И поэтому «последней инстанцией сознания» может стать в принципе все — «разум, опыт, чувства, Библия, практика, язык»⁵. Надо попытаться найти опору в чем угодно, а удастся ли это — уже иной вопрос...

Связь между «критическим рационализмом», неспособным обосновать свою собственную мировоззренческую позицию, и плюрализмом, как известно, прежде всего методологическая. По мнению западногерманского философа Р. Бека, целесообразно выведение плюрализма из «теоретической» и «гносеологической» действительности. Она обладает преимуществом перед «прагматическими» концепциями плюрализма: «прагматическая» действительность, констатирует Бек⁶, заряжена неискоренимыми противоречиями и конфликтами и не может служить достаточным обоснованием плюрализма, цель которого — обеспечивать всеобщий общественный консенсус, социальный мир между классами.

В социальном плане «критический рационализм» ориентирован на примирение классов. Поэтому всякие классовые оценки его представители, начиная с К. Поппера, объявляют «некорректными». Главное содержание плюрализма они видят в так называемой толерантности, т. е. во внеклассовой, абстрактной терпимости к любым мировоззрениям и мироустановкам, независимо от того, существиы они на практике или нет. Они прямо противопоставляют плюрализм как «открытую» установку

⁴ *Magee B. Kritischer Rationalismus — Eine Unterhaltung mit K. Popper//Kritischer Rationalismus und Sozialdemokratie. Berlin (West); Bonn; Bad-Godesberg, 1975. S. 56.*

⁵ *Spinner H. Theoretischer Pluralismus. Sozialtheorie und Soziale Praxis. Meisenheim-am-Glan, 1971. S. 21.*

⁶ *Beck R. Wahrheit, Pluralismus, Kunst. München, 1979. S. 101.*

марксизму как-де «закрытой догме» и одновременно благословляют ревизионистскую «открытую» путаницу лжемарксистов.

Конечно, для буржуазного апологета такая позиция в оценке плюрализма очень удобна. Что касается сведения корней плюрализма к чисто гносеологическим, за что ратуют прагматисты, выступающие под видом анти-прагматистов, то смысл этой установки буржуазного мышления метко выразили М. Бур и Р. Штайгервальд: «Позднбуржуазная философия (идеология) в своей концепции плюрализма полагается на то обстоятельство, которое легко объяснить исходя из теории познания, но которое психологически является как бы априори действенным, а именно, хотя для объяснения каждого явления можно подобрать бесконечное множество неверных и наполовину истинных мнений и точек зрения, правильным может быть только одно решение»⁷. А это решение можно уже выбирать якобы простым волевым актом.

Связь различных позитивистских трактовок мировоззрения с иррационалистическими течениями буржуазной философской мысли, особенно такими, как «философия жизни», прагматизм, философская антропология, экзистенциализм, и другими, ныне очевидна. Для иррационалистических философов признание многообразия мира — следствие его «непознаваемости», а «лояльность» к самым различным мировоззрениям — результат сопутствующего тезиса, будто о мировоззрениях не спорят. Научные взгляды, оценки, идеалы, традиции, убеждения, составляющие ядро мировоззрений, выступают в таком случае в качестве «свободного» выбора индивида, его субъективных, не поддающихся рациональному обоснованию предпочтений.

Пожалуй, наиболее настойчиво в иррационалистических направлениях современной буржуазной философии «плюралистическая» интенция и ее полное оправдание были выражены в экзистенциализме с его заостренным интересом к «личностным» характеристикам человеческого бытия. С точки зрения экзистенциалистов (К. Ясперс, М. Хайдеггер и др.), каждая личность настолько неповторима, что любая попытка создания общего ми-

⁷ Бур М., Штайгервальд Р. Отречение от прогресса, истории, познания и истины. М., 1984. С. 50.

ровоззрения заранее обречена на провал, мировоззренческие вопросы, затрагивающие самые глубинные пласты человеческой жизни, вообще неподвластны научным оценкам. Все зависит-де от индивидуального спонтанного выбора мировоззрения, общественных, политических и моральных установок. В экзистенциализме, подчеркивает Т. А. Кузьмина, «отрицаются не только внешние человеку системы возможного «измерения» (мироздание, мировой разум, субстанция, общество, история), но и рационально обобщенное понимание самого человека (его единой для всех сущности, природы)»⁸.

Буржуазные идеологи вообще, как правило, утверждают, что конфликты и неразрешимые противоречия неизбежны в любом обществе, присущи якобы в равной мере и миру капитализма, и миру социализма. А где есть противоречия, там неискоренимая пестрота оттенков взглядов и позиций. Эти измышления «подкрепляются» псевдотеоретическими выкладками о «несовместимости» знания и ценностей, науки и идеологии. Многие положения современных сторонников мировоззренческого «плюрализма» зачастую заимствуются не непосредственно от прагматиков, «критических рационалистов» и экзистенциалистов, но и из систем А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона и других идеалистов XIX — начала XX в. Все аргументы в защиту крайнего релятивизма плюралисты берут на вооружение. Всюду, где слышится позитивистский (махистский) тезис, что следует стать «выше» всяких мировоззрений, «над» ними всеми, чтобы все их «превзойти», а вместе с тем и снисходительно санкционировать, подают свой голос и плюралисты. Некоторые апологеты «плюрализма», особенно из антикоммунистического лагеря, напевают на то, что они, дескать, стоят «над пристрастием» мировоззренческих оценок, дабы «осмыслить» историю с точки зрения «нейтральных» критиков культуры. Но этот мнимый «нейтрализм» быстро оборачивается поношением социалистической культуры.

Так, например, поступил в своем трехтомнике «Главные течения марксизма» ренегат Л. Колаковский⁹. По

⁸ Кузьмина Т. А. Человек и его бытие как проблема современной философии. М., 1978. С. 8.

⁹ О несостоятельности плюралистических трактовок Л. Колаковским истории марксизма см.: Бессонов Б. Н., Иовчук М. Т., Филиппов Ю. И. Фальсификация истории марксизма-ленинизма, его философии на службе контрреволюции//Вопросы философии. 1983. № 1;

Колаковскому, любое мировоззрение есть «философский проект», открытый для множества интерпретаций. При таком релятивистском подходе к сущности того или иного мировоззрения современники и участники исторических событий лишены какой-либо точки опоры для их оценки. Скрытый смысл тех или иных социальных идей раскрывается в некоторой мере лишь тогда, когда события уже произошли. Стирая принципиальные различия между научным мировоззрением и лженаучными, мифологическими пророчествами, Колаковский не только лишает мировоззрение марксизма его эвристической силы, функций объективно обоснованного научного предвидения, верного и действенного социального ориентира, но и выдвигает нелепый, чуждый подлинной науке тезис о том, что любая попытка связать науку с мировоззрением является абсурдной, более того, ведет к «насилию», к «тоталитарным формам господства» и т. п.

Нетрудно заметить, что ретроградный тезис Колаковского о «несовместимости» науки и мировоззрения направлен на то, чтобы отторгнуть науку от прогрессивных, и особенно от революционных, общественных идеалов, гуманистических ценностей социализма, дискредитировать идейно-теоретические основы коммунистического и революционного рабочего движения, его конечные цели и идеалы. Тон Колаковского делается сразу неприязненным, а затем и прямо враждебным, как только речь заходит о ленинизме и о советских философах. Сразу же забываются «плюралистические» мерки, и перед нами выступает убежденный догматик-антикоммунист. Характерно, что он нацеливает свои усилия на то, чтобы опровергнуть преемственность в историческом развитии марксизма, расчленив его на плюрализм разных концепций и подходов. Годы ревизионистского разброда во II Интернационале для Колаковского — «золотой век» в марксизме.

В условиях распространения так называемой теории деидеологизации мировоззренческий плюрализм развивался на Западе в течение ряда недавних лет под знаком позитивистского пренебрежения к философии. Обилие школ и направлений философской и общественной мысли не только не вызывало особую тревогу буржуазных политических и общественных деятелей, но, напро-

Зими́на Л. А., Нарский И. С. Еще одно опровержение марксизма// Философские науки. 1982. № 5.

тив, встречало их одобрение. В то время идейная атмосфера в буржуазной и мелкобуржуазной общественной мысли была пронизана в значительной мере сциентистско-технократическими настроениями, а настоящее и будущее капитализма казались буржуазным теоретикам стабильными, но упования многих этих идеологов на «рациональное знание», на науку, «очищенную» от идейного, ценностного мировоззренческого содержания и *carte blanche* на все мировоззрения и идеологии, оказались несостоятельными. Пресловутый объективизм буржуазной философии и общественной мысли потерпел еще раз очередное банкротство, обнаружил бессилие в познании действительности, буржуазная социально-философская мысль оказалась в ситуации нового острого кризиса. Переход от «деидеологизации» к «реидеологизации» не только означал дальнейший кризис и деградацию буржуазной общественной мысли, ее идеологических «основ» и философских «истоков», но и почти беспределенно расширил границы иррационалистического мифотворчества в области мировоззрения, идеологии, духовной жизни современного капитализма. Началась и переоценка плюрализма, милость стали менять на гнев.

Но этот процесс отнюдь не дошел до своего логического завершения. Без плюралистических шаблонов рассуждения буржуазным, особенно англо-саксонским, теоретикам не обойтись. Характерной особенностью «плюралистических» интерпретаций сущности мировоззрения и идеологии современными теоретиками буржуазного Запада является, в частности, выделение, выхватывание ими из общего духовного контекста тех или иных отдельных проблем культуры и возведение ненаучных трактовок этих проблем (социальной дифференциации, противоречивого характера научно-технического прогресса в условиях капитализма, положения субкультур, прогрессирующей рационализации жизни и т. д.) в ранг особых систем, идеологий, мировоззрений и т. п. В этой связи в буржуазной философии и социологии удерживается тенденция к «индивидуализации» (раздробленности), а не к «генерализации» (в смысле стремления к целостности) толкований вопросов мировоззрения. Эта тенденция к обособлению друг от друга мировоззренческих проблем еще более усиливается в условиях нового этапа научно-технической революции.

Стремительные перемены в сфере материального производства, средств массовой коммуникации, образа жизни

ни и т. п. вызывают у значительной части индивидов в капиталистическом обществе состояние ошеломленности, утраты ориентиров, ощущение девальвации ценностей, неверие в науку, социальный и духовный прогресс и т. д. Но различные современные буржуазные философские социологические и политические теории, отражающие реальную раздробленность общественного сознания в условиях позднего капитализма, отнюдь не способствуют осмыслению подлинных причин этой раздробленности и «разорванности» индивидуального сознания в буржуазном обществе и не могут предложить действенных средств для ее преодоления. Эта «разорванность» сознания обусловлена объективной действительностью капитализма. Именно в силу самих объективных причин буржуазное мышление в принципе не в состоянии устранить свой собственный плюрализм, оно не в силах осмыслить современный, крайне противоречивый и все-таки целостный земной мир. Неустранимые в капиталистическом обществе классовые антагонизмы тем более порождают убежденность в неустранимости плюрализма и заводят философскую и социологическую мысль Запада в лабиринты без выхода. Разрозненные голоса превращаются в хор только тогда, когда речь заходит о борьбе против монистического марксистско-ленинского мировоззрения.

Буржуазия в борьбе против марксизма-ленинизма включает в свой «плюралистический» арсенал социал-реформистские, ревизионистские и другие псевдосоциалистические течения, близкие по идейно-теоретической сущности или родственные буржуазной идеологии, размахивающие знаменем плюрализма и вместе с тем претендующие на монопольную роль в создании идейных «основ» рабочего движения. Сами правосоциалистические идеологи определяют плюрализм как важнейший принцип и ту линию «демаркации», которая разделяет мир капитализма и мир социализма. По их заверениям, современный марксизм будто бы исключает подлинную демократию, духовную и политическую свободу и посредством своего монистического мировоззрения «предопределяет» отрыв гуманистических идеалов от практики в социалистических странах. Отождествляя цельность, всесторонний характер марксистского мировоззрения с «догматической» верой в приложимость общих принципов к любым обстоятельствам и к любым условиям независимо от особенностей и специфики конкретно-исторической ситуации, социал-реформисты приписы-

вают коммунистическим партиям, руководствующимся монистическим мировоззрением, «волюнтаризм», «самонадеянность», «нетерпимость» к любым формам инакомыслия.

«Вызов, который этот воинствующий марксизм бросает плюралистическому обществу и теории плюрализма, — заявляет ревизионистствующий сторонник плюрализма А. Шван, — означает угрозу свободе». Ради «спасения» западной демократии плюрализм, по его мнению, должен занять в отношении марксизма самые жесткие, наступательные позиции и «всеми подобающими средствами защищать свободу, ее фундаментальные принципы, охраняющие ее структуру и институты»¹⁰. Призывая, таким образом, к идеологической борьбе против марксизма, А. Шван и другие идеологи социал-реформизма запугивают социал-демократическую интеллигенцию, трудящихся угрозой «тоталитаризма», которая будто бы может стать вполне реальной в случае прихода к власти в капиталистических странах союза левых сил.

Очевидно, что пресловутый «мировоззренческий нейтралитет» социал-реформистов, который они часто расхваливают, в действительности далеко не нейтрален. Когда речь идет о марксизме, он утрачивает налет беспристрастности, а его сторонники всячески стремятся исключить из плюралистической палитры допускаемых «нейтралитетом» идеологий подлинный марксизм и обрушиваются на него.

Отличительная черта марксистского мировоззрения — бескомпромиссная и последовательная борьба за коренные интересы рабочего класса, всех трудящихся, утверждение идеалов мира, демократии и социализма. Возникнув на идейной основе прогрессивных философских, экономических и социальных учений, марксизм, творчески усвоив ценнейшие традиции прошлого, совершил революционный переворот в философии, органично соединив в едином, целостном, монистическом мировоззрении философскую мысль с революционно-преобразующей практикой, историческим творчеством трудящихся масс, вооружил их научным знанием исторической перспективы. В самой истории были открыты силы, имеющие вполне определенные тенденции дви-

¹⁰ *Schwan A. Die dreifache Herausforderung des Pluralismus durch den Marxismus//Pluralismus: Grundlegung und Diskussion. Opladen, 1980. S. 136.*

жения и развития. Среди множества факторов общественной жизни марксизм правомерно выделил главный, ведущий — экономический.

Марксистское мировоззрение не имеет ничего общего с некоей «трансторической метафизикой», догматическим псевдомонизмом. Конечные цели рабочего класса не находятся за «пределами» или «вне пределов» истории. Они сформулированы на основе строго научного анализа объективных закономерностей, конкретно-исторического вывода об осуществимости социалистических идеалов. В. И. Ленин справедливо подчеркивал, что «у Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого...»¹¹. Метод этого изучения был одновременно всесторонним и конкретным, чуждым всякой шаблонности, и глубоко монистичным.

И конечно, признание марксистами исторической необходимости не означает, что оно неизбежно влечет за собой «насильственное» осуществление социальных преобразований в угоду «монолитной абсолютной истине». Такие понятия марксистского мировоззрения, как «общественный субъект», «общественная воля», не являются результатом дедукции из понятия конечной цели и уж тем более не «декретируются» «сверху» по указанию правящих коммунистических партий. В таком случае марксизм перестал бы являться марксизмом, а превратился бы в ту разновидность идеалистической метафизики, которую уже в начале 40-х годов прошлого века подверг убедительной критике К. Маркс, заложив в результате научного решения основного вопроса философии фундамент нового, диалектико-материалистического мировоззрения.

Видимо, желая как-то смягчить тон своих резких филиппик в адрес монистических мировоззрений вообще, особенно же марксизма (тон не очень-то подобающий тем, кто рекламирует мировоззренческий плюрализм), социал-реформисты и ревизионисты пытаются очертить общие рамки своеобразного «диалогического плюрализма». Суть их понимания хода и целей диалога с марксистами сводится при этом к тому, чтобы осуществить «постепенное сближение позиций» на основе включения в марксизм христианской и вообще религиозной этики,

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 48.

экзистенциализма, «критического рационализма», структурализма и других плюралистических течений современной буржуазной социально-философской и теоретической мысли¹².

Подобный вид «диалога», имеющий установку на растворение марксизма в буржуазной идеологии, разумеется, принципиально неприемлем и неосуществим. Принципы научности, партийности, историзма и классового подхода к мировоззрению, составляющие одно неразрывное целое как идейный стержень марксизма, несовместимы с теми или иными разновидностями буржуазного мировоззрения, имеющего свои собственные «основы».

Впрочем, и сами социал-реформистские идеологи не обольщаются насчет возможности «диалогического плюрализма». И потому они включают в перечень своих наиболее желательных «партнеров» лишь тех, кто уже давно порвал с марксизмом (Л. Колаковский) или некоторое время выступал от имени марксизма безосновательно (Р. Гароди, Св. Стоянович и т.п.). Напомним, что «идейная платформа» ревизионистов 60—70-х годов XX в. состояла в том, чтобы «освободить» марксизм от партийности науки, культуры и мировоззрения, сузить материалистическую диалектику до роли узкосociологического описательного метода, распространить в социалистических странах идеи мировоззренческого, политического и экономического плюрализма. Осуществление этой «платформы» на практике означало бы отказ от принципов пролетарского интернационализма, социалистической классовой политики, идеологии и культуры, социалистического образа жизни, а стало быть, и от идеи социализма вообще.

Не утруждая себя конкретно-историческим анализом объективных условий осуществления социалистических идеалов и обвиняя их в антигуманизме, при этом предлагая «гибридизировать» марксизм с немарксистской, например с католической, этикой, новейшие ревизионисты 80-х годов (А. Шафф) отбрасывают тот неоспоримый факт, что К. Маркс всегда связывал реальный гуманизм не с какой-то мистической верой, а с практическим движением общества к социализму, с процессом классовой борьбы пролетариата за свои конечные цели. Вопрос об истинной сущности определенной экономиче-

¹² Pluralismus: Grundlegung und Diskussion. S. 129.

ской, политической, нравственной идеи не рассматривается в марксизме с точки зрения абстрактно-этической перспективы, выбираемой безотносительно к общественной практике. Такая постановка вопроса, по глубокому убеждению марксистов, некорректна и вообще неистинна, поскольку не учитывает движения самой объективной действительности, обусловленной конкретно-историческими условиями бытия людей, условиями их жизнедеятельности. Ревизионисты же ныне абсолютизируют относительную свободу нравственного выбора (пригодились им экзистенциалистские «уроки»!) и приходят даже к выводу о... тождественности марксистского и религиозного мировоззрения. Обоснование социалистических идеалов должно состоять, как вешал уже Р. Гароди, в «принципе трансцендентности, позволяющем нам осознавать, что мы несем полную ответственность за изобретение будущего»¹³. Плюралистически-буржуазная окраска подобных «проектов» не нуждается в комментариях.

Религиозные мотивы отчетливо прозвучали и в книжке А. Шаффа «Коммунистическое движение на распутье». В ее заключительном разделе, озаглавленном «Что делать?», Шафф в конце концов признает, что не видит принципиального различия между марксистским атеизмом и религиозной верой. Различие между ними состоит лишь, оказывается, в том, что в одном случае речь идет о вере в неверие, а в другом — о вере в бога. Корень же у них един — субъективная убежденность, и не более того. Стирая, таким образом, четкие грани между научным мировоззрением и религиозной верой, Шафф приходит к «автономной» этике, которая связана с верой, а вера, по Шаффу, — это «вопрос благодати»¹⁴ и никакому научному обоснованию не подлежит. В качестве главного мерила «самодостаточности» такой веры Шафф выдвигает «интеллектуальную честность», которая служит важнейшим условием и иным названием плюралистической «нескованности», исключая-де применение «административного насилия». Кризисные события в Польше 1980—1981 гг., свидетелем которых был Шафф, полностью опровергли, заметим, иллюзии о «честности» контрреволюционеров, выступавших перед-

¹³ Garaudy R. Parole d'homme. P., 1975. P. 135.

¹⁴ Schaff A. Die kommunistische Bewegung am Scheideweg. München; Zürich; Wien, 1982. S. 156.

ко под клерикальными лозунгами, но совсем не в духе христианского всепрощения бешено нападавших на коммунистическую партию, социализм, марксизм-ленинизм. Так, «очищение» науки от мировоззрения, а мировоззрения — от партийности привело Шаффа к фидеистическому финалу. «Прогресс знания, — по его мнению, — только углубляет осознание нашего невежества... Поэтому нужно смириться с тем, что религия сама по себе никогда не отомрет...»¹⁵

Плюралистическое «обогащение» марксистского мировоззрения ревизионисты, как уже отмечалось, пытаются осуществить на чуждой марксизму основе. Они игнорируют сложную и многообразную диалектику объективного и субъективного факторов, сложнейшие переплетения материальных и духовных процессов в жизни общества. Все эти псевдотеоретические попытки ведут к искажению сущности марксизма, изображаемого ими в виде простейшей схемы, объективно способствуют распространению буржуазной идеологии.

Марксизму так же чужда догматическая окостенелость, как и агностическая неуверенность в действиях, которую охотно культивируют политические плюралисты, особенно ревизионистского толка. Марксизм-ленинизм постоянно обогащает свое идейное содержание, но не по идеалистическому принципу априорной «филиации» тех или иных идей или по принципу плюралистического синкретизма современной развивающейся социальной практики, богатейшего революционного опыта международного рабочего класса и достижений всех наук. В своем стремлении полностью разделить между собой науку и мировоззрение, революционную теорию и диалектику, что характерно для ревизионистских идеологов, они игнорируют то обстоятельство, что метод и теория составляют в марксизме единое монистическое и антиплюралистическое целое. И сегодня, как всегда, материалистическая диалектика служит надежным средством научного познания и революционного действия, средством преодоления как плюралистического хаоса, беспринципности, неуверенности и бездорожья, так и псевдомонистического доктринерства и мертвого схематизма.

Защищая научные принципы марксистско-ленинского революционного учения, отстаивая его принципиальную

¹⁵ Ibid. S. 157.

внутреннюю целостность, глубокую преемственность в развитии основополагающих идей и его творческий характер, марксисты-ленинцы вместе с тем являются последовательными защитниками всех подлинных многообразных ценностей мировой цивилизации, богатейшего духовного, в том числе и философского, наследия своих народов и всего человечества. Марксисты ныне ведут принципиальный диалог с представителями других, некоммунистических течений философской и социально-политической мысли, объединяя свои усилия с другими демократическими силами современности, с лучшими представителями науки и культуры, с другими борцами за мир, свободу и независимость народов, за спасение мировой цивилизации. М. С. Горбачев указывал, что и среди буржуазии есть честные люди, которым не по пути с агрессивным авантюризмом пентагоновцев и заправил военно-промышленного комплекса США.

«Коммунисты, — говорилось в Основном документе Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., — выступают сторонниками самых демократических методов подготовки и осуществления единых действий со всеми прогрессивными патриотическими и миролюбивыми силами как в национальных рамках, так и в региональном и всемирном масштабе. Они сделают все от них зависящее, чтобы добиться большего взаимопонимания между многочисленными и разнообразными антиимпериалистическими течениями и движениями, учитывая при этом их своеобразие и уважая их самостоятельность»¹⁶. Этим принципиальным марксистско-ленинским позициям следуют советские и многие зарубежные марксисты.

Марксисты-ленинцы, ведущие научно-исследовательскую и другую идеологическую работу, в наше время не могут не учитывать, что в современном мире в силу неравномерности развития его разных регионов существует большое многообразие взглядов, идей, социально-философских концепций, носителями которых являются различные общественные силы. Но, несмотря на то что значительная часть населения несоциалистических стран еще не разделяет научной философии марксизма и ком-

¹⁶ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969. С. 325.

мунистических идеалов, есть реальная возможность и необходимость при всем различии мировоззрений людей, участвующих в антивоенных, антиимпериалистических движениях, создать своего рода «коалицию сил разума», т. е. объединить и направить к общей цели совместные действия идеологически различающихся друг от друга сил современного нам мира. Такая коалиция может и должна быть создана на общей платформе мирного сосуществования стран с различным социальным строем, для того чтобы преградить путь ядерной катастрофе и изнурительной и опасной гонке вооружений, вся огромная тяжесть которой ложится на плечи трудящихся, чтобы развить и приумножить разнообразные формы экономического, торгового, научно-технического, культурного и т. п. сотрудничества между странами с различным социальным строем в решении глобальных проблем современности, стоящих перед человечеством конца XX в.

Это отнюдь не означает какого-либо отхода марксистов-ленинцев от своих классовых, революционных, социалистических и научно-материалистических позиций, а тем более от какой-либо «конвергенции» и «деидеологизации», плюралистической «диссоциации» в сфере философии, социально-политических идей, мировоззрения в целом. Только марксизм-ленинизм дает целостное научное решение важнейших социально-политических, идейно-теоретических задач, особенно проблем борьбы за мир, неотделимых от социального прогресса.

В современном мире, несмотря на все его реальное многообразие, столкновение и переплетение различных тенденций, влияние множества социально-экономических и политических факторов и особенностей, господствующей тенденцией общественного развития является усиливающееся стремление и воля народов к миру, демократии, социализму. Фактом является то, что острая классовая борьба между миром социализма и миром капитализма, между империалистической реакцией и силами, выступающими за мир, социальную справедливость, независимость и свободное развитие всех народов, составляет главное содержание нашей эпохи.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии определена стратегия борьбы между силами социального прогресса, мира и демократии, с одной стороны, и силами империалистической реакции и милитаризма — с другой. В докладе говорится: «Мы со своей сто-

роны готовы сделать все от нас зависящее, чтобы радикальным образом изменить к лучшему международную ситуацию. Для этого социализму нет нужды отказываться ни от своих принципов, ни от своих идеалов»¹⁷.

Являясь теоретическим выражением интересов рабочего класса, марксистское монистическое мировоззрение лишено сектантской замкнутости, оно открыто для всего передового, развивается в неразрывной связи с историческим творчеством трудящихся масс, обогащается им в процессе их борьбы за социальный прогресс, в ходе созидания и совершенствования социалистических отношений.

4. Революционный марксизм-ленинизм — антипод реформистских плюралистических концепций

Под флагом плюрализма антимарксисты разного толка, включая социал-реформистов и ревизионистов, прежде всего стремятся дискредитировать марксистско-ленинскую теорию социалистической революции. Отрицая многократно подтвержденные социальной практикой выводы марксизма о закономерной и революционной смене общественно-экономических формаций, они в духе оппортунистов прошлого провозглашают возможность неревolutionного, эволюционного перехода общества к социализму в результате «трансформации» капитализма; игнорируют общие закономерности социалистической революции, в первую очередь ее основную задачу — завоевание революционным рабочим классом политической власти; не учитывают качественные особенности социалистической революции, отличающие ее от буржуазных революций. Исходя из буржуазных плюралистических представлений о государстве и демократии, антикоммунисты клеветнически заявляют, будто страны реального социализма не являются демократическими. Они желают навязать социалистическому обществу политические институты, созданные буржуазией для ее собственных классовых нужд и целей.

С целью дискредитации марксистско-ленинской теории социалистической революции буржуазные и мелко-

¹⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 11.

буржуазные идеологи — апологеты плюрализма — назойливо твердят, будто революция в СССР (других странах) произошла вопреки предсказаниям К. Маркса, что В. И. Ленин «опрокинул доктрину», поскольку Россия якобы еще не созрела для революции, и т. д. и т. п. Отказ В. И. Ленина от концепции К. Маркса современные буржуазные идеологи и оппортунисты (вслед за оппортунистами прошлого) видят в том, что В. И. Ленин вместо положения К. Маркса о победе социализма в нескольких высокоразвитых странах сформулировал вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране, исходя «исключительно» из исторических особенностей России, игнорируя-де при этом Марксову ориентацию на зрелые социальные и экономические предпосылки¹.

Эти аргументы абсолютно несостоятельны. К. Маркс и Ф. Энгельс действительно считали, что социалистическая революция произойдет одновременно в ряде развитых капиталистических стран, что если она и может начаться в рамках какой-либо отдельной страны, то для победы она обязательно должна выйти за национальные рамки и завоевать европейскую территорию². Но ведь К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о революциях XIX в. В то время о пролетарской революции действительно можно было говорить лишь как о задаче, осуществимой одновременно в нескольких странах. Пролетарские восстания во Франции, Германии, Парижская коммуна во многом погибли именно потому, что не были поддержаны в других странах революционными выступлениями трудящихся. Однако на монополистической стадии развития капитализм утратил способность равномерного устойчивого развития; в результате появилась возможность разрыва цепи мирового капитализма в его наиболее слабом звене, в той отдельной стране, в которой производительные силы необязательно наиболее развиты, но в которой противоречия между производительными силами и производственными отношениями достигли наибольшей остроты. Это блестяще доказал В. И. Ленин, анализируя капитализм эпохи империализма. Именно на основе проведенного анализа он пришел к выводу, что социалистическая революция не может

¹ Schaff A. Die kommunistische Bewegung am Scheideweg. Wien, 1982.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 334.

победить одновременно во всех странах, что она победит первоначально в одной или нескольких странах³.

Этот вывод В. И. Ленина отнюдь не ревизия учения К. Маркса, как считают противники марксизма-ленинизма, сводя ленинизм лишь к «стратегии революции в отсталой стране». Совершенно несостоятельно также утверждение антимарксистов, будто К. Маркс и Ф. Энгельс связывали надежды на успех революции только с Западной Европой. В 50—60-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс сами со всей определенностью ставили вопрос: «Не будет ли социалистическая революция в Западной Европе, «в этом маленьком уголке», неизбежно подавлена... поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?»⁴ И, опираясь на анализ развития мирового капитализма, прямо отмечали, что «революция начнется на этот раз на Востоке», в России, которая теперь представляет собой «передовой отряд революционного движения в Европе»⁵.

Примечательно, что процесс перемещения центра революционного движения на Восток заметили не только К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, но, например, и К. Каутский, который в начале 900-х годов еще оставался на позициях марксизма. Так, в статье «Славяне и революция» (1902 г.) К. Каутский говорил о неизбежном назревании революционного взрыва на Востоке, особенно в России. Здесь, писал он, начнется та революционная буря, которая и «взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов»⁶. К сожалению, из этой констатации он не сумел сделать верных политических выводов.

В. И. Ленин показал, что в новой обстановке, сложившейся вследствие перехода капитализма свободной частнокапиталистической конкуренции в монополистический капитализм, для революционного пролетариата появляется возможность прорвать цепь капитализма в ее наиболее слабом звене. Таким слабым звеном и оказалась Россия. Что касается вопроса о необходимом уровне зрелости экономических предпосылок, развития производительных сил и т. д., то следует заметить, что в

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 295.

⁵ Там же. Т. 19. С. 305; см. также: Т. 34. С. 230.

⁶ Каутский К. Путь к власти. Славяне и революция. М., 1959. С. 140.

России уже к началу XX в. было не менее 150 крупных монополий, страна занимала первое место в мире по концентрации производства и рабочей силы. Так, в 1910 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 в России было занято 53,4% всех рабочих, в то время как в США накануне первой мировой войны — 32,1%, а в Германии (1909 г.) — лишь 10%⁷. Конечно, было бы неверно переоценивать уровень зрелости экономических предпосылок для социалистической революции в России. Необходимые предпосылки имели место, но налицо была и большая отсталость: например, передовой промышленный капитализм, который характеризовался высокой концентрацией производства и банковского дела, союзом монополий и государства, сосуществовал рядом с крайне отсталыми и «дикими» формами в сельском хозяйстве.

Но К. Маркс и В. И. Ленин (и это должно быть хорошо известно критикам марксизма-ленинизма) отнюдь не считали, что развитие производительных сил определяет общественно-политические процессы непосредственно, решающую роль здесь играет степень остроты противоречий между производительными силами и производственными отношениями, а также зрелость субъекта революции — рабочего класса, трудящихся, их готовность и способность к борьбе. Полемизируя с оппортунистами, В. И. Ленин показал, что они относятся к марксизму догматически, как к своду готовых рецептов для решения всех проблем независимо от места, времени и условий. Исследовав развитие социальной революции в России, В. И. Ленин показал, что оно определяется рядом международных и внутренних факторов. Важнейшим из них явилось, например, то обстоятельство, что участие России в империалистической войне до крайности обострило социальные противоречия между эксплуататорскими классами и трудящимися, усилившими свою борьбу за выход из войны, которая несла им одни только лишения и несчастья, за демократические преобразования общества, за справедливую передачу земли крестьянам и т. д.

А. Грамши подчеркивал в 1919 г.: «...глупо критиковать русских коммунистов за то, что они завоевали власть в то время, когда русская цивилизация еще не

⁷ См.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 13, 14.

«созрела» для социализма. Глупо потому, что эта критика основана на утопической концепции одновременной революции во всем мире. На самом деле, если бы коммунистическая революция началась бы нормально — с революции в Англии, то есть в стране, которая достигла высшей точки в процессе развития капиталистического производства, — она была бы сразу же раздавлена Пруссией и Россией. Коммунистическая революция *должна была* вспыхнуть в России, чтобы иметь возможность укрепиться и расшириться с меньшими трудностями, чем где-либо в другом месте»⁸.

Все рассуждения современных антимарксистов о мнимой незрелости России для социалистической революции понадобились им для обоснования утверждения, будто вследствие низкого развития производительных сил в России, преобладания отсталого крестьянского населения и т. п. В. И. Ленин и ленинцы вынуждены были сделать ставку на насильственный переворот.

Попытки различных буржуазных, оппортунистических теоретиков приписать марксистам-ленинцам ориентацию исключительно на вооруженное восстание, на насилие абсолютно несостоятельны. Рабочий класс, марксистско-ленинские партии никогда не стремились и не стремятся, поскольку это зависит от них, осуществлять социалистическую революцию обязательно путем вооруженного восстания. Напротив, они стремились и стремятся сегодня достичь этого наиболее безболезненными для народа средствами. Конечно, коммунисты прибегают к насилию, к оружию, но только во имя подавления вооруженного сопротивления эксплуататорских классов, стремящихся сохранить или реставрировать старые порядки. Ф. Энгельс в одном из писем А. Бебелю резко критиковал Г. Мюллера, который утверждал, что насилие пролетариата при любых обстоятельствах революционно. «Этот осел, — резко писал Ф. Энгельс, — не понимает, что когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии...»⁹

В начале XX в., в эпоху империализма, в капиталистических странах сформировались централизованные военно-бюрократические государственные машины с огромным потенциалом средств классового подавления.

⁸ Грамши А. Избр. произв.: В 3 т. Т. I. М., 1957. С. 291.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 419.

Но и в этих условиях марксисты-ленинцы отнюдь не отказывались от ориентации на мирный переход к социализму как на наиболее предпочтительный. В. И. Ленин писал об этом еще до победы Октября, отмечая, правда, что это — возможность, пока еще крайне редкая в истории, но вместе с тем и крайне ценная, и подчеркивал, что революционерам необходимо использовать ее, даже если есть один шанс из ста¹⁰. После февральской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин и большевики ориентировались на мирное, без вооруженного восстания, перерастание этой революции в революцию социалистическую. Однако действия контрреволюции, расстрел июльской мирной демонстрации изменили политическое положение в стране, и большевики вынуждены были нацелить рабочий класс на вооруженное восстание. И не большевики, а внутренние контрреволюционные силы и особенно поддержка этих сил извне, вылившаяся в прямую иностранную интервенцию, привели в России к кровопролитной гражданской войне.

Народно-демократические революции 1945—1948 гг. в странах Центральной и Восточной Европы перерастали в социалистические революции уже мирным путем. Но и в данном случае важно учитывать тот факт, что мирному перерастанию народно-демократической революции в социалистическую предшествовала в этих странах вооруженная борьба с фашизмом под руководством рабочего класса и его политического авангарда — коммунистической партии, в ходе которой был разрушен военно-политический аппарат, связанный с фашистскими оккупационными властями.

Бесспорно, в настоящее время имеются более широкие возможности для использования мирных путей для перехода от капитализма к социализму. Этому способствовали важные перемены в революционном обновлении мира, укрепилась военная, экономическая, политическая мощь стран социалистического содружества, выросли их престиж и влияние на мировое развитие. Все это затрудняет империалистической буржуазии «экспорт контрреволюции» и облегчает развитие революционного процесса в тех или иных странах. В ряде капиталистических стран рабочий класс сумел объединить вокруг себя широчайшие народные массы; вовлечение их в борьбу против крупной буржуазии может ослабить и изолировать

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.

монополистическую буржуазию до такой степени, что она будет не в состоянии прибегнуть к гражданской войне, сопротивляясь социалистической революции. Все это — современная международная обстановка и конкретные условия, сложившиеся в ряде стран, — позволяет сделать вывод о реальной возможности использования мирного пути к социализму.

Однако чем же, с марксистской точки зрения, отличается мирный путь революции от немирного? Очевидно, только тем, что отсутствует вооруженное столкновение, поскольку преимущество революционных сил так велико, что оно парализует сопротивление эксплуататорских классов. Но в любом случае пролетариат должен разбить, сломать военно-репрессивный аппарат буржуазного государства, ибо именно это является принципиальным требованием любой действительно социалистической революции.

В сущности социальная практика вообще еще не знает абсолютно «чистых» — сугубо мирной или сугубо вооруженной — форм проведения социалистической революции. Между мирным и немирным путем в революционном процессе всегда есть взаимосвязи и взаимопереходы. Поэтому важно, чтобы рабочий класс, трудящиеся массы научились использовать различные формы борьбы, мирные и вооруженные, для того, чтобы быть готовыми перейти от одной формы к другой, как только изменится объективное положение. Только конкретный анализ конкретной ситуации — учет совокупности всех внутренних и внешних изменяющихся факторов — дает возможность определить преобладающую тенденцию развития социалистической революции в конкретной стране.

Далее, необходимо иметь в виду, что рабочий класс, марксистско-ленинские партии, признавая возможным мирный переход к социализму, всегда должны выступать против подчинения борьбы за власть трудящихся избирательной кампании за завоевание большинства мест в парламенте. Конечно, буржуазная демократия исторически является важным завоеванием, буржуазная демократическая республика и всеобщее избирательное право дали возможность пролетариату объединиться, сплотить свои ряды, накопить опыт политической борьбы с буржуазией. Это К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин всегда признавали. Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали, что буржуазные парламентские институты больше всего соответствуют интере-

сам буржуазии как класса, они являются именно той государственной формой, при которой общие классовые интересы буржуазии господствуют «как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества»¹¹. Механизм буржуазной демократии гарантирует сохранение основ капиталистического строя; последовательная смена буржуазных партий в руководстве правительством фактически служит средством укрепления власти буржуазии, дезориентации народных масс, поскольку создает иллюзию обновления политического руководства.

Тем не менее, повторяем, коммунисты, трудящиеся отнюдь не безразличны к формам господства буржуазии. Они постоянно стремились к использованию и используют даже те ограниченные возможности, которые им предоставляет буржуазная демократия, оставаясь формальной и урезанной, фальшивой и лицемерной.

Более того, в современном капиталистическом обществе рабочий класс, трудящиеся являются самыми последовательными борцами за демократию. Как отмечал Ф. Энгельс, ирония истории заключается в том, что пролетариату приходится и придется в будущем защищать принципы классической буржуазной демократии. И чем откровеннее монополистическая буржуазия посягает сегодня на демократические права и свободы, чем яростнее она сопротивляется всякому социальному прогрессу, тем острее борьба трудящихся за подлинно демократические преобразования капиталистического общества, тем теснее переплетаются и взаимно обуславливают друг друга общедемократические и социалистические задачи классовой борьбы трудящихся.

По всем этим причинам коммунисты не только не ставят своей целью уничтожение прежде существовавших демократических учреждений и свобод (в чем их обвиняют буржуазные и мелкобуржуазные приверженцы «плюралистической» демократии), но, напротив, стремятся наполнить их новым содержанием, усовершенствовать их; но главное для коммунистов — реальное обеспечение прав граждан. В сущности в условиях капитализма только политическая практика трудящихся, антимонаполистическая борьба за социалистическое преобразование общества определяют подлинно демократическую эволюцию государства и других политических институ-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, С. 185.

тов. Именно поэтому, активно участвуя в общедемократической борьбе, пролетариат и его партия постоянно разъясняют народным массам, что истинная демократия может быть достигнута только в борьбе за социализм, что ни одно коренное демократическое требование неосуществимо сколько-нибудь широко и прочно в империалистических государствах иначе как через революционные битвы под знаменем социализма.

В равной степени борьба за удовлетворение непосредственных экономических требований трудящихся может правильно вестись лишь в том случае, если она неразрывно связана с борьбой за коренные социалистические цели рабочего движения. Как недопустимо рассматривать коренные цели в качестве «ангельского идеала», не связанного с «грешной борьбой за дело дня, за злобу данной минуты», так необходимо «в каждую борьбу за каждую злобу дня... вкладывать *неразрывную связь* с коренными целями», — подчеркивал В. И. Ленин¹². Примечательно, что и Р. Люксембург, на чьем имени нередко спекулируют антимарксисты, тоже решительно подчеркивала неразрывную связь между социальной реформой и социальной революцией, причем социальную реформу она рассматривала как средство, а социальный переворот — как цель¹³. Позже П. Тольятти, которого всякого рода «неомарксисты» также пытаются противопоставить марксистам-ленинцам, совершенно в ленинском духе отмечал: «...необходимо, чтобы благодаря деятельности революционной партии... трудящиеся массы никогда не утрачивали сознания связи между частичными реформами и наиболее важными целями рабочего и социалистического движения, чтобы эти цели никогда не перечеркивались и не затушевывались»¹⁴. Только на основе диалектической связи социально-экономических и политических проблем можно пробудить интерес широких трудящихся масс к политической борьбе против государственно-монополистического капитализма, за свержение господства буржуазии.

Сторонники же буржуазной «плюралистической» демократии, отвергнув методы революционной классовой борьбы как «антигуманные», рассчитывают решить проб-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 53.

¹³ См.: Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959. С. 14.

¹⁴ Тольятти П. Избр. статьи и речи: В 2 т. Т. II. М., 1965. С. 723.

лемы социальных преобразований методами исключительно реформистского воздействия. Со всей отчетливостью это демонстрируют К. Поппер и Г. Альберт, которые марксистскому учению о социалистической революции противопоставляют буржуазный реформизм, оформленный в концепцию «социальной технологии постепенной работы» (*Sociale Stück-Werk-Technologie*). Так, в книге «Предположения и опровержения» К. Поппер следующим образом обосновывает необходимость политики «постепенной работы», «частичных реформ» и т. п.: «Работать для устранения конкретного зла лучше, чем стремиться к реализации абстрактных идеалов. Не нужно пытаться достичь счастья политическими средствами. Лучше стараться устранить конкретные несчастья. Говоря практическим языком: боритесь за ликвидацию нищеты непосредственными методами, например обеспечьте каждому человеку минимум дохода. Или боритесь против эпидемий и болезней, создавая больницы и медицинские школы. Боритесь против неграмотности так же, как вы боретесь против преступлений. Но делайте все это непосредственными средствами. Установите, что вы считаете наиболее назревшим недугом общества, в котором вы живете, и старайтесь терпеливо довести до сознания людей, что мы можем избавиться от этого зла»¹⁵.

В книге «Просвещение и управление» Г. Альберт также подчеркивает, что только «критический рационализм может обосновывать рациональную социальную политику, потому что он не приемлет ориентацию на какое-то мнимое «общее благо», существующее независимо от индивидуальных интересов, и ориентируется на связь реалистической социальной критики, направленной на удовлетворение индивидуальных потребностей, с «социал-технологической», «реформирующей», «позитивной» социальной наукой, чьи альтернативные анализы только и могут быть основой политических программ и реалистических альтернатив, рождающихся в политических дискуссиях»¹⁶.

Таким образом, «постепенное» преобразование социальной жизни буржуазного общества, регулирование социального развития, осуществляемое «в границах воз-

¹⁵ *Popper K. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. L., 1969. P. 301.*

¹⁶ *Albert H. Aufklärung und Steuerung. S. 121.*

можно», — вот политическое кредо К. Поппера и Г. Альберта. В любом случае «тотальное преобразование общества», с их точки зрения, «не может быть признано как разумная целеустановка»¹⁷. За всеми этими демагогическими рассуждениями о «планировании», «регулировании» социальной жизни легко обнаруживается стремление К. Поппера, Г. Альберта и других буржуазных реформистов укрепить господство государственно-монополистического капитализма, выработать средства, с помощью которых можно было бы приглушить недовольство трудящихся.

Правые лидеры современной социал-демократии, также прикрываясь отказом от «политического максимализма тотальных утопий», от «тоталитарного насилия» и т. п., в реформистском же духе выхолащивают революционное содержание марксизма; они отказываются от коренных общественных преобразований, в сущности сегодня уже не пытаясь устранить капиталистический строй, а, напротив, защищая его экономические, политические и идеологические основы. Так, П. фон Ортцен, один из главных идеологов СДПГ, заявляет, что социал-демократия отказывается «от тотальной конфронтации с существующей системой и от любого, пусть даже словесного, заигрывания с идеей революции». СДПГ считает, продолжает он, что «современная так называемая капиталистическая система хозяйства, покоящаяся на частной собственности на средства производства и на свободной рыночной конкуренции, все еще обладает высокой эффективностью и большинство народа ФРГ не хочет от нее отказываться». Поэтому главный вывод фон Ортцена таков: «социал-демократическая партия есть демократически-социалистическая партия реформ», целиком стоящая на почве общественного строя ФРГ¹⁸.

Реформистский образец политического мышления со всей отчетливостью демонстрирует и другой видный деятель СДПГ, бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт. «Мы должны остерегаться всяких глобальных анализов», — заявляет он. И подчеркивает, что «любовь к критике системы... не может дать столько, сколько дает остающаяся, быть может, на заднем плане разработка реформ...». По его мнению, «работать над решением социальных проблем означает: систематически и постоян-

¹⁷ Popper K. Das Elend des Historizismus. Hamburg, 1972. S. 457.

¹⁸ Oertzen P. Die Aufgabe der Partei. Bonn, 1979. S. 75.

но изменять многие отдельные законы и постановления, браться за частные проблемы и решать их, шаг за шагом добиваться изменений путем проведения отдельных реформ»¹⁹.

Разумеется, реформистский курс социал-демократических партий на деле ничуть не угрожает господству капитализма, наоборот, объективно служит его защите.

Правосоциалистические лидеры пытаются представить глубокий кризис капитализма, его неизлечимые социальные противоречия прежде всего как результат кризиса «индустриального общества». Все причины недугов следует якобы искать не в частной собственности на средства производства, а в достигнутом уровне индустриализации и в степени развития общественного разделения труда. Инфляция, безработица, разрушение окружающей среды, проблемы инфраструктуры и т. д. — все это «цена прогресса», утверждает, в частности, в социал-демократической программе социально-экономического развития ФРГ на 1975—1985 гг.

Марксисты, конечно, не против реформ. Они за те реформы, которые действительно ведут к улучшению социального положения трудящихся, которые создают предпосылки для усиления позиций трудящихся в классовой борьбе с буржуазией. Борьба трудящихся за улучшение своего материального положения (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. п.), за демократические свободы и т. д. подготавливает их к борьбе за более перспективные — социалистические — цели, способствует росту их революционного сознания. Как отмечал К. Маркс, «если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они, несомненно, утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение»²⁰. Однако коммунисты выступают против тех реформ, которые нацелены на укрепление капиталистического строя; они хорошо понимают, что реформа — это вынужденная уступка правящих кругов своему классовому противнику, что для них она зачастую является своего рода «предохранительной реакцией» с целью приглушить остроту социальной напряженности.

¹⁹ Entwurf eines Ökonomischen-politischen Orientierungs rahmens für die Jahre 1975—1985. Fr.-a-M., 1975.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16, С. 154.

В своем отношении к реформам коммунисты руководствуются ленинским указанием о том, что «понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае»²¹.

Из истории рабочего движения известно, что самым большим недостатком классовой борьбы трудящихся являлся отрыв и противопоставление экономической борьбы политической борьбе, направленной в конечном счете на решительную ликвидацию капитализма, на утверждение социалистического общественного строя. Ориентируясь только на экономическую борьбу, на постепенное (с помощью реформ) улучшение материального положения, рабочий класс, трудящиеся неизбежно теряют свою политическую самостоятельность, оказываются в плену стихийности и реформизма. Правящие круги капиталистических государств с помощью ограниченных и урезанных реформ стремятся помешать нарастанию революционного процесса.

Характерно в этом смысле признание одного из влиятельных политических и общественных деятелей США, Дж. Фулбрайта. Он пишет, что всякого рода широко-вещательные реформистские программы американских правящих кругов, такие, как «Новый курс», «Великое общество» и т. п., отнюдь «не были революцией, они скорее были ее противоядием»²². Конечно, в условиях государственно-монополистического капитализма борьба трудящихся за глубокие социальные реформы становится составной частью революционной борьбы. Осуществление таких реформ, как национализация основных средств производства в промышленности, аграрная реформа в деревне и т. п., безусловно, ограничивает власть монополий, ведет к демократизации политической жизни, способствует осознанию все более широкими массами трудящихся необходимости социализма. Ясно, что уже сами эти реформы имеют революционный характер, неизбежно ведут к борьбе за коренные соци-

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 167.

²² Фулбрайт Дж. Самонадеянность силы. М., 1967. С. 78.

ально-экономические и политические преобразования капиталистической системы, т. е. к революционной борьбе за социализм.

Но для действительного освобождения рабочего класса, трудящихся, для удовлетворения их основного классового интереса необходима социалистическая революция, свергающая диктатуру буржуазии (все равно мирными или немирными средствами) и устанавливающая власть трудящихся, уничтожающая частную собственность на средства производства и передающая их в общественную собственность, заменяющая капиталистическое производство товаров «социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»²³. Поэтому основная задача политики партии, выражающей интересы рабочего класса, состоит в формировании классового сознания трудящихся, в разъяснении им, что единственным средством коренного улучшения их положения, их реального освобождения является борьба против класса капиталистов в целом, что в этой борьбе интересы всех отрядов рабочего класса, трудящихся едины, что для достижения своих главных социальных целей они должны завоевать политическую власть. В любом случае, пока экономическая и политическая власть находится в руках буржуазии, пока господствует частная собственность на средства производства, всякие попытки добиться коренного преобразования общества в интересах трудящихся обречены на провал.

Установление социализма предполагает ожесточенную классовую борьбу. Как подчеркнул на XXIV съезде ФКП ее Генеральный секретарь Ж. Марше, путь Франции к социализму «ни у кого не должен порождать иллюзий». Речь идет «об ожесточенной классовой борьбе, о столкновении, в котором противники перемен идут на все, чтобы обманывать, сбивать с толку, угрожать, вносить раскол». Поэтому, продолжал он, «наша стратегия не имеет ничего общего с усыпляющей концепцией постепенной эволюции, при которой остается только ждать, чтобы избиратели направлялись каждые пять или семь лет к избирательным урнам. Мы и не помышляем о том, что французская буржуазия порвет со своими ве-

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

ковыми авторитарными традициями. Утверждение, что продвижение к социализму должно происходить демократическим, мирным путем, означает просто-напросто, что эти перемены во Франции могут осуществляться в каждый данный момент только при таком соотношении сил, которое не позволит буржуазии прибегнуть к насилию и принуждению»²⁴.

Даже в условиях, когда складываются благоприятные возможности для мирного (без вооруженного восстания) пути к социализму, решающее слово скажет готовность революционных сил и к формам вооруженной борьбы. По всем этим причинам коммунисты считали и считают чрезвычайно важным готовить революционные силы ко всем формам борьбы — от забастовок и мирных демонстраций до таких, как вооруженное восстание. Главное заключается в том, чтобы любая революционная борьба базировалась на трезвом, объективном учете социально-экономических отношений, всех классовых сил, всего опыта революционных движений, чтобы, как требовал В. И. Ленин, в любых условиях, в любой момент и в любом месте, при любых зигзагах и изломах истории четко видеть «красную нить», связывающую все развитие капитализма и весь путь к социализму, не терять общую перспективу²⁵: революционное преобразование мира, свержение капитализма и утверждение социализма, который навсегда избавит человечество от эксплуатации, социального несправедливости, истребительных войн, обеспечит всем народам изобилие материальных и культурных благ, каждому человеку даст возможность всестороннего физического и духовного развития. Марксисты-ленинцы, естественно, понимают, что сегодня, как никогда прежде, революционная борьба за коренные интересы рабочего класса должна вестись с учетом главного, общечеловеческого интереса: предотвращения термоядерной катастрофы.

Фальсифицируя марксистско-ленинскую теорию социалистической революции, антимарксисты с особым ожесточением нападают на практику строительства социалистического общества в СССР, других стран социалистического содружества. Прежде всего они отрицают подтвержденную историей всеобщую ценность опыта социализма в СССР и обвиняют

²⁴ См.: Правда. 1982. 5 февр.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 47.

В. И. Ленина и ленинцев в навязывании «русской модели» другим народам.

Между тем именно В. И. Ленин подчеркивал: «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами... единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует... такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»²⁶. Именно В. И. Ленин, открывший закон неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма, обосновал наряду с этим разновременность и многообразие форм перехода различных стран к социализму. Он обращал особое внимание коммунистических партий на необходимость тщательного изучения наиболее действенных средств и методов социалистического строительства в соответствии с национальными и региональными условиями. «И местные отличия, — писал В. И. Ленин, — и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму... Чем больше будет такого разнообразия, — конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, тем вернее и тем быстрее будет обеспечено... осуществление социалистического хозяйства»²⁷.

Исторический опыт полностью подтвердил ленинские выводы о многообразии форм становления нового, социалистического мира, не имеющие ничего общего с буржуазным и мелкобуржуазным плюрализмом. В отличие от Советской страны в некоторых социалистических странах не понадобилось лишать политических прав представителей свергнутых эксплуататорских классов, различными оказались методы и темпы ликвидации частной собственности в городе и особенно деревне.

Например, в ГДР, хотя социалистические производственные отношения окончательно победили уже в начале 60-х годов (буржуазия как класс в это время перестала существовать), вплоть до 1972 г. продолжало дей-

²⁶ Там же. Т. 41. С. 77.

²⁷ Там же. Т. 36. С. 152.

ствовать немалое число частных предприятий, а также частных предприятий с участием государства. СЕПГ, учитывая международный опыт социалистического строительства, нашла свой специфический путь и конкретные формы приобщения частных предпринимателей к социалистическому строительству. Осуществляя эту цель, социалистическое немецкое государство выкупило предприятия, находившиеся в частном владении²⁸.

Специфические особенности имелись и в развитии социалистических преобразований в Болгарии. Здесь Сентябрьское народное вооруженное восстание 1944 г., подготовленное как антифашистское, демократическое, национально-освободительное и антиимпериалистическое, превратилось по сути дела в социалистическую революцию, т. е. в сущности революция в Болгарии разворачивалась как народно-демократическая по форме и как социалистическая по своему содержанию²⁹. Особенности черты были присущи процессу строительства социализма также и в других социалистических странах.

Марксистско-ленинские партии всегда выступали и выступают за творческий поиск наиболее эффективных способов решения встающих перед ними социальных задач, учитывая необходимость нахождения наиболее адекватных путей осуществления социалистической революции и эффективного использования многообразных форм и средств строительства социалистического общества.

Вместе с тем, признавая многообразие форм становления и утверждения социализма, марксисты-ленинцы решительно выступают против ревизионистских попыток неправомерного выпячивания отличительных особенностей, специфических форм строительства социализма при полном замалчивании или только формальном признании общих, объективных закономерностей развития социалистического общества.

«Отдельное есть общее», «всякое общее включает в себя отдельное» — вот в самом кратком выражении суть диалектической связи между общим, особенным и единичным. Забвение отдельного (особенного и единичного) в теории приводит к метафизике и идеализму, а в политике может вылиться в догматический ревизионизм. Иг-

²⁸ См.: Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости: (Критика ревизионистских концепций). М., 1975. С. 53—55.

²⁹ См.: Теоретическое наследие В. И. Ленина и современная философская наука. М., 1974. С. 126.

норирование же общего, в смысле основных общих принципов и закономерностей, в теории приводит к позитивистскому эмпиризму и агностицизму, а в сфере политической практики может привести к праворевизионистскому отходу от марксизма-ленинизма, к ослаблению позиций рабочего класса, к утрате социалистических завоеваний народа.

Типичной в этом отношении является попытка буржуазных идеологов и оппортунистов противопоставить реально существующему социализму те представления о социалистическом будущем, которые разрабатываются коммунистическими партиями развитых капиталистических стран Западной Европы, делающими это с учетом конкретно-исторической, национальной специфики своих стран. С целью вызвать противоречия между марксистско-ленинскими партиями социалистических стран и Западной Европы наш классовый противник спекулирует на том, что по некоторым конкретным политическим, идеологическим и тактическим вопросам среди коммунистических партий действительно имеются различные суждения. Буржуазные идеологи, а вслед за ними реформисты и ревизионисты всеми силами пытаются эти различия раздуть и углубить.

Противники реального социализма (особенно приверженцы ревизионизма) игнорируют диалектическую взаимосвязь общих закономерностей и национально-специфических условий. Между тем интернационалистские принципы борьбы рабочего движения за социализм «выстраданы», если употребить выражение В. И. Ленина, всей историей революционного рабочего движения, добыты дорогой ценой не только побед, но и жертв и временных поражений рабочего класса, трудящихся. В них сконцентрирован весь исторический опыт борьбы трудящихся масс, который неопровержимо доказал, что социализм — это всемирно-исторический строй. И все попытки создавать его, не выходя за узкий горизонт одной страны, одной нации, в отрыве от общих закономерностей, не могут закрепить успех социалистической революции, не могут привести к подлинному социализму.

Отвергая общие и существенные закономерности социалистического строительства, буржуазные и мелкобуржуазные антимарксисты прежде всего нападают на диктатуру пролетариата; чтобы ее отвергнуть, они фальсифицируют марксистско-ленинское понимание диктатуры рабочего класса, пытаются внушить, будто оно тождест-

венно «беззаконию», «насилию» и «террору» и потому диктатура пролетариата не может-де быть закономерной формой руководства рабочего класса социалистическим строительством, что в современных условиях требование диктатуры пролетариата будто бы противоречит «укрепляющимся», «усиливающимся» демократическим тенденциям, и т. д. и т. п. Они даже ссылаются на К. Маркса, который в последние годы своей жизни отказался будто бы от вывода о необходимости диктатуры пролетариата и якобы полагал, что социалистическое правительство должно состоять из «гетерогенных элементов»³⁰.

Между тем К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали, что новое общество рождается в ожесточенной борьбе, что поэтому первой, важнейшей и неизбежной предпосылкой социалистического общества является диктатура пролетариата, которая существует в течение всего периода революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. В. И. Ленин также отмечал, что развитие к коммунизму идет через диктатуру пролетариата и «иначе идти не может», диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, буржуазии и помещиков. Вместе с тем он указывал, что гораздо более глубокой и постоянной чертой диктатуры пролетариата является организаторская, хозяйственная и культурная деятельность трудящихся, направленная на переорганизацию производства, на преодоление сил и традиций старого общества, на уничтожение деления общества на классы, на построение социализма и коммунизма. Диктатура пролетариата, подчеркивал В. И. Ленин, есть форма классового союза между пролетариатом и другими слоями трудящихся в целях окончательного упрочения социализма и созидания коммунизма.

Именно поэтому в отличие от буржуазного социалистическое государство служит интересам подавляющего большинства населения, неразрывно связано с самыми широкими массами; по мере упрочения и совершенствования социалистического общества к периоду вступления страны в этап развитого социализма диктатура пролетариата перерастает в политическую власть всех трудящихся, а пролетарское государство — в общенародное.

³⁰ Bernstein und der demokratische Sozialismus. Berlin (West), 1978.

Это изменение роли социалистического государства четко зафиксировано в Конституции СССР.

Марксисты, коммунисты всегда связывают строительство социализма с наличием сильного государства рабочих и крестьян, способного отстоять новый строй от натиска любых врагов. Марксисты, коммунисты всегда выступали и выступают за то, чтобы социалистическое государство взяло в свои руки все орудия производства, ибо только на этой основе можно быстро увеличить сумму производительных сил, обеспечить свободное развитие всех и каждого.

Дело вовсе не в том, чтобы отрицать роль государства, централизма во имя самоуправления и автономии (как это делают приверженцы «плюралистической демократии») или, напротив, самоуправление, инициативу и самостоятельность трудовых коллективов и личностей — во имя централизма. Задача заключается в их диалектическом сочетании. Лишь на основе демократического централизма, общегосударственного планирования можно выявить подлинно общие интересы, установить подлинно общественный контроль за производством, поставить преграды всякого рода ведомственным и местническим тенденциям и одновременно развивать инициативу, свободное творчество масс, широко вовлекать трудящихся в управление производственными и общественными делами, учитывать запросы каждого отдельного человека и таким путем обеспечить подлинный социально-экономический прогресс, осуществление гуманных целей социализма.

В. И. Ленин боролся против анархо-синдикалистской группы, именовавшей себя «рабочей оппозицией», отстаивавшей идею отстранения социалистического государства от руководства экономикой и передачи управления всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей». Если бы социалистическое государство последовало сегодня призывам антимарксистских апологетов плюрализма, то оно в погоне за мелкобуржуазным утопическим идеалом «автономии», «суверенности» и т. п. неизбежно лишилось бы преимуществ социализма в виде планового руководства народным хозяйством, необходимого для ускоренного развития научно-технического прогресса, натолкнулось бы на явления анархии, резкой конкуренции и безработицы.

Исторический опыт учит, что там, где происходит ослабление роли и места социалистического государства,

неизбежно нарастают элементы анархии и стихийности и в конечном счете ставятся под угрозу социалистические завоевания. Ведь именно под прикрытием лозунга борьбы за «демократию», «автономию», «плюрализм» и т.п. контрреволюционные силы в Польше в 1980—1981 гг. создали свои организации, использовали средства массовой информации для дезориентации и дезорганизации трудящихся масс, пропагандировали реакционные буржуазные идеи, разжигали антикоммунистическую и антисоветскую истерию, осуществляли политические провокации и диверсии, создавали атмосферу морального террора против коммунистов.

Разумеется, никто из марксистов-ленинцев не утверждает, что в социалистических странах все проблемы, связанные с совершенствованием демократии, уже разрешены. Отнюдь нет. У социалистической демократии есть и, вероятно, еще будут трудности роста. Они обусловлены и материальными возможностями общества, и уровнем политической культуры масс. Важно иметь в виду также, что страны реального социализма развиваются не в тепличных условиях, а в атмосфере развязанной против них империализмом ожесточенной «психологической войны».

Однако, несмотря на все трудности и проблемы, социалистические страны настойчиво совершенствуют свою политическую систему, деятельность государственных органов, решительно устраняют бюрократическую «заорганизованность» и формализм, т. е. все, что сковывает инициативу, творческую мысль, трудовую активность трудящихся масс. Особое внимание уделяется дальнейшему развитию демократических начал в управлении производством, укреплению связи народных депутатов, органов власти с населением. «По мере вызревания необходимых социально-экономических и идеологических предпосылок, вовлечения всех граждан в управление, при наличии соответствующих международных условий социалистическое государство, как и отмечал В. И. Ленин, будет во все большей степени становиться переходной формой от «государства к негосударству». Деятельность государственных органов будет приобретать неполитический характер, постепенно отпадет потребность в государстве как особом политическом институте», — указывается в новой редакции Программы КПСС³¹.

³¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 138—139.

Абсолютно несостоятельны и рассуждения антимарксистов по поводу роли и места коммунистической партии в существующем социалистическом обществе. Руководствуясь своим исходным тезисом о том, что в странах реального социализма не было-де достаточных предпосылок для социалистических преобразований, Колаковский, Шафф и другие антисоветчики утверждают, будто в этих странах процесс развития революционной партии якобы неизбежно приобретал «трагический характер». В чем же усматривается этот «трагизм»? В том, что партия стремится создать однопартийную политическую систему, чтобы занять в обществе монопольное положение³².

В сущности это давний тезис буржуазной политологии, отдающей предпочтение многопартийной системе, будто бы автоматически обеспечивающей демократический характер общественного развития, возможность «выбора» альтернативных решений для тех или иных социальных слоев и групп. Между тем достаточно обратиться к практике современного капиталистического мира, чтобы убедиться, что существующая там многопартийность отнюдь не обеспечивает реализацию даже тех прав и свобод, которые провозглашаются в конституциях буржуазных государств. Ратуя за плюрализм, за свободную, равноправную конфронтацию различных мнений и политических группировок в социалистических государствах, правящие круги капиталистических стран и их идеологи в своих собственных странах всеми средствами расправляются с последовательно демократическими и революционными силами. Например, в ФРГ, претендующей на роль свободного социально-справедливого государства, существует практика «запрета на профессии», в соответствии с которой граждане прогрессивных убеждений лишены возможности занимать какие-либо посты на государственной службе, а также работать в системе народного образования и высшей школы. Решения об этих запретах были приняты в то время, когда социал-демократическая партия Германии была правящей партией страны, партией, формирующей правительство.

Прошлое и настоящее буржуазных государств показывают, что скрывается за мнимым плюрализмом поли-

³² *Kolakowski Z. Die Hauptströmungen des Marxismus. München; Zürich, 1977—1979; Currillo S., Schaff A. Problemas de la Traducción. Madrid, 1985. P. 33 et al.*

тических сил. Опыт, скажем, Веймарской республики, где на политической арене действовало более 30 партий и где на протяжении ряда лет страной руководила социал-демократическая партия, продемонстрировал подлинную цену буржуазного плюрализма. Разглагольствуя о «плюралистической демократии», «абсолютной свободе» и т. п., крупнейшие германские промышленники и прусское юнкерство в то же время вместе с кайзеровскими генералами помогали фашистам готовить захват власти. Многие буржуазные идеологи применительно к внутриполитической ситуации в собственных странах все чаще выдвигают лозунг так называемой воинствующей демократии. Воинствующей, естественно, по отношению к прогрессивным демократическим силам. Так, один из лидеров крупнейшей в ФРГ буржуазной партии — ХДС, К. Биденкопф, ведет полемику против «плюралистических» взглядов на государство как на «нейтрального посредника» с позиций защиты «сильного государства»³³. А один из идеологов консервативных сил этой страны, Г. Кальтенбруннер, еще десять лет назад открыто пропагандировал эту позицию: «Необходимо государство привилегированных элит. Социальная демократия — вздор. На место демократии, перенапрягающей возможности «слабого» человека, нужно поставить государство, авторитарное во внутренней политике, агрессивное во внешней»³⁴.

В свое время Ф. Ницше, звавший «аристократию духа» к открытой, непримиримой борьбе с рабочим классом, заявлял, что миролюбие, справедливость, истина и т. п. — «все эти великие слова имеют цену лишь в борьбе как знамена, — не как реальности, а как пышные наименования для чего-то совсем иного (даже противоположного!)»³⁵. Сегодняшняя реальность капитализма подтверждает это, полностью опровергая все рассуждения буржуазных либералов и оппортунистов о мнимой демократичности, плюрализме и т. п. современного буржуазного общества.

В сложных для себя ситуациях государственно-монополистический капитал, «не колеблясь, прибегает к политическому шантажу, репрессиям, террору, каратель-

³³ Demokratische Gesellschaft: Consensus und Konflikt. München, 1975. S. 61—65.

³⁴ Kaltenbrunner J.-K. Vorwort des Herausgebers. Der überforderte schwache Staat. München, 1975. S. 10.

³⁵ Ницше Ф. Воля к власти. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1910. С. 53.

ным акциям. На политическую арену все активнее выходит неофашизм. Там, где обычные формы подавления трудящихся не срабатывают, империализм насаждает и поддерживает тиранические режимы для прямой военной расправы с прогрессивными силами», — подчеркивается в Программе КПСС³⁶. Лишь активная, последовательная борьба рабочего класса, опирающегося на союз с крестьянством и прогрессивной интеллигенцией, может остановить явную тенденцию буржуазных государств к отказу от демократии, к усилению реакции по всем направлениям.

Социалистические страны не могут и не желают ориентироваться на исторически обанкротившуюся буржуазную демократию. В. И. Ленин писал: «Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии... без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.»³⁷. Социалистическая революция создала свои формы демократии, основанные на том, что коренные интересы всех классов и слоев в социалистическом обществе совпадают; это обуславливает в свою очередь совпадение их взглядов и по коренным проблемам политики. Да, именно потому, что в социалистическом обществе коренные интересы социальных классов и слоев совпадают и направлены на достижение общей цели всех трудящихся — совершенствование социализма и построение коммунистического общества, в условиях социализма идет процесс формирования социально-политического и идеологического единства всех слоев трудящихся, всего общества, устраняющий в конечном счете плюрализм политических сил и тенденций. Конечно, это отнюдь не приводит к какой-либо унификации, не только не исключает, но предполагает и создает условия для подлинного развития и расцвета всего многообразия способностей личностей социалистического общества.

В этой связи абсолютно несостоятельны нападки буржуазных приверженцев плюрализма также и на национальную политику КПСС, на научный вывод о том,

³⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. С. 15.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, С. 498—499.

что социалистические нации в СССР, постоянно аккумулируя в себе интернациональные черты и повышая степень социальной однородности, образовали новую историческую общность — советский народ. Антисоциалистические идеологи «доказывают», что в Советском Союзе якобы искусственно создается какое-то супернациональное образование, поглощающее все советские нации и народности. Между тем вывод Программы КПСС таков: лишь при зрелом коммунизме будет достигнуто полное единство наций, в свою очередь полное единство наций явится основой для их будущего слияния. При этом марксисты-ленинцы считают, что нельзя понимать слияние наций как безоговорочное исчезновение всех национальных особенностей и различий. Нельзя понимать слияние упрощенно, как бесследное растворение наций в более крупной нации, как утрату национальных богатств духовной жизни, как нивелировку культур. Общечеловеческое безнациональное единство будет отличаться многозвучностью и многокрасочностью культур объединившихся народов.

Марксисты отнюдь не отрицают наличие специфических интересов у различных классов и слоев социалистического общества на современном этапе его развития, признавали и признают, что эти интересы могут быть выражены в соответствующих политических программах, а сами классы и слои могут быть объединены в политические партии и организации. Поэтому являются совершенно необоснованными и клеветническими измышления антикоммунистов о том, что коммунисты возводят де однопартийную систему в принцип строительства и функционирования социализма. Коммунисты никогда не утверждали, что существование одной-единственной партии — обязательное условие построения и совершенствования социализма или неизбежное следствие перехода к социализму.

В действительности в ряде социалистических стран — Болгарии, ГДР, Польше, ЧССР — наряду с коммунистическими партиями существуют и действуют другие партии. Разумеется, роль их совершенно иная, чем та, которую хотели бы отвести им противники реального социализма. Эти партии стоят на позициях строительства социализма и признания ведущей роли рабочего класса, руководства коммунистов в социалистическом строительстве. Выражая специфические интересы определенных слоев населения (крестьян, интеллигенции, верующих

и т. д.), эти партии совместно с коммунистической партией и под ее руководством строят и совершенствуют социализм.

При этом, бесспорно, коммунисты не абсолютизируют многопартийность. В конечном счете для социалистического общества критерием реальной демократии, реальной свободы является не количество политических партий, а степень участия рабочего класса, трудящихся в управлении страной. Именно в этом направлении ведут сегодня коммунистические партии социалистических стран свою огромную созидательную работу.

Совершенно очевидно, что в борьбе с марксистско-ленинской концепцией социалистической революции современные антимарксисты, назойливо апеллируя к плюрализму, к плюралистической демократии, в сущности воспроизводят старые оппортунистические идеи. В духе ласальянства они рассматривают буржуазное государство как классово-нейтральное, а не как орудие господствующего класса; ставят на место классовых противоречий капиталистического общества мнимую «свободную игру» различных политических сил и течений, которые якобы «равноправно» принимают участие в борьбе за свою долю политической власти. Антимарксистские приверженцы плюралистической идеологии фальсифицируют саму суть идеи демократии. Основные определения демократии: суверенитет народа, свобода и равенство, обусловливаемые экономическими отношениями и общественно-политическим устройством, — в их концепциях плюрализма соотносятся с формальными правами и свободами, с существованием множества политических партий, с правом на оппозицию, с парламентаризмом, с разделением власти и т. д. и т. п. Тем самым затушевывается классовая сущность буржуазной демократии. Становится невозможным увидеть ее экономические основы, тесную связь капиталистических производственных отношений с сущностью политического плюрализма.

Спекулируя на внешней привлекательности идей плюрализма, антимарксисты разных направлений пытаются, во-первых, доказать возможность «ввести» социализм при помощи голосования посредством избирательных бюллетеней, без классовой борьбы, и, во-вторых, требуют от стран реального социализма, от марксистско-ленинских партий допустить свободное соревнование различных интересов и политических сил, т. е. фактически предоставить возможность для легальной деятельно-

сти тех политических партий и идеологических течений, программы которых противостоят платформе научного коммунизма и практике реального социализма.

В действительности же даже в самых развитых буржуазно-демократических странах не существует никакого равноправного «соревнования» идей и взглядов. Этими возможностями обладают только те политические и идеологические движения, которые не подвергают угрозе буржуазно-классовый характер и сущность власти монополий. Если же возникает угроза власти капитала, буржуазия без колебаний отказывается от «плюралистической» демократии, отбрасывает все конституционные нормы, ею же провозглашенные, и устанавливает открытую террористическую диктатуру фашистского толка.

Рабочий класс, коммунисты, естественно, решительно выступают против установок на переход к социализму при помощи институтов и норм буржуазной демократии, против иллюзии, будто возможна трансформация экономической структуры капитализма путем эволюционного развития, путем постепенных количественных изменений, без революционной борьбы, которая только и может обеспечить качественный скачок от капитализма к социализму.

В сущности буржуазно-демократический тезис о плюрализме, о «равноправии» политических сил и идеологий предназначен только для социалистического общества, направлен на то, чтобы создать возможность пропагандировать в социалистическом обществе ценности и нормы буржуазного образа жизни, обеспечить беспрепятственный экспорт контрреволюционных идей в социалистические страны.

Рабочий класс, трудящиеся, коммунисты, конечно, не отрицают необходимость использования определенных демократических форм, которые были завоеваны трудящимися еще в условиях капиталистического строя, ибо последнее неизбежно привело бы к сектантству, к леваческим или анархистским тенденциям. Вместе с тем они не могут и не должны сковывать свою деятельность старыми, буржуазными конституционными рамками и нормами. Существует определенная логика классовой борьбы. Она толкает врагов социалистической революции, врагов социализма на нарушение всех законов, заставляет их в борьбе с социализмом использовать все, даже самые крайние средства. Она же заставляет трудящихся, готовясь к отражению натиска классового вра-

га, овладеть всеми формами революционной борьбы, а в случае необходимости беспощадно подавить его. Во всяком случае игнорирование классового содержания как буржуазной демократии, так и диктатуры рабочего класса — это опасное заблуждение, которое может нанести революционным силам большой ущерб.

В действительности все буржуазные плюралистические концепции однозначно оправдывают и защищают частную собственность на средства производства, которая является основой эксплуатации трудящихся масс, основой политической власти буржуазии. Плюралистическая демагогия представляет собой в сущности наиболее подходящий способ защиты монизма политической власти империалистической, монополистической буржуазии.

Практика реального социализма убедительно разоблачила апологетический, формальный характер буржуазной «плюралистической» демократии, продемонстрировала всем непредубежденным людям великое преимущество социалистической демократии перед буржуазной. Рабочий класс, трудящиеся, завоевав политическую власть, на всех этапах развития социалистического общества постоянно заботились и заботятся о совершенствовании демократии. Конституции социалистических стран юридически обеспечивают широкие права и свободы граждан, их интересы. И самое главное — социалистическое общество, социалистическая демократия обеспечивают, гарантируют реальную осуществимость широких прав и свобод, конституционно предоставляемых гражданину; права и свободы опираются в социалистическом обществе на общественную собственность на средства производства, на общегосударственную плановую систему народного хозяйства, на политическую власть трудящихся.

Практика социалистического строительства вместе с тем подтвердила, что именно коммунистическая партия — авангард, передовой отряд рабочего класса, объединяющий лучших представителей трудящихся, является руководителем социалистического строительства и гарантом претворения в жизнь подлинной демократии, демократии для народа. Руководящая роль коммунистической партии в социалистической революции и строительстве социализма и коммунизма органично вытекает из научно обоснованной марксизмом-ленинизмом ведущей роли рабочего класса в революционном процессе.

Коммунистическая партия нужна рабочему классу, всем революционным силам как непосредственный политический руководитель и организатор масс, как носитель научной теории, без которой нельзя познать законы общественного развития, понять пути и цели социалистической революции и обеспечить ее победу, победу нового общественного строя.

Все это подтверждает полнейшую научную несостоятельность попыток буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков противопоставить марксистско-ленинской теории социалистической революции и социалистического строительства всякого рода плюралистические концепции. Одновременно со всей очевидностью обнаруживается политическая сущность плюрализма, приверженцы которого под предлогом стремления открыть «цивилизованную» перспективу социальных преобразований для западноевропейских стран отвергают проверенные исторической практикой коренные положения марксистско-ленинской теории, чернят мир реального социализма, строящийся героическими усилиями миллионных масс трудящихся. Справедливо сказал Генеральный секретарь Центрального Комитета БКП Т. Живков: «В свое время кое-кто пытался противопоставлять Ленина Марксу. Да и сейчас находятся люди, советующие нам отказаться от Ленина и ленинизма якобы во имя Маркса и марксизма, в интересах борьбы. Можно подумать, что между теми годами и нынешними лежит цепь поражений, а не целый ряд исторических завоеваний рабочего класса и угнетенного человечества, целиком изменивших карту и характер мира, завоеваний, достигнутых под великим красным знаменем марксизма-ленинизма!

Нет, нельзя разделить то, что неразделимо. Нельзя потому, что борьба рабочего класса, которую возглавляли оба титана, едина для всего мира, потому, что един научный социализм»³⁸.

Несмотря на все потуги антимарксистов, рабочий класс, трудящиеся все теснее и теснее смыкают свои ряды под революционным знаменем марксизма-ленинизма. Они все более глубоко осознают вклад реального социализма в прогрессивный опыт истории, оценивают успехи СССР, других социалистических стран как великое политическое и нравственное достояние.

³⁸ Строительство социализма и коммунизма и мировое развитие. София, 1978. С. 12.

Заключение

Монистичность марксистско-ленинского мировоззрения

В последние годы идеи плюрализма широко используются западной пропагандой для обоснования правомерности господства капитализма и в целях критики реального социализма. Концепция идейного и политического плюрализма находит отражение в мифе о якобы происходящем в капиталистическом мире «взрыве мировоззрений», неудержимом росте и состязании новых идей, что изображается как свидетельство «духовного изобилия», мировоззренческих исканий. Плюралисты проповедуют лозунги «свободы творчества», «свободы науки», «свободы культуры».

Своим острием концепции плюрализма направлены против социализма, социалистической демократии. На этой методологической основе разворачиваются нападки на нашу страну, на реальный социализм и международное коммунистическое движение. Идейному и политическому единству стран социализма противопоставляются буржуазные идеи «разрыхления социализма», «раздробления» его идеологии под видом поисков различных путей социального развития, культурно-цивилизационных новшеств и т. д.

Утверждая принципиальное единство научного знания, предполагающее многообразие научных подходов и демократические методы обсуждения и решения конкретных проблем познания и общественной жизни, марксизм-ленинизм решительно отвергает философский и политический плюрализм. Марксистская философия последовательно монистична. Она рассматривает мир с позиций диалектического материализма. «Социализм обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения, основу которого составляет марксизм-ленинизм, — отмечено в Программе КПСС, — как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов»¹.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 52.

Монизм нашей теории проявляется уже в том, что марксистско-ленинское мировоззрение выступает как система обобщенных взглядов, понятий и представлений об окружающем мире, о природе и обществе. Мировоззрение — это прежде всего общественное самосознание личности, сердцевина ее духовного мира. Общественное мировоззрение при социализме выступает как целостная система взглядов и идей рабочего класса, его партии, общества в целом, является наиболее общей теоретической платформой для практической деятельности.

Монизм нашего мировоззрения выявляется также в его структуре и в присущих ему социальных функциях. В своей разносторонней деятельности, в анализе общественных явлений люди руководствуются определенными понятиями, идеями, теориями, чувствами, настроениями, т. е. тем, что составляет содержание их мировоззрения. Но мировоззрение, безусловно, имеет и психологическую сторону — мироощущение духа эпохи, духа времени. Именно оно позволяет давать оценку общественным отношениям с классовых позиций, помогает правильно ориентироваться в сложных политических ситуациях, определяет политическое поведение личности. В мировоззрении советского человека отражаются прежде всего экономические интересы рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, социальные интересы всего общества, а также понимание каждым своего места и роли в системе социально-экономических отношений и политической жизни общества, социалистические идеалы и ценности.

Мировоззрение может быть не только научным. Человек овладевает знаниями о ближайшей природной и социальной среде в обычной жизни, которые на уровень всеобщности не претендуют. Эти знания являются продуктами обыденного сознания. «Обыденное сознание», которое отражает «обыденную жизнь», К. Маркс и Ф. Энгельс четко отличали от научного мышления, или, как они называли, «действительного мышления». Главная особенность научного мировоззрения — объективно-истинное, диалектико-материалистическое отражение мира в научных категориях, законах, фактах, формулах. Ведущими признаками его, как известно, являются: 1) формирование взглядов и убеждений на основе познания законов и закономерностей развития природы, общества и познания; способность за случайным увидеть необходимое, за единичным — общее; 2) систем-

ность мировоззренческих знаний, взглядов, понятий; их объединенность в единое целое на основе ведущей теоретической концепции; 3) опора на новейшие достижения научного знания, стремление познать еще непознанное. Напротив, ненаучное мировоззрение опирается либо на стихийное осознание мира, на полученные в процессе практической деятельности знания, либо на ложные концепции, различного толка идеалистические представления, либо на религиозно-мифологическое, искаженное стражение действительности.

Коммунистическое мировоззрение выступает как мировоззрение созидания, учит мыслить, поступать, действовать по-новому, в соответствии с духом времени, насущными потребностями общественного развития. Научное мировоззрение рабочего класса порождает бодрое социальное настроение, обуславливает исторический оптимизм, который вытекает из объективного хода истории и понимания роли разума в истории, веры в разум человечества. Овладение диалектико-материалистическим способом мышления, всем богатством философского, естественнонаучного и политического знания, творческое осмысление актуальных вопросов с позиций коммунистического идеала является необходимым условием воспитания высокой мировоззренческой, духовной культуры личности, основой ее жизненной позиции. «Коммунисты всегда представляли себе пути социального прогресса во всей их внутренней сложности и противоречивости, — подчеркнуто в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — Но — и в этом главное отличие коммунистического мировоззрения — в центре этих процессов неизменно стоит человек, его интересы и заботы»².

Довольно часто приходится сталкиваться с тем, что понятие «научное мировоззрение» соотносится с понятием «теоретическое сознание», а понятие ненаучного мировоззрения — с понятием так называемого обыденного сознания. Вывод отсюда делается однозначный: раз обыденное сознание обусловлено ненаучным мировоззрением, стало быть, по своей сути оно нечто примитивное, незрелое, негативно-ограниченное и даже

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 21.

совсем не социалистическое. С такой постановкой вопроса согласиться никак нельзя.

Обыденное сознание — это логическое несистематизированное, стихийное сознание, обладающее элементами рутины, известным консерватизмом, подменяющее нормы и принципы теоретического мышления эклектической совокупностью канонов. В обыденное сознание сравнительно легко могут проникать плюралистические представления. Однако, подобно тому как в организме человека каждый орган выполняет свою, природой данную ему функцию, так и в структуре общественного сознания его разные уровни наделены определенной ролью по отношению к действительности.

Обыденное сознание — это, во-первых, непосредственное, массовое духовно-практическое отношение к миру. В нем отражаются повседневные интересы и заботы людей, осмысливается их личностный жизненный опыт. Вот почему обыденное сознание называют еще массовым или практическим сознанием. Обыденное сознание людей зависит от социального строя и классовых отношений. Здесь особенно важно учитывать марксистско-ленинское положение о том, что наиболее широкое распространение в обществе получают идеи господствующего класса.

Во-вторых, это чрезвычайно широкое по своим границам сознание. Им осмысливается все многообразие жизненных фактов, событий, явлений и процессов — от глобальных проблем войны и мира, состояния международной обстановки до конкретных межличностных отношений. Оно включает в себя знания и навыки, складывающиеся в процессе трудовой деятельности людей, наивное представление об окружающей их природе, простые нравственные нормы, обычаи, представления людей об их собственном социальном положении и потребностях.

В-третьих, это сознание, в принципе открытое для всего, подчеркнем, именно для всего, чем располагает теоретическое сознание, и прежде всего научная, марксистско-ленинская идеология. Однако усвоение ее высоких идеалов и понимание событий общественной жизни осуществляется этим сознанием сквозь призму собственного опыта масс, через повседневный ход жизни. Только на основе такого взаимодействия научной идеологии и обыденного сознания последнее поднимается над будничностью, переходит от констатации отдельных жизненных фактов к анализу тенденций и закономерностей общественной жизни, к важнейшим теоретическим обобще-

ниям и выводам. Здесь уместно вспомнить ленинское предостережение о том, что «самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд»...»³.

В-четвертых, именно в обыденном сознании лежат истоки исторического творчества масс, их социальной активности, впервые формируется новый опыт участия трудящихся в социалистическом строительстве. В условиях развитого социализма обыденное сознание существенно изменилось, оно стало более систематизированным, утратило известную стихийность, обогатилось достижениями науки, философии и передовой практики.

И в-пятых, обыденные воззрения проявляются прежде всего через нравственное сознание. Моральные нормы выражают отношение человека к объективной действительности и к другим людям, дают практическую установку, определенный способ видения мира и восприятия его как «справедливого» или «несправедливого». Усиливается взаимозависимость обыденного сознания и морали, а также других форм общественного сознания, углубляется связь между экономической, организаторской и культурно-воспитательной деятельностью. Иначе и не может быть в условиях, когда социальная среда, семейная и личная жизнь становятся все более насыщенными в нормативном и ценностном планах, когда интенсифицируется духовное развитие человека, когда новое качество жизни и социалистическая цивилизованность определяют суть его общественного бытия.

Если теперь суммировать все отмеченные особенности обыденного сознания, станет ясным, почему партия всегда стремилась учитывать его в своей политике и пропаганде. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев не случайно подчеркнул, что «сами по себе идеи, как бы притягательны они ни были, еще не формируют автоматически целостного и активного мировоззрения, если не сопряжены с социально-политическим опытом масс»⁴.

В наши дни, в условиях работы по совершенствованию социализма, мы имеем дело с относительно разви-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 408.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

тым обыденным сознанием. Его обогащение есть результат подъема культуры народа, усиления роли научных знаний, марксистско-ленинской философии и политизации всех сфер общественной жизни. Получили новую качественную и количественную определенность все компоненты этого сложного, многопланового духовно-практического образования. Теперь с большей четкостью проступают и сущностные характеристики обыденного сознания, которое, можно сказать, «стоит на грани психологии и идеологии, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического»⁵, занимая как бы своеобразную пограничную зону.

Будучи процессом внесения в сознание людей научных взглядов и представлений, теорий и концепций, формирование коммунистического мировоззрения выступает как *«обработка людей людьми»*⁶. Вся эта работа направляется прежде всего на упрочение основы основ, краеугольного камня нашего мировоззрения — коммунистической идейности, политической сознательности и нравственной воспитанности советских людей.

Коммунистическая идейность и политическая сознательность выступают как главные, сущностные черты мировоззрения советских людей, представляют собой не только глубокое знание ими идей марксизма-ленинизма, превращение этих идей в убеждения, но и непоколебимую верность идеалам рабочего класса, политике и делу ленинской партии, готовность и умение строить и защищать новое общество. Именно они «цементируют» интеллектуальную и эмоционально-волевыми основы мировоззрения, формируются, воспитываются в процессе всей жизни и деятельности человека.

Основа воспитания, укрепления идейности, роста политической сознательности трудящихся масс — неуклонное развитие социализма и совершенствование общественных отношений. Объективная потребность роста политической сознательности при социализме определяется закономерностями сознания нового общества. В то же время коммунистическая идейность, политическая сознательность, дисциплинированность выступают важным фактором достижения новых успехов в экономической, социальной и духовной жизни.

⁵ См., например: Баталов А. А. К философской характеристике практического мышления // Вопросы философии. 1982. № 4. С. 66.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 35.

Марксизм-ленинизм по-новому поставил вопрос о путях воспитания политического сознания трудящихся. В. И. Ленин настоятельно подчеркивал, что «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их достижения вырабатываемой идеологии» не может быть и речи»⁷, что «исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»⁸, что революционное, политическое сознание вырабатывается наукой и может быть «привнесено только извне»⁹, путем воспитательной работы партии, направленной на освоение трудящимися научной теории. Выдвигая задачу «как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще»¹⁰, В. И. Ленин указывал, что они участвуют в выработке идеологии «лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание». В. И. Ленин, как известно, критиковал действовавших в 1895—1898 гг. социал-демократов за то, что они, усердно занимаясь экономической агитацией¹¹, рассчитывали на стихийное революционное созревание пролетариата, не воспитывали его политического сознания, не вносили марксизм в рабочее движение¹².

Воспитание коммунистической идейности, политической сознательности трудящихся не ограничивается теоретическим усвоением марксизма-ленинизма. Научное мировоззрение обретает более активный, революционно-творческий характер в том случае, если овладение марксистско-ленинской теорией соединяется с практикой революционной борьбы. «Действительное воспитание масс, — считал В. И. Ленин, — никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»¹³. Классики марксизма-ленинизма именно в социально-политической практике видели ос-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же. Т. 30. С. 314.

¹³ Там же.

новой критерий их мировоззренческой зрелости. В. И. Ленин указывал, что «назначение наших теоретических взглядов состоит в том, чтобы руководить нами в нашей революционной деятельности», что «подлинная проверка для коммуниста — это его понимание, (как), где и когда превращать свой марксизм в действие»¹⁴.

Реализация этих принципиальных ленинских положений предполагает непрерывное совершенствование форм и средств идейно-политического влияния, постоянное привлечение трудящихся к активной общественно-политической деятельности, к участию в практике государственных дел. Участие широких народных масс в деятельности партийных, государственных, комсомольских, профсоюзных организаций, в обсуждении внутренней и внешней политики партии — один из показателей уровня развития их политического сознания, коммунистической идейности. На основе научного обобщения опыта политической, хозяйственной, культурной деятельности дружественных классов в нашем обществе, их политических отношений партия развивает и обогащает социалистическую идеологию и через систему политического образования, пропаганды и агитации вносит ее в массовое сознание.

В материалах XXVII съезда КПСС уделено огромное внимание перестройке идейно-политического воспитания. Оно рассматривается как определяющий фактор и связующий элемент всей системы коммунистического воспитания. В процессе получения политического образования и воспитания осуществляется формирование научного мировоззрения, его главных содержательных и структурообразующих элементов — коммунистической идейности и политической сознательности, без которых невозможно представить себе всесторонне развитую личность.

Научное мировоззрение тесно связано не только с идеологией, но и с наукой, естествознанием, правом, искусством, культурой, которые выступают важными сторонами общественного сознания. При этом коммунистическая идейность, политическая сознательность человека оказывают решающее воздействие на формирование всех сторон духовного мира личности, ее убеждений, идеалов, чувств, норм поведения, пронизывают, насыща-

¹⁴ Ленинский сборник XXXVII. М., 1970. С. 240.

ют богатством содержания все формы общественного сознания.

Глубокая идейность и политическая сознательность, проявляющиеся в ходе практической, трудовой деятельности, являются показателем становления социалистической личности, превращения каждого человека в сознательного гражданина нашего общества, патриота и интернационалиста. Эти компоненты духовного мира личности раскрывают глубинный смысл всех социальных ценностей, норм и принципов практического поведения, наполняют их глубоким содержанием осознанных социалистических интересов, освещают высшее предназначение свободного труда и борьбы.

Черты идейности и политической сознательности проявляются в советском образе жизни через деятельность всех социальных институтов. Они определяют активную жизненную позицию личности, направленность ее поступков в системе общественной и трудовой деятельности, представляющей собой важнейшую сферу революционно-преобразовательного творчества. Одной из важных форм проявления этого творчества выступает социалистическое соревнование. По самой своей сути социалистическое соревнование — это творчество масс, основанное на высокой сознательности и инициативе людей.

Подъем социалистического соревнования в современных условиях — наглядный результат тесного слияния политического, нравственного и трудового воспитания. В социалистическом соревновании реализуется отношение человека к труду, общественной собственности, коллективу, практически осуществляются его мировоззренческие установки и ценностные ориентации. Аккумулируя творческую энергию миллионов советских трудящихся, социалистическое соревнование воздействует на формирование и упрочение мировоззренческих устоев человека, способствует утверждению коммунистических начал во взаимоотношениях между людьми, полному раскрытию творческого потенциала каждого человека, утверждает новые, социалистические нормы нравственности.

Участвуя в различных формах соревнования, массовых трудовых починах и движениях в управлении производством, в работе партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, государственных органов и других общественных организаций, десятки миллионов граждан вносят свой вклад в совершенствование социа-

лизма. Основной детерминантой такого социального поведения и деятельности выступает научное, марксистско-ленинское мировоззрение.

Реализация в практической деятельности мировоззренческих установок не может рассматриваться только лишь как результат идеологического воздействия. Она отражает социальную психологию отдельных социальных групп и индивидов, результат соотнесения идеологических ценностей и норм с опытом личности — опытом экономическим, познавательным, эмоциональным. Практика показывает, что идеологические, теоретические представления, не затронувшие реальных потребностей и интересов конкретной личности, в весьма ограниченной степени влияют на ее общественное поведение, жизненные планы. В такого рода случаях психология человека «ускользает» из сферы воспитательного воздействия.

Следует иметь в виду, что с ростом уровня культуры, образованности, информированности масс, повышающим их общую восприимчивость к идеологическим теориям, переплетение психологической и идеологической сфер в сознании личности становится все более тесным, требует учета в практике идейно-воспитательной работы. При таком понимании наше монистическое мировоззрение предстает чрезвычайно сложным духовным образованием, обладающим собственной структурой и относительной самостоятельностью. Лишь уяснив его внутренние связи, отношения, можно сказать, каким образом в каждом конкретном случае действует механизм «социальное бытие — мировоззрение — социальное поведение».

Опыт социалистического строительства, развития политических и социальных отношений в нашей стране убедительно свидетельствует о том, что при всей важности политических знаний уровень политической сознательности советского человека не только не сводится к ним, но и не определяется только ими. Огромное значение в формировании и упрочении ведущих элементов научного мировоззрения имеют политические чувства, эмоции, способствующие превращению общественных идеалов в личные, побуждающие человека осуществлять их в повседневной деятельности и, если потребуется, идти на жертвы и лишения ради торжества этих идеалов.

Исторические, социологические и психологические ис-

следования показывают, что подавляющее большинство представителей такой, например, социальной группы, как колхозники старшего и среднего поколений, имеющие нередко лишь начальное образование, на всех этапах социалистического строительства проявляли высокую политическую сознательность. Она выражалась в принятии политической идеологии рабочего класса, признании его руководящей роли, всемерной поддержке экономической и социальной политики партии. Ныне политическое сознание колхозного крестьянства характеризуется отношением к идеалам социализма, его политической системы, колхозного строя как к высшим социальным ценностям.

Коммунистическая идейность и политическая сознательность советского человека немыслимы без глубокого овладения социально-политическими ценностями социалистического общества. Среди них — понятия социального равенства и справедливости, прав и обязанностей человека, товарищества и дружбы народов, социалистической демократии, добра и справедливости. Истоки их формирования связаны, с одной стороны, с общечеловеческими идеалами, с другой — с конкретными классовыми интересами и потребностями трудящихся.

Важным элементом мировоззрения индивидов и социальных групп являются политические ориентации, которые представляют собой своего рода «выход» в сферу практики политических отношений. Политическая ориентация выражает отношение личности как к политике вообще, так и к содержанию конкретных политических ценностей, норм и программ. Именно по отношению человека к коммунистическим идеалам, к внутренней и внешней политике Коммунистической партии и Советского государства можно судить о его политической направленности. Понимание, полная поддержка политики партии и борьба за ее выполнение — основное содержание политической ориентации, пронизывающее политическое сознание личности социалистического типа. Политические качества и установки личности проявляются не только в политической, но и в трудовой, культурной и бытовой сферах.

Все стороны жизнедеятельности индивида затрагивают и политические убеждения, выступающие в качестве мотива социальной активности личности.

В нашем обществе политическая сознательность тру-

дящихся достигла высокого уровня, углубилось и развилось само содержание политического сознания. Об этом ярко свидетельствует факт участия широких масс в политической, экономической, нравственной, правовой и других сферах жизнедеятельности общества.

Однако еще нельзя сказать, что все граждане СССР в одинаковой степени активно участвуют в социально-политической жизни общества, и сейчас стоит только задача повышения уровня их политической культуры. Часть граждан, и часть, прямо скажем, немалая, еще не ощущает своей причастности к государственным делам, пассивно относится к негативным социальным явлениям, рецидивам мещанской, мелкобуржуазной психологии, к уродливым и враждебным социализму пережиткам прошлого. В духовной жизни нашего общества еще существуют стереотипы и предрассудки разных времен и эпох, отжившие обычаи и нравы.

Научная монистическая идеология рабочего класса, будучи в настоящее время идеологией всего народа, еще не превратилась в сознательное внутреннее убеждение каждого человека, и далеко не для каждого общественные интересы приобрели личностный смысл. А это значит, что предстоит большая работа по совершенствованию социалистического образа жизни, по формированию научного мировоззрения, по искоренению всего, что мешает воспитанию личности нового типа.

Огромные качественные изменения, происшедшие в СССР за последние десятилетия, масштабность, динамизм и темпы преобразований материальных и духовных сторон жизни общества не могли не повлиять на протекание социальных процессов и тем самым не изменить ситуацию мировоззренческого воспитания. В результате ускорения и усложнения социальной жизни меняется сам процесс перехода знаний в убеждения. Существенные изменения интеллектуального и эмоционального мира советских людей, их значительно возросший духовный потенциал, культурный и образовательный уровень, расширившийся круг интересов и потребностей, динамизм общественной жизни привели к усложнению процесса усвоения личностью социально-политических знаний, идеологической информации.

В первые годы Советской власти усвоение марксистско-ленинской теории происходило в основном непосредственно в социально-практическом контексте революционно-преобразующей деятельности, создававшим благо-

приятную почву для быстрого усвоения политических идей и программ. В современных условиях политическая деятельность масс, и особенно молодежи, протекает в иной обстановке.

С самых ранних этапов становления личности — благодаря доступности средств массовой информации, произведений литературы и искусства — человек оказывается в интенсивном потоке социальной, в том числе и политической, информации. Систематическое усвоение молодежью политической идеологии начинается со школы, продолжается в годы студенчества и трудовой деятельности. При этом следует отметить не просто интенсивный, но и преимущественно интеллектуальный, научно-познавательный характер этого процесса. Приобщение к политической деятельности происходит на более богатом и основательном опыте старших поколений, прошедших суровую школу классовых битв, при более высоком уровне образования и культуры.

Наряду с изменением в форме усвоения марксистской политической теории для современной ситуации политического воспитания характерен ряд отличительных признаков.

Во-первых, усиливается взаимозависимость всех сфер жизнедеятельности людей. Наблюдается «уплотнение» взаимосвязи производственной и непроизводственной сфер жизнедеятельности. Идеологический резонанс «досуговых» форм жизнедеятельности личности делает их важным фактором формирования образа жизни, мировоззренческих установок. Так, молодежная мода, выполняющая регулятивную функцию по отношению к духовным и материальным потребностям личности, не только стимулирует потребности, но и во многом определяет их качественное содержание. Идеологическая функция моды особенно проявляется в случае слепого подражания западным образцам в одежде, музыке, образе жизни.

Во-вторых, в социалистическом обществе особенно расширилась сфера действия моральной регуляции, все более ощутимо возрастает ее удельный вес в общем объеме нормативных отношений. Все большую идейно-нравственную «нагрузку» обретают те аспекты и стороны образа жизни, которые раньше в практической работе не рассматривались как существенные факторы воспитания. В современной идеологической борьбе практически нет таких вопросов, которые были бы нейтральными в

моральном плане, и, наоборот, трудно найти проблемы нравственной жизни общества, которые не обладали бы идеологическим потенциалом.

В-третьих, на основе взаимодействия экономической, социальной и идеологической сфер жизнедеятельности общества усиливается взаимовлияние и взаимозависимость всех форм общественного сознания.

В-четвертых, усиливается взаимосвязь теоретического и обывденного уровня политического сознания масс. Направляющее влияние социалистической идеологии на личность реализуется все более эффективно с учетом социально-психологических особенностей восприятия идеологических знаний. Необходимо принять во внимание и тот факт, что идеологическая борьба не только усиливается на теоретическом уровне, но и затрагивает уровень обывденного сознания, эмоционально-волевую сферу личности. Недооценка эмоционально-психологического аспекта мировоззрения значительно снижает эффективность воспитательной работы.

Усложнение регулятивных механизмов поведения личности, функционирования трудовых коллективов и всего социального организма ставит важные проблемы перед всей системой воспитания; особенности восприятия и усвоения марксистско-ленинских идей, превращения их в устойчивые убеждения и соответствующее поведение в современных условиях настоятельно требуют согласованности, целенаправленности и последовательности в воспитательной деятельности социальных институтов с учетом общесоциальных изменений и специфики воздействия микросреды на каждую личность.

Одним из наиболее важных отправных моментов воспитательной работы ныне является то обстоятельство, что идейная закалка личности совершается в условиях беспрецедентного обострения идеологического противоборства двух мировоззрений — коммунистического и буржуазного. Определяя одну из важнейших функций революционной партии, которая является руководящей и направляющей силой мировоззренческого воспитания советских людей, В. И. Ленин писал: «Партия... пролетариата есть свободный союз, учреждаемый для борьбы с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского мирозерцания. Это — азбука»¹⁵.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 314.

В. И. Ленин указал также на генеральное направление, по которому должно совершаться усиление идейной закалилки трудящихся, повышение их политической сознательности, — это разоблачение капиталистического образа жизни, острая критика его основ, срывание всех и всяческих масок с идеологического противника.

В результате у советских людей будет вырабатываться все более стойкий иммунитет против антигуманизма индивидуалистической буржуазной морали, против усилившихся в последнее время идеологических натисков апологетов западного образа жизни, против различных попыток плюралистической эрозии нашей идеологии. В их сознании будет все более утверждаться марксистско-ленинское монистическое мировоззрение — единственно научное, подлинно гуманистическое.

Библиография

Абрамова Н. Т. Монистическая тенденция развития знания//Вопросы философии. 1982. № 9.

Автономова Н. С. В поисках новой рациональности. Опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания//Вопросы философии. 1981. № 3.

Акулов В. Л. Принцип материалистического монизма и проблема субстанций (Онтологический аспект системы категорий и законов диалектического материализма): Автореф. дис. докт. филос. наук. Минск, 1982.

Антимарксистские идейно-политические течения и проблемы общественного развития. М., 1986.

Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.

Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.

Афанасьев Ю. А. Историзм против эклектики. М., 1980.

Ашин Г. К., Гундобин И. В. Плюрализм и антиплюрализм в американской политологии//Философские науки. 1982. № 1.

Бабкина Н. Л. Несостоятельность типологического метода современной буржуазной истории философии//Философские науки. 1982. № 1.

Бауэрман Р., Гейер К., Юлиер Э. Ницшта «марксологии». М., 1976.

Бауэрман Р., Рёчер Г.-И. Ленинизм и классовая борьба. М., 1976.

Бейда В. Политика и идеология. М., 1979.

Белюченко Л. Н. О роли плюрализма в современной буржуазной идеологии//Актуальные проблемы истории марксистско-ленинской философии. Вып. 5. М., 1981.

Беньковский В. В., Береза С. Контрреволюционная сущность оппозиционных группировок в Польше//Философия и научный коммунизм. Вып. 9. Минск, 1982.

Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор//Исследования по общей теории систем. М., 1969.

Бессонов Б. Н. Что скрывается под флагом «неомарксизма»?//Вопросы теории и методов идеологической работы. Критика идеологии и практики современного антикоммунизма. Вып. 10. М., 1979.

Бессонов Б. Н. Антикоммунизм — политика и идеология обреченного класса. М., 1983.

Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология и политика. М., 1985.

Богина Е. Л., Щербань Н. В. Критика антикоммунизма в преподавании общественных наук: методология и методика. М., 1981.

Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973.

Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974.

Богомолов А. С. Неопозитивизм и современная философская теория науки//Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978.

Богомолов А. С. Проблема развития в современной буржуазной

философии//Материалистическая диалектика как общая теория развития. Философские основы теории развития. М., 1982.

Богомолов А. С. Вопросы критики современной буржуазной философии в учебном курсе. Статья 1//Философские науки. 1983. № 2.

Богомолов А. С., Мельвилль Ю. К. Основные течения современной буржуазной философии. Вып. 1. М., 1969.

Братко-Кутынская М. А. Социально-практическое содержание принципа диалектико-материалистического монизма: Автореф. дис. канд. филос. наук. Киев, 1983.

Бур М. Новейшая метаморфоза позитивизма//Идеологическая борьба в современном мире. Прага, 1980. № 1.

Буржуазная государственная идеология. М., 1982.

Буржуазная философия XX века. М., 1974.

Васильев Ю. Н. Критический анализ философских основ концептуального плюрализма: Автореф. дис. канд. филос. наук. Алма-Ата, 1978.

Вдовина И. С. Французский персонализм: Автореф. дис. докт. филос. наук. М., 1983.

Венцовский Л. Э. Философские проблемы развития науки. М., 1982.

Воинствующий материализм — философское знамя коммунизма// Коммунист. 1982. № 4.

Воротилин В. А. Плюрализм в идеологии неолиберализма//Право и борьба идей в современном мире. М., 1980.

В поисках идеологического обновления. М., 1982.

В поисках теории развития науки. М., 1982.

Гайдис А. Католический клерикальный антикоммунизм: (Критический анализ философской и социально-политической проблематики). Вильнюс, 1982.

Гегде А. Философия кризиса. М., 1978.

Геккель Э. Монизм как связь между религией и наукой. Вероисповедание естествоиспытателя. Лейпциг; СПб., 1907.

Геккель Э. Монизм. Гомель, 1924.

Геккель Э. Мировые загадки. М., 1937.

Генри Э. Новые заметки по истории современности. М., 1976.

Гернс В. Коммунисты и пацифисты. ГКП о проблеме союзников в борьбе за мир//Проблемы мира и социализма. 1981. № 11.

Гобозов И. А. История философии в интерпретации «новых философов»//Философские науки. 1981. № 6.

Гранов В. Д. Плюрализм: видимость и сущность//Философия и современность. М., 1976.

Гранов В. Д., Гуревич П. С., Семченко А. Г. В поисках духовной опоры. М., 1981.

Григорьян Б. Т. Философская антропология. М., 1982.

Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.

Гуревич П. С. Социальная мифология. М., 1983.

Давыдов Ю. Н. Монизм//Философская энциклопедия. Т. III. М., 1964.

Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений франкфуртской школы. М., 1977.

Делограмматик М. Н. Кризис социальной теории и практики империализма: (Критика методологий плюрализма). М., 1966.

Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911.

Дубровский Д. И. Некоторые соображения по поводу статьи

- Марио Бунге «Несостоятельность психофизического дуализма»//Философские науки. 1979. № 2.
- Евменов Л. Ф. Философия антимарксизма и диалектика. Минск, 1981.
- Эпизод от «войната» между американските аналитиче и плуралисти//Философска мисъл. София, 1981. № 6.
- Желнов М. В. Предмет философии в истории философии: предыстория. М., 1981.
- Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.
- Завьялов А. С. Критика антикоммунистических концепций буржуазного плюрализма//Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1928. Вып. 28.
- Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.
- Зародов К. И. Экономика и политика в революции. Некоторые современные проблемы в свете исторической практики. М., 1980.
- Иванов В. Н. Апории «плюрализма» в культурологии Режи Дебре//Вопросы философии. 1981. № 9.
- Иголкин М. В. Марксистско-ленинские методологические основы критики современного антикоммунизма. М., 1982.
- Иконникова Г. И. «Технологические» фальсификации общественного процесса. М., 1986.
- Ильин В. И. Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл. М., 1983.
- Иовчук М. Т. «Светогледният плурализъм» в съвременната буржоазна и ревизионистична марксология//Политическа просвета. София, 1981. № 3.
- Иовчук М. Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1982.
- Ионин А. Г. Куда идет американская феноменологическая социология?//Социологические исследования. 1976. № 2.
- Ирибаджакон Н. «Философска психология» и материализм//Ново време. София, 1982. № 1.
- Каменский З. А. О некоторых способах исследования философской школы//Проблемы методологии историко-философского исследования. Вып. 1. М., 1974.
- Каменский З. А. О предмете философии и его инвариантности//Предмет философии и система философского знания. Челябинск, 1981.
- Карамышев Г. В. Борьба В. И. Ленина против эклектики и софистики и ее историческое значение: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1975.
- Карамышев Г. В. Критика эклектики в социальном познании//Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1982. № 4.
- Карпов Г. Д. Антикоммунизм — главное идейно-политическое оружие империализма//Актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1982.
- Касавин И. Т. Наука и идеология в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда//Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1983. № 1.
- Касавин И. Т. Традиции и плюрализм//Вопросы философии. 1984. № 6.
- Каше Я. Актуальные вопросы борьбы против современного антикоммунизма и ревизионизма//Коммунист. 1982. № 5.
- Кезин А. В. Плюралистические концепции науки и их несостоятельность//Философские науки. 1983. № 1.

- Кезин А. В.* Научность: эталоны, идеалы, критерии: (Критический анализ методологического редукционизма и плюрализма). М., 1985.
- Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981.
- Киссель М. А.* Судьба старой дилеммы. М., 1974.
- Киш А.* К критике «политического плюрализма»//Вопросы философии. 1975. № 9.
- Кожаров А.* Монизм и плюрализм в идеологии и политике. М., 1976.
- Кожаров А.* Идеино-политический плюрализм — орудие на съвременния антикоммунизм//Армейски комунист. София, 1982. № 10.
- Корнеев П.* Критика философско-антропологического плюрализма//Философские науки. 1981. № 3.
- Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. М., 1972.
- Коростелева С. Г., Орлов Г. П.* Буржуазный космополитизм и глобальные проблемы современности//Философские науки. 1982. № 4.
- Кошарный В. П.* У истоков советской философской науки. М., 1981.
- Критика идеологии неофашизма. М., 1976.
- Критика немарксистских концепций социализма. М., 1986.
- «Критический рационализм»: философия и политика. М., 1981.
- Кудрявцев В., Артемов В.* Масонство в системе современного империализма//Молодая гвардия. 1982. № 2.
- Лаврова А. А.* Волонтаризм, плюрализм и метафизика. Критика теории познания Ф. Ницше//Некоторые вопросы историко-философской науки. М., 1984.
- Лазарев В. В.* Введение. Проблемы культурологических синтезов в современной буржуазной философии теологии//Философия. Религия. Культура. Критический анализ современной буржуазной философии. М., 1982.
- Лейбин В. М.* «Модели мира» и образ человека. М., 1982.
- Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970.
- Лифанов Ю. Е.* Философский дуализм, его гносеологические и классовые корни: Автореф. дис. канд. филос. наук. Алма-Ата, 1980.
- Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин, 1980.
- Манешин В. С., Алексеев В. А.* Критика методологических основ «теории факторов»//Методологические проблемы общественных и гуманитарных наук. М., 1982.
- Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Маркарян Э. С.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977.
- Марков Б. В.* Концепция негативного опыта: (Критический анализ)//Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии и социологии. Вып. 4. Критика современных буржуазных теорий познания. Л., 1981.
- Матюш Л.* Антикоммунизм: особенности курса 80-х//Проблемы мира и социализма. 1983. № 3.
- Мацонашвили Т. Н.* Неоконсерватизм как попытка создать новую идеологию//Концепции реидеологизации и их критики. М., 1979.
- Мельвиль А. Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980.
- Мельвиль Ю. К.* Проблемы и методы современной буржуазной философии//Вопросы философии. 1979. № 9.

- Модржинская Е.* Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций. М., 1958.
- Момджян А. В.* Интернациональная сущность марксизма-ленинизма и критика концепции «многомодельного марксизма»: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1977.
- Момджян А. В.* Марксизм и плюрализм//Маркс и современная философия. М., 1983.
- Момджян А. В.* К критике плюралистической интерпретации исторического процесса//Философия и культура. М., 1983.
- Момджян А. В.* Плюрализм: истоки и сущность. М., 1983.
- Момджян А. В.* Соотношение идеологического и политического плюрализма в современной буржуазной идеологии//Формирование научного мировоззрения и вопросы контрпропаганды. М., 1985.
- Момджян Х. Н.* Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973.
- Момджян Х. Н.* Проблемы общественного прогресса в современной идеологической борьбе. М., 1981.
- Москвичев Л. Н.* Ленинская критика релятивизма и ее методологическое значение//Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современность. М., 1980.
- Мшвениерадзе В.* Антикоммунизм — оружие обреченных. М., 1964.
- Мшвениерадзе В. В.* Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981.
- Налетов И. З.* Антимарксизм: эклектика в роли методологии//Рашико С. Марксизм и его критики. М., 1979.
- На новый уровень философских исследований//Вопросы философии. 1983. № 1.
- На путях к новому международному информационному порядку. Особенности борьбы за демократизацию этой сферы с позиций коммунистов//Проблемы мира и социализма. 1982. № 10.
- Нарский И. С.* Современный позитивизм. М., 1961.
- Нарский И. С., Шкуринов П. С.* О направлениях антикоммунистической аргументации//Против империалистической идеологии антикоммунизма. М., 1965.
- Нарский И. С.* Плюрализм//Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.
- Нарский И. С.* Философия позднего К. Поппера// Философские науки. 1982. № 4.
- Нарский И. С.* Методология и эпистемология К. Поппера в их существе и следствиях//«Критический рационализм». Философия и политика. М., 1981.
- Нарский И. С.* Проблема универсалий и дискуссия на XVI Всемирном философском конгрессе//Философские и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981.
- Нарский И. С.* Новейшие течения буржуазной философии. М., 1982.
- Науменко Л. К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968.
- Одуев С.* Марксистское философское наследие и его извратители//Коммунист. 1982. № 16.
- Ойзерман Т. И.* Главные философские направления. М., 1971.
- Ойзерман Т. И.* Диалектический материализм и история философии. М., 1979.
- Ойзерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1982.

- Ойзерман Т. И. Идеологическая функция новейшей идеалистической философии//Коммунист. 1981. № 11.
- Основы марксистско-ленинской философии. М., 1976.
- О состоянии и направлениях философских исследований//Коммунист. 1979. № 15.
- Павлов Д. Научная несостоятельность современных антимарксистских концепций идеологии//Ленинская теория отражения и современность. София, 1969.
- Пазенок В. С. Апология аморализма: критический очерк буржуазного этического релятивизма. М., 1982.
- Панин А. В. Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1981.
- Пастушный С. А., Лесечко В. П. Методологическая функция марксистского монизма в решении биосоциальной проблемы//Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М., 1983.
- Пигалев В. А. На службе международной реакции. М., 1981.
- Пилипенко Н. В. Несостоятельность концепции множественности «моделей» социализма. М., 1983.
- Платонов В. В. Мировоззренческий «нейтрализм» логического позитивизма: (Критический очерк). Ташкент, 1981.
- Полищук Н. П. Отражение кризиса капитализма в современных буржуазных концепциях общественного развития//В плену социальных иллюзий. Киев, 1983.
- Полищук Н. П. Плюрализм и современная буржуазная философия: (Мировоззренческий аспект). Киев, 1985.
- Попов П. Критика идеалистического гиперэмпиризма. М., 1981.
- Попов С. И. Антикоммунизм — идеология и политика империализма. М., 1985.
- Порус В. Н. Чарльз Пирс и современная «философия науки»//Вопросы философии. 1982. № 3.
- Принцип единства. Саратов, 1980.
- Проблемы и противоречия буржуазной философии 60—70-х годов XX века. М., 1983.
- Радугин А. А. Философский плюрализм — одно из средств приспособления католицизма к современности//Вестн. МГУ. Сер. Философия. 1974. № 1.
- Радугин А. А. Персонализм и католическое обновление: (Критика методологических основ католического модернизма). Воронеж, 1982.
- Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса. М., 1973.
- Рассел Б. История западной философии. М., 1959.
- Режабек Е. Я. Особенности органических систем и принцип историзма//Вопросы философии. 1981. № 5.
- Ролинский Б. Куда вели «Солидарность» ее лидеры?//Проблемы мира и социализма. 1982. № 4.
- Самсонова Н. Г. К вопросу о монодуализме//Актуальные проблемы истории философии народов в СССР. Вып. 9. М., 1981.
- Сахарова Т. А. От философии существования к структурализму. М., 1974.
- Сергеев Г. М. Плюрализм и «философия» антикоммунизма: борьба за личность, борьба за массы (70—80-е годы XX в.)//Диалектика объективных условий и субъективного фактора в формировании личности развитого социалистического общества. М., 1983.
- Сергеев Г. Плюрализм и эклектика в реализации попыток к един-

ству современной буржуазной философии//Маркс и современная философия. М., 1983.

Сергеев Г. М. Плурализм и тенденция к унификации как особенности буржуазной философии 70—80-х годов XX века: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1983.

Сивачев Н. В. О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма//Новая и новейшая история. 1980. № 3.

Скаржинская В. Д. Обыкновенный ревизионизм. М., 1976.

Скаржинская В. Заговор против будущего. М., 1982.

Смолянский В. Г. Социалистическая организация общества и антикоммунизм. М., 1974.

Смолянский В. Развешенные мифы советологов. М., 1981.

Современная буржуазная философия. М., 1978.

Современный антикоммунизм и особенности борьбы с ним//Проблемы мира и социализма. 1980. № 6.

Соловьев Э. Ю., Келле В. Ж., Митрохин Л. Н. Эфемерность буржуазной идеологической интеграции//Борьба идей в современном мире. Т. II. М., 1976.

Сорокин А. А. Субстанция и принцип монизма в «Капитале»//История марксистской диалектики. М., 1971.

Спасов Д. Единство и многообразие. Към критика на съвременния философски плурализъм. София, 1977.

Степанова Е. А. Принцип плурализма в американской «марксологии». (Критический анализ): Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1983.

Титаренко А. И. Прагматический лжемарксизм — философия антикоммунизма. М., 1964.

Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981.

Фарушкин М. Х. Критика антикоммунистической концепции «политического плурализма»//Научный коммунизм. 1974. № 2.

Федосеев П. Н. Итоги XV Всемирного философского конгресса и задачи советских философов//Философия и идеологическая борьба на современном этапе. М., 1974.

Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки//Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981.

Филова Е. Материализм против холизма. М., 1959.

Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978.

Французова Н. П. Исторический метод в научном познании: (Вопросы методологии и логики исторического исследования). М., 1972.

Фрике Д. Роль буржуазных концепций плурализма в антикоммунизме и антисоветизме//Современный антикоммунизм. Минск, 1979.

Фролов И. Т. Человек — наука — гуманизм. М., 1982.

Хафизова Н. Ш. Критика буржуазной концепции политического плурализма: Автореф. дис. канд. филос. наук. Казань, 1981.

Хмелев П. Н. Соотношение историзма и структурного анализа как метода исторического познания//Единство диалектического и исторического материализма. Л., 1978.

Ходалевич Д. А. Критика «нейтрального монизма» Бертрана Рассела: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1959.

Хофман Д. Марксизм и теория «праксиса». М., 1978.

Хохлюк Г. С. Уроки борьбы с контрреволюцией: (К вопросам теории). М., 1981.

- Цехмистро И. З.* Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого. М., 1972.
- Чепиков М. Г.* Интерграция науки: (Философский очерк). М., 1981.
- Чесноков Г. Д.* Критика буржуазных культурологических теорий циклического развития. М., 1973.
- Шабад Б. А.* Политическая философия современного империализма. Критика основных антикоммунистических концепций. М., 1966.
- Шабад Б. А.* Кризис идеологии антикоммунизма: (Политический и философский анализ новых явлений). М., 1973.
- Шапиро А. А.* Проблема множественности теорий в научном познании: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1981.
- Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии. М., 1979.
- Шахназаров Г.* Актуальная область философских исследований// Коммунист. 1982. № 13.
- Шевлоков В. А.* Гносеологические основания принципов инвариантности: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1982.
- Шентулин А. П.* Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.
- Шкуринов П. С.* Мировоззренческий плюрализм и антикоммунизм буржуазных политологов// Научный коммунизм. 1975. № 5.
- Шкуринов П. С.* Гегель и современный философский монизм и плюрализм// Диалектико-материалистический анализ философии Гегеля. М., 1975.
- Шкуринов П. С.* Некоторые методологические принципы критики современного плюрализма// Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата, 1979.
- Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.
- Эльм Л.* «Новый» консерватизм. Идеология и политика одного реакционного течения в ФРГ. М., 1980.
- Югай Г. А.* Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965.
- Юлина Н. С.* Метафизика в современной американской философии. М., 1977.
- Юлина Н. С.* Образы науки и плюрализм метафизических теорий// Вопросы философии. 1982. № 3.
- Apel K.-O.* Toward a Transformation of Philosophy. Boston, 1980.
- Arizpe L.* Pluralismo cultural y desarrollo social en America Latina: Elementos para una discusion// Estudios sociologic. Mexico, 1984. Vol. 2. N IV.
- Benoist (de) A.* Orientations pour des années décisives. P., 1982.
- Bentley A. F.* The Process of Government. N. Y., 1909.
- Birnbaum P.* Sociologie de Tocqueville. P., 1970.
- Buhr M., Steigerwald R.* Verzicht auf Fortschritt. Geschichte, Erkenntnis und Wahrheit. Berlin, 1981.
- Bunge M. A.* System's Concept of Society: Beyond Individualism and Holism// Theory and Decision. Lincoln, 1979. N X.
- La cause des peuples.* Actes du XV-ème colloque national du GRECE. P., 1982.
- Černý J.* Problém marxistického pluralismy v současné české filosofii// Filosofický časopis. Praha, 1969. N II.
- Coniavitis T.* Metodologisk Pluralism. Till kritiken av den existerande sociologin. Uppsala, 1984.
- Contemporary Continental Analytic Philosophy// Monist.* La Salle, 1982. Vol. 65. N 1.
- Dewey J.* The public and Its Problems. N. Y., 1927.

- Dialog statt Dogmatismus: Wissenschaftspluralismus und politische Praxis. Köln; Fr.-a-M., 1978.
- Dreyfis H.* Holism and Hermeneutics//The Review of Metaphysics. Washington, 1980. Vol. 34. N 1.
- Ehrlich S.* Oblicza pluralizmów. Warszawa, 1980.
- Ehrlich S.* The Rationality of Pluralism//Pol. Sociological Bulletin 1981. N IX.
- Ehrlich S.* On Pluralism of Normative Systems//Conceptions contemporaines du droit. P. 2. Wiesbaden, 1982.
- Ehrlich S.* Pluralism on and off Course. Oxford, 1982.
- Farber M.* Basic Issues of Philosophy: Experience, Reality and Human Values. N. Y., 1968.
- Feyerabend P.* Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. L., 1975.
- Feyerabend P.* Science in a Free Society. L., 1978.
- Ford M.* Pluralistic Pantheism?//Southern Journal of Philosophy. Memphis, 1979. N XVII.
- Formánek M.* Socialistický pluralismus a československá zkušenost//Filosofický časopis. Praha, 1981. N IV.
- Fraenkel E.* Der Pluralismus als Strukturelement der freiheitlich-rechtsstaatlichen Demokratie//Pluralismus und Sozialismus. Stuttgart, 1972.
- Fromm R., Sokolowski K.* Zum Platz des Pluralismus in der gegenwärtigen bürgerlichen Ideologie//Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Berlin, 1975. N VIII.
- Galtung J.* Methodology and Ideology. Essays in Methodology. Copenhagen, 1977. Vol. I.
- Gay R.* Ethical Pluralism. A Reply to Dancy//Mind. Oxford, 1985. Vol. 94. N 374.
- Gierke (von) O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd 1—3. Berlin, 1868—1881.
- Glouberman M.* Tractatus: Pluralism or Monism?//Mind. Oxford, 1980. N 353.
- Grochet P.* Tenets of Quine//Monist. La Salle, 1982. N 1.
- Grodzinski Eu.* Monizm a dualizm: Z dziejów refleksji filozoficznej nad myśleniem i mową. Wrocław, 1978.
- Häberle P.* Die Verfassung des Pluralismus. Studien zur Verfassungstheorie der offenen Gesellschaft. Königstein, 1980.
- Hall R.* Monism//Encyclopedia of Philosophy. Vol. 5. N. Y., 1967.
- Hartmann P.* Interessenpluralismus und politische Entscheidung. Zum Problem politisch-ethischen Verhaltens in der Demokratie. Heidelberg, 1965.
- Hartshorne C.* Whiteheads Revolutionary Concept of Prehension//International Philosophical Quarterly. N. Y., 1979. N 19.
- Hermeneutik und Ideologiekritik. Fr.-a-M., 1971.
- Hirschfeld G.* The People Growth and Survival. First Cycle. Chicago, 1973.
- A History of Philosophical Systems. N. Y., 1950.
- Jaspers K.* Aneignung und Polemik. Gesammelte Reden und Aufsätze der Philosophie. München, 1968.
- The Journal of Philosophy. N. Y., 1981. N 11.
- Kaltenbrunner G.-K.* Der schwierige Konservatismus. Definitionen. Theorien. Porträts. Herford; Berlin, 1975.
- Kariel H.* The Decline of American Pluralism. Stanford, 1961.
- Karwat M.* Milanowski Wl. Mit pluralizmu politycznego//Ideologia i polityka. Warszawa, 1983. N 9. S. 99—109.

- Kekes J.* The Nature of Philosophy. Oxford, 1980.
- Kelso W.* American Democratic Theory: Pluralism and its Critics. Westport, 1978.
- Kolenda K.* Globalism Versus Consensual Pluralism//Humanist Ethics. Buffalo, 1980.
- Kremendahl H.* Pluralismus — Theorie in Deutschland. Entstehung, Kritik, Perspektiven. Leverkusen, 1977.
- Laski H.* The Foundation of Sovereignty. L., 1921.
- Lemanczyk I.* Raz jeszcze o pluralizmie politycznym//Nowe drogi. Warszawa, 1983. N 10 (413).
- Lilienfeld R.* The Rise of System Theory. An Ideological Analysis. N. Y., 1978.
- Lowi Th.* The End of Liberalism: Ideology, Policy and the Crisis of Public Authority. N. Y., 1969.
- Madison J.* Text 47//The Federalist. A Commentary on the Constitution of the United States. N. Y., 1978.
- Manley J. F.* Neo-Pluralism//American Political Science Review. Washington, 1983. Vol. 77. N 2.
- Masopust Z.* Kritika teorii politického pluralismu v buržoazní ideologii USA. Praha, 1981.
- Der Methoden- und Theorienpluralismus in den Wissenschaften.* Meisenheim-am-Glan, 1971.
- Muszynski J.* Pluralizm polityczny — cel czy środek opozycji antysocjalistycznej w Polsce//Nowe drogi. Warszawa, 1983. N 10 (413).
- Naess A.* The Pluralist and Possibilist Aspect of the Scientific Enterprise. Oslo, 1972.
- Parson Th. D.* The Holism of Anaxagoras//Apeiron. Clayton, 1983. Vol. 17. N 2.
- Pease F. R.* The History of the Fabian Society. L., 1916.
- Perelman C.* The New Rhetoric and the Humanities: Essays on Rhetoric and Its Applications. Dordrecht, 1979.
- Philosophie et pluralisme.* Montréal, 1977.
- Pluralism and Democratic Society.* N. Y., 1977.
- Pluralismo filosofico e verita.* Padova, 1971.
- Pluralismo o leninismo: il dibattito ideologico nella sinistra italiana e gli interventi.* Milano, 1978.
- Pluralismus. Konzeptionen und Kontroversen.* München, 1976.
- Pluralismus. Legitimationsprobleme im Interessenwandel.* Köln, 1983.
- Popper K., Eccles J.* The Self and Its Brain: An Argument for Interactionism. Berlin (West), 1978.
- Pour un «gramscisme de droit».* Actes du XVI-ème colloque national du GRECE. P., 1982.
- Rathenau W.* Der neue Staat. Berlin, 1919.
- Reusch J.* Pluralismus und Klassenkampf. Fr.-a-M., 1982.
- Rohrmoser G.* Die Herausforderung der Radikalen. Köln, 1973.
- Ross S. D.* Inexhaustibility and Ontological Plurality//Metaphilosophy. Oxford, 1984. Vol. 15. N 3/4.
- Rossiter C.* Marxism: The View from America. N. Y., 1960.
- Rubinstein D.* Marx and Wittgenstein. Social Praxis and Social Explanation. L., 1981.
- Russell B.* The Principles of Mathematics. L., 1937.
- Russell B.* Logic and Knowledge. L., 1956.
- Sève L.* Une Introduction à la Philosophie Marxiste. P., 1980.
- Smootha S.* Israel: Pluralism and Conflict. Berkeley, 1978.
- Sozialistischer Pluralismus. Texte zur Theorie und Praxis sozialis-*

tischer Gesellschaften. Hamburg, 1973.

Spinner H. Pluralismus als Erkenntnismodell. Fr.-a-M., 1974.

Steffani W. Pluralistische Demokratie. Oplanden, 1980.

Sussman A. Chances for a Scientific Dualism//The Journal of Philosophy. N. Y., 1981. N 2.

Three Faces of Pluralism: Politics, Ethics and Religion. L., 1980.

Topitsch E. Pluralismus und Toleranz//Pluralismus: legitimationsprobleme in Interessenwandel. Köln, 1983.

Tyszk A. Policentryzm i pluralizm kultury//Kultura i społeczeństwo. Warszawa, 1983. T. 27. N 1.

Unicka G. Marksistowska ocena pluralizmu politycznego//Nowe drogi. Warszawa, 1983. N 11/12.

Varet P. Rasisme et Philosophie. Essai sur une limite de la pensée. P., 1973.

Walzer M. Spheres of Justice. Defense of Pluralism and Equality. N. Y., 1983.

Wesson R. State System: International Pluralism, Politics and Culture. N. Y., 1978.

White M. Toward Reunion in Philosophy. Cambridge, 1956.

White M. Pragmatism and the American Mind: Essays Reviews in Philosophy and Intellectual History. N. Y., 1973.

Wilhelm D. Creative Alternatives to Communism: (Guidelines for Tomorrow's World). N. Y., 1977.

Winkler A. Pluralismus — «Modell» der Konterrevolution. Berlin, 1982.

Wisdom J. Schemata in Social Science. Part two. Metatheoretical//Inquiry. Oslo, 1981. No. 29.

Zeman J. Dialekticko-materialistický monismus a integrace vědeckého poznání//Filosofický časopis. Praha, 1981.

Zieliński E. Pluralizm w polskich warunkach społecznych//Nowe drogi. Warszawa, 1983. N 9 (412).

Предметный указатель

- Абсолютизация* — 13, 88
Агностицизм — 8, 68—69
Аксиология — 162—167
Анархизм — 17
Анархо-капитализм — 126, 137, 139, 148
Антикоммунизм
— и идеалистический монизм — 47
— и плюрализм в буржуазных странах — 23—24, 42, 55—56, 218, 278
— и плюрализм в развивающихся странах — 219
— и плюрализм в социалистических странах — 219, 276
— и эклектика — 219
Антиплюрализм
— и критика буржуазных ученых слева — 24—25, 66—67, 154
— и критика буржуазных ученых справа — 23, 25, 35, 42—43, 45—46
Атомизм (атомизация) — 14—15
Буржуазная демократия
— и антикоммунизм — 43, 263
— и плюрализм — 99, 125, 281—282
Буржуазная идеология — 24—25, 43
Буржуазное государство — 99—100, 152—153, 280
Герменевтика — 74, 95
Диалектика
— единичное, особенное, общее — 8, 131, 233, 272—273
— и эклектика — 54
Диалектико-материалистический монизм — 241, 286
Деидеологизация — 12
Детерминизм — 87—88
Дуализм — 29, 33—34, 36, 38—39
Идеализм — 28, 81—82, 87—89
Индетерминизм — 88—89
Индивидуальность (индивидуализм) — 101, 111, 183
Интегративные тенденции — 55, 57, 157, 210
Иррационализм — 15, 244
Консерватизм — 43
Космополитизм — 215
Кризис буржуазной философии — 91
«Критический рационализм» — 68—74
Либерализм — 30—31, 41, 46, 62
Марксизм-ленинизм
— и критика плюрализма — 253, 255, 271—281
— и монизм — 54, 286
— против плюрализации марксизма 18—22, 225—228
Материализм
— и дуализм — 49
— и монизм диалектико-материалистический 49, 241, 286
— и монизм идеалистический — 32, 48
— и плюрализм — 10, 107
Метафизика — 13
Мировой революционный процесс
— его единство — 20
— его многообразие — 20, 254, 255
Монизм
— диалектико-материалистический 47, 241, 286
— идеалистический — 34—37, 47, 49—50, 55, 83
— материалистический — 7
— «нейтральный» — 51
— эклектический — 49, 53—54, 56
— его эволюция — 48—49
— и холизм — 36—37, 40, 54
Монодуализм — 107—111
Научно-техническая революция 12, 65

Неоконсерватизм — 10, 41, 44
Неомарксизм — 18
Неоплюрализм (см. также *плюрализм буржуазный*) — 219
«Новые» философы — 23
«Новые» правые — 23—24, 45—46
Обыденное сознание — 9, 288—290
Партийность (принцип партийности) — 8, 19, 22, 56
Плюрализм
— аксиологический — 6, 64, 83
— буржуазный (см. также *неоплюрализм*) — 55—56, 123, 130
— гносеологический — 6, 66—67
— идеологический — 134
— «классический» — 29—31, 35
— конкретный — 116
— концептуальный — 115
— «крайний» — 67
— логический — 7, 80
— методологический — 6
— мировоззренческий — 6, 241
— моральный — 190
— онтологический — 6, 28, 70—71
— политический — 4, 17, 135
— праксеологический — 7, 84
— религиозный — 63
— «социалистический» — 129—130, 219
— социологический — 6
— социальный — 100, 102
— чистый — 112—116
— экономический — 4
— этический — 111, 181, 188, 193, 206, 207
— его понятие — 5, 7, 28
— причины его возникновения и существования — 7, 47
— его генезис — 121, 158
— его гносеологические корни — 8
— его социальные корни — 8

— его эволюция — 29—35, 49, 67—68
— как идея — 8
— как концепция — 7
— как метод — 7, 8
— как принцип — 31
— его ограничение — 44, 52—53, 55, 87, 125, 214
— и дуализм — 33—35, 38—39, 52
— и конфликт — 131
— и личность — 7—8, 16, 62
— и позитивизм — 14—15, 30, 49, 52—54
— и прагматизм — 7, 76, 135
— и ревизионизм — 22, 79
— и свобода выбора — 63, 90
— и средства массовой информации — 36—37
— и структурализм — 15, 81—82
Потребность буржуазии в плюрализме — 4—10, 86, 123
Превращенные формы плюрализма (см. *плюрализм «социалистический», плюрализм буржуазный*) — 219
Противоборство плюрализма и монизма — 34—35, 48—49
Псевдоплюралистические концепции — 44
Ревизионизм — 79
Реидеологизация — 123, 247
Релятивизм — 63, 66, 71, 84—85, 93, 185
Робинзонада гносеологическая — 105
Системный подход — 39—40
Теория «многих факторов» — 110, 126
«Третий путь» в философии — 28, 30, 50—51, 59
Унификационные процессы в идеологии — 10, 12, 22—23
Утопия — 13, 17, 67, 141
Феноменология — 32
Холизм — 36—37, 40, 54
Экзистенциализм — 89—90
Эклектика — 8—9, 10, 52, 54, 86—87

Указатель имен

- Аббаньяно Н. — 62—63
Абрамова Н. Т. — 47
Авенариус Р. — 30, 50
Адорно Т. — 41
Айдукевич К. — 14
Альберт Г. — 14, 65, 74, 78,
265—266
Ангелов С. — 57
Ансар П. — 133
Апель К.-О. — 54, 78—79
Апостол А. — 231
Армстронг А. — 56
Арон Р. — 147, 155
Афанасьев В. Г. — 40
Баталов А. А. — 290
Белл Д. — 150, 152, 171—174,
194
Бенуа А. — 45
Бердяев Н. А. — 106
Бернштейн Э. — 11, 93, 221
Бергсон А. — 72
Бжезинский З. — 150, 210
Блох Э. — 223
Богданов А. — 50, 108
Богина Е. М. — 213
Богомолов А. С. — 38, 42, 48,
51
Боке Ф. — 61
Бриджмен П. — 14
Брэдли Ф. — 48
Булгаков С. Н. — 106
Бунге М. — 33, 40, 56
Бур М. — 54, 55, 208, 244
Бутру Э. — 30
Вальк Л. — 60
Варнке К. — 33
Вебер В. — 215
Вебер М. — 110, 177
Вессен Р. — 189, 191—192
Викерс Дж. — 201—203
Вильнер Дж. — 183
Виммер Э. — 208
Витгенштейн Л. — 14, 28, 51,
53
Вольгенант Р. — 97—98
Вольф К. — 125
Вольф Х. — 5, 29, 182
Враницкий П. — 223
Вригг Г. — 94
Вундт В. — 30
Вэйоф М. — 45
Гадамер Г.-Г. — 74—77
Галтунг И. — 85
Гарднер Дж. — 178—180
Гароди Р. — 223, 233
Гартман Н. — 5, 31
Гегель Г. В. Ф. — 34
Геде А. — 40
Гелен А. — 189
Гербарт И. — 5, 28, 30
Гинсберг М. — 187
Гирке О. — 11
Глокнер Г. — 48
Глюксман А. — 170
Гобозов И. А. — 41
Горбачев М. С. — 26, 236—237,
254, 289
Гоулднер О. — 235
Граммш А. — 259—260
Грот Н. Я. — 106—110
Гэлбрейт Дж. К. — 152—153,
159
Давыдов Ю. Н. — 41, 46, 48
Дарендорф Р. — 131
Дейвис К. — 199—200
Джемс У. — 7, 67—68, 81—82,
115, 182, 234
Дженгиле Д. — 48
Джехао Ж. — 61
Джилас М. — 223
Дильтей В. — 95
Димер А. — 74
Дицген И. — 4
Дойлинг В. — 42
Дубровский Д. И. — 33, 56
Дьюи Дж. — 11, 76, 234
Дюверже М. — 228, 233, 235
Дюгем П. — 81
Дюмон Л. — 174—175
Журавлев Л. А. — 6, 30
Зандкюлер Г. — 129
Зийдervельд А. — 194
Зомбарт В. — 110
Иванов В. Н. — 84
Иголкин Н. В. — 212
Иконникова Г. И. — 27
Инглхарт Р. — 179
Ионин Л. Г. — 83
Ипполит Ж. — 48
Ирибаджак Н. — 52

- Итт К. — 97
 Кавелин К. Д. — 106
 Кальтенбруннер Г.-К. — 42, 78, 278
 Кан Г. — 151
 Кант И. — 29, 221
 Кариел Г. — 41
 Карнап Р. — 7, 14
 Карус П. — 41—50, 53
 Касавин Н. Т. — 67
 Кассирер Э. — 171
 Каутский К. — 221, 258
 Кезин А. В. — 213
 Кекеш Ш. — 64
 Киссель М. А. — 31, 48
 Клаус Г. — 78
 Қожаров А. — 32, 184
 Кожев А. — 48
 Козневский К. — 22
 Колаковский Л. — 21, 87, 223, 225, 245—246
 Коллингвуд Р. — 48, 104
 Корнфорт М. — 46
 Конт О. — 91
 Корш К. — 221—222
 Кракси Б. — 100, 102
 Кремендаль Г. — 121, 127
 Кристал И. — 170
 Кронер Р. — 48
 Кроче Б. — 48
 Куайн У. — 54
 Кузнецов Б. Г. — 84
 Кузнецов В. Н. — 48
 Кузьмина Т. Л. — 245
 Кун Т. — 39
 Курц П. — 218
 Ласки Г. — 11, 31, 129
 Левенталь Р. — 177—178
 Леви Б.-А. — 170
 Лейбниц Г. — 28, 29
 Лейн Дж. — 186
 Ленин В. И. — 4, 18—19, 43, 49—51, 71, 89, 122, 206, 273—275, 279
 Леруа Э. — 81
 Лесевич В. В. — 110
 Лефевр А. — 223
 Лилиенфельд Р. — 40
 Лини М. — 191
 Липсет С. — 160
 Лифанов Ю. Е. — 38
 Лотце П. — 30
 Лукач Д. — 221—223
 Луман Н. — 33
 Лэдд Э. — 176
 Люббе Г. — 78
 Люксембург Р. — 264
 Мадисон Дж. — 11
 Макридис Р. — 101—102
 Марек Ф. — 223
 Маркович М. — 230
 Маркс К. — 3, 11, 43, 128, 142, 224, 228—229
 Маркузе Г. — 125, 146, 152
 Масарик Т. — 66, 87
 Матоуш М. — 208
 Мах Э. — 30
 Мельвиль Ю. К. — 38, 42
 Мельвиль А. Ю. — 44
 Меркиор Ж. — 163
 Мерло-Понти М. — 48
 Мид Дж. — 76
 Миджлей Дж. — 189
 Миль Д. С. — 11
 Мозер Ш. — 182, 190
 Молль А. — 119
 Момджян А. В. — 32, 144
 Модржинская Е. Д. — 216, 218
 Москвичев Л. Н. — 65
 Мур Г. Е. — 51
 Мшвениерадзе В. В. — 220
 Несс А. — 85
 Нетопилик И. — 232
 Нисбет Р. — 10, 175, 216
 Ницше Ф. — 115, 278
 Новак М. — 194—195
 Нозик Р. — 137—148
 Одуев С. Ф. — 43, 209
 Ойзерман Т. И. — 211
 Ортцен П. — 266
 Павлов Д. — 57
 Пазенок В. С. — 84
 Перельман Х. — 63—64, 86
 Петрашева М. А. — 189
 Платон — 40
 Платтнер М. — 147
 Плеханов Г. В. — 49
 Полищук Н. П. — 85
 Поппер К. — 33, 46—47, 52, 68—74, 91—93, 243
 Протагор — 6
 Пуанкаре Ж. — 81
 Рабинстайн Д. — 53
 Райт К. — 164
 Ракитов А. И. — 84
 Ранер К. — 162—163
 Рассел Б. — 14, 51, 53, 82, 234
 Рау Ф. — 186
 Рейхенбах П. — 14
 Рек А. — 242
 Реннер К. — 11, 103, 223
 Ренуве Ш. — 30
 Рикёр П. — 14, 76
 Риккерт Г. — 72

Роберти Д. — 106
 Ролс Дж. — 138, 147
 Рормозер П. — 42
 Рорти Р. — 38—39
 Росситер К. — 47
 Ростоу У. — 155
 Самсонова Н. Г. — 51
 Сантаяна Дж. — 33
 Сартр Ж.-П. — 146
 Сахарова Т. А. — 81
 Сенторе Ф. — 182
 Смарт Д. — 56
 Смэтс Я. — 37
 Снейр Ф. — 186
 Сорокин П. — 110, 111
 Спасов Д. — 32, 80
 Спенсер Г. — 110
 Стирлинг Д. — 48
 Стоянович С. — 231
 Струве П. Б. — 106, 118
 Сусман А. — 39
 Такер Д. — 101
 Тейлор П. — 191
 Тиболд Р. — 152
 Тольятти П. — 264
 Томас К. — 186
 Топич Э. — 78
 Тулмин С. — 69, 80
 Турен А. — 156
 Тофлер А. — 117—118, 156—
 157, 195—196
 Уайтхед А. — 31, 38, 68
 Уилсон И. — 197—198
 Уорд Д. — 108
 Урдэн Ж. — 23
 Файблмэн Дж. — 186, 189
 Файн Р. — 103
 Фарбер М. — 32, 184
 Федосеев П. Н. — 213
 Фейгл Г. — 33
 Фейерабенд П. — 15, 66—67,
 93—94
 Филиппов Ю. И. — 27
 Фишер Э. — 223
 Флехтхейм О. — 225
 Фрейд З. — 79

Френд Ж. — 100
 Френкель Э. — 11
 Фролов И. Т. — 84
 Фромм Э. — 162, 234
 Фулбрайт У. — 268
 Фурастье Ж. — 101
 Хабермас Ю. — 132
 Хайдеггер М. — 31
 Хартхорн Ч. — 68
 Хвостов В. М. — 106, 110—112
 Хергл Ш. — 186
 Хирифельд Г. — 216
 Хэер Р. — 190
 Черрони У. — 228—229
 Черны И. — 79
 Шарден Т. — 34
 Шафф А. — 226—227, 252—253
 Шахназаров Г. X. — 213
 Шван А. — 125—126, 249
 Швейцер А. — 136
 Шельски Т. — 133
 Шиллер Г. — 119
 Шкуринов П. С. — 30, 50, 110—
 111
 Шлик М. — 92
 Шмидт Г. — 266—267
 Шмидт К. — 125
 Шпиннер Г. — 47, 66—67, 231
 Штайгервальд Р. — 16, 55, 244
 Штеффани В. — 99
 Эддингтон А. — 14
 Эдель А. — 187
 Эдель М. — 187
 Эйслер Р. — 5
 Экклз Дж. — 33, 52
 Энгельс Ф. — 10, 19, 98, 132,
 180—181, 225, 257—258,
 263
 Эрлих С. — 135, 224
 Юлина Н. С. — 32—33, 81
 Юм Д. — 85
 Яковенко Б. В. — 106, 110,
 112—117
 Янкевич Д. — 201, 203—206
 Яновский Р. Г. — 27
 Ясперс К. — 89—91, 96

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА	28
1. Онтологический плюрализм в буржуазной философии и его новейшие «противотечения»	—
2. Плюрализм как вид гносеологического обоснования идеализма и агностицизма	59
3. Индетерминизм — характерная черта доктрины плюрализма в современной буржуазной философии и политологии	87
II. КОНЦЕПЦИИ БУРЖУАЗНОГО ПЛЮРАЛИЗМА	105
1. Плюралистические концепции позитивистов России на рубеже XIX и XX вв.	—
2. Плюрализм в современных социально-политических концепциях стран Запада	120
3. Доктрина анархо-капитализма и плюрализм	136
4. Плюрализм в социологии «технологического детерминизма»	150
5. Буржуазная аксиология и плюралистические ценностные ориентации	162
6. Плюрализм в современной буржуазной этике	181
III. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ПЛЮРАЛИЗАЦИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА	208
1. Философский антикоммунизм и плюрализм	—
2. Плюрализм как один из приемов ревизии марксизма-ленинизма	220
3. Преемственность в развитии марксизма-ленинизма и борьба с мировоззренческим плюрализмом	236
4. Революционный марксизм-ленинизм — антипод реформистских плюралистических концепций	256
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МОНИСТИЧНОСТЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	285
БИБЛИОГРАФИЯ	300
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	311
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	313

Идеологический плюрализм: видимость и сущ-
И29 ность/Редкол.: Б. Н. Бессонов, И. С. Нарский (отв.
редакторы), А. В. Момджян, Г. М. Сергеев.— М.:
Мысль, 1987.— 314, [2] с.— (Критика буржуазной
идеологии и ревизионизма).

В пер.: 1 р. 50 к.

В книге критически анализируется плюрализм как наиболее характерная особенность и метод современных буржуазных философских, идеологических и социально-политических концепций, рассматриваются социальные и гносеологические истоки его проявления в различных сферах капиталистического общества.

Для преподавателей общественных наук, пропагандистов, а также для всех интересующихся проблемами современной идеологической борьбы.

И 0302030900-080 2-87
004(01)-87

ББК 87.3в03

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ: ВИДИМОСТЬ И СУЩНОСТЬ

Заведующий редакцией Ю. И. Аверьянов
Редактор И. Б. Чистякова
Младший редактор Е. Э. Богатых
Оформление художника Ф. Г. Миллера
Художественный редактор А. Б. Николаевский
Технический редактор О. А. Барабанова
Корректор Г. Б. Абудеева

ИБ № 3297

**Сдано в набор 11.10.86. Подписано в печать 02.03.87. А 09048. Формат 84×108¹/₂.
Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печатных листов 16,8. Усл. кр.-отт. 16,8. Учетно-издательских листов 18,53.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 587. Цена 1 р. 60 к.**

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

**Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105.
Москва, Нагатинская ул., д. 1.**

НОВАЯ КНИГА

**В 1987 г. издательство «Мысль»
выпускает в свет:**

Национально-освободительное движение и идеологическая борьба/Под ред. акад. Г. Ф. Кима. — 20 л. — 2 р. 30 к.

Работа представляет собой третью книгу, издаваемую под рубрикой «Идеология в современном мире». В ней критически анализируются различные буржуазные и ревизионистские концепции по ключевым вопросам развития освободившихся стран, по проблемам выбора ими пути исторического развития, перехода на путь социалистической ориентации.

Книга рассчитана на ученых-обществоведов, пропагандистов, лекторов.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

